

Фонд имени Д.С. Лихачева

Павел Александрович Раппопорт

АРХИТЕКТУРА
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения

Санкт-Петербург
«Лики России»
2013

Раппопорт П.А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. — СПб: Лики России, 2013. — с., ил.

Редколлегия: О.М. Иоаннисян, Д.Д. Елшин, М.И. Мильчик, А.П. Раппопорт

Отв. редактор: О.М. Иоаннисян

Корректор:

Компьютерная верстка: М.А. Осипова

Художественное оформление:

ISBN

© Авторы статей, 2013

© Лики России, 2013

П.А. Раппопорт: жизнь и творческое кредо ученого

29 июня 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Павла Александровича Раппопорта — величайшего ученого с мировым именем, педагога, товарища. Кажется, еще вчера он был рядом: мы слушали его лекции и доклады, каждый из которых воспринимался как увлекательнейшее повествование, с нетерпением ожидали выхода его новых статей и книг, ездили с ним в экспедиции, ждали его профессиональных советов и замечаний, да и просто общались на самые разнообразные темы... Теперь это уже история. Его нет с нами уже 24 года.

Тогда, в 1960–1980-х гг. мы, его ученики, коллеги и последователи, все прекрасно понимали, что этому человеку удалось осуществить серьезнейший переворот в историко-архитектурной науке, особенно в том ее разделе, который посвящен зодчеству средневековой Руси; что по пути, проложенному им, пойдем не только мы, но и следующие поколения ученых — историков архитектуры, археологов, архитекторов-реставраторов.

Его методика изучения древних памятников архитектуры поначалу была принята с большим скептицизмом. Многие в ней настолько опережало время, что настораживало некоторых исследователей, казалось не вероятным. Прежде всего это происходило с теми учеными, которые изучали памятники древнего зодчества только как художественное явление, отдавая предпочтение выводам, сделанным на основании более традиционного и привычного (но и более умозрительного) стилистического анализа. Другие, особенно те, кто занимался непосредственным изучением памятников (та часть археологов, которые занимались изучением памятников архитектуры, и архитекторы-реставраторы), нередко принимали методику П.А. Раппопорта настолько безоговорочно, что пользовались ею как единственным инструментом, что, к сожалению, далеко не всегда шло ей на пользу, так как беспепелляционность выводов, сделанных со ссылкой «на Раппопорта», могла превратить его методику в уставную догму, от чего сам исследователь предупреждал своих коллег во всех своих работах.

Однако и скептики (а их со временем становилось все меньше и меньше), и восторженные почитатели, и последователи, начинавшие превращаться в адептов, безусловно признавали за Павлом Александровичем лидерство в советском историческом архитектуроведении. Очень показательно, что это относится и к тем, кто занимался изучением самой массовой категории древних построек — жилищ, и к тем, кто изучал древние крепости, и к тем, кто исследовал и реставрировал памятники каменного (в основном, церковного) зодчества. Во всех этих областях П.А. Раппопорт считался признанным и бесспорным лидером. Потрясает и

хронологический диапазон его научных интересов — он охватывает практически всю эпоху средневековья: в него входили памятники от VI века до XVII столетия.

В науке об истории культуры Древней Руси П.А. Раппопорт представляет собой не только одно из крупнейших имен, но и целое явление. Творческий путь исследователя начался в 1939 г., когда он, молодой архитектор, выпускник Ленинградского института инженерно-коммунального строительства (впоследствии ЛИСИ, ныне СПбГАСУ), поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры Академии наук СССР (ныне — Институт истории материальной культуры РАН, ИИМК РАН), став учеником крупного ученого, исследователя древнерусского зодчества и древнерусской культуры, Н.Н. Воронина. Под его руководством П.А. Раппопорт начинает изучение одной из интереснейших страниц истории русской архитектуры — шатрового зодчества XVI в., одновременно участвуя вместе со своим руководителем в раскопках древних городов Владимиро-Суздальской земли.

Однако через два года мирный труд был прерван. С первых же дней Великой Отечественной войны Павел Александрович в рядах защитников Ленинграда: он офицер штаба инженерных частей Краснознаменного Балтийского флота и один из тех, кто разминировал побережье Финского залива в районе легендарного Ораниенбаумского плацдарма, занимался строительством фортификационных сооружений. За мужество и отвагу, проявленные в годы борьбы с фашизмом, он был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда». И так уж получилось, что список научных трудов ученого открывают две статьи, посвященные обобщению опыта Великой Отечественной войны по строительству оборонительных сооружений, написанные инженер-капитаном П.А. Раппопортом и опубликованные в одном из специальных военных журналов.

К делу, прерванному войной, Павел Александрович вернулся после Победы. Кандидатскую диссертацию о русском шатровом зодчестве конца XVI в. он защитил в 1947 г. Уже в этой работе проявились наиболее характерные особенности научного подхода исследователя — подробный анализ архитектурных форм, строительных приемов, творческого метода древних зодчих. Сказалось также отличное знание истории тех времен, умение связать сведения о постройке сооружений с историческими событиями. Все это позволило ученому прийти к важному обобщающему заключению. Более того, он сделал открытие — выявил почерк отдельных мастеров, о которых ничего не сообщают летописи и другие источники.

Так, П.А. Раппопорту удалось создать творческий портрет талантливого русского зодчего, жившего при Борисе Годунове, несмотря на то, что ни его имя, ни биография не были известны. Помогла находка, сделанная исследователем в собрании Эрмитажа: среди хранящихся там архитектурных чертежей XIX в. оказались и обмеры церкви, построенной в вотчине Годунова — Борисове Городке. Они были сделаны в начале XIX столетия, незадолго до того, как древний храм разобрали. Чертежи эти, точно зафиксировавшие особенности исчезнувшего сооружения, позволили сравнить его с другими сохранившимися памятниками этого времени и по характерному почерку в построении плана, объема и деталей выявить другие постройки того же зодчего. Оказалось, что помимо церкви Борисова Городка им были возведены такие известные подмосковные храмы, как

церковь в селе Вяземы, собор Пафнутьево-Боровского монастыря и церковь в селе Хорошево.

Занимаясь памятниками XVI в., Павел Александрович не прекращал и полевых исследований. В послевоенные годы он участвовал в экспедициях, которые возглавляли известные археологи и исследователи древнерусского зодчества Н.Н. Воронин и М.К. Каргер.

В эти же годы исследователь приступает к изучению древнерусской фортификации. Так, из практика современной фортификации инженер-капитан П.А. Раппопорт становится ведущим специалистом древнего крепостного зодчества — археологом и историком-архитектуры. Работа, проведенная П.А. Раппопортом по изучению средневековых укреплений Древней Руси, была поистине всеохватывающей — ему удалось обследовать более 800 древнерусских крепостей и их остатков на территории от Карельского перешейка до Карпат и от Псковщины до Костромского Поволжья. На многих из них были проведены раскопки, причем целый ряд древнейших крепостей и городов был выявлен и опознан П.А. Раппопортом впервые.

В числе изучавшихся Павлом Александровичем крепостей — укрепления Киева, Галича, Владимира, Суздаля, Старой Ладogi, Порхова и многие другие. Есть среди них и такие, о которых было известно только по летописям, а сами города, некогда существовавшие, затем как бы пропали, подобно легендарному граду Китежу, и были вновь найдены исследователем. Так он обнаружил город Рай — резиденцию волынского князя Владимира Васильковича, еще несколько открытых сделано им на тверской земле.

Поиск исчезнувших городов в деятельности П.А. Раппопорта превратился в самостоятельное направление исследуемой им темы и помимо уже упоминавшихся примеров привел еще к целому ряду открытий, вернувших нам многие русские города, известные по упоминаниям в летописях и других письменных источниках, но совершенно исчезнувших из памяти поколений. Само их местоположение было неизвестно до поисков П.А. Раппопорта, которые заняли несколько полевых сезонов.

Наиболее ранние из исчезнувших городов, которые были обнаружены П.А. Раппопортом при обследовании Галицкой и Волынской земель, — это Острожец и Коршев около г. Луцка (Волынская область), Листвин в районе г. Дубно (Ровенская обл.), Ступница в предгорьях Карпат. Эти большие древнерусские города были покинуты в одно и то же время — в XI в. Выяснилось, что страшное бедствие, которое привело к частичному запустению территорий и гибели большого количества укрепленных поселений, — это вторжения кочевников, сначала печенегов, а затем половцев. Считалось, что основным объектом половецких ударов было Поднепровье, однако найденные городища позволили Павлу Александровичу сделать вывод о том, что район, подвергавшийся набегам половцев, был значительно более обширным и включал всю Галицкую землю и значительную часть Волыни.

Другой пример — город Данилов. По летописи известно, что на пути к Владимиру-Волынскому и Галичу монголы не могли взять только два города, отличавшихся неприступностью укреплений, — Кременец и Данилов. Кременец известен и в наше время, а вот Данилов оказался настолько забыт, что было потеряно

даже его местонахождение. В результате длительных поисков в окрестностях села Даниловка (Тернопольская область) была обнаружена гора под названием «Святая Троица». Горизонтальная площадка на ее вершине сплошь насыщена археологическим материалом, датируемым XIII в. Крутые склоны горы превращали это поселение в совершенно неприступную крепость. П.А. Раппопорту удалось убедительно доказать, что именно здесь и располагался упомянутый в летописи город Данилов.

Известно, что в X–XIV вв. на Руси преобладали дерево-земляные укрепления. И поныне сохранились остатки многочисленных поселений, окруженных валами и рвами, но их деревянные стены и башни до нас, увы, не дошли. А можно ли представить, каким был этот утраченный мир? В поисках ответа исследователи обычно обращались к описаниям крепостей XVI–XVII вв. Однако эти фортификации строились с учетом применения артиллерии, появившейся в конце XIV в., и существенно отличались от своих предшественников, оборонявшихся с помощью луков, арбалетов и других доогнестрельных средств.

П.А. Раппопорт исследовал огромное количество городищ эпохи Киевской Руси и произвел прорезки их валов. Во многих из них он обнаружил деревянные срубы, верхняя часть которых в нескольких случаях оказалась обгорелой. Стало ясно, что если бы деревянные конструкции не выходили на поверхность земли, огонь не смог бы проникнуть внутрь насыпи. Следовательно, предположил Павел Александрович, срубы вала некогда имели наземное продолжение, то есть образовывали наружные стены укрепления. Важное наблюдение, уточненное в ходе длительного археологического поиска, позволило точно представить облик многих исчезнувших городов.

Этот результат обогатил науку и ныне общепризнан. Итогом изучения древнерусской фортификации стал фундаментальный труд — три книги по истории русского военного зодчества, вышедшие в 1955, 1961 и 1967 гг¹. Один из разделов этой большой работы был защищен П.А. Раппопортом в 1965 г. в качестве докторской диссертации.

В работах по истории древнерусской фортификации П.А. Раппопорту удалось выявить основные закономерности развития оборонительных сооружений X–XV вв. и их связь с изменениями социальных отношений, с эволюцией военной техники и оружия. Исследователем были получены важнейшие результаты и сделаны существенные выводы и для исторической географии и истории внешней политики Древней Руси этой эпохи. Это стало возможно благодаря проведенному им анализу организации стратегической обороны Руси и отдельных ее княжеств. Таким образом, это впечатляющее исследование характеризует П.А. Раппопорта не только как крупного археолога, не только как ведущего исследователя архитектуры и военно-инженерного искусства, но и как выдающегося историка. Так же как и в работах по истории шатрового зодчества, в «фортификационном цикле» работ ученого проявилась главная черта его метода — комплексный синтетический подход к исследуемому явлению, превращающий его статьи и книги из традиционных описательно-фиксационных, констатирующих факты, добытые при раскопках и анализа других источников публикации (хотя и этими методами Павел Александрович владел в совершенстве), в основополагающие исторические исследования.

Следующим этапом деятельности ученого стало изучение самого массового типа древних построек — жилища. В итоге П.А. Раппопорт были определены принципы его формирования в X–XIII вв. и особенности, характерные для отдельных районов Руси. Результаты изучения были обобщены им в книге «Древнерусское жилище» (1975 г.). И здесь, так же как и при изучении крепостей, было проведено огромное количество полевых исследований на всей территории, когда-то образовывавшей Древнюю Русь, — от Карпат до Карелии и от Волги до Западной Двины, Немана и Буга. Было обследовано более 300 поселений, учтено более 2 300 жилищ. Ученый провел огромную аналитическую работу, сгруппировав памятники по хронологическим периодам и ареалам распространения. В результате этого удалось создать региональную типологию жилищ, проследить распространение определенных им типов, основных компонентов построек (конструкций, плановой структуры, типов печей), а также их эволюцию в разных хронологических периодах с X по XIII в. по всей территории Древней Руси.

Работая над такими значительными темами, как военное зодчество и жилище Древней Руси, потребовавшими огромного объема полевых археологических исследований, обобщения величайшего количества материалов и написания фундаментальных монографий, П.А. Раппопорт не оставлял тему монументальной архитектуры Древней Руси. Точнее сказать, он этим занимался всегда. Наиболее интересным для него периодом в истории древнерусского зодчества был домонгольский (X–XIII вв.). Еще в 1962 г. в журнале «Советская археология» (№ 2) была опубликована его статья «Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв.». В ней автор подводил итоги изучения домонгольских памятников и сформулировал задачи на дальнейшие исследования. В этой статье были заложены все основные направления изучения истории архитектуры, которые получили последующее развитие в многочисленных работах Павла Александровича, его коллег, учеников и последователей и до сих пор, спустя уже половину века, продолжают оставаться актуальными.

В том же 1962 году, когда вышла упомянутая статья, ставшая этапной в творческой биографии исследователя, происходит еще одно значительное событие: с этого года П.А. Раппопорт, совместно с Н.Н. Ворониным, возглавив Смоленскую архитектурно-археологическую экспедицию, непосредственно обращается к исследованиям в области монументального зодчества домонгольской Руси. Через 10 лет, с 1972 г., Павел Александрович становится основным руководителем этой экспедиции.

Работы Смоленской экспедиции продолжались с небольшим перерывом до 1975 г. В ходе их проведения были раскопаны остатки десяти не известных до этого памятников смоленского зодчества XII–XIII вв., обобщен материал об уже известных и сохранившихся памятниках, в результате чего фактически была открыта неизвестная до этого школа древнерусского зодчества. Итогом этих исследований стала фундаментальная монография «Зодчество Смоленска XII–XIII вв.», написанная Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом и вышедшая в 1979 г.² К сожалению, из-за ограниченных возможностей издательства эта книга вышла не такой, какой ее задумали и написали авторы (в первоначальном авторском варианте это была двухтомная монография), однако и в том виде, в каком она увидела свет, она сразу же стала классикой советской историко-архитектурной

науки. В ней в полной мере проявились особенности творческого метода в историко-архитектурных исследованиях, который начал разрабатываться в научном творчестве Н.Н. Воронина и окончательно выкристаллизовался в научной деятельности П.А. Раппопорта.

После завершения исследований в Смоленске П.А. Раппопорт в 1975 г. создает небывалую по своим масштабам и размаху деятельности Архитектурно-археологическую экспедицию, целью которой стало археологическое изучение памятников древнерусского зодчества на всей территории Древней Руси. Экспедиция была организована Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН), но вскоре к нему подключились Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) Государственный университет и Государственный Эрмитаж. Отрядами экспедиции руководили М.В. Малевская, Вал. А. Булкин, О.М. Иоаннисян, А.А. Пескова, Л.Н. Большаков.

Структура экспедиции не была неизменной: порой вся работа сосредоточивалась на одном объекте, порой экспедиция работала в составе нескольких самостоятельных отрядов, производивших раскопки в различных местах. Иногда выделялись также самостоятельные группы, работавшие в составе других экспедиций, особенно в тех случаях, когда эти экспедиции не ставили своей основной целью специальное изучение архитектурных памятников, но сталкивались с такими памятниками в ходе своей полевой работы. Таким образом осуществлялось сотрудничество с экспедициями ИА АН СССР (ИА РАН) в Новгороде (под руководством В.Л. Янина), Новгороде-Северском под руководством А.В. Кузы и Ростове Великом (под руководством А.Е. Леонтьева), ИА АН Украины (ныне ИА НАНУ) в Белой Церкви и Вышгорода (под руководством Р.С. Орлова), Львовского Института общественных наук АН Украины (ныне Институт украиноведения НАНУ) в Звенигороде Галицком (под руководством И.К. Свешникова) и в Галиче (под руководством Ю.В. Лукомского), Черниговского пединститута в Чернигове (под руководством В.П. Коваленко), Гродненского университета и Белорусского реставрационного управления в Гродно (под руководством М.А. Ткачева и О.А. Трусова), Ленинградским филиалом Института Спецпроектреставрация в Старой Ладоге и Ивангороде.

В 1975–1976 и 1982–1988 гг. систематические работы были проведены на Воляни: во Владимире-Волынском была заново вскрыта церковь «Старая кафедра», которую до этого раскапывали в конце XIX в., а также проведены разведочные раскопки у Успенского собора (1975–1976).³ В 1982–1984 гг. во Владимире-Волынском были вновь проведены разведочные работы, в результате которых обнаружен и раскопан еще один памятник XII в. — церковь на Садовой улице⁴. В стольном городе Восточной Воляни — Луцке — на территории детинца в 1984–1986 гг. была раскопана церковь Иоанна Богослова⁵, а в 1987–1988 гг. — неизвестного до этого памятника домонгольского зодчества в Дорогобуже-Волынском (на территории Ровенской области Украины)⁶.

В 1976–1982 гг. систематические раскопки были проведены в Полоцке. Они завершили исследования, начатые здесь в 1960-х гг. М.К. Каргером. Было раскопано два храма (церкви на Рву и на Нижнем замке), княжеский терем на детинце, закончены раскопки храма-усыпальницы в Евфросиньевом монастыре;

контрольными раскопками вскрыт небольшой участок ранее раскопанного Большого собора Бельчицкого монастыря; проведено детальное исследование Спасской церкви Евфросиньева монастыря. Тем самым было завершено исследование всех доступных памятников полоцкого зодчества XII в.⁷

В 1975–1980 гг. проводилось археологическое изучение полоцкого Софийского собора, позволившее установить его плановую схему и вскрывшее комплекс прилегающих к собору усыпальниц XII в.⁸ В Полоцкой земле в 1982 г. были осуществлены раскопки и исследование руин Благовещенской церкви в Витебске⁹. В 1977–1978 гг. группа сотрудников экспедиции принимала участие в работах Звенигородской экспедиции Львовского института общественных наук (ныне Институт украиноведения) АН Украины. В результате этих работ впервые в истории изучения древнерусского зодчества была полностью исследована деревянная домонгольская церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде Галицком¹⁰.

С 1979 г. начались археологические раскопки памятников архитектуры древнего Галича. Работы здесь проводились до 1989 г. За это время удалось полностью вскрыть четыре памятника — так называемый Полигон, оказавшийся небольшой церковью, имевшей план в виде квадрифолия, два четырехстолпных храма — Спасский и церковь в урочище «Цвинтариски» («Кладбище»)¹¹ — и Воскресенскую ротонду, оказавшуюся домонгольским деревянным храмом. Раскопки последнего памятника проводились совместно с экспедицией Львовского института общественных наук АН УССР¹². Памятники эти были первоначально раскопаны в 1880-х, а Воскресенская церковь в 1941 г., но крайне несовершенная методика их раскопок и фиксации настоятельно требовали нового археологического изучения. Новые раскопки впервые позволили установить общий характер эволюции галицкого зодчества¹³.

В 1978–1981 гг. проводились раскопки в Новгороде. Здесь были полностью вскрыты остатки церкви Пантелеймона, а также изучены древние части трех храмов, полностью перестроенных в XV в. — Ивана на Опоках, Успения на Торгу и Ильи на Славне¹⁴. Раскопки продолжались в 1982–1987 гг., когда были изучены остатки Спасского собора Хутынского монастыря, а также проведены работы на территории Юрьева и Антониева монастырей, близ церкви Спаса на Нередице¹⁵.

Начало работ экспедиции в Северо-Восточной Руси определялось слабой изученностью памятников XIII в., возведенных той строительной артелью, которая работала не в белокаменной, а в плинфяной технике. В 1982–1983 и в 1986 гг. проводились раскопки в соборе Спасского монастыря в Ярославле. Удалось полностью выяснить план древнего собора и составлявшего с ним единый комплекс храма Входа в Иерусалим¹⁶. В 1986 г. были начаты раскопки Борисоглебской церкви в Ростове, продолжавшиеся до 1994 г. В результате этих работ не только удалось подтвердить предположения Н.Н. Воронина о существовании на этом месте домонгольского храма, но и обнаружить остатки церкви, сменившей этот храм во второй половине XIII в., а также еще одной — домонгольской — постройки, по всей видимости, входившей в комплекс построек княжеского двора в Ростове¹⁷.

Наряду с этим проводились и исследования белокаменных памятников Северо-Востока. Проведенные в 1986 г. раскопки в Спасо-Преображенском соборе в

Переславле-Залесском, позволили окончательно доказать гипотезу о том, что начало строительства во Владимиро-Суздальской земле обязано своим происхождением мастерам из Галича¹⁸.

В период с 1986 по 1987 г. совместно с Суздальской экспедицией ИА АН СССР (начальник М.В. Седова) были выявлены следы ранее неизвестной плинфяной постройки в Кидекше¹⁹.

В 1981 г. совместно с Белорусской архитектурно-археологической экспедицией (начальник О.А. Трусков) были проведены исследования в Гродно — вскрыты нижние части княжеского терема, а в Борисоглебской церкви на Коложе в интерьере раскопаны основания двух столбов²⁰. В 1985 г. группа архитектурно-археологической экспедиции П.А. Раппопорта в составе Белорусской археологической экспедиции участвовала в раскопках кирпичной стены XII в. на мысу гродненского детинца²¹.

В 1982–1986 гг. группа архитектурно-археологической экспедиции работала в составе Черниговской археологической экспедиции (начальник В.П. Коваленко). В Новгороде-Северском был раскопан собор Спасского монастыря, а в Чернигове — церковь на Северянской улице; раскопками у здания Екатерининской церкви XVIII в. обнаружены остатки постройки начала XIII в.²² Особый интерес представляет обнаружение и полное раскрытие уникального памятника — храма-усыпальницы конца XI в.²³

Совместно с экспедицией ИА АН Украины были проведены исследования неизвестного до сих пор памятника рубежа XII и XIII вв. в г. Белая Церковь в Киевской земле (летописный город Юрьев)²⁴.

Исследования экспедиции не замыкались только на проблемах, связанных с домонгольским периодом истории древнерусского зодчества. В ее составе постоянно работал отряд (начальник М.В. Малевская), целью которого было изучение памятников зодчества второй половины XIII–XIV вв. на западно-русских землях. С 1974 по 1985 г. он занимался такими памятниками, как постройки в Новогрудке (совместно с Новогрудской экспедицией, начальник Ф.Д. Гуревич)²⁵, церковь Георгия в Любомле на Волыни, памятники второй половины XIII–XIV вв. во Владимире-Волынском²⁶ и Луцке²⁷, церкви Николая, Параскевы Пятницы и костел Иоанна Крестителя во Львове, велось поиски церкви в селе Спас и исследования церкви в селе Лавров под Старым Самбором (Львовская область)²⁸.

Памятниками второй половины XIII и XV–XVI вв. занимался Вал.А. Булкин. Он исследовал постройки этого времени в Новгороде (церковь Григория Армянского в Хутыньском монастыре и храм-колокольня Антония Великого) в Антониевом монастыре²⁹, Угличе³⁰, Твери (Успенский собор Отроча монастыря).³¹

В итоге экспедиция за то время, когда ею руководил П.А. Раппорт (1975–1988 гг.), изучила более 40 памятников XI–XIII вв., причем 16 из них были открыты впервые. Если учесть, что в настоящее время зарегистрировано всего немногим более 210 памятников древнерусского зодчества этого времени, то окажется, что архитектурно-археологическая экспедиция с 1975 по 1988 г. изучила 19% всего фонда известных к настоящему времени памятников.

Однако не только это явилось важнейшим результатом работы экспедиции. За время ее деятельности под руководством П.А. Раппорта сложилась творческая

группа, специализировавшаяся на архитектурной археологии. Этот творческий коллектив исследователей-единомышленников состоял из сотрудников разных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Киева, Чернигова, Львова, Минска, Гродно и включал в себя специалистов разного профиля — археологов, архитекторов-реставраторов, искусствоведов, историков, филологов, инженеров, химиков, физиков и геологов. Что же объединяло всех этих людей?

Прежде всего — разработанный П.А. Раппопортом комплексный методический подход к изучению памятников архитектуры. Кстати, сам Павел Александрович не любил, когда исследователей архитектуры делили по специальностям — археологи, архитекторы, искусствоведы и т. д. Всех сплотившихся вокруг него специалистов и тех, кто не имел счастливой возможности работать непосредственно с ним, но придерживался тех же взглядов комплексного подхода к исследованию памятников зодчества, он определял одним термином — историк архитектуры.

Основные положения своего метода П.А. Раппопорт изложил в статье, опубликованной в 1988 г. в журнале «Советская археология» и перепечатываемой в настоящем сборнике. Исследователь исходил прежде всего из того, что каждый памятник архитектуры — это сложное историко-культурное явление, сочетающее в себе и строительно-технические, и конструктивные, и архитектурно-художественные, и исторические, и идеологические аспекты, поэтому понять его можно только всесторонне исследовав их. Он неоднократно указывал на то, что задача археологического исследования памятников архитектуры заключается не только в том, чтобы открыть остатки еще неизвестных древних памятников, но прежде всего в том, чтобы получить максимум информации об их архитектурно-художественных и строительно-технических особенностях. Только в этом случае открытые памятники могут занять свое истинное место в общем ряду произведений древнерусской архитектуры и могут быть связаны с общим ходом исторического развития зодчества. Таким образом целью архитектурной археологии являются не просто раскопки остатков несохранившихся архитектурных памятников или подземных частей существующих зданий, претерпевших за долгое время своего существования весьма существенные изменения, а комплексное историко-архитектурное изучение памятника как явления культуры.

Далеко не всякие раскопки памятников архитектуры являются архитектурно-археологическим исследованием. Формулируя задачи архитектурной археологии как фактически самостоятельной ветви науки, П.А. Раппопорт исходил из того, что раскопки памятников древнерусского зодчества могут быть правильно проведены лишь в том случае, если они целеустремленно задуманы как специальное историко-архитектурное исследование.

Конечно же, многоаспектный комплексный подход к памятникам зодчества базировался прежде всего на результатах скрупулезнейшего полевого и натурального исследования памятников, методика проведения которого была доведена П.А. Раппопортом почти до ювелирной тонкости. Мелочей для него не было ни в чем, поэтому уже в процессе раскопок удавалось получить огромное количество информации. Ее давал и характер открытых остатков самого здания, и характер культурного слоя и стратиграфия окружающей территории, и тщательнейший архитектурно-археологический обмер, и характер погребений в памятнике и вокруг него, либо возникших на его месте после разрушения, и ориентация самого

памятника. Первые два источника информации — характер культурного слоя и стратиграфия окружающей территории — традиционны для любого археологического исследования, а тщательная их фиксация необходима для любого археолога. Однако в работах исследователей, специально не занимающихся архитектурной проблематикой, но сталкивающихся с раскопками архитектурных объектов, информация, полученная из культурного слоя и его стратиграфии, нередко существует как бы сама по себе, не связываясь напрямую с раскопанными руинами, а при исследованиях, проводимых архитекторами, зачастую бывает наоборот: открытые остатки монументального сооружения как бы вырываются из контекста культурного слоя. Именно П.А. Раппопорту удалось разработать методику, при которой информация, извлекаемая из самих руин и культурного слоя, связалась в единое неразделимое целое.

Казалось бы такое традиционное, общее для всех археологов требование тщательной графической фиксации раскопок при исследованиях остатков архитектурных сооружений имеет свои особенности, сочетающие методы архитектурного обмера и традиционной археологической фиксации. И хотя предшественники П.А. Раппопорта — М.К. Каргер и Н.Н. Воронин — фактически уже разработали и использовали специфическую методику архитектурно-археологического обмера, именно ему принадлежит авторство методической разработки, официально утвержденной Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР в качестве инструкции, и до сих пор являющейся обязательной для всех археологов.

Показательно, что и сейчас, спустя уже много лет, в XXI столетии, когда в практику археологической и архитектурно-реставрационной фиксации вошли новые методы — тахеометрия и фотограмметрия, — основанные на точных электронных технологиях, требования разработанной П.А. Раппопортом методики архитектурно-археологической фиксации не перестают быть актуальными. Увлечение нового поколения исследователей использованием новейших технологий показало, что они являются всего лишь инструментом, позволяющим значительно ускорить процесс обмера, но отнюдь не заменяющим традиционный ручной архитектурно-археологический обмер, доведенный до совершенства при исследованиях П.А. Раппопорта. Возникшая на первых порах эйфория от возможностей новых технологий фиксации довольно быстро сменилась пониманием их ограниченности и применения их в качестве вспомогательного инструмента³².

Примером того, насколько были важны для П.А. Раппопорта, казалось бы, мельчайшие, и на первый взгляд, малозначительные детали, свидетельствует еще один методический прием, введенный им в практику полевых исследований памятников архитектуры. П.А. Раппопорт первым обратил внимание на такое, на первый взгляд несущественное, обстоятельство, как ориентация храмов. Он заметил, что точное определение магнитного азимута постройки может помочь определить точное время ее закладки, а это, в свою очередь, дает возможность рассчитать продолжительность строительного сезона и, зная производительность труда древних строителей, узнать возможный срок возведения всего здания.

Павла Александровича как полевого исследователя и методиста отличало еще одно качество — на редкость бережное отношение к остаткам исследуемого памятника. На всю жизнь примером для нас, тогда еще совсем молодых людей, стал его урок отношения к памятнику, преподанный нам в 1973 г. при раскопках

остатков собора Троицкого монастыря на Кловке. Раскопав северную половину храма и увидев прекрасную сохранность (конечно, насколько это определение возможно для находившихся в земле руин) раскрытых при раскопках нижних частей здания, уцелевших на высоту около 1 м (довольно большой процент сохранности для археологизированных остатков памятника), П.А. Раппопорт решил закончить на этом дальнейшие раскопки, хотя никаких явных причин для их прекращения не было. Причину своего решения Павел Александрович объяснил так: всю необходимую информацию для понимания и интерпретации памятника, а также для выполнения его графической реконструкции можно получить и из раскопанной части — так зачем же тревожить другую его половину, которая находится в земле, идеально консервирующей руины. Позднее, когда будут найдены способы открытой консервации руин, проектные решения и средства для их осуществления, памятник можно будет раскрыть целиком, а пока, после завершения раскопок и надежной засыпки раскопанной части, он окажется надежно законсервированным и сохранится для последующих поколений исследователей, которые, как считал П.А. Раппопорт, будут разбираться в памятниках и проблемах истории архитектуры гораздо лучше нас. Вот почему он очень настороженно относился к предложениям провести открытую, с целью музейного показа, консервацию руин древних памятников, открытых при раскопках.

Изучая памятник архитектуры, Павел Александрович не ограничивался только раскопками. Как мы уже видели, они и не были самоцелью архитектурно-археологической науки в том виде, в каком ее понимал исследователь и прививал это понимание всем своим ученикам и последователям. Особенно важно это было для исследования памятников, которые, даже дойдя до нашего времени целиком или почти целиком, за свою долгую жизнь неоднократно подвергались перестройкам и переделкам, до неузнаваемости изменившими их облик. В таком случае от исследователя требуется умение отыскать под последующими наслоениями подлинную часть древнего сооружения, убрать мысленным взором все искажения и представить здание в его первоизданной красе.

По этой причине П.А. Раппопорт нередко работал в теснейшем контакте с близкими ему по духу архитекторами-реставраторами, и особенно с С.С. Подъяпольским и Г.М. Штендером. Примером сотрудничества с С.С. Подъяпольским стало исследование, проведенное этим архитектором в связи с реставрацией церкви Архангела Михаила в Смоленске. Результаты исследований С.С. Подъяпольского легли в основу написанного этим ученым и архитектором работы, которая в качестве отдельной главы была включена в состав монографии «Зодчество Древнего Смоленска», написанной Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом³³. Сотрудничество с Г.М. Штендером вышло далеко за границы изучения новгородского зодчества, которым оба весьма плодотворно занимались совместно. Ярким примером совместного научного творчества этих двух ученых стало изучение Спасо-Преображенского собора Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Под поздней двухскатной кровлей Спасо-Преображенского собора — памятника середины XII в. — П.А. Раппопорт и Г. М. Штендер обнаружили сохранившиеся остатки первоначального завершения здания в килевидными закомарами-кокошниками (при этом некоторые кокошники носили чисто декоративный характер и были просто нарисованы на кладке). На выполненной

П.А. Раппопортом и Г.М. Штендером графической реконструкции³⁴ храм предстает как стройное, устремленное вверх здание с подчеркнута вертикальной композицией.

Большое внимание П.А. Раппопорт уделял изучению технической стороны древнерусского строительства. Вот, к примеру, обыкновенный плоский кирпич — плинфа, — употреблявшийся в X—XIII вв. Что он может рассказать исследователю? Оказывается, очень многое! П.А. Раппопорту, специально изучившему процесс производства такого кирпича древними мастерами, удалось установить, что артель гончаров обычно придерживалась одного и того же, стандартного, размера плинфы. При этом формовочную рамку для новой партии кирпичей делали по размерам последних образцов, отформованных для предыдущей постройки. Однако в процессе сушки и обжига кирпич усаживался, отчего кирпичи последующего сооружения оказывались несколько меньшими по размерам, чем те, которые применялись при кладке предыдущего здания. И так повторялось каждый раз. На основании этого наблюдения П.А. Раппопорт составил шкалу датировок древних памятников — по размеру кирпича³⁵. Оказалось, что плинфа может служить не только признаком, определяющим принадлежность здания к той или иной строительной традиции, но и удивительным датирующим материалом, позволяющим определить дату постройки с точностью в 10–15 лет.

Датировочная шкала, основанная на форматах плинфы, подкрепленная другими данными — письменными источниками, анализом исторических обстоятельств строительства в том или ином центре, расчетом продолжительности возведения зданий и т. д. — в свою очередь, дает основание датировать памятники еще более точно, порой приближаясь к точности до года. А это уже предоставляет возможность рассматривать деятельность конкретных артелей в контексте непрерывного процесса развития древнерусского монументального строительства на протяжении длительного периода с конца X по середину XIII в.

Раскрыли свою загадку и таинственные знаки, которые ставили древние плинфотворители на торцевых сторонах кирпичей. Какие только объяснения этих обозначений не предлагались учеными! В них видели и личные клейма мастеров, и «шифры» заказчиков, однако только в результате изучения процесса изготовления древних кирпичей П.А. Раппопорту открылся их истинный смысл. Оказалось, что это счетные метки — ими мастера отмечали каждую последующую партию плинфы перед отправкой ее в обжигательную печь³⁶.

В ходе практической деятельности возглавлявшейся П.А. Раппопортом Архитектурно-археологической экспедиции детальное изучение кладок, конструкций, анализы строительных материалов проводились на всех исследуемых памятниках. Там, где была возможность, кроме самих памятников зодчества раскопывались и производственные объекты, например, в Смоленске были раскопаны кирпичеобжигательные печи³⁷. В ходе изучения каждого памятника проводилось детальное изучение кирпичей, их формовки и обжига, промер их размеров, выполнялась прорисовка знаков на кирпичах и клейм; были выполнены анализы строительных растворов. В тех случаях, когда археологическому изучению подвергались здания, поднимавшиеся хотя бы частично над поверхностью земли, одновременно с раскопками проводилось и изучение сохранившихся частей, большей частью в содружестве с архитекторами и инженерами-реставраторами.

Порой это давало возможность осуществить убедительную графическую реконструкцию первоначального облика памятников (как мы уже видели на примере собора Спасо-Евфросиньева монастыря в Полоцке), а в некоторых случаях приводило к созданию архитектурных и инженерных реставрационных проектов. Пристальное внимание ко всем деталям строительной техники позволяло получать существенные научные данные даже в тех случаях, когда от памятника сохранялись лишь жалкие следы, например обрывки фундаментных рвов или только небольшие развалы строительных материалов.

Результаты исследований в области изучения строительной техники Древней Руси, организации древнерусского строительного производства и самого процесса возведения зданий были обобщены в монографии «Строительное производство Древней Руси X–XIII вв.». В 1982 г. рукопись монографии была завершена, но выпуск ее в свет, по независящим от автора причинам, к сожалению, задерживался. Вследствие этого некоторые разделы Павел Александрович публиковал в других изданиях в виде развернутых статей³⁸, а в рукопись продолжал вносить дополнения вплоть до 1988 г., когда она была закончена в новой редакции. Но и после этого книга долго лежала в издательстве и увидела свет только в 1994 г., к сожалению, когда ее автора уже не было в живых. Во введении к этой монографии Павел Александрович пишет, что строительное производство Древней Руси долгое время не являлось объектом монографического исследования, несмотря на то что изучение строительного производства раскрывает многие стороны русской культуры, не говоря уже о том, что оно стало необходимой предпосылкой объективного понимания древнерусского зодчества.

Как уже упоминалось, огромное значение П.А. Раппопорт придавал анализу общеисторического контекста развития монументального строительства. Факт постройки каждого памятника в отдельности и общая картина строительной деятельности в каком-либо строительном центре и на Руси в целом никогда не рассматривались им изолированно, а всегда были связаны с конкретным историческим контекстом и общей картиной истории Руси. Ему удалось установить прямую связь политической истории с развитием монументального зодчества. Это еще больше расширило возможности анализа процесса развития древнерусской архитектуры в домонгольскую эпоху, причем зачастую сделало возможным и обратное — использовать сами памятники монументального зодчества в качестве своеобразных исторических источников. Научившись вычленять из общей картины строительства деятельность отдельных артелей, П.А. Раппопорт пошел еще дальше, показав непосредственную зависимость деятельности этих артелей от политической деятельности их заказчиков, которыми, как правило, были князья. Оказалось, что в зависимости от возвышения или падения того или иного князя или княжеской династии, перемещения их с престола на престол и даже династических браков, строительные традиции тоже начинали или прекращали свое существование, перемещались в иной центр или сменялись другой традицией. Все это, в конечном счете, позволяло рассматривать не отдельные памятники и даже не отдельные строительные центры, а общую картину развития всего домонгольского зодчества. При этом комплексный подход к изучению его истории дал исследователю возможность показать, что, несмотря на различие отдельных строительных традиций и школ в древнерусской архитектуре, ее развитие

представляет собой не изолированный по отдельным центрам, а единый общерусский процесс, теснейшим образом связанный с развитием европейской средневековой архитектуры.

Такой методологический подход к изучению истории архитектуры Древней Руси вплотную подвел П.А. Раппопорта к еще одному очень важному аспекту изучения древнерусского зодчества — проблеме его связи с архитектурой других стран христианского мира эпохи средневековья.

Этой теме была посвящена одна из последних работ исследователя — статья «Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры», впервые опубликованная уже после смерти исследователя, 1989 г.³⁹, и перепечатываемая в настоящем сборнике. В этой статье П.А. Раппопорт предложил качественно новый подход к изучению международных связей средневековых архитектур. Он поставил задачу проследить «как появляются и как передаются внешние влияния» и «каков механизм их перенесения»⁴⁰ и указал на то, что механизм перенесения влияний в архитектуре, особенно в условиях средневековья, когда не существовало чертежей и способов передачи технологии теоретическим путем, а сам процесс создания здания был чисто эмпирическим, основанным на навыках и практике непосредственных исполнителей мастеров, передача таких влияний могла осуществляться только через самих мастеров, которые и являлись непосредственными носителями этих влияний. Таким образом, П.А. Раппопорт пришел к выводу о том, что для выявления источника воздействия какого-то внешнего фактора на древнерусское зодчество прежде всего необходимо установление авторского почерка мастеров, создавших анализируемый памятник, или их группу и поиск следов этого почерка в той среде, откуда, по мнению исследователя, занимающегося изучением проблемы установления иноземного влияния на ту или иную группу памятников (или отдельный памятник), это влияние могло осуществиться.

Действительно, если в прикладном искусстве достаточно было перенесения самого предмета, что было легко осуществимо, учитывая его портативность, в живописи было возможно перенесение образца в виде оригинала (для станковой живописи и книжной миниатюры), прориси или того же предмета прикладного искусства, которые в эту эпоху нередко служили источниками для живописных изображений, то в архитектуре средневековья, с ее артельной организацией труда, для того чтобы организовать сложное строительное производство и применить на практике такие сложные операции, как, например, устройство и расчет определенного вида конструкций основания, производство строительных материалов определенного типа, возведение из них стен и, особенно, устройство сводов, недостаточно было знакомства с образцом, а необходимо было уметь все это делать на практике, а потому требовало участия в этом самих носителей навыков, то есть мастеров. «Поэтому ни паломник, посетивший «святые места», ни князь, побывавший в чужой стране, не могли дать мастерам сведения, которые позволили бы им построить здание по указанному образцу... Мастера сами должны были знать указанный образец, причем не просто видеть его, а именно знать, как его разбить на площадке строительства, как свести своды и пр. Следовательно, перенос влияний в архитектуре вплоть до XVII в. был возможен только одним путем — переездом мастеров»⁴¹.

Однако при этом не следует забывать, что в определении общего типа постройки главной все же была воля заказчика. Именно поэтому византийские мастера из Константинополя, придя на Русь, создавали объемно-пространственные композиции, подобные Софийскому собору в Киеве, каких в самой Византии не существовало, что уже с самых начальных моментов создало своеобразное лицо древнерусского зодчества, а не превратило его в один из локальных вариантов собственно византийской архитектуры. То же можно сказать и о работе на Руси мастеров с Запада. Романские строители, зодчие и резчики приносили с собой строительную технику, те или иные конструкции, элементы декоративного убранства, однако тип здания, определявшийся заказчиком, как правило, оставался неизменным. Приходившим на Русь иноземным мастерам в качестве образца показывались древнерусские же храмы, уже существовавшие в Киеве, а с XII в. и в других городах, и они вынуждены были приспосабливать свои навыки и умение к местным условиям. В редких случаях, как это было с галицкими ротондами, допускались и исключения, однако здесь вступает в силу еще один, предложенный в свое время В.Н. Лазаревым фактор, — определенная степень веротерпимости, свойственная древнерусскому духовенству в XII в.

В то же время П.А. Раппопорт допускал и возможность отдельных случаев переноса определенных элементов, свойственных иноземной архитектуре, которые осуществлялись по воле заказчика, которому они по каким-либо причинам были известны. Однако исследователь допускает их «только в отношении таких частей здания и деталей, которые не влияют на общую композиционную схему и могут быть оговорены словесно»⁴².

Таким образом, мы видим, что П.А. Раппопорт вывел проблему изучения внешних влияний на древнерусское зодчество на совершенно новый уровень. По сути дела, он не принял саму «теорию влияний» но и, не отказавшись от самого, довольно абстрактного и расплывчатого, понятия «влияние», стал рассматривать воздействие одной архитектурной традиции на другую как результат совершенно определенных взаимосвязей, осуществлявшихся столь же конкретными и реальными носителями — мастерами. При этом для нас очень важно и еще одно положение исследователя, подчеркнувшего, что воздействия извне на древнерусское зодчество воспринимались на Руси очень избирательно: «Принимали лишь то, что соответствовало социальному уровню и эстетическим представлениям страны»⁴³, и что «влияния эти проникали далеко не случайно; во всех случаях они имеют логичное объяснение, подчиняясь определенным закономерностям»⁴⁴. И если вопрос о связи древнерусского зодчества с романской архитектурой Европы был только намечен исследователем⁴⁵, то в отношении вопроса, казалось бы, априори ясном —, о связи древнерусского зодчества с архитектурой Византии — П.А. Раппопорт обогатил науку новым методическим подходом и новыми совершенно конкретными выводами.

Тесная связь древнерусского зодчества и архитектуры Византии, обусловленная не только генетическим родством этих двух школ, но и конфессиональным единством Руси и Византии, и существовавшей на первых порах церковной зависимостью Киева от Константинополя, нередко возникавшей между этими государствами общностью политических интересов, и, наконец, частыми династическими браками между русскими князьями и членами византийского

императорского дома, была настолько очевидной, что мимо проблемы их взаимоотношений не прошел практически ни один из крупных исследователей древнерусского зодчества, начиная с XIX в.⁴⁶ Как это ни парадоксально, но связи между архитектурой Византии и древнерусским зодчеством настолько воспринимались как нечто само собой разумеющееся, что в течение очень длительного времени исследователи, постоянно говоря о них, не утруждали себя какими-либо специальными исследованиями.

Более того, за это время выработалось два подхода к проблеме связей древнерусского зодчества и византийской архитектуры. Для первого из них характерно отведение древнерусскому зодчеству роли провинциального варианта архитектуры Византии. Характерны в этом плане высказывания А.М. Павлинова в его «Истории русской архитектуры» (1894 г.), представляющей собой первое систематическое изложение, освещающее историю русского зодчества средневековой эпохи от момента его возникновения в конце X в. по начало эпохи преобразований Петра I в самом конце XVII столетия. Он пишет: «Первые наши храмы строены пришлыми греческими мастерами, и потому наше первое каменное искусство было чужеземное»⁴⁷, — и далее: «Все эти каменные сооружения, вероятно, воздвигались греческими мастерами в их национальном стиле... По всей вероятности, русские мастера каменного дела были в то время простыми подражателями пришлых к нам мастеров из чужих земель...»⁴⁸. Помимо слабой изученности памятников в этой точке зрения отразилась и идеологическая тенденция — рассматривать всю культуру Древней Руси в русле православной церковной традиции как прямое продолжение византийской культуры.

В наше время такой подход к истории древнерусского зодчества, лишенный, впрочем, идеологического акцента, сохранился лишь в работах западных исследователей (Р. Краутхаймер⁴⁹, С. Манго⁵⁰), которые рассматривают древнерусское зодчество, наряду с архитектурными традициями Болгарии, Сербии, Румынии, как один из провинциальных вариантов собственно византийской архитектуры либо как продолжение развития византийской архитектуры за географическими, а иногда и временными пределами Империи.

Другой подход к рассмотрению проблемы происхождения и взаимоотношений византийской архитектуры и древнерусского зодчества впервые наиболее ярко проявился в работе И.Е. Забелина «Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве» (см., например, издание этой работы, выпущенное в 1900 г. издательством «Гросман и Кнебель» в Москве)⁵¹. Вызванный к жизни славянофильски настроенной общественностью, он заключался в том, что, признавая факт воздействия византийской архитектуры на сложение и развитие древнерусского зодчества, исследователи, придерживавшиеся этой точки зрения, сводили его к минимуму, считая, что пришедшие на Русь византийские мастера в своем творчестве ориентировались на традиции народной деревянной архитектуры, что и обусловило самобытность древнерусской архитектуры с самых первых моментов его развития⁵². Если в XIX в. эта позиция поддерживалась официальной идеологией, выраженной формулой «православие—самодержавие—народность», то ее усиление в 40–50-х гг. XX столетия вновь вызывается чисто идеологическими причинами и связана с кампанией «борьбы с космополитизмом».

Сила идеологического пресса на исследователей в это время была настолько сильна, что высказываний в подобном духе в эти годы не избежал даже такой исследователь, как Н.Н. Воронин. Так, в изданном в 1953 г. I томе «Истории русского искусства», рассматривая вопрос о своеобразии форм Софийского собора в Киеве, он писал: «В величественном ритме пирамидально нарастающих масс собора и в его характерном тринадцатиглавии, отличающих его от меньших по размерам византийских «образцов», можно усматривать результат воздействия на строителей киевского храма принципов деревянного зодчества. Глубокое своеобразие композиции и форм Софийского собора с несомненностью свидетельствуют, что над его постройкой, наряду с греками, работали и русские зодчие, внесшие много своего, нового в образ центрального храма Киевской державы»⁵³. Особенно показательна в связи с этим эволюция взглядов Н.И. Брунова: если в своих ранних работах этот исследователь, известный как прекрасный знаток архитектуры Византии, рассматривал первые киевские храмы в качестве памятников собственно византийского искусства⁵⁴, то в работах послевоенного времени он всячески подчеркивает непохожесть киевских памятников на архитектуру Византии и даже доходит до того, что классическую константинопольскую кладку из плинфы со скрытым рядом объявляет национальным русским изобретением, возникшим как имитация бревенчатого сруба и только потом заимствованной Византией⁵⁵.

Задача выявления и рассмотрения случаев проявления связей между архитектурой Византии и древнерусским зодчеством была решена П.А. Раппопортом в небольшой по объему, но исчерпывающей на момент ее выхода (а во многом и на сегодняшний день) по охвату фактического материала статье, где впервые за более чем столетний период изучения проблемы была предпринята попытка свести воедино все накопившиеся факты, свидетельствующие о таких связях⁵⁶. «Проблема, о которой идет речь, — писал П.А. Раппопорт, — включает по сути два самостоятельных вопроса: как часто приезжали на Русь византийские зодчие, и что они на Руси строили; во-вторых, чем объясняется отличие древнейших памятников русской архитектуры от византийских и различие путей архитектурного развития в этих странах?»⁵⁷. Если попытки ответить на второй вопрос, как мы уже видели, неоднократно предпринимались исследователями (А.И. Некрасов, Н.И. Брунов, Н.Н. Воронин, А.И. Комеч), то рассмотрение первого впервые была осуществлена именно П.А. Раппопортом.

П.А. Раппопорт убедительно показал, что строительные артели домонгольской Руси были тесно связаны с княжескими дворами, и все передвижения артелей из одной русской земли в другую всегда определялись политическими и династическими связями⁵⁸, а это в свою очередь дало возможность определить количество существовавших на Руси артелей и проследить их перемещения. В итоге уточнилась картина сложения в русском зодчестве XII в. самостоятельных архитектурных школ, связанных с определенными феодальными центрами, и довольно сложная картина взаимосвязи этих школ⁵⁹. Таким образом начала раскрываться реальная картина строительной деятельности домонгольской эпохи и связь этой деятельности с историей Руси.

Большое количество изученных памятников позволило П.А. Раппопорту наметить непрерывные ряды строительной деятельности артелей, а в тех случаях,

когда выявлялись лакуны, — прогнозировать наличие еще не обнаруженных памятников. Иногда в итоге исследования удавалось определить весь ряд памятников, принадлежащих работе определенной строительной артели. Такую непрерывную цепь памятников удалось проследить, например, для смоленских и новгородских артелей XII–XIII вв., а также для киево-черниговской строительной артели XII в., деятельность которой сейчас возможно проследить по непрерывной цепи памятников без существенных лагун на протяжении почти полувека. Иными словами, П.А. Раппопорту удалось не только выявить индивидуальный творческий почерк древнерусских строительных артелей, но и проследить творческую биографию целых групп безымянных мастеров-строителей.

В 1985 г. вышла (перепечатываемая в настоящем сборнике) статья П.А. Раппопорта «Строительные артели Древней Руси». В определенной степени эта статья явилась этапной для понимания процессов организации строительного производства. В ней впервые были четко сформулированы принципы организации строительных артелей, выяснены роль мастера-зодчего, состав артелей, связь их с заказчиком и роль последних, сроки строительства зданий, подсчитано количество работавших на Руси строительных артелей, прослежена география их передвижений. В качестве иллюстрации этого положения была приведена графическая схема передвижения строительных артелей.

Но затем исследователь пошел дальше. Учитывая, что уже к началу 1980-х гг. Павлу Александровичу удалось достичь цели, к которой он стремился — создать общую картину истории русской архитектуры домонгольской поры, в которой каждая архитектурная школа, каждый памятник нашли свое место, — он смог приступить к разработке такой историко-хронологической системы, которая позволяла предсказывать существование еще не найденных сооружений. В тезисах одного из докладов в 1985 г. Павел Александрович писал, что существующие различные методы датирования памятников позволяют насытить схему деятельности строительных артелей хронологически конкретными объектами. При этом отсутствие выявленных памятников в определенный период деятельности какой-либо артели в ряде случаев позволяет прогнозировать их существование. Эти положения нашли отражение в графической схеме в виде хронологической сетки, на которую нанесены основные архитектурно-строительные центры, строительные артели и архитектурные сооружения. Исследователь не успел окончательно оформить и опубликовать эту таблицу, которую его коллеги по аналогии с «Таблицей Менделеева» окрестили «Таблицей Раппопорта». Впервые она была подготовлена к печати А.П. Раппопортом и автором этих строк уже после смерти исследователя в 1993 г. в приложении к его общему очерку истории древнерусской архитектуры от его возникновения и до эпохи Петра I, который сам исследователь также уже не смог увидеть вышедшим из печати⁶⁰. В настоящем издании эта схема публикуется в первоначальном авторском варианте. Важно отметить, что «Таблица Раппопорта» оказалась не просто умозрительным теоретическим построением исследователя — она проверена на практике: некоторые предсказанные памятники уже обнаружены в результате раскопок.

Для многих коллег П.А. Раппопорта, которых онзнакомил со своей таблицей, возможность такого прогнозирования казалась фантастической и невероятной, однако последовавшие затем открытия таких памятников, как домонгольские

храмы в Луцке, Дорогобуже-Волынском⁶¹, Владимире-Волынском (на Садовой улице)⁶², Чернигове (храм-усыпальница, церковь на Северянской улице и ворота детинца)⁶³, Смоленске (церкви на улице Соболева и на углу улиц Бакунина и Краснофлотской)⁶⁴, Киеве (церковь XII в. на Юрковской улице⁶⁵, надвратная церковь конца XII – начала XIII в. в Михайловском Златоверхом монастыре⁶⁶), Карачеве (Брянская обл.) (домонгольский храм под основаниями Михаилоархангельской церкви XVII в.)⁶⁷, подтвердили эти прогнозы. Учитывая наличие еще значительного числа свободных «ячеек» в «таблице Раппопорта» (именно так, уже не в шутку, а всерьез следует называть этот труд ученого), можно предположить, что будущих исследователей ждут многочисленные открытия дотоле неизвестных памятников.

Кстати, известная степень недоверия к таблице сохраняется и сегодня. Пример этого проявился в датировке Борисоглебской церкви в Старой Рязани, предлагаемой Л.А. Беляевым⁶⁸. После новых раскопок этого памятника, проведенной этим исследователем, он, опираясь не столько на параметры самого Борисоглебского собора, сколько на характер керамики в окружающем его руины культурном слое, предложил его датировку концом XII – началом XIII в., в то время как в «таблице Раппопорта» памятник помещен в диапазон первой трети XII в. Отмечая широкий хронологический разброс датировок, предлагаемых для этого памятника различными исследователями (от второй половины XI в. до 1170-х гг.), Л.А. Беляев пишет: «В работах П.А. Раппопорта, отличавшегося взвешенностью в хронологии, просто две разные даты. В авторитетном своде архитектуры X–XIII вв. приведена самая общая, в пределах XII в., причем специально оговорено, что точнее храм датировать нельзя. Но в посмертно изданной таблице к курсу древнерусской архитектуры дата приведена с точностью, явно избыточной (1130-е гг.) и вряд ли принадлежит самому Павлу Александровичу»⁶⁹.

Как уже отмечалось выше, таблица, над которой П.А. Раппопорт работал до самых последних дней своей жизни, постоянно вносил туда корректировки, была его чисто рабочим материалом, который он сам еще не готовил к публикации. Подготовка ее к публикации, как уже говорилось, была осуществлена А.П. Раппопортом и автором этих строк. Однако мы не считали возможным вносить в авторские датировки П.А. Раппопорта какие-либо изменения, взяв на себя труд графического оформления не предназначавшегося для печати документа и дополнения графической таблицы текстовой таблицей, в которой давалась расшифровка и попытка реконструкции обоснований, которые подвигли П.А. Раппопорта на отведение памятнику того или иного хронологического рубежа. Надеюсь, что публикация таблицы в ее авторском варианте, осуществляемая в настоящем издании, позволит Л.А. Беляеву несколько уменьшить свое скептическое отношение к датировке рязанского памятника 1130-ми годами — она принадлежит не публикаторам, а самому П.А. Раппопорту.

В то же время следует отметить, что определенные перемещения памятников внутри таблицы П.А. Раппопорта вполне возможны. Кстати, это предполагал и сам Павел Александрович — ведь новые исследования памятников могут привести к тому, что датировка некоторых из них, особенно тех, которые имели различные, но документально (летописно) обоснованные противоречивые даты, может склониться в пользу одной из них, до этого считавшейся маловероятной, а открытие

новых памятников, принадлежащих к той же архитектурной школе, заставит пересмотреть датировку целой группы памятников, особенно если они не имеют прямых летописных дат. Именно так произошло с церковью Успения на Подоле (Успения Пирогощей), которая имеет летописную дату 1132–1136 гг.⁷⁰

Ни у кого из исследователей отнесение этой даты к церкви Успения на Подоле не вызывало сомнений. Однако после проведения раскопок памятника в 1976–1980 гг.⁷¹ она была оспорена П.А. Раппопортом. Обратив внимание на то, что в фундаментах этого здания были найдены примененными в повторном использовании блоки кладки из плинфы со скрытым рядом, принадлежащие какому-то другому, более раннему, зданию, П.А. Раппопорт предположил, что именно они относятся к летописной церкви Богородицы Пирогощи 1131–1135 гг., которая в течение XII в. оказалась разрушенной, а на ее месте была возведена новая, остатки которой и были исследованы Киевской экспедицией. Время возникновения этой постройки П.А. Раппопорт определил как 70–80-е гг. XII в.⁷² Причиной для такого пересмотра датировки П.А. Раппопортом раскопанных руин церкви Богородицы Пирогощи послужил тип памятника, явно воспроизводящий черниговские образцы, и характер его кладки, выполненной в равнослойной технике. В Киеве такая техника кладки употребляется с 40-х гг. XII в., когда там утверждается черниговская династия князей Ольговичей, и развивается на протяжении всей второй половины XII столетия⁷³. По этой причине исследователь и предположил, что летописное известие относится не к раскопанному памятнику, а его предшественнику, который, по его мнению, стоял на этом же месте и по каким-то причинам (возможно, из-за неблагоприятных геологических условий) оказался разрушенным. Как предполагал П.А. Раппопорт, именно его остатки и были найдены в повторном использовании в фундаментах раскопанного здания, возведенного на месте первоначального уже во второй половине XII в.⁷⁴

П.А. Раппопорту вразлил Г.Ю. Ивакин, приведший ряд аргументов в пользу того, что летописная дата относится именно к раскопанному памятнику, а не какому-либо другому зданию, стоявшему на этом же месте⁷⁵. Аргументы Г.Ю. Ивакина сводятся к следующему: 1) до постройки раскопанного Киевской экспедицией памятника на этом месте никакой другой постройки не стояло — под ее основаниями и вокруг этой постройки нет фундамента более раннего здания или каких-либо следов его существования⁷⁶; 2) церковь Богородицы Пирогощи чрезвычайно близка постройкам 40-х гг. XII в. — церкви Георгия в Каневе и Кирилловской церкви в Киеве — как по архитектурным формам, так и по формату и способу формовки плинфы, довольно сильно отличающихся от черниговской, и вряд ли далеко отстоит от них по времени возведения⁷⁷; 3) в ряду этих памятников церковь Богородицы Пирогощи занимает начальное место, о чем свидетельствует, например, характер кладки полуколонн на фасадных пилястрах, впервые появившихся в киевском зодчестве именно в этом памятнике — в церкви Богородицы Пирогощи для их кладки использована обычная прямоугольная плинфа, которую приходилось подтесывать, в то время как «при строительстве Кирилловской церкви этот опыт был уже учтен и была изготовлена специальная лекальная плинфа»⁷⁸; 4) если предположить, что между церковью Георгия в Каневе и Кирилловской церковью в Киеве, возведенных в 40-х гг., с одной стороны, и церковью Богородицы Пирогощи, возведенной, по мнению П.А. Раппопорта,

в 70-х–80-х гг., существует столь длительный перерыв, то возникает вопрос, чем же занималась строительная артель на протяжении 30–40 лет, поскольку другие памятники, возведенные в это время неизвестны⁷⁹; 5) «киевская летопись XII в. подробно освещает этот период и, вероятнее всего, отметила бы разрушение церкви Пирогощи и постройку нового здания»⁸⁰; 6) не отмечают летописи в это время (между 1131–1135 и 1170–1180-ми гг.) и каких-либо катаклизмов, в результате которых первоначальный памятник мог бы погибнуть⁸¹; 7) блоки повторного использования по характеру плинфы, составу раствора и особенностям сохранившейся на них фресковой живописи близки не памятникам 1-й трети XII в., а постройкам конца XI – начала XII в., следовательно они принадлежат не церкви Богородицы Пирогощи, возведенной в 1131–1135 гг., а какому-то другому, более раннему зданию⁸².

Открытие в недавнем времени в Киеве еще одного, ранее совсем неизвестного, памятника киево-черниговской школы XII в. — церкви на Юрковской улице⁸³ — возведение которой как раз может уложиться в лауну между церковью Успения на Торгу (при датировке ее 1130-ми гг.) и Кирилловской церковью, еще раз заставляет признать правоту Г.Ю. Ивакина.

По всей видимости, в более компактную группу, причем укладывающуюся в первую треть XII в., должны уложиться летописно не датированные черниговские храмы — Успенский собор Елецкого монастыря, Ильинская церковь и Борисоглебский собор⁸⁴. Тогда, кстати, вполне объяснимой становится и предложенная П.А. Раппопортом датировка 1130-ми годами Успенского и Борисоглебского соборов в Старой Рязани, явно связанных с черниговской строительной и архитектурно-стилистической традициями.

Важнейшее место в исследованиях П.А. Раппопорта занимали вопросы сложения и развития архитектурных школ и направлений в древнерусском зодчестве. Он считал, что проблема возникновения, развития, взаимовлияний и взаимосвязей архитектурных школ является ключевой для создания целостной картины архитектурно-строительной деятельности в домонгольской Руси.

Павлу Александровичу удалось не только создать картину существования архитектурных школ домонгольского периода, ему принадлежит также первенство выявления в русском зодчестве целого самостоятельного этапа развития, охватывающего конец XII – первую половину XIII вв.⁸⁵. Основное отличие памятников той поры от памятников XII в. — динамичность композиции, острота силуэта, чрезвычайно богатая декоративная разработка фасадов. Он прослеживает появление этого типа сооружений почти во всех архитектурных школах, во всех крупных центрах. Этот этап развития древнерусской архитектуры оказал решающее влияние на развитие композиционных форм после возобновления монументального строительства на Руси во второй половине XIII–XIV вв. Архитектурно-художественные традиции, заложенные еще в рамках выделенного П.А. Раппопортом этапа, оказали основополагающее влияние на сложение и развитие новгородского зодчества конца XIII–XV вв., архитектуры Пскова XIV–XVI столетий, тверской и раннемосковской архитектуры, зодчества западно-русских земель (Галицкая-Волынская земля и Черная Русь). В конечном счете именно они легли в основы начавших складываться в XIV–XV вв. трех национальных архитектур — русской, украинской и белорусской.

С самого начала своей работы, связанной с историей архитектуры, П.А. Раппопорт стал использовать своеобразный способ хранения информации, данных о памятниках древнерусского зодчества X—XVII вв. (для домонгольского периода — более детальная). Роль такого «банка данных» играла небольшая по формату старинная записная книжка (500 страниц), куда мельчайшим почерком заносились все сведения о памятниках, расположенные в хронологическом порядке: планы, разрезы, аксонометрия, библиография. Эта книжечка постоянно пополнялась все новыми сведениями. Кроме того, на страничках с буквами алфавита на одной стороне были расположены, соответственно, перечни памятников, на другой — фамилии авторов печатных работ по древнерусской архитектуре. Эту систему накопления данных Павел Александрович выбрал в отличие от распространенного тогда способа ведения картотек. Эта записная книжка, а по сути дела энциклопедический справочник, послужила основой для создания П.А. Раппопортом каталога памятников домонгольского зодчества «Древнерусская архитектура X—XIII вв.»⁸⁶. На подготовку каталога к печати в институте Павел Александрович запланировал 1 год. Когда его спросили, как можно за год собрать все материалы по всем известным к тому времени памятникам домонгольской архитектуры, он ответил, что собирал их всю жизнь. В предисловии к каталогу он писал: «В каталог включены все памятники каменно-кирпичного зодчества, возведенные на территории Руси... от X в. до 40-х гг. XIII в., как сохранившиеся, так и погибшие, если о них имеются хотя бы минимальные данные...»⁸⁷.

В каталоге приведены сведения о 248 зданиях и сооружениях, возведенных на Руси с момента возникновения там каменно-кирпичного строительства (то есть с конца X столетия) до середины XIII в., когда блестящий расцвет древнерусского зодчества был прерван и на несколько десятилетий заторможен опустошительным монгольским нашествием. Интересно сравнить эту цифру с данными статьи Павла Александровича, вышедшей в 1962 г. («Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.»)⁸⁸, т. е. за 20 лет до выхода каталога, где упоминается о 150 известных тогда сооружениях. За последующие 20 лет в научный оборот было введено почти 100 новых памятников, в чем немалая заслуга принадлежит и самому П.А. Раппопорту. Следует отметить, что и после выхода каталога Павел Александрович не оставлял работы по сбору материалов о памятниках древнерусского зодчества, заносил их все в ту же записную книжку-энциклопедию.

Вот как оценил значение этого фундаментального труда другой выдающийся исследователь древнерусского монументального искусства и архитектуры, Г.К. Вагнер. В своей рецензии на каталог П.А. Раппопорта он писал: «Главная ценность каталога состоит в исчерпывающей полноте его текстовой части, изложенной предельно сжато, но очень информативно. Не меньшую ценность представляет щедрое графическое иллюстрирование. В каталоге приведены основные сведения о 203 известных, существующих в натуре или в археологических фрагментах памятниках архитектуры X—XIII вв. и о 45, известных только по письменным источникам. Всего т. о. по каталогу набирается 248 сооружений. Из них автор смог графически воссоздать планы 145 памятников, т. е. почти 2/3. 145 графических планов, сведенных к тому же к одному масштабу,— превосходная база для дальнейших исследований... В каталоге представлено много

памятников, раскрытых в последние два-три десятилетия, в частности самим автором. Доскональное знание П.А. Раппопортом архитектурно-археологического материала позволило внести много уточнений в прежние публикации и интерпретации... Каталог памятников русской архитектуры будет бессменной настольной книгой всех историков древнерусского зодчества»⁸⁹.

По первоначальному замыслу П.А. Раппопорта, каталог памятников должен был составить второй раздел книги «Русская архитектура X–XIII вв.»; в первом, исследовательском, разделе излагалась история развития домонгольского зодчества — та целостная картина, к созданию которой он стремился. Но из-за ограничения объема замысел этот не осуществился. Вот почему он, несколько переработав, опубликовал эту часть в виде небольшой книги «Зодчество Древней Руси»⁹⁰, которая охватывает историю русского монументального зодчества с конца X в. до монгольского вторжения. В ней были учтены все новые исследования сохранившихся зданий и памятников, открытых раскопками, показана тесная связь развития архитектуры с историческими событиями, связь древнерусских строительных артелей с определенными княжескими династиями. В ней впервые история древнерусской архитектуры была изложена не только как история развития архитектурных форм, но и как реальная картина архитектурно-строительной деятельности. Вот почему эта сравнительно небольшая по объему, но чрезвычайно емкая по содержанию, книга сразу же получила признание не только специалистов, но всех, кто интересовался судьбами и развитием древнерусской культуры.

В немалой степени этому способствовало и то обстоятельство, что издание вышло в так называемой популярной серии академического издательства «Наука», которая благодаря своеобразному жанру включаемых в нее книг давала возможность, ничуть не снижая качества и научную суть публикуемых в ней работ, обращаться к довольно широкому кругу читателей и к тому же, в отличие от узкоспециальных изданий, обеспечивало довольно большой по тем временам тираж. Однако даже несмотря на то, что она была выпущена тиражом 100 000 экземпляром, что по тем временам представляло собой абсолютный рекорд даже для научно-популярных изданий, книга сразу же стала библиографической редкостью. Следует отметить, что и в популярных изданиях Павел Александрович никогда не допускал упрощенности изложения. Вне зависимости от сложности проблем он излагал их в ясной и доступной форме, но на современном научном уровне. Кстати, в полной мере это проявилось уже в первом, созданном им популярном очерке истории древнерусской архитектуры с X по конец XVII в., изданном в той же серии еще в 1970 г.⁹¹

Особняком среди творческого наследия П.А. Раппопорта стоит статья, посвященная анализу общих закономерностей стилистического развития архитектурных форм от средневековья до классицизма⁹². Эта статья важна еще и с той точки зрения, что она показывает нам П.А. Раппопорта не только как блестящего исследователя древнерусской архитектуры, но и как историка архитектуры, анализирующего весь опыт ее развития. Он и был не просто археологом, изучающим древнерусскую архитектуру, а именно Историком архитектуры с большой буквы. Когда его книга «Строительное производство Древней Руси» была переведена на английский язык и издана в Лондоне, ее переводчик и издатели выпустили ее под названием «Building the Churches of Kievan Russia» («Строительство церквей в

Древней Руси»), а между тем сам исследователь всегда подчеркивал, что он изучает не церковную архитектуру, а архитектуру вообще, просто на Руси объектами монументального строительства оказывались именно церкви, в то время как большинство жилых и гражданских построек, а тем более фортификационные сооружения, строились из дерева (деревянная и дерево-земляная архитектура имеет свою специфику развития).

Для П.А. Раппопорта, имевшего богатейший опыт изучения и жилищ, и крепостей, церковная архитектура была лишь одним из проявлений развития архитектурно-исторического процесса в целом. Для его общих очерков по истории древнерусской архитектуры («Зодчество Древней Руси» и «Древнерусская архитектура») характерен именно такой подход — в них рассматривается архитектура древней Руси во всех ее проявлениях, а церковной архитектуре отведено большее место именно потому, что в ней ярче всего проявились черты, свойственные зодчеству того времени. «Архитектура — одна из наиболее ярких и выразительных сторон истории мировой культуры. Это сложное, многоплановое явление, отражающее самые различные материальные и идеологические аспекты общественной жизни, требует для своего исследования глубокого и многостороннего подхода», — писал он в одной из своих работ⁹³. Для П.А. Раппопорта всегда существовала разница между археологией в традиционном понимании этой науки, церковной археологией, наукой, очень близко подходящей к предмету изучения П.А. Раппопорта, а порой и пересекающей с ним, но все же имеющая свои собственные специфические задачи, и архитектурной археологией, направленной на изучение истории архитектуры как таковой. Это совершенно не означает, что Павел Александрович изучал древнерусские храмы без учета их специфически церковных функциональных особенностей, этот аспект постоянно учитывался им, но не становился самоцелью исследования. Точно так же это не означает того, что им не учитывались и собственно археологические задачи, проблемы и методы — наоборот, он блестяще владел ими. Архитектурная археология в том виде, в каком она, благодаря усилиям П.А. Раппопорта, утвердилась в качестве самостоятельной научной дисциплины, по своим методологическим принципам и методическим приемам оказалась намного шире и даже сложнее собственно археологии.

Своими исследованиями П.А. Раппопорт показал, что к концу 1980-х гг. изучение русского зодчества домонгольского периода благодаря разработке целого ряда проблем вышло на качественно новый этап. В одной из своих последних обобщающих статей⁹⁴ он, подводя итоги сделанному, сформулировал задачи, которые стоят перед историками архитектуры в изучении этого периода: поиски и изучение не обнаруженных до сих пор памятников, создание методов точной датировки памятников, детальное изучение уже известных памятников и выяснение их первоначальных форм вплоть до графической реконструкции, продолжение углубленного изучения строительной техники и организации строительного производства, раскрытие методов работы древних мастеров и систем построения архитектурных форм древнерусскими зодчими, попытки раскрытия объективной логики художественной эволюции зодчества этого периода методом искусствоведческого анализа.

Таким образом, можно считать, что Павел Александрович своей деятельностью завершил определенный цикл изучения истории древнерусской архитектуры. Он

подвел итоги предшествующего периода и определил программу последующих действий. При этом на новый этап исследований истории древнерусской архитектуры вывели уже его фундаментальные исследования.

П.А. Раппопорт был удивительно доброжелательным человеком вообще и особенно, когда это касалось науки: он всегда был готов поделиться идеями, помогал, консультировал каждого, кто обращался к нему, будь то студент или ученый.

Высокий уровень научных трудов, всеобъемлющие знания в избранной им области в сочетании с эрудицией, доброжелательностью и заинтересованностью в научных успехах коллег, готовность помочь в работе создали Павлу Александровичу высокий авторитет. Его постоянно приглашали с докладами на конгрессы и конференции, предлагали печататься в СССР и за рубежом. Он вел обширную переписку со множеством коллег из разных стран и городов. Практически П.А. Раппопорт возглавил целое направление в исторической науке, объединяя ученых своим авторитетом. Поскольку годы расцвета его деятельности пришлось на сложный период, у него не было оформленной научной школы. Однако с определенного времени фактически существование такой школы, такого центра осознавалось уже всеми специалистами в этой области, а в настоящее время признано и официально.

Сектор славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР (позже отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН) благодаря Павлу Александровичу стал центром по архитектурно-археологическому изучению древнерусского зодчества. Научная жизнь здесь протекала очень интенсивно. На доклады П.А. Раппопорта всегда собиралась большая аудитория. Он постоянно привлекал специалистов из других городов с докладами на заседания сектора, тем самым помогая им публиковать новые материалы в научных изданиях института. Особенно интенсивно, оживленно и заинтересованно проходили ежегодные обсуждения результатов раскопок по окончании полевых работ, когда начальники отрядов, сотрудники экспедиций собирались на заседания сектора в институте или же дома у Павла Александровича.

Для П.А. Раппопорта научная работа была главной, ей он подчинял всю свою жизнь. Но он не замыкался только в ней. Павел Александрович любил и преподавательскую, и лекционную работу, любил общаться с людьми, интересующимися историей архитектуры, особенно с молодежью. Так, в течение 34 лет (начиная с 1954 г.) П.А. Раппопорт вел курс истории средневековой архитектуры (русской, византийской, народов СССР и западноевропейской) на архитектурном факультете Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина Академии художеств. В лекциях, как и в научной деятельности, Павел Александрович стремился дать студентам целостную систематизированную картину истории архитектуры, причем на самом современном научном уровне. Он умел привить многим студентам интерес к истории архитектуры. Многие из бывших его студентов, аспирантов и последователей работают в области истории и реставрации древних памятников в Санкт-Петербурге, Новгороде, Пскове и других городах России, а также Украине и Белоруссии (Львов, Киев, Чернигов, Минск, Витебск, Гродно). Зная объективность и доброжелательность Павла Александровича, к нему часто обращались с просьбой быть оппонентом на защите диссертаций. Также он много занимался редактированием.

Для многих само участие в его экспедициях становилось великолепной школой археологического (в широком понимании этого термина) изучения зодчества. Из сезона в сезон люди, чьи профессии не имели отношения ни к археологии, ни к реставрации, ни к истории архитектуры ездили с ним и становились настоящими специалистами в области истории архитектуры. Кстати именно авторитет «школы архитектурной археологии», заложенный П.А. Раппопортом, и сложившиеся при нем личные связи между исследователями и целыми организациями, оказался фактором сохранения традиции совместных исследований специалистами России, Украины и Белоруссии и научных связей, которые после распада СССР, как казалось в начале 1990-х гг., оказались навсегда разорванными и потерянными. Однако этого не произошло.

Авторитет самого П.А. Раппопорта и его российских последователей оказался настолько высоким и признанным, а связи настолько крепкими, что уже с конца 1990-х гг., после некоторого шокового периода, российские, украинские и белорусские специалисты-последователи П.А. Раппопорта начали целый ряд совместных исследовательских проектов. Особенно тесные отношения сложились с отделами архитектурной археологии, археологии Киева, археологии Древней Руси и средневековой археологии ИА НАНУ. В результате такого сотрудничества фактически сложилась единая украинско-российская экспедиция под руководством Г.Ю. Ивакина (Киев) и О.М. Иоаннисяна (Санкт-Петербург). Объектами совместного изучения исследователей из Киева и Санкт-Петербурга с конца 1990-х гг. становились такие памятники киевского зодчества, как собор и надвратная церковь Михайловского-Златоверхого монастыря (исследования 1996–2000 гг.), церковь XII в. на Юрковской улице на Подоле (исследования 2003 г.) и, наконец, древнейшие памятники русского зодчества Десятинная церковь и входящие в единый с ней ансамбль дворцовые сооружения Киевского детинца (исследования 2005–2011 гг.). Итоги совместных исследований Десятинной церкви и памятников Киевского детинца привели к результатам, имеющим важнейшее значение и позволяющим серьезно переосмыслить сложившиеся и устоявшиеся представления о сложении и самых первых шагах архитектуры Руси, а также о роли столичной и провинциальной архитектуры Византии и архитектуры Первого Болгарского царства в становлении зодчества Древней Руси.

Талант П.А. Раппопорта как популяризатора знаний о культуре Древней Руси и в целом об архитектуре проявился в его общедоступных лекциях по истории древнерусской архитектуры, которые он около 20 лет читал в лектории Русского музея. И здесь его просветительская деятельность была на современном научном уровне, чувствовалось, что выступает ученый, а не профессиональный лектор. Его лекции были очень популярны, залы всегда были полны. Он никогда не отказывал студентам разных институтов, когда они обращались с просьбой прочитать цикл лекций по истории архитектуры в их кружках или лекториях. Надо отметить, что свои лекции Павел Александрович иллюстрировал слайдами, большей частью снятыми им самим. Он увлекался фотографией еще в юности и всю жизнь, начиная с первых шагов профессиональной деятельности, сам вел фотофиксацию раскопок (как, кстати, и графическую фиксацию), бесценоно снимал и снимал архитектуру. Фотографическое наследие П.А. Раппопорта само по себе представляет уникальный и бесценный источник и, более того, многие из его

фотографий памятников архитектуры являются еще и замечательными произведениями фотоискусства.

Большой вес мнение П.А. Раппопорта имело при обсуждении проблем реставрации. К нему постоянно обращались за консультацией и советами. Он всемерно поддерживал научную реставрацию и был противником «новодела». По сути дела, настоящая научная архитектурная реставрация для П.А. Раппопорта была составной частью архитектурной археологии. До него археология в реставрации, хотя и занимала важное место в проведении проектных и исследовательских работ, но являлась все же вспомогательным, хотя и самостоятельным разделом, понимаемым как раскопки у реставрируемых памятников или внутри них, связанные с подготовкой проекта и ходом их реставрации. П.А. Раппопорт поставил перед архитекторами-реставраторами те же задачи, что и перед археологами, изучающими архитектуру. Фактически он не просто уравнивал в правах архитекторов-реставраторов и археологов, но и поставил перед реставраторами задачу решения исследовательских задач. Он прямо указал на то, что сам процесс реставрационного исследования и подготовка проекта реставрации по сути дела является задачей архитектурно-археологической. Исследователь писал: «... и в хорошо сохранившихся памятниках обычный обмер сооружения совершенно недостаточен для того, чтобы понять, как оно выглядело вскоре после реставрации», и далее: «Выяснением первоначального облика памятников занимаются в основном архитекторы-реставраторы. В процессе консервационных и реставрационных работ обычно удается установить места утрат древней кладки, а также более поздних переделок. Задача, решить которую стремится архитектор-реставратор, состоит не только в том, чтобы укрепить разрушающееся здание, но и исследовать его тщательнейшим образом с целью графически точно воссоздать первоначальный облик сооружения. Таким образом, каждый архитектор-реставратор должен быть, по существу, и исследователем»⁹⁵. Именно так и работали ближайшие коллеги П.А. Раппопорта — архитекторы-реставраторы С.С. Подъяпольский и Г.М. Штендер.

П.А. Раппопорт занял место в ряду таких блестящих исследователей древнерусского зодчества, как М.К. Каргер и Н.Н. Воронин, заложивших еще в 1930-е гг. основы архитектурной археологии. Долгие годы работая совместно с ними и являясь непосредственным учеником последнего, П.А. Раппопорт не только воспринял и развил методику архитектурно-археологических исследований, но и фактически превратил архитектурную археологию в самостоятельную отрасль как историко-архитектурной, так и археологической науки. Творческий метод этого направления, разработанный П.А. Раппопортом, синтезировал методы археологии, истории, истории искусства, теории и практики архитектурной реставрации.

Этот метод был подхвачен его учениками и последователями и продолжает развиваться в проводимых ими исследованиях, хотя сложная ситуация, в которой в наши дни находится наука, и особенно гуманитарная, не может не вызывать тревогу о дальнейшей судьбе архитектурной археологии и архитектурной реставрации. Однако рассмотрение этих проблем выходит за рамки вступительной статьи к публикации работ самого исследователя и требует специальных публикаций.

¹ Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. — М.; Л., 1955 (МИА; № 52); он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. — М.; Л., 1961 (МИА; № 105); он же. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. — Л. 1967 (МИА; № 140).

² Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л. 1979.

³ Раппопорт П.А. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского // Советская археология. — 1977, № 4. — С. 253–266; он же. Мстиславов храм во Владимире-Волынском // Зограф, № 7. — Белград, 1977. — С. 17–22.

⁴ Пескова А.А., Раппопорт П.А. Неизвестный памятник волынского зодчества XII в. // Памятники культуры. Новые открытия/ Ежегодник. 1986. — Л., 1987. — С. 541–546.

⁵ Малевская М.В. Церковь Иоанна Богослова в Луцке — вновь открытый памятник архитектуры XII века // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. — СПб., 1997. — С. 9–35.

⁶ Малевская М.В., Пескова А.А. Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Волынском // Проблемы изучения древнерусского зодчества. — СПб., 1996. — С. 57–60.

⁷ Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII в. // СА, 1980, № 3. — С. 142–161; 547; Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. Дворец в Полоцке // КСИА. — 1981, вып. 164. — С. 91–99; Раппопорт П.А., Штендер Г.М. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия/ Ежегодник. 1979. — М., 1980. — С. 459–468.

⁸ Булкин В.А. Проблемы изучения Полоцкого Софийского собора // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983. — С. 113–114; он же. Софийский собор в Полоцке (К вопросу о западных апсидах) // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. — М., 1988. — С. 59–63; Полоцкий Софийский собор в XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, языковедение, литература. — Вып. 1. — Л., 1991. — С. 3–18; он же. Основные этапы строительной истории Софийского собора в Полоцке // Сборник материалов программы «Храм». — Вып. 10. — СПб., 1996. — С. 44–52; он же. Полоцкий софийский собор в XI веке // Гістарычна-археалагічны зборнік. — № 15. — Мінск, 2000. — С. 132–138; он же. Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода // СЮФИА: Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. — М., 2006. — С. 89–100; Булкин В.А., Рождественская Т.В. Надписи на камне из храма Софии в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия. /Ежегодник. 1982. — Л., 1984. — С. 7–12.

⁹ Раппопорт П.А. Церковь Благовещенья в Витебске // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. — М., 1987. — С. 522–528.

¹⁰ Иоаннисян О.М., Могитыч И.Р., Свешников И.К. Церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде на Белке — памятник деревянного зодчества домонгольской Руси. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. — Л., 1983. — С. 494–507.

¹¹ Иоаннисян О.М. Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века // СА. — 1983, № 1. — С. 231–244; он же. Церковь Спаса в Галиче — памятник первой половины XII века // Древние памятники культуры на территории СССР. — Л., 1986. — С. 102–109; он же. К вопросу о датировке древнерусского каменного храма в урочище Цвинтариски в окрестностях древнего Галича // Проблемы изучения древнерусского зодчества. — СПб., 1996. — С. 82–86.

¹² Иоаннисян О.М. Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. — М., 1994. — С. 109.

¹³ Иоаннисян О.М. Основные этапы развития галицкого зодчества. / Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. — М., 1988. — С. 41–63.

¹⁴ Раппопорт П.А. Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. — 1982. Вып. 172. — С. 79–82; он же. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. — Вып. 1 (11). — Л., 1982. — С. 189–202; Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы. // СА. — 1982, № 3. — С. 35–46.

¹⁵ Булкин В.А., Седых В.Н., Штендер Г.М. К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. — Л., 1985. — С. 123–128; Булкин В.А.,

Штендер Г.М. Храм-колокольня Антониева монастыря в Новгороде / АО 1985. — М., 1987. — С. 4–5; Булкин В.А., Штендер Г.М. Исследование Спасо-Преображенского собора 1192 г. Хутынского монастыря. / Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции. — Новгород, 1987. — С. 54; Булкин В.А. Спасо-Преображенская церковь на Нередице и новгородская архитектурная школа XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. — М., 2005. — С. 33–50.

¹⁶ Иоаннисян О.М. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. — СПб., 1997. — С. 199–228.

¹⁷ Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Леонтьев А.Е., Торшин Е.Н. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 6. — Ростов, 1994. — С. 189–217.

¹⁸ Иоаннисян О.М. Галицкая традиция в зодчестве Северо-Восточной Руси XII в. // Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Івано-Франківськ-Галич. — 1998. С. 116–120.

¹⁹ Чукова Т.А. Раскопки на городище в с. Кидекша под Суздалем // Материалы по Средневековой археологии Северо-Восточной Руси. — М., 1994. — С. 140–147.

²⁰ Раппопорт П.А. Новые данные об архитектуре древнего Гродно. / Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. — М., 1988. — С. 64–72.

²¹ Большаков Л.Н., Раппопорт П.А., Трусов О.А., Ткачев М.А. Памятник древнерусского зодчества в гродненском детинце. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. — 1987. — М., 1988. — С. 461–467.

²² Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Памятники Древнерусской архитектуры в Чернигово-Северской земле // «Зограф». — Т.18. — Београд, 1987. — С. 5–11.

²³ Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Неизвестный памятник зодчества на Руси // Византийский Временник. — Т. 51. — М., 1990. — С. 201–204; они же. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце / Южная Русь и Византия. — Киев, 1991. — С. 142–157; они же. Храм-усыпальница в Чернигове. / Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. — М., 1993. — С.36–53.

²⁴ Орлов Р.С., Булкин В.А. Работы Белоцерковской экспедиции // АО. — 1983. — М., 1985. — С.332–334.

²⁵ Малевская М.В. Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV–XV вв. // КСИА — Вып. 135. — М., 1973. — С. 90–98; она же. Архитектурный комплекс Новогрудского детинца XIII–XIV вв. // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983. — С. 122–125.

²⁶ Малевская М.В., Шолохова Е.В. Архитектурно-археологические исследования во Владимире-Волыньском // АО — 1976. — М., 1977. — С. 327–328.

²⁷ Малевская М.В. Церковь Иоанна Богослова в Луцке — вновь открытый памятник архитектуры XII века // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. — СПб., 1997. — С. 9–35.

²⁸ Малевская М.В., Иоаннисян О.М., Могитич И.Р., Бучко Р.В. Исследования памятников архитектуры в Львове и Львовской области // АО — 1977. — М., 1978. — С. 352–353; Малевская М. В. Архитектурно-археологические исследования в Львовской области // АО — 1980. — М., 1981. — С. 277–278.

²⁹ Булкин В.А. Новые данные о каменных постройках Хутынского монастыря и Гостиного двора в Новгороде // АО — 1981. — М., 1983. — С. 10–11.

³⁰ Булкин В.А. Новые материалы по археологии Углича // АО — 1985. — М., 1987. — С. 57.

³¹ Булкин В.А., Иоаннисян О.М., Салимов А.М. Успенский собор тверского Отроча монастыря по археологическим данным (предварительные итоги). / Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. — Калинин, 1989. — С. 97–107.

³² Ёлшин Д. Д., Городилов А. Ю. Головокружение от успехов (о методе фиксации с использованием ректифицированной ортофотосъемки) // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга. — СПб., 2013. — С. 12–14.

³³ Подьяпольский С.С. Церковь Архангела Михаила // Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979. — С. 163–195.

³⁴ Раппопорт П.А., Штендер Г.М. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. — 1979. — М., 1980. — С. 459–468.

³⁵ Раппопорт П.А. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича. // СА — 1976, № 2, С. 83–93 (Статья перепечатывается в настоящем сборнике).

³⁶ Раппопорт П.А. Знаки на плинфе // КСИА — 1977, вып. 150. — С. 28–33 (Статья перепечатывается в настоящем сборнике).

³⁷ Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). — СПб., 1994. — С. 8–18.

³⁸ Раппопорт П.А. Кирпич Древней Руси // Памятники науки и техники. Ежегодник. — 1987–1988. — М., 1989. — С. 133–164; он же. О времени появления брускового кирпича на Руси // СА — 1989, № 4. С. 207–211 (перепечатывается в настоящем сборнике); он же. О датах закладки и сроках строительства древнерусских храмов // Палестинский сборник. — Вып. 32 (95). — СПб., 1993. — С. 37–42 (перепечатывается в настоящем сборнике).

³⁹ Раппопорт П.А. Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры // Византия и Русь. — М., 1989. — С. 139–145 (перепечатывается в настоящем сборнике).

⁴⁰ Там же — С. 139.

⁴¹ Там же — С. 140.

⁴² Там же.

⁴³ Там же — С. 143.

⁴⁴ Там же — С. 144.

⁴⁵ Раппопорт П.А. К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 459–462.

⁴⁶ См. об этом: Иоаннисян О.М. Проблема взаимосвязей византийской архитектуры и зодчества Древней Руси (историографический очерк) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. — СПб., 2004. — С. 194–201.

⁴⁷ Павлинов А.М. История русской архитектуры. — М., 1894. — С. 3.

⁴⁸ Там же — С. 4–5.

⁴⁹ Krautheimer R. Early Christian and Byzantine architecture, 3d edition. — Harmondsworth, 1979. — P. 309–310.

⁵⁰ Mango C. Byzantine architecture. — New York, 1974. — P. 324–340.

⁵¹ Забелин И.Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. — М., 1900.

⁵² Забелин И.Е. Указ. соч. — С. 83–109.

⁵³ Воронин Н.Н. Зодчество Киевской Руси // История русского искусства. — Т. I. — М., 1953. — С. 132.

⁵⁴ Brunov N. Zur Frage des Ursprungs der Sophienkirche in Kiev // Byzantinische Zeitschrift, Bd. 29, 1930. — S. 248–259; idem. Ueber den Stil der altrussischen Baukunst // Wiener Jahrbuch für Kunstwissenschaft, Bd. 6, 1929 — S. 7–26.

⁵⁵ Брунов Н.И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. — Т. 3. — Л; М., 1966. — С. 108.

⁵⁶ Раппопорт П.А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ — Т. 45. — М., 1984. — С. 185–191.

⁵⁷ Там же — С. 186.

⁵⁸ Раппопорт П.А. Строительные артели Древней Руси и их заказчики. — С. 80–89.

⁵⁹ Раппопорт П.А. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в. // Труды Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина — Вып. 3. — Л., 1970. — С. 3–35; Раппопорт П.А., Иоаннисян О.М. О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Студеница и византийска уметност око 1200. Године. — Научни скупови Српске академије наука и уметности, књ. XLI, Одељење историјских наука, књ. 11, С. 287–294 (перепечатываются в

этом сборнике), а также написанная в 1987 г. совместно с О.М. Иоаннисяном и впервые публикуемая здесь статья «Архитектурные школы Древней Руси».

⁶⁰ Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. — СПб., 1993 — С. 256–257.

⁶¹ Малевская М.В. Церковь Иоанна Богослова в Луцке — вновь открытый памятник архитектуры XII века, — С. 9–35; Малевская М.В., Пескова А.А. Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Вольнском // Проблемы изучения древнерусского зодчества. — СПб., 1996. — С. 57–60.

⁶² Пескова А.А., Раппопорт П.А. Неизвестный памятник волынского зодчества XII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. — 1986. — Л., 1987. — С. 541–546.

⁶³ Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Памятники Древнерусской архитектуры в Чернигово-Северской земле. — С. 5–11.

⁶⁴ Саложников Н.В. Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. Труды ГИМ. — Вып. 111. — М., 1999. — С. 120–126; <http://www.smolgazeta.ru/culture/12581-v-smolenske-vozobnovleny-raskopki-xrama-xii-veka.html>.

⁶⁵ Сагайдак М. Нові відкриття на Подолі та деякі дискусійні питання історичної топографії середньовічного Києва // Ант, 2005, № 13-15. — С. 6–25.

⁶⁶ Ивакин Г.Ю., Козюба В.К. Ворота с надвратной церковью конца XII в. в Киеве // Труды Государственного Эрмитажа, т. XLVI. Архитектура и археология Древней Руси. — СПб., 2009. — С. 85–100.

⁶⁷ <http://www.karachev-ga.ru/news.php?readmore=250>

⁶⁸ Беляев Л.А. Борисоглебский храм: новые исследования (1999-2004 гг.) // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. — М., 2005. — С. 139.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ ПСРЛ, т. II. — М., 1962. — Стлб. 294, 300.

⁷¹ Ивакин Г.Ю. О церкви Успения Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь. — Киев, 1989. — С. 168–180.

⁷² Раппопорт П.А. Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА — Вып. 179. — М., 1984. — С. 61.

⁷³ Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. — Л. 1986. — С. 55–58.

⁷⁴ Раппопорт П.А. Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА — 1984, вып.179. — С. 61.

⁷⁵ Ивакин Г.Ю. Указ. соч.. — С. 174-175; он же. Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей // Проблемы изучения древнерусского зодчества. — СПб., 1996. — С. 51–53.

⁷⁶ Ивакин Г.Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогощей. — С. 174.

⁷⁷ Там же — с. 175; он же. Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей. — С. 53.

⁷⁸ Ивакин Г.Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогощей. — С. 175.

⁷⁹ Ивакин Г.Ю. Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей. — С. 53.

⁸⁰ Ивакин Г.Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогощей — С. 174.

⁸¹ Там же, с. 175; он же. Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей. — С. 51–53.

⁸² Ивакин Г.Ю. Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей — С. 53.

⁸³ Сагайдак М. Указ. соч. — С. 6–25.

⁸⁴ Иоаннисян О.М. О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // Ruthenica, Т. VI. Київ, Інститут історії України НАНУ. — 2007. С. 134-188. В таблице П.А. Раппорта Борисоглебский собор помещен дважды в хронологические промежутки между 1086 и 1089 гг. и 1110 и 1120 гг.

⁸⁵ Раппопорт П.А. Русская архитектура на рубеже XII–XIII веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 12–29.

⁸⁶ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — Л., 1982.

⁸⁷ Там же — С. 6.

⁸⁸ Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв. // СА — 1962, № 2. — С. 61–80.

⁸⁹ Вагнер Г.К. Рецензия на книгу П.А. Раппопорт. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. САИ. – Вып. Е1-47. – Л., 1982 // СА, 1985, № 1. – С. 285–288.

⁹⁰ Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. – Л., 1986.

⁹¹ Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. – М., 1970.

⁹² Раппопорт П.А. О некоторых теоретических вопросах истории архитектуры // Проблемы синтеза искусств и архитектуры, вып. 19. – Л., 1985, С. 3–15 (перепечатывается в этом сборнике).

⁹³ Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. – СПб., 1993. – С. 27.

⁹⁴ Раппопорт П.А. О методике изучения древнерусского зодчества // СА, 1988, № 3. – С. 118–129 (статья перепечатывается в настоящем сборнике).

⁹⁵ Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. – СПб., 1993. – С. 18.

I

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

О некоторых теоретических вопросах истории архитектуры*

В нашей стране за послевоенные годы достигнуты огромные успехи в изучении истории архитектуры. Созданы капитальные труды, раскрывающие картину развития архитектуры России, Кавказа, Прибалтики и других районов Советского Союза. Издана наиболее крупная из всех существующих 12-томная сводная история архитектуры всех времен и народов.

Достигнутые успехи связаны прежде всего с детальным изучением самих памятников. Обмеры существующих сооружений, крупные реставрационные работы, возвращающие памятникам первоначальный облик, архивные изыскания, археологические раскопки памятников, остатки которых были скрыты под землей — все это позволило многократно увеличить фонд привлекаемых к исследованию сооружений. Там, где изучение истории архитектуры строилось прежде на немногих объектах, теперь, как правило, рассматриваются целые серии, состоящие из большого количества детально изученных памятников.

Но не меньшую роль, чем количественное изменение фактического материала, имеет иной, чем ранее, методологический, подход к истории зодчества. Марксистский исторический метод дал возможность совершенно по-новому, объективно раскрыть закономерный процесс развития архитектуры как важного раздела истории культуры общества. В дореволюционной буржуазной историко-архитектурной науке памятники рассматривались большей частью внеисторически, т. е. вне развития и вне связи с историей общества. И даже позднее, когда делались попытки выяснить процесс развития архитектуры, этот процесс часто идеалистически рассматривался как независимый от социального развития, от общеисторической обстановки. Не сразу пришло понимание того, что развитие архитектуры нельзя метафизически отрывать от всех других сторон жизни общества, в котором эта архитектура создавалась, так же как нельзя это развитие понимать как чисто механический процесс постепенной смены одних форм другими. К сожалению, первые попытки связать историю архитектуры с марксистской методологией приводили к вульгарному социологическому подходу, при котором каждый стиль однозначно определялся как стиль определенного класса¹. Преодоление этих недостатков в сочетании с детальным изучением памятников и привело к тому яркому расцвету

* Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Выпуск XIX. — Л., 1985.

советской историко-архитектурной науки, которым отмечены последние три десятилетия.

Однако если в конкретных разделах истории зодчества достигнуты значительные успехи, общие вопросы методики и методологии привлекали гораздо меньше внимания. «Если в разработке вопросов истории архитектуры и строительной техники достигнут прогресс, то теоретико-архитектурная область все же сильно отстает... То немногое, что имеется, построено главным образом на основе современной архитектурной практики, вне связи с архитектурным наследием, с многовековым опытом мирового зодчества»². В смежных разделах исторической науки, например в археологии, уже имеются исследования, посвященные определению предмета, границ и специфики данного раздела науки. В области же истории архитектуры почти нет специальных работ, дающих анализ и оценку познавательной ценности памятников зодчества, соотношения в зодчестве формы и содержания, общих закономерностей развития архитектуры. В многочисленных трудах по теории современной архитектуры вопросы исторического развития зодчества, как правило, не рассматриваются. Очень немного работ посвящено значению памятников зодчества в современном обществе³. Между тем нерешенных вопросов в области общей проблематики истории архитектуры остается еще очень много. В настоящей статье мы коснемся двух вопросов — исторической информативности памятников зодчества и соотношения в них содержания и формы как художественной, так и конструктивной.

Любое искусство является порождением своей эпохи. В ярких художественных образах оно отражает эстетические взгляды, идеологию, многие стороны общественной жизни. Об этом неоднократно писали классики марксизма. Очень четко сформулировал это Г.В. Плеханов: «...всякое художественное произведение... можно объяснить состоянием умов и нравов данного времени»⁴. Эту же мысль высказывали многие писатели, художники, музыканты. «Искусство было всегда прекрасным зеркалом общественного строя,» — утверждал Р. Вагнер⁵. Положение это полностью применимо и к архитектуре. Более того, благодаря своим строительно-техническим особенностям, в которых воплотилось развитие производительных сил общества, архитектура особенно полно и многообразно отражает эпоху. В каждом памятнике зодчества заключена огромная информация о самых различных сторонах и событиях жизни той поры, когда эти сооружения возводились. В. Гюго, уделивший много внимания памятникам зодчества, писал: «До XV столетия зодчество было главной летописью человечества; за этот промежуток времени во всем мире не возникало ни одной хоть сколько-нибудь сложной идеи, которая не выразила бы себя в здании; каждая народная идея, как и каждый религиозный закон, имели свой памятник. У рода человеческого не возникало ни одной значительной мысли, которую он не запечатлел бы в камне»⁶. Особенно точно и кратко это резюмировал Н.В. Тоголь: «Архитектура — тоже летопись мира; она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания, а когда уже ничто не говорит о погибшем народе»⁷. Многократно писали об этом и архитекторы, и историки архитектуры. «Архитектура — правдивое выражение всего состояния общества...»⁸.

Казалось бы, что мысль о том, что памятники зодчества очень полно отражают свою эпоху, настолько бесспорна, что не должна была вызывать никаких сомнений.

Действительно, разве величие императорского Рима не отражено в Колизее, Форуме, дворце Диоклетиана, а блеск абсолютной монархии во Франции — в ансамбле Версаля? Между тем это положение иногда все же вызывало возражения, порой довольно резкие. Особенно ярко это отразил Д.И. Писарев, который писал: «Каждому читателю случалось, конечно, не раз слышать возгласы о том, что архитектура такого-то века и такого-то народа воплотила в себе жизнь, все миросозерцание, все духовные стремления этого века и этого народа... Если поверить этим господам на слово, то окажется, что им для основательного изучения прошедшего совсем не нужны письменные документы; они берутся угадать и рассказать вам всю подноготную на основании мраморных поэм и гранитных эпосов...»⁹. Объясняется это тем, утверждал Писарев, что зритель «всегда будет угадывать верно по той простой причине, что он как человек довольно начитанный будет всегда знать заранее, что именно в данном случае должно быть угадано... А так как большинство людей не умеет анализировать свои собственные впечатления, то этим людям и кажется, что их воспоминания расшевеливаются в них именно самой формой здания, и что, следовательно, эта форма находится в необходимой внутренней связи с жизнью, с деятельностью и с образом мыслей того человека, о котором приходится вспоминать»¹⁰. Возражения Писарева, на первый взгляд, кажутся вполне убедительными. Действительно, не вносим ли мы в наше понимание памятников зодчества свои субъективные представления об эпохе их создавшей? Мы полагаем, например, что собор Василия Блаженного — это памятник величия сложившегося централизованного Московского государства, яркий и торжественный монумент победы русского оружия. Но вот как воспринимал его М.Ю. Лермонтов: «Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собой самого Иоанна Грозного — но таковым, каков он был в последние годы своей жизни»¹¹. А ведь Лермонтову нельзя отказать в хорошем вкусе и понимании искусства!

И все же Писарев ошибался. Древние памятники зодчества действительно могут очень многое рассказать о создавшей их эпохе. Они объективно отражают самые различные стороны жизни общества, в том числе иногда и такие, о которых не говорят никакие другие источники. Ошибка Писарева в том, что он принял частный случай за закономерность. Конечно, люди часто неверно понимают идейный смысл памятников зодчества, поскольку вкладывают в него свое понимание эпохи, а это понимание может быть и неполным, и ошибочным. Однако из этого не следует, что памятники не содержат объективной информации. Интерпретация той информации, которая скрыта в памятниках зодчества, — процесс трудный и требующий сугубой осторожности. Чтобы понять, что именно говорят о своей эпохе памятники зодчества, нужно прежде всего очень хорошо знать эту эпоху. «Все произведения искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизации непременно требуют, чтобы мы перенесли в ту эпоху, в ту цивилизацию, которая создала их; иначе они покажутся нам непонятными...»¹² — писал Н.Г. Чернышевский. Только при хорошем знании эпохи памятники зодчества могут стать подлинными источниками, которые еще полнее и ярче осветят нам жизнь прошедшего времени.

К сожалению, для периодов античности и средневековья мы, как правило, не имеем письменных свидетельств, разъясняющих идею зодчего, т. е. говорящих о

памятниках словами людей того времени. Конечно, многое можно понять даже без письменных источников. Так, колоссальные пирамиды древнего Египта, и сейчас поражающие нас своим величием, несомненно должны были внушать современникам представление о сверхчеловеческой сущности фараона, гробницей которого они служили. Идея, вложенная в создание пирамид, не вызывает у нас сомнений, хотя мы и не имеем прямых письменных подтверждений этому в древнеегипетских текстах.

Даже и без письменных свидетельств для нас несомненно, что грандиозные постройки Тимура в Самарканде должны были говорить о могуществе эмира — их заказчика. Так, гигантские размеры дворца Тимура в Шахризиябсе должны были как бы вещественно подкреплять слова, начертанные на портале этого дворца: «Эмир — тень Аллаха на земле». Но известна надпись, существовавшая на стене дворца и свидетельствующая об идейном замысле горделивыми словами самого Тимура: «Если ты сомневаешься в нашей силе и могуществе, взгляни на наши постройки»¹³. Нечто подобное имел в виду и император Юстиниан, пожелавший, чтобы построенный по его заказу константинопольский Софийский собор превзошел Иерусалимский храм, считавшийся одним из чудес света; об этом свидетельствует его фраза «Я победил тебя, Соломон!», произнесенная при виде оконченного здания¹⁴.

Таинственный полумрак и стремительный взлет архитектурных форм в интерьерах готических соборов несомненно отвечали мистическому настроению, которое должно было слагаться у молящихся в соответствии с канонами средневекового христианства. Конечно, средневековые строители и заказчики понимали это в совершенно иной форме, чем мы это понимаем сейчас, но создавали свои произведения далеко не всегда интуитивно; большей частью они делали это вполне сознательно, вкладывая в сооружение определенную идеологическую задачу. Так, в середине XV в. итальянский архитектор Филарете писал: «Теперь мы строим наши церкви высокими, чтобы входящий туда чувствовал себя возвышенным и его душа могла подняться для созерцания Бога»¹⁵. Об этом же свидетельствует и декрет Флорентийского городского совета 1334 г., в котором говорится, что все здания в городе должны возводиться «с сознанием чести и достоинства города»¹⁶. Также обстояло дело и в античную эпоху. Так, Витрувий, описывая перестройку храма в Элевзисе, отметил, что, кроме увеличения пространства, зодчий Филон придал «... и высшее величие сооружению»¹⁷.

Следует иметь в виду, что в отличие от изобразительных искусств в архитектуре идеи отражаются в отвлеченной, бессюжетной форме и, в силу этого, отвечают не конкретным, а гораздо более общим художественным взглядам эпохи. Идеологическая направленность работ зодчего может проявляться как следствие ведущих философских и эстетических направлений данного времени, иногда даже вопреки конкретным политическим убеждениям самого мастера. Так, философские идеи, связанные с французской буржуазной революцией, нашли наиболее яркое воплощение в геометризованных формах архитектурных проектов К.Н. Леду¹⁸. Но сам Леду был роялистом.

Необходимо учитывать, что в создании архитектурного сооружения отражается не только замысел зодчего, но и воля заказчика. Во многих случаях, как, например, при строительстве культовых сооружений, сам выбор типа храма

полностью зависит от заказчика. По отношению к культовой живописи это было четко сформулировано в постановлениях 2-го Никейского собора (787 г.), где говорилось, что композиция священных изображений не может быть предоставлена воображению художника, а должна основываться на принципах, излагаемых церковью: «Только искусство принадлежит художнику, а композиция отцам церкви»¹⁹. Несомненно, что так относились не только к культовой живописи, но и к зданию самой церкви, поскольку структура такого здания определялась церковными канонами. Хорошим примером зависимости типа сооружения от воли заказчика может служить, например, церковь Марторана в Палермо (XII в.). В отличие от прочих памятников сицилийского зодчества этой поры, представляющих собой типичные романские базилики, эта церковь почти квадратная в плане, с куполом в центре и по своей схеме приближается скорее к крестово-купольному типу, чем к базилике. Объяснить появление такого, чуждого Италии, типа храма позволяет сохранившаяся в нем мозаика, изображающая заказчика, — адмирала сицилийского флота Георгия Антиохийца. Он был родом из Антиохии, т. е. грек по национальности, и, очевидно, заказал зодчему построить церковь по византийскому образцу, а не по итало-романскому. Не менее характерный пример — строительство архитектором Фиораванти Успенского собора в Московском Кремле по указанному заказчиком образцу.

Желанием заказчика или его материальными возможностями определяются часто и размеры сооружения. В Печерском Патерике приводится легенда о построении Успенского собора киевского Печерского монастыря. В этой легенде говорится, что Богородица указала зодчим основные размеры храма — его длину, ширину и высоту. То, что заказчиком в данном случае выступает мифическая Богородица, дела не меняет.

Помимо общей идеи, в строительстве здания, очевидно, учитывались и многочисленные частные соображения, которые отражали художественный вкус заказчика, его функциональные требования, а иногда даже политические взгляды. К сожалению, все эти стороны далеко не всегда поддаются расшифровке. И все же в отдельных случаях, особенно тогда, когда наши знания о данной эпохе более полные и детальные, удается уловить и прямой смысл некоторых архитектурных форм, вернее тот смысл, который вкладывали в них современники. В конце XVI в. в селе Кушалино близ Твери была построена церковь²⁰. Она венчалась шатром, а в нижней части представляла собой как бы сильно уменьшенную и примитивно исполненную копию Архангельского собора Московского Кремля. Заказчиком был Симеон Бекбулатович, который по прихоти Ивана Грозного в течение одного года номинально числился «царем всея Руси». Сосланный Борисом Годуновым в свою вотчину — село Кушалино, Симеон заказал построить церковь, которая должна была служить его усыпальницей. И помня, что он был некогда царем, он заставил зодчего соорудить церковь по образцу Архангельского собора, т. е. царской усыпальницы. Политические амбиции заказчика здесь прямо отразились в архитектурных формах. Другой пример — церковь в селе Аннино близ Рузы. Эту небольшую шатровую церковь обычно считали памятником XVI в., поскольку острые одношатровые композиции в XVII в. уже, как правило, не применяли, а во второй половине XVII в. шатровые завершения церквей вообще были запрещены. Оказалось, однако, что церковь в Аннино построена в 1690 г.²¹ Более того,

вторая такая же церковь была возведена в с. Петровском на Москве-реке. Обе эти церкви находились в вотчинах боярина И.М. Милославского, одного из наиболее крупных и наиболее ярых противников Петровских реформ. Очевидно, именно он приказал зодчему построить эти шатровые церкви, что было явным стремлением показать свою приверженность старине и явилось прямым вызовом патриарху и официальной церкви²². Архитектурные формы здесь также непосредственно связаны с идеологической и политической борьбой. Этот смысл архитектурных форм, очевидно, хорошо понимали современники.

Таким образом, несомненно, что памятники зодчества объективно и многогранно отражают свою эпоху. В них содержится информация о самых различных сторонах жизни, хотя расшифровать эту информацию порой бывает очень нелегко.

В каждом подлинном художественном произведении всегда соблюдено единство формы и содержания, причем относится это ко всем видам искусства. В общефилософском плане это сформулировал, например, Г.В. Плеханов, писавший, что «красота есть соответствие формы содержанию»²³. Отмечали это и художественные критики, и художники, и писатели. Так, Ф.М. Достоевский писал: «Чем познается художественность в произведении искусства? Тем, если мы видим согласие, по возможности полное, художественной идеи с той формой, в которой она воплощена»²⁴. В полной мере это относится и к архитектуре, на что неоднократно указывали и сами архитекторы: «Одним из основных законов архитектуры, как и всех искусств, является единство формы и содержания»²⁵.

Таким образом, необходимость соответствия формы содержанию художественного произведения никогда не вызывала сомнений. Тем не менее в отношении архитектуры, как ни странно, всегда упоминали не две, а три основные стороны, причем такие упоминания известны, начиная с древнеримского времени. Уже Витрувий, описывая правила, которыми должен руководствоваться архитектор, указывал, что «все это должно делать, принимая во внимание прочность, пользу и красоту»²⁶. Позднее об этом, употребляя, впрочем, различные формулировки, писали Палладио и Альберти²⁷. Еще позже, опять-таки в иных формулировках, это можно найти в сочинениях Д. Дидро: «Все искусство (архитектуры. — П.Р.) заключается в трех словах: прочность или безопасность, соответствие и симметрия»²⁸. С формулировкой Витрувия, переведя ее на современный язык («конструкция, функциональность и красота»), соглашались и архитекторы XX в.²⁹ Почему же в архитектуре отмечают, как правило, не две, а три стороны? Дело в том, что эти три стороны — те же форма и содержание, но в специфически архитектурном выражении. Архитектура объединяет в себе искусство и технику, а следовательно, ее форма выражается двояко, как форма художественная и одновременно как форма конструктивно-техническая. «Польза», упоминаемая среди этих трех сторон архитектуры (в других формулировках «назначение», «удобство», «соответствие»), — это ее содержание. «Прочность» (иначе «долговечность», «крепость») — форма конструктивная, а «красота» (иначе «изящество», «симметрия») — форма художественная.

Наличие в архитектуре двух аспектов формы отражает, таким образом, сущность архитектуры, как явления, объединяющего в себе художественную и техническую стороны. Соотношение художественной и конструктивной формы в произведении архитектуры может быть очень разнообразным³⁰. Более того, борьба

этих двух ипостасей формы является основой имманентного развития зодчества, его движущим противоречием. Отмечено, что в каждом слагающемся крупном архитектурном стиле техническая сторона вначале превалирует над художественной, т. е. художественная форма в большой степени подчинена конструктивной. В дальнейшем, на зрелом этапе развития стиля, эти стороны формы становятся равноправными, а затем на позднем этапе развития стиля начинает преобладать чисто художественная сторона, подчиняющая себе техническую. При этом художественная форма порой отрывается от конструктивной, приобретает самодовлеющее значение³¹. Это противоречие находит свое разрешение в гибели старого и появлении нового архитектурного стиля, в котором взаимоотношение конструктивной и художественной форм вновь повторяет тот же цикл. Во многих крупных архитектурных стилях прошлого такая эволюция прослеживается совершенно отчетливо. Таково развитие древнеримского зодчества — от памятников республиканского времени до дворца Диоклетиана и храмов Баальбека. Не менее явно проявляется та же закономерность в готической архитектуре, где четко выделяются периоды ранней, зрелой и поздней готики. Ту же эволюцию, хотя в очень специфической форме, можно видеть в архитектуре итальянского Возрождения, завершающей фазой которой является архитектура Барокко. В развитии архитектуры нового времени эта закономерность проявляется менее отчетливо, очевидно, в связи с значительным влиянием дополнительных факторов³². Впрочем, быть может, и классицизм имеет подобное трехчленное членение, если рассматривать стиль ампир не как поздний, а как зрелый классицизм, а поздним этапом считать эклектику второй половины XIX в., позволяющую использовать в рамках классической композиции детали любого исторического стиля в чисто декоративных целях. Следует отметить, что поздний этап стиля иногда настолько существенно отличается от его предыдущих этапов, что получает особое название и числится самостоятельным стилем.

Процесс нарастания декоративных форм хорошо прослеживается, например, в русском зодчестве домонгольского периода. Здесь к концу XII в. некоторые архитектурные формы даже теряют непосредственную связь с породившей их конструкцией (появление кокошников вместо закомар и др.). Подобную эволюцию, как закономерное явление, можно отметить и для архитектуры всей Юго-Восточной Европы, Кавказа и Передней Азии той же поры³³. Исследователи обычно объясняют это явление прямым влиянием социальных изменений, в частности, для данного периода ростом значения городов и городской культуры. В основном это несомненно так: рост экономического и политического значения городов и связанные с этим крупные идеологические сдвиги, конечно, оказывали огромное влияние на развитие зодчества. При этом такое влияние распространялось на все зодчество в целом, т. е. на монастырские постройки и на дворцовые храмы, а не только на те постройки, которые возводились в самих городах. Очевидно, что именно прямое влияние социальной среды определяло те конкретные формы, в которых развивалось зодчество, специфичное для каждой страны или даже отдельного княжества. Но кроме того это влияние социальной среды накладывалось на общую тенденцию развития архитектуры — нарастания декоративных форм внутри каждого стиля. Таким образом, соотношение конструктивных и художественных элементов на разных этапах развития зодчества

бывало различным, отвечая как влиянию социальной среды, так и внутренним закономерностям развития самого зодчества.

Не менее сложен вопрос и с определением содержания архитектурного произведения. Даже в изобразительных искусствах содержание далеко не ограничивается одним только сюжетом, поскольку включает и гораздо более общие, отвлеченные идеи. Тем более это касается таких неизобразительных отраслей искусства, как музыка и архитектура. Недаром же А. Фет метко отметил: «Нельзя же сказать, что мазурки Шопена лишены содержания»³⁴. Действительно, если подходить к содержанию архитектурного произведения исключительно с точки зрения его утилитарного назначения, то триумфальная арка, например, вообще не будет иметь содержания, так как она практически никуда не ведёт и вместо того, чтобы проходить под нею, ее можно обойти. А ведь триумфальная арка имеет богатое содержание — прославление победителя, возвращающегося после одержанной Победы. Таким образом, несомненно, что в содержание архитектурного произведения входит не только его функциональное назначение, но и художественно-идеологический смысл. При этом сама функция сооружения может включать, кроме непосредственного утилитарного назначения здания и связанного с этим назначением комплекса требований, также и более широкие социальные функции. Кроме того, архитектурное сооружение зачастую отражает совершенно определенные идеологические или политические тенденции, также являющиеся неотъемлемой составной частью содержания. Очень хорошо сформулировал составные части содержания один из виднейших советских зодчих А. Веснин: «... под содержанием в архитектуре следует понимать социально-утилитарное содержание (т. е. общественно-бытовые, индивидуально-бытовые и производственные процессы, протекающие в архитектурном сооружении) и художественно-идеологическое содержание»³⁵. Соотношение различных элементов содержания бывает самым разнообразным. Так, в здании производственного назначения содержание может почти целиком сводиться к непосредственной производственной функции и лишь в самой незначительной степени включать художественную задачу. В мемориальном монументе, наоборот, содержание может в основном отвечать художественно-идеологическим задачам и почти не иметь конкретного утилитарного назначения.

Содержание архитектурных произведений очень существенно меняется с изменением социально-экономических формаций. Это сказывается, в частности, в том, что соотношение типов сооружений в различные исторические периоды бывало совершенно различным. Так, в античную эпоху, наряду с храмами строили много гражданских зданий — термы, театры, дворцы и пр. Большую роль играли также оборонительные сооружения. В капиталистическом обществе строят как культовые сооружения — церкви, так и многочисленные гражданские здания, причем появляются и совершенно новые их типы — банки, магазины, промышленные предприятия. Совершенно иной набор типов сооружений в социалистическом обществе. Между тем в средние века, в эпоху феодализма строили, главным образом, церкви. Именно церковное строительство поглощало художественные и экономические силы общества. В эту пору бывали случаи, когда город сам обкладывал себя налогом и вел строительство собора столь грандиозного, что он мог вместить все население города. Чем же объясняется такая большая роль культовых построек в эпоху средних веков? Очень четкий ответ

на этот вопрос дали классики марксизма. Они показали, что христианская религия, формируясь вместе со сложением феодального строя, стала как бы теоретическим обоснованием, олицетворением этого строя. Именно это объясняет положение церкви «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»³⁶. «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»³⁷. Естественно, поэтому, что все общественные движения и даже классовая борьба, чтобы не стать бессмысленным бунтом, должны были быть направлены против официальной церкви и принимать характер религиозных движений — ересей. Этим объясняется та огромная роль, которую играли памятники культового зодчества в эпоху средневековья.

В соотношении содержания и формы архитектурного произведения ведущим элементом, как правило, является содержание. Даже сама смена стилей, обуславливаемая имманентным развитием зодчества, требует внешнего толчка, которым является появление нового содержания, вызванного резким сдвигом в идеологии, в свою очередь являющемся следствием изменения социальных отношений³⁸. При этом подобный толчок мог привести к смене стиля лишь в том случае, когда он совпадал с последним этапом развития самого стиля. Так, конец древнеримского зодчества был связан с победой христианской религии, хотя это произошло еще во время существования Римской империи. С существенными изменениями в идеологии связан и перелом от готики к Возрождению. Пожалуй, только переход от романского стиля к готическому был связан не столько с идеологическими изменениями, сколько с развитием производительных сил, с появлением новой конструктивной формы. Впрочем, и здесь роль содержания была очень значительной, поскольку появление нервюрно-каркасной готической системы позволило сразу же примерно в два раза увеличить высоту и ширину помещений храмов, а это несомненно отвечало сложившимся к тому времени новым функционально-идеологическим требованиям, что отчетливо отражено, например, в сочинениях одного из вдохновителей зарождавшейся готики французского государственного деятеля аббата Сугерия³⁹.

Иногда быстрое развитие социальных условий вызывает неожиданные изменения в содержании архитектурных сооружений, и архитектурные формы не успевают за этими изменениями. Новое содержание в таком случае бывает вынуждено в первое время довольствоваться старыми, традиционными формами. Однако в борьбе со старыми формами новое содержание вскоре изменяет сами эти формы, а затем и совершенно взрывает старую оболочку, создавая новые формы, соответствующие новому содержанию. Хорошим примером такой борьбы формы и содержания является развитие французских замков в XVI в. Объединение Франции, усиление королевской власти и прекращение феодальных войн сделали ненужными боевые башни, крепостные стены и рвы, защищавшие замок. Но в первой половине XVI в. большинство французских замков строится еще, по традиции, со всеми элементами замка-крепости, хотя эти элементы и являются уже чисто декоративными, потерявшими свое реальное назначение. И лишь к концу XVI в. вырабатывается новая композиционная форма замка, уже ничем не напоминающая крепость и ярко характеризующая загородный дворец.

Бывают, однако, и обратные случаи, когда форма прогрессивнее содержания. Так, в XVIII в. во Франции еще до революции в искусстве сильно чувствовалось влияние буржуазной идеологии и именно этим влиянием следует объяснить появление в архитектуре отвлеченных геометризованных форм, символизирующих «общечеловеческие» идеалы буржуазии.

Описывая внешний вид памятника зодчества и производимое им впечатление, в литературе часто употребляется термин — архитектурный образ. Между тем в таких случаях правильнее говорить об архитектурном облике сооружения, поскольку архитектурный образ — понятие несколько иное, более глубокое и сложное. Под архитектурным образом следует понимать выявление содержания архитектурного произведения архитектурными формами. Далеко не всегда архитектурный образ бывает правдивым, и внешний вид некоторых зданий никак не характеризует их содержания. Так, подчас театр может напоминать фабрику, а школа жилой дом, создавая, таким образом, ложный архитектурный образ. Но в этих случаях речь идет о выявлении лишь основного функционального содержания. Гораздо сложнее судить, насколько архитектурные формы здания, вся его композиция отвечают идейному содержанию, не поддающемуся такой четкой формулировке, как функциональное содержание. Тем не менее, в высокохудожественных и подлинно значительных архитектурных произведениях образ, как правило, ясен, правдив и выразителен.

¹ См., например: Основные этапы мировой архитектуры. — М.; Л., 1933. — С. 3–4.

² Бартнев И.А. Форма и конструкция в архитектуре. — Л., 1968. — С. 7.

³ Редким исключением является очень интересная статья Н.Н. Воронина (Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник. СА. — 1954. Т. XIX. — С. 41). См. также: Михайловский Е. Общественное значение памятников архитектуры // Теория и практика реставрационных работ. — М., 1972. — Сб. 3. — С. 5.

⁴ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — М., 1938. — С. 118.

⁵ Вагнер Р. Искусство и революция. — Пгр., 1918. — С. 16.

⁶ Гюго В. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. — М; Л., 1952. — С. 150 (Собор Парижской Богоматери. Кн. 5, гл.2).

⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 8 — М., 1958. — С. 73 (Об архитектуре нынешнего времени).

⁸ Corroyer Ed. L'architecture Gothique. — Paris, 1894. — P. 204.

⁹ Писарев Д.И. Сочинения. Т. 3. — М., 1956. — С. 427 (Разрушение эстетики).

¹⁰ Там же. — С. 428.

¹¹ Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений. Т. 4. — Л., 1940. — С. 456 (Панорама Москвы).

¹² Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. — М., 1945. — С. 65.

¹³ Цит. по: Пугаченкова Г. Термез, Шахизябс, Хива. — М., 1976. — С. 104.

¹⁴ Милонов Ю.К. Строительная техника Византии // Всеобщая история архитектуры. В 12 томах. — Т. 3. — Л; М., 1966. — С. 183.

¹⁵ Holt E.G. A Documentary History of Art. V. 1. — New-York, 1957. — P. 246.

¹⁶ Frisch T.G. Gothic Art, 1140 – c. – 1450. — New Jersey, 1971. — P. 75.

¹⁷ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Т. 1. — М., 1936. — С. 135.

¹⁸ Аркин Д.Е. Габриэль и Леду // Академия архитектуры. 1935. № 4. — С. 24; Pevsner N. An Outline of European Architecture. — Hamilton, Scotland, 1974. — P. 371.

¹⁹ Gimpel J. Les bâtisseurs de Cathédrales. — Paris. 1958. — P. 99.

²⁰ Раппопорт П.А. Русское шатровое зодчество конца XVI в. // МИА СССР. — М; Л., 1949. — С. 258.

²¹ Раппопорт П.А. Очерк хронологии русского шатрового зодчества // КСИИМК. — 1949. Вып. 30. — С. 92.

²² Церковь в с. Петровском была построена еще при жизни И. М. Милославского, а церковь в с. Аннино — вскоре после его смерти, но «по его прошению». См.: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 1. — М., 1881. — С. 78.

²³ Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 3. — М., 1936. — С. 207.

²⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. — Т. 18. — Л., 1978. — С. 80 (Г-н — бов и вопрос об искусстве).

²⁵ Веснин А. Современность и наследие // Архитектура СССР. 1940. № 3. — С. 38.

²⁶ Витрувий. Десять книг об архитектуре. — М., 1936. — С. 28 (кн. 1, гл. III).

²⁷ Палладио А. Четыре книги об архитектуре. — М., 1936. Т. 1. С. 14; Альберти. 10 книг о зодчестве. — М., 1935. — С. 13 (кн. 1, гл. 2).

²⁸ Дидро Д. Об искусстве. Т. 1. — М., 1936. — С. 118 (Опыт о живописи).

²⁹ Сааринен Э. 1957 г. // Мастера архитектуры об архитектуре. — М., 1972. — С. 507.

³⁰ Этому вопросу посвящена, например, монография: Бартевев И.А. Форма и конструкция в архитектуре. — Л., 1968.

³¹ «Молодость нового стиля — по преимуществу конструктивна, зрелая пора — органична и увядание — декоративно» (Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. — М., 1924. — С. 120). См. также: «...на первом этапе пластическая форма всегда отстает от новых конструкций (это архаика). Обе формы сливаются, встречая друг друга (это классика), и, наконец, пластическая форма обгоняет изжившую себя конструктивную форму, отрывается от нее и начинает существовать самостоятельно (это барокко)» (Буров А.К. Об архитектуре. — М., 1960. — С. 101).

³² См., например: Гонзик К. По пути к социалистической архитектуре. — М., 1967. — С. 21.

³³ Якобсон А.Л. Некоторые закономерные особенности средневековой архитектуры Балкан, Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии // Византийский Временник. — Т. 33. 1972. — С. 166.

³⁴ Русские писатели о литературе. Т. 1. — Л., 1939. — С. 443.

³⁵ Веснин А. Современность и наследие. — С. 38.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. — М., 1956. — С. 361 (Крестьянская война в Германии).

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. — М., 1961. — С. 314 (Людвиг Фейербах).

³⁸ Общий обзор смены архитектурных стилей см., например, Бартевев И.А., Батажкова В.Н. Очерки истории архитектурных стилей. — М., 1983.

³⁹ Gimpel J. Les bâtisseurs de Cathédrales... — P. 24.

О методике изучения древнерусского зодчества*

Полноценное изучение памятников зодчества возможно лишь в том случае, если известен их подлинный первоначальный облик. Ошибочные выводы историков архитектуры очень часто объяснялись тем, что исследователи исходили из понимания памятника в его искаженном виде. В отношении древнерусского зодчества такие ошибки бывали особенно многочисленны, поскольку ни одна из древних построек не дошла до наших дней неискаженной. Даже наилучше сохранившиеся здания за века своего существования, как правило, сильно изменили свои формы. Поэтому даже в хорошо сохранившихся памятниках обычный обмер сооружения совершенно недостаточен для того, чтобы понять, как это здание выглядело вскоре после постройки.

Выяснением первоначального облика памятников занимаются, как правило, архитекторы-реставраторы. В процессе консервационных и реставрационных работ обычно удается установить места утрат древней кладки, а также места более поздних переделок. Задача, решить которую стремится архитектор-реставратор, — не только укрепить разрушающееся здание, но и исследовать его настолько, чтобы иметь возможность графически воссоздать первоначальный облик. Таким образом, каждый архитектор-реставратор должен быть по существу и исследователем.

В очень редких случаях, когда графическая реконструкция оказывается полностью документированной и не вызывает ни малейших сомнений в своей достоверности, может быть поднят вопрос о восстановлении памятника в натуре. Среди памятников русской архитектуры домонгольского времени удалось восстановить в первоначальном виде Пятницкую церковь в Чернигове и Петропавловскую в Смоленске (П.Д. Барановский), Борисоглебскую церковь в Чернигове (Н.В. Холостенко), в дореволюционные годы — Успенский собор во Владимире-Волынском (Г.И. Котов) и церковь Спаса-Нередицы в Новгороде (П.П. Покрышкин). При отсутствии совершенно достоверных данных о верхних частях здания приходится ограничиваться частичным восстановлением. Так, Пятницкая церковь в Новгороде восстановлена лишь на половину своей первоначальной высоты (Г.М. Штендер). Следует также иметь в виду, что поздние пристройки и перестройки древнего памятника могут сами представлять значительный исторический и историко-архитектурный интерес, а поэтому их уничтожение в процессе реставрации возможно только в том случае, если они

* Советская археология. — 1988. Выпуск 3.

безусловно не представляют ни исторической, ни художественной ценности¹. К сожалению, существует опасная тенденция «воссоздания» древних памятников без документального обоснования, исходя из соображений, которые только самому автору реконструкции кажутся убедительными. Наиболее яркий пример тому — постройка заново Золотых ворот в Киеве². Такие «новоделы», конечно, не имеют никакого исторического значения и отражают лишь запоздалые отклики романтических реставраций XIX в.

Изучение любого памятника древнерусского зодчества, даже наилучше сохранившегося, будет неполным без археологических раскопок. Поэтому такие исследования входят в программу любого реставрационного задания³. Раскопки могут дать очень ценные сведения о памятнике, устройстве его фундаментов, первоначальных полах, а также об окружающем здании культурном слое, который может многое рассказать о судьбе сооружения.

Довольно часто над поверхностью земли возвышается не целое здание, а только его часть, тогда как остальные части уничтожены и от них сохранились лишь фундаменты. В таком случае даже план памятника может быть установлен только с помощью археологических раскопок. Так удалось выявить первоначальный план киевской церкви Спаса на Берестове, собора Выдубицкого монастыря и ряда других построек. Иной раз раскопки совершенно меняют наши представления о первоначальном облике даже хорошо сохранившихся зданий, и памятники эти предстают перед нами в новом, часто неожиданном виде. Когда в 1954–1955 гг. Н.Н. Воронин обнаружил раскопками остатки галерей у церкви Покрова на Нерли и сделал попытку графической реконструкции, многим казалось, что новый, гораздо более пышный облик этого памятника нарушает достоверность его архитектурного образа. А между тем задача, которую поставил перед зодчим заказчик Андрей Боголюбский, несомненно, требовала именно такого торжественного облика. Ведь это должно было быть сооружение, которое отмечало въезд на территорию княжеской резиденции, имевшей исключительно парадный характер и должноствовавшей символизировать власть и величие владимирского «самовластца». Конечно, не может быть и речи о каких-либо намерениях восстановить галереи этой церкви в натуре, однако первоначальный архитектурный образ храма лучше раскрывает все же не современное его состояние, а графическая реконструкция Н.Н. Воронина.

Но если археологические раскопки играют значительную роль при изучении хорошо сохранившихся памятников древнерусской архитектуры, то при изучении плохо сохранившихся зданий археологический метод становится большей частью основным методом их изучения. В настоящее время на всей территории Древней Руси сохранилось в более или менее целом состоянии всего около 30 построек домонгольского времени. Если даже добавить к этому те памятники, которые были уничтожены сравнительно недавно, а также те здания, которые сохранились частично, хотя бы на половину своей первоначальной высоты, то и тогда общее количество памятников не достигнет 60, причем это относится ко всей территории Руси и ко времени от конца X до середины XIII в., т. е. к двум с половиной векам русской истории⁴. Между тем в полном каталоге памятников русского зодчества X–XIII вв. зарегистрировано около 200 объектов⁵. Следовательно, примерно $\frac{3}{4}$ всех известных памятников выявлено исключительно путем раскопок.

Археологические раскопки памятников русского зодчества получили широкое распространение лишь после Великой Отечественной войны; это сравнительно молодой раздел историко-архитектурной науки. Естественно, на первых порах методика исследований была очень слабо разработана. Часто архитектурно-археологические раскопки проводились по обычной археологической методике, не учитывающей специфику памятников архитектуры⁶. Порой это приводило к потере важнейших сведений, причем потере безвозвратной, поскольку многие постройки в процессе раскопок, а особенно после них, сильно разрушались. В настоящее время методика архитектурно-археологических исследований уже достаточно разработана, и даже самые слабые следы разрушенных памятников при внимательном археологическом изучении теперь дают возможность получать серьезные данные для включения таких памятников в общую картину развития древнерусской архитектуры.

Детальный обмер, обследование кладок, зондажи, археологические раскопки — все эти методы должны быть по возможности применены при изучении памятников. Конечно, в зависимости от состояния изучаемого объекта значение каждого метода может значительно меняться; некоторые из них становятся ведущими, другие — второстепенными или даже полностью неприменимыми. Важно, чтобы все сведения, какие могут быть получены, были бы действительно получены. Чем большее количество хорошо проверенных и документированных данных будет известно по каждому сооружению, тем большие возможности получит исследователь для интерпретации памятника и определения его места и значения в истории архитектуры.

В каждом произведении искусства важно соотношение его содержания и формы. Однако в памятниках архитектуры, являющихся памятниками не только искусства, но и техники, форма выражается двояко — как форма художественная и как форма конструктивная⁷. Изучение памятников зодчества в соответствии с этими тремя основными сторонами архитектуры может проводиться в историческом, искусствоведческом и техническом аспектах. Исторический аспект позволяет прежде всего раскрыть содержание архитектурного произведения, искусствоведческий — его художественную, а технический — конструктивную форму. Такое разделение, конечно, условно, поскольку четких границ между этими аспектами нет и вряд ли возможно вести исследование памятника зодчества, строго ограничиваясь рамками одного из этих аспектов. Тем не менее обычно при изучении здания основное внимание все же уделяется одной из сторон. Подобное изучение вполне закономерно и может дать ценные научные результаты, но такие результаты следует рассматривать лишь как часть сведений, которые можно извлечь из памятника. Полностью оценить заложенную в произведении зодчества информацию можно только при комплексном изучении, учитывающем все три стороны проблемы.

Исторический аспект изучения связан главным образом с историей памятников на основании письменных источников. При этом письменные источники должны привлекаться в полном объеме: летописи, церковная литература, художественные произведения, свидетельства иностранных путешественников и пр. Обязательно должна учитываться не только литература, синхронная возведению памятника, но и вся более поздняя, которая может содержать сведения о

дальнейшей судьбе постройки, ее ремонтах и перестройках. Как правило, должны быть тщательно изучены не только опубликованные источники, но и архивные документы. Очень большое значение могут иметь сведения о политических событиях и экономической обстановке времени возведения здания, даже в том случае, если сам памятник в этих источниках не упоминается. Наконец, при изучении храмов играет роль даже само название церкви, т. е. какому святому она была посвящена.

Изучение памятников русского зодчества домонгольского периода и сопоставление этих памятников со сведениями письменных источников показывают, что постройка каменно-кирпичных зданий была в это время дорогостоящим предприятием, доступным лишь князьям и высшим церковным иерархам. Это была архитектура высшей прослойки господствующего класса. Строительные артели и стоявшие во главе этих артелей зодчие были, как правило, связаны с княжескими дворами⁸. Переезд строителей из одной земли в другую почти всегда был связан с междукняжескими династическими отношениями. Лишь в Новгороде со второй половины XII в. появились свободные строители, работавшие по боярским заказам.

Только при тщательном изучении исторической обстановки можно понять, какие сведения возможно извлечь из данного памятника. Использование произведений зодчества в качестве иллюстраций, обогащающих и делающих более ярким и образным изложение истории, конечно, правомерно, но основная цель их изучения все же не в этом. Памятник архитектуры прежде всего не иллюстрация истории, а самостоятельный исторический источник⁹. В каждом памятнике заключен целый комплекс исторической информации, и эту информацию необходимо выявить и понять. Особого рассмотрения заслуживает также функциональный подход к изучению памятников, как одна из сторон исторического аспекта¹⁰.

Во многих случаях изучение памятников зодчества раскрывает такие стороны жизни общества, которые не зафиксированы никакими другими источниками. Это относится и к политической истории, и к борьбе идеологической, и к экономике. Так, исследование памятников зодчества Владимира-Волынского показало, что их строили мастера переяславльской строительной артели. Об этом безусловно свидетельствует строительная техника, и особенно система формовки кирпичей¹¹. В самом же Переяславле монументальное строительство в это время полностью прекратилось. Обращение к письменным источникам позволяет объяснить эту ситуацию. В 1154 г. умер киевский и волынский князь Изяслав. Его старший сын Мстислав, сидевший в Переяславле, не пытался бороться за киевский стол, а, бросив Переяславль, возвратился в свою вотчину Волынь. При этом он забрал с собой всю переяславльскую строительную артель, которая и начала в 1156 г. строительство Успенского собора во Владимире-Волынском, где до этого монументальных зданий не было. Поступок Мстислава даже более определенно, чем письменные источники, указывает на его политические взгляды. До него волынские князья не вели на Волыни монументального строительства, так как считали себя потенциально киевскими князьями и, заняв киевский стол, вели строительство в Киеве. Мстислав же, очевидно, понимал, что процесс дробления Руси усиливает значение отдельных земель-княжеств и, следовательно, основное внимание необходимо уделять укреплению «своей» земли и своего положения в ней.

Этому способствовало не только усиление оборонительных сооружений стольного города Волыни, но и развитие здесь монументального строительства и огромный размер заложенного здесь собора. Впрочем, это не помешало Мстиславу в 1167 г. все же занять киевский стол.

Другой пример — открытие при археологических раскопках в Смоленске круглой постройки, оказавшейся латинской церковью¹². На основании археологических и письменных источников (особенно текста договора 1229 г.) было известно, что Смоленск являлся крупнейшим экономическим центром, через который шла значительная часть торговли Руси с северо-западом Балтики и Скандинавией. Считали, что экономический расцвет Смоленска относится к XIII в. Между тем наличие церкви североевропейских купцов, построенной в 70–80-х гг. XII в., свидетельствует, что крупная внешнеторговая роль Смоленска определилась, по крайней мере, со второй половины XII в.

Подобные примеры, когда изучение памятника зодчества раскрывает неизвестные (или, во всяком случае, малоизвестные) стороны исторического процесса, многочисленны. Можно без преувеличения сказать, что каждый памятник архитектуры является источником богатой исторической информации. Следует отметить, что это обстоятельство иной раз приводило к непропорциональному «перекося» внимания исследователей. Получение общеисторических сведений казалось основной задачей изучения памятников зодчества. При всем значении этой информации она все же является лишь частным вопросом в их исследовании, а основной частью должно быть раскрытие общей картины развития архитектуры.

Второй аспект изучения зодчества — искусствоведческий. Этот аспект дает возможность исследовать художественную сторону здания, позволяет дать детальный и тонкий анализ композиции, форм, стилистики, впечатления, которое данное произведение производит на зрителя. Без такого анализа нельзя понять памятник архитектуры как произведение искусства, а следовательно, нельзя понять и пути развития архитектурных форм. Раскрытие архитектурного образа, т. е. выяснение того, с помощью каких художественных приемов выражено содержание архитектурного произведения, — задача искусствоведческая. А.В. Луначарский писал: «...в том и заключается очаровательная сила искусства, что оно, придавая тому или иному жизненному содержанию художественную форму, подымает способность его проникновения в человеческие сердца до неслышанной силы»¹³. И далее: «Отсюда ясно, что все чисто художественные и формальные проблемы приобретают колоссальный интерес. И с этой точки зрения всякое пренебрежение к чисто художественным, специфическим вопросам искусства является признаком варварства»¹⁴.

Сложность художественного анализа состоит прежде всего в том, что по отношению ко всем памятникам зодчества, возведенным до XVIII в., у нас нет письменных источников, в которых были бы изложены художественные приемы, из которых исходил автор постройки. Следовательно, единственным источником могут служить только сами памятники. Поэтому всегда существует опасность того, что художественный анализ может оказаться субъективным, что он внесет в понимание памятника такие черты, которых в памятнике в действительности нет и которые отвечают лишь взглядам современного искусствоведа, а не современника строительства. Очевидно, что художественный анализ должен выполняться

крайне осторожно и быть тщательно аргументирован объективными доказательствами.

Другая опасность искусствоведческого анализа заключается в том, что он подчас проводится отвлеченно, рассматривая только художественную сторону и не учитывая специфики архитектурного произведения: его техники, функциональных особенностей, системы организации строительного производства и пр. Так, непонимание коренного различия в организации и производстве работ по возведению каменно-кирпичных и деревянных сооружений привело Н.И. Брунова к мысли, что древнейшие киевские здания строились плотниками, научившимися вести кирпичную кладку. А отсюда следовали выводы, что византийская кладка из плинфы со скрытым рядом была изобретена в Киеве в качестве подражания деревянному срубному строительству из венцов, а «отчетливое расчленение киевской Софии на отдельные ячейки было подготовлено, вероятно, привычкой плотников компоновать здание из отдельных срубов»¹⁵. В том, что опасность одностороннего искусствоведческого подхода к памятникам архитектуры была вполне реальна, убеждает, например, дискуссия, развернувшаяся по этому поводу между искусствоведами и архитекторами — историками архитектуры в 1935 г.¹⁶ В тех же случаях, когда художественный анализ опирается на хорошо проверенные и правильно понятые факты, а также учитывает специфику данного вида искусства, он дает очень много для понимания памятников. Положительные примеры этого в советском искусствоведении уже достаточно многочисленны: в области древнерусской архитектуры — работы М.А. Ильина, А.И. Комеча, монументальной живописи — В.Н. Лазарева, скульптурного декора — Г.К. Вагнера и ряда других исследователей. М.А. Ильин изложил даже основные задачи, которые стоят в этой области перед исследователями древнерусского зодчества¹⁷.

При художественном анализе памятников зодчества большую роль играет изучение системы пропорциональных построений сооружения. В западноевропейской искусствоведческой литературе широкое распространение получил формальный метод, при котором на чертежах памятников зодчества строятся сложнейшие геометрические фигуры, а из них выводятся также очень сложные, часто иррациональные числовые соотношения. В итоге получают выходы, в которых основным достижением оказывается, например, заключение, что в основе пропорций Парфенона господствуют прямоугольник $\sqrt{5}$ и золотое сечение, а в Миланском соборе — равносторонний треугольник и прямоугольник $\sqrt{3}$ ¹⁸. Конечно, нельзя отрицать, что формальный метод имеет определенные достоинства, так как позволяет заметить некоторые закономерности построений зданий, но только такие закономерности, которые помогают нам при изучении памятников и не имеют никакого отношения к приемам, которыми пользовался автор произведения. Значительно большую ценность имеют попытки вскрыть те закономерности построения, которые использовали сами древние зодчие. Так, Б.П. Михайлов писал, что задача его работы «заключается в том, чтобы раскрыть античную теорию архитектуры, которая строилась на представлении самих творцов великих произведений античного зодчества и лежала в основе их плодотворной деятельности»¹⁹.

В изучении древнерусского зодчества формальный метод также получил распространение. Его наиболее ярким выразителем был А.И. Некрасов. Хотя он

всячески подчеркивал, что «пытался всегда показать обусловленность тех или иных архитектурных решений всей совокупностью исторической обстановки, а формальные и геометрические моменты рассматривать как выражение художественных воззрений данной эпохи», в практическом анализе памятников А.И. Некрасов всюду склонялся к отвлеченным геометрическим и математическим выводам, подчас в очень усложненной форме²⁰.

Опасной тенденцией является и увлечение цифровыми закономерностями, начиная от золотого сечения и рядов Фибоначчи до попыток выявления в каждом памятнике многочисленных различных мер. Дело доходит до таких курьезов, когда в одном и том же памятнике оказываются якобы использованными различные меры, отражающие к тому же социальную иерархию, — меры княжеские, церковные, народные и пр.²¹. При таком большом количестве различных мер и их производных можно, конечно, подобрать соответствие любому имеющемуся в памятнике размеру, а тем самым и «доказать» что угодно. Критика отвлеченных искусствоведческих построений при анализе памятников зодчества была уже убедительно высказана несколькими авторами²².

Третий аспект изучения памятников зодчества — строительно-технический. На необходимость изучения строительной техники исследователи архитектуры указывали уже давно, в отношении древнерусских памятников об этом еще в дореволюционные годы писал В.В. Суслов²³. Однако практически эти вопросы привлекали мало внимания и почти не разрабатывались. Лишь в недавнее время строительно-техническая сторона памятников древнерусской архитектуры стала предметом специального изучения. Первые же попытки исследований в этой области дали важнейшие результаты, показали, насколько полнее и ярче раскрывается картина истории древнерусского зодчества при комплексном его изучении, учитывающем и вопросы строительной техники, строительного производства.

За последние 20 лет археологическими раскопками было открыто несколько кирпичеобжигательных печей и печей для выжигания извести, относящихся к домонгольскому времени²⁴. Это позволило в значительной степени понять процесс изготовления кирпича-плинфы и строительного раствора, благодаря чему удалось выяснить, какой смысл имели знаки на плинфах, уже давно вызывавшие большой интерес и недоумение исследователей²⁵. Детальное изучение самих плинф дало возможность составить шкалы датировки памятников по формату их кирпичей²⁶. Очень интересные результаты дает технологический анализ строительных растворов²⁷. Так, состав раствора может с большой точностью указать на строительную традицию мастеров: принимали ли участие в возведении сооружения приезжие каменщики из Византии или же византийская традиция здесь уже полностью сменилась местной. В ряде случаев при очень плохой сохранности остатков распадаемого памятника анализ раствора может оказаться одним из решающих факторов при определении того, к какой архитектурной школе этот памятник относится.

Своеобразная система деревянных субструкций под фундаментами древнейших киевских построек давала основание исследователям полагать, что строителями были мастера, приехавшие из Малой Азии, с Кавказа или Балкан. Изучение этих конструкций опровергло такие предположения и показало, что

мастера принадлежали к столичной (константинопольской) строительной школе. Детальное изучение древнерусских кирпичных кладок, в частности обнаружение «двойных» швов раствора, позволило уточнить производительность труда древних каменщиков. Это в свою очередь дало возможность подсчитать примерное количество каменщиков, участвовавших в строительстве, а затем и определить примерный состав древнерусской строительной артели — как по составу специалистов, так и по их количеству. В изучении организации процесса возведения зданий многое могут подсказать сохранившиеся в стенах древних памятников отверстия от пальцев строительных лесов.

Пренебрежительное отношение к изучению строительной-технической стороны памятников нередко приводило к существенным ошибкам в понимании процесса развития архитектуры. Характерным примером может служить вопрос о смене системы кирпичной кладки в Киеве в первой половине XII в. В это время кладка из плинфы со скрытым рядом сменилась равнослойной плинфяной кладкой. Этот перелом в технике кладки сопровождался резкими изменениями в композиции зданий, их стилистике и даже в архитектурных деталях. Тем не менее большинство исследователей древнерусской архитектуры полагали, что все эти изменения были вызваны внутренним развитием киевского зодчества и обязаны деятельности одной и той же строительной организации, т. е. киевской строительной артели. Между тем сравнительное изучение обоих типов кладки показывает, что такие изменения не могли произойти внезапно, если здесь продолжали работать одни и те же мастера, поскольку различия в системе кладок здесь касаются не только характера перевязки швов и внешнего облика поверхностей стен, но коренным образом меняется сам процесс работы. А коренные различия в организации работы каменщиков для эпохи средневековья, безусловно, свидетельствуют о смене строительной традиции, т. е. о переходе строительства в руки других мастеров. Естественно, такое заключение приводит к совершенно иным историко-архитектурным выводам²⁸.

Изучение строительной-технических особенностей памятников зодчества позволяет подойти к проблеме раскрытия методов работы древних мастеров, т. е. выяснения, как проектировали древнерусские зодчие, как они производили разбивку плана, намечали высоты здания и т. д. Сложность решения данной задачи усугубляется полным отсутствием подобных сведений в письменных источниках. Сами же памятники свидетельствуют, что зодчие обладали какими-то достаточно разработанными инструкциями, позволявшими им возводить здания, существенно отличавшиеся одно от другого как пропорциями, так и деталями. Весьма вероятно, сведения о системе построения храмов передавались в качестве традиции от мастера к мастеру и были даже в какой-то степени зафиксированы письменно. Во всяком случае, древнерусский зодчий, не пользуясь чертежами, обладал знаниями, позволявшими ему заранее наметить размеры не только плана, но и верхних частей здания. Так, в Дмитриевском соборе во Владимире камни с рельефами изготовлялись заранее и затем включали в кладку в процессе строительства. Следовательно, зодчий еще до начала строительства мог указать резчику размер камней, намеченных для верхних частей собора.

Чрезвычайно интересны работы тех исследователей, которые пытались выявить системы построения древнерусских храмов с помощью простых геометрических

схем. Наиболее серьезной в этом плане является работа К.Н. Афанасьева²⁹. Исследователь пришел к выводам, существенным для понимания закономерностей размерных соотношений различных частей храма. К сожалению, даже и эта работа, которая, несомненно, дает много ценных наблюдений в отношении системы построения древнерусских храмов, является все же системой нашего современного анализа и не раскрывает методики, применявшейся древними зодчими. Разнообразие схем построения и примененных мер в разных памятниках, а также усложненная система геометрических построений не дают оснований полагать, что такими методами мог вести разбивку сооружения древний мастер. Кроме того, принимая за первичный размер сторону подкупольного квадрата, Афанасьев входит в противоречие с письменными источниками, где задаваемыми размерами заказываемого храма всегда являлись его наружные габариты. В последние годы было сделано несколько попыток разгадать отдельные черты метода работы древнерусских зодчих, но в целом эта задача еще далека от разрешения³⁰. С методом работы мастеров тесно связан и вопрос о применявшихся при строительстве мерах³¹.

Анализ технических приемов, отраженных в памятниках, позволяет выделить почерк различных строительных артелей. На этом основании можно проследить, как работали строительные артели Древней Руси, как они перебазировались из одного княжества в другое, как делились на части или, наоборот, сливались с другими артелями. Появилась возможность подсчитать количество строительных артелей, работавших на Руси в различные периоды XI и XII вв. Выяснилось, что артелей таких было сравнительно немного; даже в начале XIII в. на всей территории Руси их количество не превышало восьми. Таким образом, не каждое древнерусское княжество имело своих мастеров-строителей.

Наконец, исследование технической стороны памятников зодчества может послужить основой для изучения развития самой древнерусской строительной техники. Исследователи неоднократно отмечали, что во второй половине XII – начале XIII в. в памятниках архитектуры Древней Руси явно проступают черты некоторой небрежности кладки, упрощения техники строительства. Казалось, это – черты регресса, и кое-кто из ученых был склонен связывать такое явление с потерей высоких традиций византийской архитектуры. Между тем в действительности это признаки прогресса, развития строительной техники, поскольку отказ от излишних запасов прочности, значительное ускорение темпов строительства, экономичность свидетельствуют о накоплении древнерусскими мастерами богатого опыта. Замечательно, что точно такие же явления в то же время происходят и в других областях древнерусского ремесла в связи с массовостью продукции. При этом упрощение строительно-технических приемов в подавляющем большинстве случаев не отражалось на сложности, а порой даже изысканности архитектурных форм памятников. Встречаются памятники, в которых техника исполнения здания явно упрощена и в то же время конструкция завершения виртуозно усложнена. Исключением являются памятники Новгородской земли, где упрощение коснулось и архитектурных форм, что связано с существенными изменениями социальной обстановки: здесь впервые в истории Руси заказчиками начали выступать не князь и высшие церковные иерархи, а бояре, требовавшие от зодчих ускорения и удешевления строительства.

Таким образом, изучение строительно-технической стороны памятников зодчества позволяет наполнить картину развития архитектуры конкретными чертами реальной строительной деятельности.

Как уже отмечалось, полноценное изучение истории архитектуры должно быть комплексным, учитывающим все три аспекта. При этом изучение должно проводиться не путем механического соединения итогов исследований, проводимых исходя лишь из одного аспекта, а в органическом сочетании всех сторон. Только такое изучение может полностью осветить эволюцию архитектурного образа, исторические связи, развитие архитектурных форм и их взаимосвязь с конструкцией, изменения самой конструкции и пр. В конечном счете комплексное исследование должно выявить реальную многоплановую картину развития архитектуры и общие закономерности этого развития. Такой результат даст для изучения истории культуры определенного периода значительно больше, чем любые, даже самые яркие, историко-архитектурные выводы частного характера.

Например, исследование общей картины развития русского зодчества предмонгольской поры приводит к выводу, что на рубеже XII–XIII вв. в архитектуре Руси наряду с продолжающимся процессом дифференциации отчетливо начинает проявляться тенденция интеграции — первые, еще очень робкие шаги в сторону сложения общерусского архитектурного стиля³². Следует отметить, что такие тенденции в русском зодчестве возникли тогда, когда в политической жизни Руси подобные тенденции еще не возникали³³.

Естественно, все явления в развитии архитектуры следует рассматривать в связи с социально-экономическими изменениями в жизни общества. Развитие архитектуры, в конечном счете, определяется способом производства, и связь эту всегда можно вскрыть при тщательном анализе. Но нельзя сводить все исследования к голый социологической схеме, ибо архитектура, как и всякое искусство, теснейшим образом связана со всеми видами идеологии и зависит от них. Во многом она зависит также от художественных традиций прошлого и, наконец, как и всякое самостоятельно развивающееся явление, имеет собственные, лишь одному ему свойственные, особенности развития. Как и всякое историческое явление, архитектуру необходимо изучать в процессе ее диалектического развития: для этого ее необходимо рассматривать в теснейшей взаимосвязи со всеми другими культурно-историческими явлениями в жизни общества³⁴. Тесная связь архитектуры с идеологией эпохи не вызывает никаких сомнений.

Г.В. Плеханов писал: «Люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. д., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обуславливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собой лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории»³⁵. Именно поэтому учет особенностей идеологии эпохи — обязательное условие правильного понимания произведений зодчества. Так, в эпоху средних веков в искусстве важны были «отношения не между визуально воспринимаемыми формами, а между некими значениями, которыми наделялись материальные структуры»³⁶. Важна была, поэтому, идеальная модель, а не конкретные формы. «Отступления от идеальной формы, вызванные условиями преходящего бытия, попросту игнорировались»³⁷. Следовательно, и сравнение

архитектурных форм памятников с точки зрения современного «рационалистического» их истолкования будет не соответствовать тому, как это понимали люди средневековья.

Задачу строителям всегда ставил заказчик. И тем не менее народные художественные традиции властно проникали в архитектуру через художественные взгляды мастеров. Это могло сказываться как на общей композиции сооружения, так и особенно на его деталях. Так, вряд ли могут быть сомнения в том, что плоскостность резьбы на фасадах собора в Юрьеве-Польском связана с влиянием деревянной резьбы. Очевидно, мастера, воспитанные в среде, где господствовали деревянная архитектура и деревянная резьба, перенесли выработанную там стилистическую манеру и на резьбу по камню.

Архитектурные формы сооружений определялись, однако, не только традициями строительной артели, но и индивидуальностью мастера, художественным вкусом руководителя строительства — зодчего. Детальное изучение памятников позволяет сейчас выделять даже для домонгольского периода не только почерк строительной артели, но порой и почерк отдельных мастеров. Без такой индивидуализации история русской архитектуры всегда будет казаться несколько обобщенной. Несомненно, например, что перелом в киевском зодчестве на рубеже XII—XIII в. отмечен сложением совершенно нового облика храма, с динамической композицией объема и связанной с этим конструкцией завершения в виде ступенчато повышающихся арок. Есть все основания связывать этот перелом с деятельностью упомянутого в летописи талантливого зодчего Петра-Милонегга. Точно так же с творчеством какого-то очень яркого зодчего связано внезапное сложение в конце XII в. нового архитектурного направления в Гродно. Совершенно справедливо отмечал В.Н. Лазарев: «Социальная среда и расстановка общественных сил очень важны, но им нельзя придавать... исключительного значения... иначе роль индивидуальной творческой личности сводится на нет, и множественность факторов развития искусственно подменяется одним лишь фактором»³⁸.

В изучении истории архитектуры зачастую острые дискуссии вызывают вопросы о национальном своеобразии зодчества и о внешних влияниях. Следует отметить, что автохтонное развитие архитектуры отдельной страны, не подверженное никаким влияниям архитектуры других стран или районов, — явление исключительное. Как правило, в архитектуре каждой страны можно обнаружить внешние влияния. Это естественное явление, несколько не нарушающее и не снижающее национального своеобразия зодчества. «На протяжении всего мирового развития действует закономерность, согласно которой заимствования дополняют внутреннее развитие, служат одним из основных источников обогащения и совершенствования культур... Культура каждого народа самобытна, но это проявляется не в мнимом отсутствии в ней чужеземных влияний, а в ее способности поглощать и по-своему перерабатывать эти влияния»³⁹.

Попытки обрисовать исключительно автохтонный процесс развития древнерусского зодчества привели лишь к конфузу, поскольку оказывались впоследствии полностью опровергнутыми фактическим материалом. Порой такие попытки были вызваны плохим знанием памятников, а порой — откровенно националистическими тенденциями. Встречались и явления противоположного характера, когда внешние влияния видели повсюду, даже в том, где их в действительности не

было. Обычно это связано с поверхностным пониманием самого механизма передачи влияний. Ведь в эпоху, когда не существовало чертежей, влияния могли переноситься только вместе с их реальными носителями, т. е. мастерами. Поэтому о влияниях в русском зодчестве домонгольского периода можно говорить лишь тогда, когда имеется не внешнее, иногда случайное, сходство, а явные признаки участия в строительстве на Руси иноземных мастеров. Такое участие обычно называется не столько в типологии зданий (хотя и такие случаи известны), сколько в их архитектурных формах и строительных приемах.

Обычно иноземные мастера попадали на Русь в результате тесных политических и культурных связей. Поэтому неудивительно, что византийские зодчие несколько раз приезжали в Киев в XI в., а польские мастера начали строительство в Галицкой земле в начале XII в. Но далеко не всегда тесные культурные связи сопровождались приездами строителей; иногда зодчие приезжали как раз из таких краев, связи с которыми бывали спорадическими. Так, Новгород теснее всех остальных русских земель был связан с романским Западом, но в новгородской архитектуре XII в. это никак не отразилось. В то же время сильное романское влияние можно отметить во Владимиро-Суздальской земле, дальше всех русских княжеств отстоявшей от западных рубежей. Изучение внешних влияний ни в коем случае не должно мешать выявлению национальных особенностей зодчества. Изучение процесса переработки влияний, путей кристаллизации самостоятельных национальных форм остается одной из важнейших задач в изучении истории древнерусской архитектуры. В свое время значительный шаг в этом направлении был сделан Н.Н. Ворониным⁴⁰. Появившиеся за последние три десятилетия новые материалы требуют, однако, новых серьезных исследований в данной области.

Архитектура — одна из наиболее ярких и выразительных сторон истории мировой культуры. Это сложное, многоплановое явление, отражающее самые различные материальные и идеологические аспекты общественной жизни, требует для своего исследования глубокого и многостороннего подхода. Лишь правильные методологические установки, комплексность изучения и хорошая изученность памятников могут обеспечить успешное раскрытие картины развития зодчества.

¹ Давид Л.А. Некоторые вопросы теории реставрации памятников архитектуры // Теория и практика реставрационных работ. — Вып. 3. — М., 1972. — С. 17.

² Совершенно справедливо отозвался на эту «реставрацию» В.В. Косточкин. См.: Косточкин В.В. Зачем? // Архитектура. Строительная газета. Приложение. № 6. 1983. 13 марта. — С. 8; Косточкин В.В. Проблемы воссоздания в архитектурном наследии. — М., 1984. — С. 47.

³ Методика реставрации памятников архитектуры. — М., 1977. — С. 58.

⁴ Раппопорт П.А. Архитектура Древней Руси и археология // КСИА. — 1982. Вып. 172. — С. 3.

⁵ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — Л., 1982.

⁶ Раппопорт П.А. О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества // КСИА. — 1973. Вып. 135. — С. 17.

⁷ Раппопорт П.А. О некоторых теоретических вопросах истории архитектуры // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. — Вып. 19. — Л., 1985. — С. 9.

- ⁸ Раппопорт П.А. Строительные артели Древней Руси и их заказчики // СА. — 1985. № 4. — С. 80.
- ⁹ Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. — 1954. Т. XIX. — С. 41.
- ¹⁰ Вагнер Г.К. Функциональный аспект в интерпретации архитектурно-археологических фрагментов // КСИА. — 1982. Вып. 172. — С. 21.
- ¹¹ Раппопорт П.А. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского // СА. — 1977. № 4. — С. 265.
- ¹² Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979. — С. 140.
- ¹³ Луначарский А.В. Статьи об искусстве. — М; Л., 1941. — С. 502.
- ¹⁴ Там же. — С. 314.
- ¹⁵ Брунов Н.И. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры // Византийский временник. — Т. III. — 1950. — С. 196.
- ¹⁶ Проблемы архитектуры. — Т. 2. Кн. 1. — М., 1937. — С. 12-37.
- ¹⁷ Ильин М.А. Методологические проблемы изучения русской архитектуры в их историческом аспекте // Русский город. — М., 1976. — С. 246.
- ¹⁸ Брунов Н.И. Пропорции античной и средневековой архитектуры. — М., 1936. — С. 28.
- ¹⁹ Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. — М., 1967. — С. 6.
- ²⁰ Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. — М., 1936. — С. 13.
- ²¹ Пилецкий А.А. Система размеров и их отношений в древнерусской архитектуре // Естественнаучные знания в древней Руси. — М., 1980. — С. 63.
- ²² Милонов Ю.К. Архитектурное творчество и строительная техника // Архитектура и строительная техника. М., 1960. С. 3; Гаряев Р. М. К вопросу об измерении красоты в архитектуре // Архитектура СССР. — 1979. № 8. — С. 25.
- ²³ Суслов В.В. О сводчатых перекрытиях в церковных памятниках древнерусского зодчества // Труды 2-го съезда русских зодчих. — М., 1899. — С. 138.
- ²⁴ См., например, о раскопках кирпичеобжигательной печи рубежа XII–XIII вв. в Смоленске: Раппопорт П.А. Из истории строительного производства в древней Руси // Зограф. — № 13. — Београд, 1982. — С. 49.
- ²⁵ Раппопорт П.А. Знаки на плинфе // КСИА. — 1977. Вып. 150. — С. 28.
- ²⁶ Это удалось сделать с большой точностью для памятников Смоленска и Новгорода: Раппопорт П.А. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА. — 1976. № 2. — С. 89; Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. 1(11). — Л.: Наука, 1982. — С. 196
- ²⁷ Медникова Е.Ю., Раппопорт П.А., Селиванова Н.Б. Древнерусские строительные растворы // СА. — 1983. № 2. — С. 152.
- ²⁸ Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. — Л., 1986. — С. 52.
- ²⁹ Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. — М., 1961.
- ³⁰ Представляет, например, интерес статья М.В. Степанова: Степанов М.В. К вопросу о методе построения архитектурной формы древнерусскими зодчими // КСИА. — 1983. Вып. 175. — С. 26.
- ³¹ Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. — 1957. № 1. С. 83; Большаков Л.Н. К вопросу о древнерусской архитектурной метрологии // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Тезисы докладов. — Чернигов, 1985. — С. 48.
- ³² Раппопорт П.А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 29.
- ³³ Замечательно, что параллельный процесс можно отметить и в русской литературе этого времени: Лихачев Д.С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М., 1980. — С. 21.

³⁴ В качестве хорошего примера попытки выявления социальной роли памятников зодчества можно привести статью М. Х. Алешковского, несмотря на то что отдельные положения этой статьи вызывают серьезные возражения: Алешковский М. Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 1. — М., 1975. — С. 22.

³⁵ Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории. — М., 1948. — С. 40.

³⁶ Иконников А.В. Смысловые значения пространственных форм средневекового города // Культура и искусство западноевропейского средневековья. — М., 1981. — С. 105.

³⁷ Там же. — С. 115.

³⁸ Лазарев В.Н. О методологии современного искусствознания // Советское искусствознание. — 1977. Вып. 2. — М., 1978. — С. 313.

³⁹ Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. — Л., 1967. — С. 251, 252.

⁴⁰ Воронин Н.Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. — Л., 1952. — С. 257.

Основные итоги и проблемы изучения зодчества Древней Руси*

При закладке Кремлевского дворца (1773 г.) замечательный русский архитектор В.И. Баженов произнес речь, в которой высоко оценил памятники московской архитектуры XVII в.¹ Выступление это не было случайным: именно в конце XVIII в. в русском обществе пробуждался интерес к древнерусскому зодчеству. Правда, интерес вызывали лишь сохранившиеся сооружения, а так как это были главным образом памятники XVI–XVII вв., то естественно, что домонгольской поре уделяли гораздо меньше внимания. Древнейший период развития русской архитектуры для архитекторов и историков этого времени, по существу, характеризовался несколькими сооружениями — киевской Софией, новгородской Софией, черниговским Спасским собором, церквями во Владимире.

На первых порах изучение памятников древнерусского зодчества было тесно связано с практическими нуждами и проводилось почти исключительно в процессе ремонтов или перестроек древних храмов. И все же ценность памятников древней архитектуры именно как памятников культуры, независимо от их использования, постепенно завоевывала признание. Когда в 30-е гг. XIX в. производили восстановление Спасской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке, аргументировали это тем, что здание представляет «драгоценный для России памятник древнего зодчества»². Некоторые исследователи уже прямо формулировали свою задачу как задачу изучения развития древнерусской архитектуры. Так, Л. Мартынов писал: «...не любопытно ли и вместе с тем не поучительно ли знать, как возникла Архитектура в нашем Отечестве? Какой был ее ход, развитие, ее действие и успехи?»³. А несколько позднее Д. Тихомиров начал раскопки храмов Старой Рязани, «чтобы лучше можно было иметь понятие об архитектуре XII века»⁴.

В 1809–1810 гг. состоялось «ученое путешествие по России» К. Бороздина и сопровождавших его А. Ермолаева, рисовальщика Д.И. Иванова и архитектора П.С. Максюткина. Это была первая попытка целеустремленного изучения памятников древнего зодчества. Результатом путешествия были альбомы рисунков и чертежей древних памятников, в том числе рисунок руин Десятинной церкви, обмерные чертежи киевской Софии, черниговских Спасского и Елецкого соборов,

* Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. — М., 1988.

церкви Георгия в Старой Ладогe. К сожалению, альбомы эти не были опубликованы и даже сведения о них проникли в научную литературу только в третьей четверти XIX в.⁵ С 1846 г. начали выходить в свет выпуски «Русской старины в памятниках церковного и гражданского зодчества» с рисунками Л. Мартынова и текстом Н.М. Снегирева — первое в России издание, специально посвященное публикации памятников древнерусской архитектуры⁶. Об успехе этого начинания свидетельствует тот факт, что с 1852 г. начался выпуск уже третьего издания «Русской старины...». В 1850 г. вышла первая тетрадь «Памятников древнего русского зодчества», издававшаяся Ф. Рихтером, где произведения русской архитектуры фиксировались уже не в рисунках, а в документальных чертежах⁷.

Во всех этих публикациях основное внимание по-прежнему уделялось памятникам московского зодчества и включались лишь единичные постройки домонгольского времени. Однако в середине XIX в. появились и первые серьезные исследования, посвященные отдельным памятникам русской архитектуры древнейшей поры⁸.

Более интенсивное развитие историко-архитектурной науки началось с 70-х гг. XIX в. Произошло заметное повышение научного уровня исследований, поскольку вместо любителей эту работу взяли в свои руки профессионалы-архитекторы. Заметную роль в деле изучения памятников древнего зодчества сыграли археологические съезды. Под археологическим изучением в то время понимали не столько археологические раскопки зданий, сколько их детальное архитектурное изучение. Уже в «Трудах I археологического съезда», опубликованных в 1871 г., была помещена статья А.С. Уварова «Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве»⁹. Статья начинается с фразы: «Наши архитектурные памятники так мало подвергались ученой и обстоятельной критике, что не могли доселе еще достигнуть до прямого своего значения — источников для определения характера русской архитектуры». В том же томе был опубликован целый ряд статей по домонгольским постройкам, а вскоре появилась обстоятельная работа Н.А. Артлебена, в которой дан обзор 11 памятников Владимиро-Суздальского княжества XII—XIII вв.¹⁰ На III археологическом съезде особое внимание было обращено на памятники Киева. В издании В. Прохорова, а затем в статьях П.Г. Лебединцева и П.А. Лашкарева были рассмотрены все сохранившиеся древние памятники архитектуры Киева и даже сделаны попытки дать некоторые обобщения¹¹. В архитектурных журналах все чаще стали появляться статьи и информация об исследовании древних зданий¹².

Внимание, уделявшееся памятникам древнерусского зодчества, определялось, как и прежде, не одними только научными интересами, но и практическими нуждами. Раньше эти нужды заключались в необходимости реставрировать древние церкви, используемые по их прямому, культовому назначению. Теперь, в 70–80-е гг. XIX в., это часто было связано с попытками создания нового, современного национального стиля русской архитектуры¹³. Статью об исторических исследованиях памятников зодчества В. Даль начал с утверждения, что изучение истории русского зодчества «необходимо для развития отечественной архитектуры»¹⁴. Памятники средневекового зодчества оказались особенно актуальными именно в то время, когда архитекторы стремились освободиться от уз классицизма и основанной на классицизме эстетики, чтобы создать архитектуру, «в которой

наружные части строений и украшения были бы, так сказать, продолжением внутреннего устройства и конструкции здания, а не представляли бы набор прилепленных к стене... украшений»¹⁵.

Академические вопросы истории архитектуры приобрели актуальность и остроту еще и потому, что оказались тесно связанными перипетиями идеологической борьбы славянофилов и западников. В этом отношении характерно выступление В.И. Бутовского против Ф.И. Буслаева¹⁶. Хотя материалом, на который опирались спорившие стороны, служил древнерусский орнамент, в дискуссии затрагивались и некоторые вопросы происхождения архитектурных форм. Ф.И. Буслаев полагал, что основные архитектурные импульсы шли на Русь из Византии, к ним позднее присоединились романские влияния, а чисто восточные элементы также проникали главным образом через Византию. В.И. Бутовский считал, что Русь все получила непосредственно с Востока, и преимущественно в качестве древних традиций. Именно это обстоятельство он считал основой самобытности русского искусства¹⁷.

В конце столетия дискуссия о самобытности древнерусского зодчества несколько утихла, но непосредственная связь изучения древних памятников с нуждами современного строительства оставалась непоколебленной. В 1895 г. Академия художеств начала издавать серию книг «Памятники древнего русского зодчества», и в предисловии было четко сформулировано, что «потребность к более широкому изучению наших древних памятников» возникла «ввиду возрастающего с каждым годом числа построек в русском стиле»¹⁸. В этом издании публиковались главным образом памятники XVI–XVII вв., а здания, относящиеся к домонгольской поре, составляли очень незначительную часть. Как и прежде, в издание включались только полностью сохранившиеся постройки и совершенно не учитывались памятники, открытые раскопками. Между тем уже во второй половине XIX в. было осуществлено несколько достаточно серьезных археологических раскопок остатков домонгольских сооружений. Раскопки вели большей частью местные краеведы (например, М.П. Полесский-Щепилло в Смоленске, А.В. Селиванов в Старой Рязани), но иногда работали и специалисты (А.В. Прахов во Владимире-Вольнском). Количество изученных памятников домонгольской поры возрастало.

В конце XIX в. некоторые ученые впервые поставили перед собой задачу не просто давать описание памятников или характеризовать различные архитектурные школы, а разрабатывать общий взгляд «на ход искусства, на его, так сказать, внутреннюю жизнь»¹⁹. Первым попытался осуществить это А.М. Павлинов²⁰.

Ускорение темпов развития историко-архитектурной науки сопровождалось ростом научного уровня исследований. В начале XX в. были проведены такие серьезные работы, как реставрация и восстановление первоначальных форм церкви Спаса Нередицы в Новгороде²¹. Автор реставрации П.П. Покрышкин произвел детальные исследования еще целого ряда древних памятников — церкви Василия в Овруче, церкви Спаса на Берестове в Киеве и других, причем, в большинстве случаев эти исследования сопровождались раскопками. Следует отметить тщательно разработанную методику детальных обмеров древних памятников, впервые осуществленную П.П. Покрышкиным в натуре²². Первоклассные по методике раскопки древних памятников, в том числе участка фундаментов Десятинной

церкви, провел Д.В. Милеев. Все эти работы производились уже как чисто научные исследования, не зависевшие от практических нужд восстановления действующих храмов и не связанные с развитием «русского стиля» в современном зодчестве.

С 1910 г. начала издаваться «История русского искусства» И.Э. Грабаря²³, в первом томе которой, помимо общего введения, изложена история русской архитектуры от древнейших времен до расцвета архитектуры Москвы. В написании разделов, кроме самого И.Э. Грабаря, принимали участие Г.Г. Павлуцкий, А.В. Щусев, В.А. Покровский. Написанная на высоком для того времени научном уровне и прекрасно изданная, «История русского искусства» как бы подвела итоги изучения древнерусского зодчества в дореволюционный период.

Существенно изменился характер изучения древнерусского зодчества в послереволюционные годы. Практическая реставрация памятников и их раскопки получили, в отличие от большинства дореволюционных, целеустремленный исследовательский характер, что позволило проводить их на высоком научном уровне. Серьезные исследования памятников Киева, Чернигова, Полоцка, Смоленска 20–30-х гг. принадлежат И.В. Моргилевскому, Н.И. Брунову, И.М. Хозерову и др.²⁴

Гораздо больше стало уделяться внимание общим проблемам развития архитектуры. В дореволюционный период даже в наиболее серьезных трудах исследователи, как правило, не пытались выявить развитие архитектурного стиля, ограничиваясь изложением фактической стороны дела, т. е. описанием памятников и в лучшем случае определением культурных влияний. Теперь впервые делаются попытки разобраться в закономерностях развития архитектурных форм. На смену архитекторам приходят искусствоведы. Их исследования, и в первую очередь труды А.И. Некрасова и Н.И. Брунова, значительно продвинули вперед разработку основных проблем истории древнерусского зодчества. Благодаря новому подходу к памятникам начали слагаться общие представления о развитии зодчества как единого художественного явления. К сожалению, искусствоведческий анализ был на этом этапе еще оторван от конкретного исследования материальной и конструктивной основы сооружений и приводил порой к созданию отвлеченных, искусственных схем развития архитектуры. На эту опасность с тревогой указывали архитекторы — историки архитектуры²⁵.

Необходимо отметить, что в это время ряд исследователей пытались связать проблемы истории искусств с социальной проблематикой. Подобные работы коснулись по некоторым частным вопросам и истории древнерусского зодчества²⁶.

Попытки выявить общую картину развития древнерусской архитектуры крайне усложнялись чрезвычайно малым количеством изученных памятников X–XIII вв. В настоящее время полностью или частично сохранилось около 30 русских каменных храмов домонгольской поры. Большинство их сильно перестроено, и судить о первоначальном облике этих памятников можно лишь после длительного архитектурно-археологического изучения. Если даже к этому добавить постройки, погибшие в сравнительно недавнее время, а также здания, уцелевшие только в своих нижних частях, то и тогда общее количество памятников оказалось бы не более 60. Если же иметь в виду, что сюда входят постройки, возведенные на всей территории Руси за период от конца X до середины XIII в.,

то станет ясно, какими неполными, обрывочными сведениями располагают исследователи.

Во второй половине 30-х гг. началось заметное оживление археологических исследований памятников древнерусского зодчества, остатки которых скрывались под землей. Раскопки М.К. Каргера в Киеве и Н.Н. Воронина в Боголюбове послужили началом нового этапа в изучении архитектуры домонгольской Руси. Однако в полной мере эта работа развернулась только после окончания Великой Отечественной войны. Задача широкого и планомерного археологического раскрытия памятников древнерусского зодчества была поставлена уже на первом Всесоюзном археологическом совещании, состоявшемся в Москве в 1945 г.²⁷ В последующие годы архитектурно-археологическая деятельность получила чрезвычайно широкий размах. Раскопки памятников русского зодчества X–XIII вв. стали проводиться во всех русских землях и крупных древнерусских городах²⁸. За неполные 40 лет послевоенной археологической деятельности количество привлекаемых к изучению памятников увеличилось почти в три раза. В настоящее время мы можем учесть около 160 более или менее изученных памятников, а общее их количество, включая и такие, от которых сохранились только следы, достигает 200²⁹. Значительное увеличение количества вводимых в научный оборот построек позволило рассматривать развитие архитектуры различных районов Древней Руси уже исходя из изучения не единичных примеров, а целых серий памятников, что дало возможность опираться если не на массовый, то, во всяком случае, на достаточно обширный материал. Ведущая роль в изучении домонгольского периода истории русской архитектуры перешла к археологам.

Однако археологические раскопки могут вводить в научный оборот только нижние части древних зданий. Чтобы яснее представить первоначальный облик памятников, необходимо, очевидно, сопоставлять археологические данные с исследованием сохранившихся построек. Работы такого рода, выполняемые архитекторами-реставраторами, также получили в последнее время значительное развитие. Консервация и реставрация древних сооружений обязательно сопровождаются теперь детальным изучением и по возможности реконструкцией первоначального облика. Эти реконструкции обычно выполняются лишь графически, но в нескольких случаях восстановление было исполнено и в натуре: церковь Пятницы в Чернигове и церковь Петра и Павла в Смоленске (П.Д. Барановский), Борисоглебская церковь в Чернигове (Н.В. Холостенко), Пятницкая и Спасо-Нередицкая церкви в Новгороде (Г.М. Штендер). Между архитекторами-реставраторами и археологами установился самый тесный контакт.

Интенсивные исследования охватили все районы древнерусской территории. Это позволило со временем дать характеристики всех архитектурных школ феодальной Руси, обрисовать в общих чертах соотношения и взаимосвязи между этими школами³⁰. Были опубликованы работы, в которых рассматривались пути развития архитектуры наиболее крупных архитектурно-строительных центров Руси, в частности капитальные монографии о зодчестве Киева, Владимиро-Суздальской земли, Смоленска³¹. Появилась возможность начать обсуждение некоторых кардинальных вопросов истории русской архитектуры. Так, сделана попытка наметить пути сложения национальных форм русской архитектуры³²,

а также выяснить причины появления особенностей в памятниках раннего киевского зодчества³³. Впервые был поднят вопрос о периодизации русской архитектуры, причем история архитектуры X–XIII вв., рассматривавшаяся ранее как единый период, была четко разделена на два этапа развития — эпоху Киевской Руси (конец X – XI в.) и период феодальной раздробленности (XII – первая половина XIII в.)³⁴. В связи с накоплением новых материалов эта периодизация была дополнена и уточнена, появилась возможность расчленить домонгольский период развития русского зодчества не на два, а на три этапа, поскольку выявился ранее не выделенный особый период, сложившийся к концу XII в. и продолжавшийся до монгольского вторжения³⁵.

Перенос центра тяжести исследований памятников архитектуры в область археологии прошел далеко не безболезненно. На первых порах многие археологи оказались неподготовленными к решению подобных задач. Раскопки памятников зодчества зачастую проводились без учета их архитектурной специфики, что иной раз приводило к потере важнейших данных³⁶. Лишь постепенно складывалась методика архитектурной археологии.

Важнейшей особенностью, которую внесли археологи в изучение истории архитектуры, был исторический подход. История древнерусской архитектуры стала рассматриваться как неотъемлемый элемент истории культуры, в неразрывной связи с социально-экономической и политической историей Руси, с развитием идеологии, литературы, других видов искусства. Такой подход позволил понять многие стороны в развитии зодчества, которые ранее совершенно не привлекали внимания исследователей. Каждый изучаемый памятник стал теперь полноценным историческим источником. Существенным шагом в этом направлении явилась статья Н.Н. Воронина «Архитектурный памятник как исторический источник», в которой были поставлены на обсуждение общие теоретические вопросы о познавательном значении памятников зодчества³⁷.

Вместе с тем, однако, стало ясно, что чисто исторический подход не может полностью объяснить весь процесс развития архитектуры. Для раскрытия общей картины истории древнерусского зодчества совершенно необходимо продолжение и углубление искусствоведческого анализа памятников. В этом отношении, несмотря на достигнутые успехи, предстоит сделать еще очень многое³⁸.

В настоящее время все более четко вырисовывается тенденция к комплексному изучению истории зодчества. Исследователей при таком подходе в равной мере интересуют как художественные, так и конструктивные вопросы, как идеологическая основа произведений архитектуры, так и развитие типов и форм сооружений. До самого последнего времени эти вопросы рассматривались обычно в отрыве друг от друга, что не позволяло представить цельную картину развития архитектуры. За исключением монографии Н.Н. Воронина о владими́ро-суздальском зодчестве, нельзя еще, пожалуй, назвать ни одной крупной работы, в которой вопросы развития архитектуры были бы в равной мере полно освещены как с точки зрения эволюции архитектурных форм, так и с точки зрения их связи с политической обстановкой и идеологией эпохи. Между тем изучение древнего зодчества необходимо проводить во всем многообразии его связей и проявлений, и неразрывном сочетании собственно архитектурного аспекта с археологическим и историко-художественным.

Следует отметить, что в последнее время все большее внимание привлекают и строительно-технические вопросы, делаются попытки выяснить организацию древнерусского строительного производства. Надо сказать, что задачи изучения древнерусской строительной техники исследователи ставили уже давно³⁹. Однако практически в этой области сделано было очень немного. В настоящее время положение резко изменилось, и первые же шаги, сделанные в этом направлении, дали важные результаты для выяснения реальной картины развития зодчества.

Характер применяемых строительных материалов, техника кладки, устройство фундаментов, анализ растворов привлекают сейчас пристальное внимание специалистов. Археологическими раскопками в различных строительных центрах Руси удалось вскрыть и изучить несколько кирпичеобжигательных и известковообжигательных печей XI–XIII вв. Фиксация отверстий от пальцев строительных лесов, следов кружал и опалубки позволила приступить к изучению процесса производства работ. Массовый промер древнерусских кирпичей (плинфы) показал возможность использовать формат кирпича для датировки построек⁴⁰. Начали вырисовываться контуры истории древнерусской строительной техники.

В научной литературе до самого последнего времени упоминания о внешних влияниях, оказавших воздействие на русскую архитектуру, часто рассматривались отвлеченно и независимо от строительно-технической стороны дела, исходя только из анализа архитектурно-художественных форм. Однако влияния в архитектуре распределяются не сами по себе, а лишь вместе с их реальными носителями — мастерами. Выяснение манеры работы, «почерка» мастеров-строителей различных артелей Древней Руси во многих случаях позволило разобраться в связях русского зодчества с зодчеством других стран (Византия, романский Запад) и в вопросах внутренних взаимосвязей феодальных школ русской архитектуры XII–XIII вв. Сделаны первые попытки персонификации древних зодчих если не по имени, то по индивидуальному «почерку», отразившемуся в их произведениях⁴¹.

Правильный методологический подход и комплексность изучения являются залогом объективного раскрытия закономерностей истории древнерусской архитектуры. Достигнутые в этой области успехи позволяют надеяться, что в близком будущем общая картина развития зодчества домонгольской Руси будет представлена еще ярче и полнее.

¹ Снегирев В. Архитектор В. И. Баженов. — М., 1937. — С. 184.

² ЦГИА СССР (Ленинград). Ф. 797. Оп. 4. Д. 16087, Л. 58 (Запись в журнале Синода, 1836 г.).

³ Речь об архитектуре в России до XVIII столетия, говоренная учеников первого класса Алексеем Мартыновым // Отчет Московского дворцового архитектурного училища за 1836 и 1837 годы и речи, говоренные на акте оногo. — М., 1838. — С. 3.

⁴ Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. — М., 1844. — С. 15.

⁵ Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России в 1809–1810 гг. // Труды I археологического съезда. — Т. I. 1869. — М., 1871. — С. 62–74.

⁶ Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. — М., 1846–1855. — Тетр. 1–15.

⁷ Памятники древнего русского зодчества. — М., 1850. — Тетр. 1.

- ⁸ Строганов С. Дмитриевский собор во Владимире. — М., 1849.
- ⁹ Труды I археологического съезда. Т. I. — С. 252.
- ¹⁰ Древности суздальско-владимирской области, сохранившиеся в памятниках зодчества в пределах Владимирской губернии. — Владимир, 1880. Вып. I.
- ¹¹ Христианские древности / Под ред. В. Прохорова. — СПб., 1875; Труды III археологического съезда. — Киев, 1878. — Т. I. — С. 53, 263.
- ¹² См., например, выступление К. М. Быковского об изучении черниговского Спасского собора (Неделя строителя. 1881. № 9. — С. 61) и возражения ему А.А. Авдеева (Зодчий. 1882. Вып. VI. — С. 81), а также статью: Павлинов А. О древних церковных сооружениях // Зодчий. 1886. № 11/12. — С. 81.
- ¹³ Подробнее об этом см.: Кириченко Е.И. Проблема национального стиля в архитектуре России 70-х гг. XIX в. // Архитектурное наследство. — М., 1976. — Т. 25. — С. 131.
- ¹⁴ Даль В. Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий. — 1872. № 2. — С. 9.
- ¹⁵ Даль В. Материалы для истории русского гражданского зодчества // Там же. — 1874. № 3. — С. 30.
- ¹⁶ Бутовский В.И. Русское искусство и мнение о нем Е. Виолле ле Дюка, французского ученого-архитектора, и Ф.И. Буслаева, русского ученого-археолога. — М., 1879.
- ¹⁷ Более подробно об этой дискуссии см.: Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. — М., 1978. — С. 221–231.
- ¹⁸ Памятники древнего русского зодчества / Сост. В.В. Суслов. — СПб., 1895. — Вып. I.
- ¹⁹ Суслов В.В. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. — СПб., 1883. — С. 3; см. также: Сулова А.В., Славина Т.А. Владимир Суслов. — Л., 1978. — С. 62.
- ²⁰ Павлинов А.М. История русской архитектуры. — М., 1894.
- ²¹ Покрышкин П.П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 гг. — СПб., 1906.
- ²² Покрышкин П.П. Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях. — СПб., 1910.
- ²³ Грабарь И. История русского искусства. — М., 1910. — Т. I.
- ²⁴ Библиография приведена в кн.: Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. — М., 1936.
- ²⁵ См., например, выступления Н.Б. Бакланова, И.Б. Михаловского, Г.И. Котова в кн.: Проблемы архитектуры. — М., 1937. — Т. II. Кн. 1. — С. 3, 7, 26.
- ²⁶ Примером может служить статья Н.И. Брунова «О хорах в древнерусском зодчестве». См.: Труды секции теории и методологии (социологической) Института археологии и искусствознания РАНИОН. — М., 1928. — Вып. 2. — С. 93–97.
- ²⁷ Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. — М., 1945. — С. 135.
- ²⁸ Обзоры археологических исследований памятников древнерусского зодчества см.: Воронин Н.Н. Работы советских археологов в области русского зодчества X–XIII вв. // Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. — М., 1958. — С. 118–130; Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв. // СА. — 1962. № 2. — С. 61–80; Беляев Л.А. Архитектурная археология домонгольской Руси за последние двадцать лет // КСИА. — 1982. Вып. 172. — С. 10–20.
- ²⁹ Раппопорт П.А. Русское зодчество X–XIII вв.: Каталог памятников. — Л., 1982. (САИ; Вып. E I-47).
- ³⁰ Раппопорт П.А. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII веке // Труды Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Серия Архитектура. — Л., 1970. — Вып. 3. — С. 3.
- ³¹ Кагер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2; Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. — М. Т. 1. 1961; Т. 2. 1962; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979.

³² Воронин Н.Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. — М., 1952. — С. 257.

³³ Комеч А.И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве. // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. — С. 50.

³⁴ Воронин Н.Н. Главнейшие этапы русского зодчества X–XV столетий // Известия АН СССР. Серия истории и философии. — 1944. № 4. — С. 162.

³⁵ Раппопорт П.А. Основы периодизации истории средневекового русского зодчества // Тезисы докладов III республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении. — Ереван, 1977. — С. 152; Он же. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 12; Асеев Ю.С. Зодчество приднепровской Руси конца XII – первой половины XIII века: Автореф. дис. ... д-ра архитектуры. — М., 1971.

³⁶ Раппопорт П.А. О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества // КСИА. — 1973. Вып. 135. — С. 17.

³⁷ СА. 1954. Т. 19. — С. 41.

³⁸ О задачах в этой области см., например: Ильин М.А. Методологические проблемы изучения русской архитектуры в их историческом аспекте // Русский город. — М., 1976. — С. 246. Среди наиболее серьезных искусствоведческих исследований в первую очередь следует назвать труды Г.К. Вагнера по изучению скульптурного убранства владими́ро-суздальских памятников, работы В. Н. Лазарева о монументальной живописи, статьи А. И. Комеча об архитектуре XI–XII вв. и др.

³⁹ Бакланов Н.Б. Изучение строительной техники как один из способов датировки памятников // Сообщения ГАИМК. — 1932. № 7/8. — С. 33, 40. Об этом же еще в конце прошлого века писал В.В. Суслов: «... одновременно с изучением художественных сторон наших памятников должно обращать между прочим серьезное внимание и на все конструктивные приемы древнего строительства» (Сулов В.В. О сводчатых перекрытиях в церковных памятниках древнерусского зодчества // Труды 2-го съезда русских зодчих. — М., 1899. — С. 138).

⁴⁰ Раппопорт П.А. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату их кирпича // СА. — 1976. № 2. — С. 83.

⁴¹ Раппопорт П.А. Зодчие и строители древнего Смоленска // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 402.

Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры*

Вопрос о влияниях в развитии культуры и искусства не нов. С этим вопросом постоянно сталкиваются все историки искусства. Действительно, чисто автохтонное развитие искусства, не подверженное никаким внешним влияниям, практически никогда и нигде не существовало. Поэтому, рассматривая историю искусства любой страны и любого времени, исследователь, естественно, бывает вынужден изучать и все те влияния, которые проявились в этом искусстве. Если же внутри данной страны существовали различные варианты развития искусства или художественные школы, то приходится иметь дело не только с внешними влияниями, но и с влияниями искусства одного района страны на другой, т. е. рассматривать и внутренние взаимовлияния.

Как появляются и как передаются внешние влияния? Каков механизм их перенесения? Рассмотрим этот вопрос на примере древнерусского искусства. В области станковой живописи первым толчком влияния византийской живописи был привоз на Русь икон. Иконы эти на Руси копировали, им подражали. Когда позднее кроме греческих икон на Русь стали попадать иконы и из других православных стран, например из Сербии, в русской станковой живописи стало возможным отметить влияние живописи и этих стран. Гораздо позже, во второй половине XVII в. источником влияния стали и гравюры, привозимые из-за границы. Так, хорошо известно, как копировали в России гравюры Библии Пискадора. Таким образом, в станковой живописи влияния проникали большей частью без непосредственного приезда иноземных художников, хотя и такие случаи были нередки: достаточно вспомнить деятельность в России Феофана Грека.

Сходным путем проникали влияния и в прикладном искусстве. На Русь попадало значительное количество ювелирных украшений, предметов художественного ремесла. Их также часто копировали, им подражали. Так, в раннем периоде истории Руси, в X в., в русском прикладном искусстве заметно влияние скандинавского искусства. В XV–XVI вв. в московском искусстве можно видеть влияние искусства Востока.

Следует отметить, что влияния, особенно в отношении сюжетов, могли сказываться даже в ином материале, чем подлинники, вызвавшие эти подражания. Так, долгое время вызывали недоумения некоторые сюжеты рельефов Дмитриевского

* Византия и Русь. — М., 1989.

собора во Владимире (конец XII в.). Ведь среди этих рельефов есть даже изображение слона. Выяснилось, что эти сюжеты были скопированы резчиками с предметов прикладного искусства, хранившихся в княжеской казне, — дорогих восточных тканей, серебряных блюд и пр. Проникали сюжеты из прикладного искусства и в монументальную живопись. Примером могут служить некоторые орнаментальные росписи смоленских храмов конца XII в., явно копирующие византийские, арабские и иранские ткани. Таким образом, и здесь внешние влияния проникали на Русь большей частью через привозимые образцы, хотя не исключены случаи и приезда мастеров. В отношении предметов мелкой пластики, а особенно литья из цветных металлов, очень часто даже не удается определить их происхождение, поскольку предметы эти легко перемещаются с места на место.

Конечно, далеко не всегда легко удастся определить источник подражания или влияния. Поэтому историки искусства довольно часто отмечают влияния, не рассматривая более детально пути их проникновения. Такой же прием, к сожалению, нередко использовали и в отношении истории архитектуры. Здесь также порой отмечали наличие влияний, не ставя вопроса, каким путем эти влияния могли проникнуть. Иной раз получалось впечатление, что влияния легко переносились без всяких посредников. Очень характерны в этом отношении, например, работы такого крупнейшего специалиста по истории русской архитектуры, как А.И. Некрасов. О церкви Благовещения в Витебске он писал: «... в памятнике соединились западноевропейские, византийские и восточные черты»¹. Храмы в Старой Рязани были созданы, по его мнению, «несомненно, под влиянием кавказской архитектуры»². Таким образом, Некрасов рассматривал влияния, проникавшие в древнерусское зодчество, так же как в живописи, т. е. без непосредственного участия иноземных мастеров.

Между тем в зодчестве механизм передачи влияний коренным образом отличается от того, что имело место в станковой живописи или прикладном искусстве. Односторонне искусствоведческий подход здесь может привести, и часто приводил, к грубым ошибкам. Изучение процесса древнерусского строительного производства показывает, насколько сложным было это производство, показывает, что мастера, ведшие строительство, обладали хотя и эмпирическими, но очень разработанными и устойчивыми традициями. Поэтому ни паломник, посетивший «святые места», ни князь, побывавший в чужой стране, не могли дать мастерам сведения, которые позволили бы им построить здание по указанному образцу. На Руси вплоть до XVII в. не знали чертежей и, следовательно, никакой заказчик не мог принести мастерам необходимых для строительства сведения. Мастера сами должны были знать указанный образец, причем не просто видеть его, а именно знать, как его разбить на площадке строительства, как свести своды и пр. Следовательно, перенос влияний в архитектуре вплоть до XVII в. был возможен только одним путем — переездом мастеров.

Могли ли быть исключения из этого правила? Только в отношении таких частей здания и деталей, которые не влияют на общую композиционную схему и могут быть оговорены словесно. Так, в Новгороде-Северском и Путивле в начале XIII в. были построены храмы, имеющие на северном и южном фасадах полукупольного типа апсид — прием, которого до этого в русской архитектуре не знали³. В данном случае опытные мастера, используя обычно применяемую ими схему

плана четырехстолпного храма, могли ввести такие полукружия по требованию заказчика, который хотел, чтобы возводимая церковь напоминала церкви высокочотимого на Руси Афонского монастыря, где применяли подобные полукружия (певницы) для размещения хора. Впрочем, в данном случае более вероятно, что на Афоне побывал не заказчик, а зодчий. Видеть же здесь работу греческого мастера не обязательно, тем более что никаких других признаков этого не имеется.

Положение резко изменилось лишь в конце XVII в., когда в Россию стали привозить западные чертежи, гравюры, увражи. Именно тогда в русской архитектуре стали широко применять классический ордер и ряд декоративных элементов, например «петушиные гребешки», явно повторяющие формы западноевропейской архитектуры. В архитектуре этой поры несомненно чувствуется влияние стилей маньеризма и барокко, хотя строителями были почти исключительно русские мастера.

Перенесение внешних влияний в архитектуре подчинено определенным закономерностям. Если бы вопрос шел только о строительстве, то все ограничивалось бы функциональной стороной. Но архитектура не просто строительство, это одновременно и искусство. И как искусство архитектура относится к области идеологии. А идеологические явления тесно связаны с определенными социальными категориями, с определенными этапами жизни общества. Для того чтобы внешнее влияние в архитектуре привилось, необходимо, чтобы оно было созвучно той стадии развития общества, тому периоду его социального развития, которое создало это явление в своей стране. Византийское зодчество не могло бы привиться на русской почве в VIII–IX вв., оно было чуждо и даже враждебно стране, где еще только слагалось классовое общество и государство. В конце X в. оно уже оказалось нужно России. Конечно, и теперь развитость социальных отношений Византии и Руси не совпадала — в Византии это было давно сложившееся феодальное общество, а на Руси — период сложения раннефеодального государства. Но в обоих случаях это уже было государство, это было уже классовое общество. Разность уровней их социального развития теперь не могла помешать проникновению внешних влияний, хотя и способствовала быстрому расхождению путей зодчества. На раннем этапе византийские мастера смогли найти способы решения задач, которые ставил перед ними несколько иной социальный заказ. Позже, к середине XII в., развитие процесса феодализации Руси в значительной степени выровняло уровень социального развития, и западноевропейские мастера, присланные императором Фридрихом Барбароссой, решали во Владимиро-Суздальской земле уже примерно такие же задачи, какие привыкли решать у себя на родине.

Какова же роль внешних влияний в развитии древнерусской архитектуры? Конечно, в период сложения на Руси монументальной архитектуры, в конце X — первой половине XI в., роль византийского влияния была очень велика. Отсутствие собственной традиции каменно-кирпичной архитектуры и собственных мастеров привело к тому, что строительство в Киеве на ранней его стадии было целиком в руках приезжих греческих зодчих. Тем не менее полного совпадения византийских и киевских построек даже в этот период не наблюдается. В отношении литературы Д.С. Лихачев ввел термин «трансплантация» — перенесение на Русь литературных произведений в чистом виде⁴. В архитектуре такой прием невозможен: архитектура настолько тесно связана с условиями заказа, условиями строительства,

местными строительными материалами, что перенесение форм и приемов в чистом виде никогда не удастся. На Руси и в Византии в это время существовал совершенно иной социальный заказ — вотчинный храм развитого феодального общества в Византии и общегосударственный храм эпохи слагающейся феодальной формации на Руси. Разница в заказе вызвала и применение разных типов храма — небольшой трехнефный в Византии и огромный пятинефный с галереями в Киеве. Необходимость иметь в церкви большие по площади хоры (эмпоры) для церемоний княжеского двора вызвала многоглавие, совершенно не применявшееся в эту пору в Константинополе⁵. Отсутствие на Руси мрамора заставило перейти к кирпичным купольным столбам, что резко изменило характер интерьера. Иные условия привели к созданию иных памятников, даже на самом раннем этапе сложения русского зодчества. А далее постройкой, возведенные в Киеве (в частности, первая христианская церковь — Десятинная), послужили базой сложения собственной архитектурной традиции, уже не византийской, а киевской, русской⁶. В тех же случаях, когда приезжавшие позднее греческие зодчие строили здания иного типа, не отвечавшие этой традиции, они уже не оказывали на развитие русской архитектуры никакого влияния. Примерами могут служить собор Кловского монастыря в Киеве, Михайловский собор в Переяславле (оба конца XI в.).

Примерно так же обстоит и с романским влиянием на русскую архитектуру. Приглашение польских мастеров для строительства церкви Иоанна Крестителя в Перемышле (начало XII в.), казалось бы, позволяло этим мастерам перенести сюда в чистом виде приемы романской архитектуры, поскольку в Перемышле не было еще своей строительной традиции. И действительно, как строительная техника, так и архитектурные детали построенного храма — романские. Но тип сооружения — не романская базилика, а крестово-купольный храм. Очевидно, таково было требование заказа, опиравшегося на существовавший уже на Руси тип православного храма. Не менее ярко это проявилось и тогда, когда во Владимир приехали мастера, присланные императором Фридрихом Барбароссой. Иногда зодчие, приехавшие из-за рубежа, получали еще более прямое задание — указание на определенный образец. Так мастера, приехавшие в Чернигов в начале XII в. и принешие с собой смешанную византийско-романскую традицию, при постройке первого же храма явно повторили типологическую схему «богосозданного» киевского собора Печерского монастыря.

Таким образом, даже при самых благоприятных для перенесения архитектурных форм условиях, архитектура никогда не «трансплантируется» на почве другой страны, а всегда претерпевает существенные изменения, связанные с местными условиями. Если же в стране уже имеется собственная архитектурная традиция, влияние оказывается еще менее существенным. Архитектурные формы, занесенные приезжими мастерами, могут в зависимости от обстоятельств в дальнейшем сыграть существенную роль в развитии русского зодчества или же, наоборот, не оказать на это развитие никакого влияния. Черниговские храмы, построенные приезжей строительной артелью, были повторены этими же мастерами в Киеве, а оттуда их стилистический характер и архитектурные формы, учитывая ведущую идеологическую роль Киева в XII в., повлияли на развитие зодчества в большинстве районов Руси. Гораздо меньшую роль сыграло творчество того греческого зодчего, который в середине XII в. построил во Пскове собор

Мирожского монастыря. Типологическая схема этого собора была лишь один раз повторена в церкви Климента в Старой Ладогe и далее вышла из употребления. Но тем не менее кое-какое влияние на дальнейшее развитие новгородского зодчества Мирожский собор все же оказал, что отразилось в организации хор нескольких церквей более позднего времени. Бывало и так, что привнесенные формы вовсе не прививались. Примером может служить церковь Благовещения в Витебске, построенная в первой половине XII в. также приезжими мастерами. Ее технические приемы были один раз использованы (видимо, теми же мастерами) в Борисоглебской церкви в Новогрудке и более нигде не повторялись, так же как не получили распространения и композиционные формы витебского храма.

Насколько сильно подействовали внешние влияния на национальный характер русского зодчества? В свое время, когда изучение древнерусской архитектуры делало еще свои первые шаги, вопрос этот решали просто: русское зодчество рассматривали как отзвуки зодчества других стран — вначале византийского, а позднее «ломбардского». Несостоятельность таких взглядов легко выявилась в процессе изучения памятников. Даже владими́ро-суздальское зодчество, которое рассматривали как чисто романское или в крайнем случае как «русский вариант романской архитектуры», по всем основным композиционным и конструктивным параметрам оказалось зодчеством русским, хотя и насыщенным романскими элементами. В 30–40-х гг. нашего века и особенно в первые послевоенные годы в литературе проявилась противоположная точка зрения, по существу целиком отрицающая роль внешних влияний. Ее авторам казалось, что признать наличие в русской архитектуре иноземных влияний значит принизить наше национальное зодчество. Доходило до того, что византийская кладка из плинфы со скрытым рядом объявлялась изобретенной на Руси, и отсюда заимствованной константинопольскими архитекторами⁷. Подобные выводы, конечно, послужили лишь к дискредитации советского искусствознания.

Между тем внимательное изучение внешних влияний в древнерусской архитектуре ясно показывает, что влияния эти имели очень характерную особенность: они воспринимались на Руси очень избирательно. Принимали лишь то, что соответствовало социальному уровню и эстетическим представлениям страны. В этом отношении характерно сравнение творчества двух итальянских архитекторов, работавших в Москве на рубеже XV и XVI вв. Аристотель Фиораванти при постройке Успенского собора в Московском Кремле в соответствии с требованием заказчика ориентировался на традиции, сложившиеся до этого в русской архитектуре, повторив типологические особенности владими́рского Успенского собора. При этом он значительно переработал традиционные формы, внося в построенный памятник свое ренессансное понимание архитектурной композиции. Влияние ренессансной композиции, слитое с традиционными русскими формами, дало поразительный результат. Собор, построенный Фиораванти, оказался важным этапом в развитии русского зодчества, и его влияние сказывалось в течение всего XVI в. В противовес этому зодчий Алевиз Новый в построенном им Архангельском соборе ориентировался не на русские традиционные формы, а на повторенные им в чистом виде элементы венецианского архитектурного декора. Здание получилось очень эффектным и, вероятно, произвело на современников большое впечатление. Но существенной роли в развитии русской архитектуры

это здание не сыграло⁸. Его влияние было минимальным. Даже в конце XVI в., когда в некоторых постройках явно пытались повторить Архангельский собор, это в целом не отразилось на характере русской архитектуры. И лишь в конце XVII в., т. е. почти через 200 лет, отдельные элементы декора Архангельского собора получили распространение, но в совершенно иной стилистической интерпретации. Характерно, что в конце XVII в., когда влияния в зодчестве проникали уже не с мастерами, а через увражи и гравюры, русские зодчие, как правило, использовали западноевропейские формы, которые были созданы не в это время, а примерно на столетие раньше. Но уже через два десятилетия, после основания Петербурга, в России получили распространение и признание синхронные архитектурные формы. Теперь избирательность сказалась в предпочтении памятников не другого времени, а определенных стран. Очевидно, что в архитектуре Руси воспринимались лишь те внешние влияния, которые отвечали эстетическим и социальным запросам самой страны.

Совершенно ясно, что самостоятельность зодчества проявляется не в мнимом отсутствии в ней чужеземных влияний, а в ее способности поглощать и по-своему перерабатывать эти влияния. «На протяжении всего мирового развития действует закономерность, согласно которой заимствования дополняют внутреннее развитие, служат одним из основных источников обогащения и совершенствования культур»⁹. Национальное своеобразие зодчества несколько не снижается наличием внешних влияний. Наоборот, если эти влияния входят в органическое единство с местными традициями, они служат лишь созданию еще более ярких и художественно выразительных памятников. Хорошим примером такого органического соединения может служить владими́ро-суздальская архитектура — одна из наиболее ярких архитектурных школ домонгольской Руси.

Таким образом, рассмотрение внешних влияний в древнерусском зодчестве показывает, что влияния эти проникали далеко не случайно; во всех случаях они имеют логичное объяснение, подчиняясь определенным закономерностям.

¹ Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. — М., 1936. — С.80.

² Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. — М., 1936. — С.76.

³ Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. — Л., 1986. — С.116.

⁴ Лихачев Д.С. Свообразие исторического пути русской литературы 10–17 веков // Рус. Лит. 1972. №2. — С.5.

⁵ Комеч А.И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. — С.50.

⁶ Раппопорт П.А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ. 1984. Т. 45. — С. 191.

⁷ Брунов Н.А. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. В 12 т. — Т. 3 — Л; М., 1966. — С. 108.

⁸ Булкин В.А. Итальянизмы в древнерусском зодчестве 16 века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. —Л., 1975. — С. 12.

⁹ Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. — Л., 1967. — С. 251.

О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества*

История древнерусской архитектуры — наука еще сравнительно молодая и бурно развивающаяся. За последние 20 лет в этой области сделаны чрезвычайно важные открытия, во многом изменяющие наши представления о целых этапах развития русской архитектуры. Успешное развитие историко-архитектурных знаний и значительное накопление нового материала в большой степени связано с широко развернувшимися за последние годы археологическими раскопками памятников зодчества. В особенности это относится к домонгольскому периоду русской архитектуры. В результате археологических раскопок даже само количество памятников архитектуры X–XIII вв., которые доступны изучению, увеличилось почти в три раза¹.

Конечно, здания, обнаруженные при раскопках, не могут конкурировать с целиком сохранившимися постройками, поскольку в раскопках раскрываются лишь нижние части сооружений; о верхних их частях можно судить только предположительно. Однако даже и такие раскопанные сооружения, от которых сохранились только части фундаментов, часто дают неоценимые сведения для воссоздания общей картины развития древнерусской архитектуры.

Количество памятников русской архитектуры X–XIII вв., еще не вскрытых раскопками, быстро уменьшается. В отличие от древнерусских городищ, сотни которых еще ждут исследователей, памятники зодчества, лежащие под землей, могут быть исчерпаны уже в самое ближайшее время. Естественно поэтому, какое большое значение имеет каждый памятник архитектуры, на котором сейчас проводятся раскопки. Данные, полученные при таких раскопках, может быть, уже нельзя будет проверить на другом подобном памятнике, поскольку само количество нераскопанных памятников уже очень невелико. К этому следует добавить, что в процессе раскопок страдает сохранность остатков сооружений, а также нарушается стратиграфия напластований. Поэтому вторичные раскопки памятников архитектуры всегда представляют значительно меньшие возможности для исследования.

Между тем, к сожалению, и сейчас еще очень часто в итоге археологического изучения в науку вводятся лишь самые минимальные сведения о здании: схема плана, общая характеристика кладки и строительных материалов. Ограниченность

*Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — 1973. Вып. 135.

же таких сведений объясняется зачастую не столько плохой сохранностью самой постройки, сколько несовершенством методики раскопок.

Памятники архитектуры — чрезвычайно сложные объекты. К раскопкам таких памятников нельзя подходить с обычной археологической методикой, поскольку раскопки здания требуют совершенно специфических, чисто архитектурных приемов изучения и фиксации. Нарушение этого требования приводит к невосполнимым потерям, к тому, что ни строительно-техническая, ни архитектурно-художественная стороны памятника не будут изучены с достаточной полнотой. Но, с другой стороны, односторонне-архитектурный подход, не подкрепленный профессиональными археологическими методами, может вырвать здание из культурного слоя, и в этом случае останутся непонятными все вопросы, связанные с окружением памятника, с процессом его строительства и разрушения.

Таким образом, методика раскопок памятников архитектуры значительно сложнее и разнообразнее, чем при раскопках большинства других археологических объектов. К сожалению, в повседневной археологической практике при вскрытии памятников архитектуры методические требования часто нарушаются, главным образом потому, что производители работ не всегда знают полный объем таких требований.

Все методические требования, относящиеся к раскопкам архитектурных объектов, могут быть объединены в три группы:

- 1) археологические требования;
- 2) требования, связанные с изучением архитектурно-художественной стороны памятников;
- 3) требования, связанные с изучением строительно-технических особенностей раскапываемых зданий.

Методические требования первой группы обозначают по существу лишь то, что при раскопках памятников архитектуры должны строго соблюдаться все методические приемы, принятые при археологическом изучении древних поселений. То, что объектом раскопок является не древнерусское деревоземляное жилище, а монументальное, каменное или кирпичное, здание, не избавляет исследователя от необходимости вести раскопки тщательно и спокойно, внимательно следить за стратиграфией и точно фиксировать все профили раскопов. Конечно, при раскопах архитектурных объектов многие методические приемы могут быть несколько видоизменены. Так, можно иначе организовать регистрацию и привязку раскопа и пр. Однако речь идет о сознательном изменении методики, а отнюдь не об ее упрощении.

Правильная организация раскопок и тщательные стратиграфические наблюдения неоднократно давали археологам возможность делать очень важные выводы. В качестве примера можно привести раскопки Десятинной церкви в Киеве, под которой были выявлены более древнее языческое кладбище и тайник, открытый киевлянами, спасавшимися в церкви в момент монгольского штурма².

Стратиграфические наблюдения иногда дают ценные сведения не только по истории города и примыкающего к зданию района поселения, но и для характеристики самого памятника архитектуры. Так, например, в 1960 г. был раскопан древний храм в Путивле³. Автор раскопок датировал здание второй половиной

XII в. В 1965 г. здание было вскрыто вторично и более тщательно⁴. Анализ напластований культурного слоя на участке, вплотную примыкавшем к церкви, показал, что слой строительства здания лежит непосредственно под слоем пожара города, связанного с монгольским нашествием. Это дало основания Б.А. Рыбакову убедительно датировать церковь 30-ми гг. XIII в.

Очень важно, чтобы стратиграфия была изучена не только на участках вне постройки, но и внутри нее. При раскопках церкви Покрова на Нерли, когда были открыты основания древней галереи, именно стратиграфия напластований внутри церкви и галереи дала убедительные доказательства полной одновременности их постройки⁵.

Археологические методические требования, даже если они несколько видоизменены в связи с применением их к архитектурному объекту, достаточно знакомы археологам, и поэтому случаи нарушения этих требований обычно бывают связаны либо просто с низкой квалификацией руководителя раскопок, либо с неоправданной поспешностью в проведении работ.

Гораздо более специфичны методические требования второй группы, связанные с изучением архитектурно-художественной стороны памятников зодчества. Эти требования иногда недостаточно учитывают даже квалифицированные археологи, имеющие большой археологический опыт, но мало знакомые с архитектурой. Недостаточное понимание того, какие элементы следует проследить и зафиксировать в раскапываемых руинах здания, порой ведет к утере важнейших данных, которые во многом позволили бы дополнить представления о первоначальном облике древнего памятника. Так, сколько раз в археологических отчетах о раскопках фигурируют указания на то, что в постройках были найдены остатки древних полов из поливных керамических плиток. Однако отсутствие точных фиксационных чертежей не позволяет судить о том, каков был характер этих полов. Между тем детальный обмер остатков пола в некоторых случаях мог бы дать возможность реконструировать его рисунок. Например, на основании обмера остатков майоликового пола, обнаруженного при раскопках так называемой Нижней церкви в Гродно, М.В. Малевская впоследствии смогла полностью реконструировать своеобразную композицию этого пола⁶. При раскопках внутри киевского Софийского собора были найдены лишь жалкие остатки древних мозаичных полов. Но в раскопках были прослежены линии, процарапанные по известковой подготовке пола и служившие для предварительной наметки рисунка мозаичных полов. Точная фиксация этих линий позволила графически воссоздать почти весь рисунок великолепного коврового убранства полов Киевской Софии⁷. При раскопках церкви на Малой Рачевке в Смоленске выяснилось, что сохранность здания очень плохая и полы не сохранились. Тем не менее тщательная разборка всех кирпичных завалов внутри здания позволила выделить несколько кирпичей, лежавших в непотревоженном состоянии и являвшихся остатками древнего кирпичного пола церкви⁸.

Следует отметить, что иногда вызывает затруднения фиксация архитектурной профилировки здания, особенно в том случае, когда постройка выполнена из плохо сохранившегося и разрушающегося кирпича. Очень важно также уметь сразу же отделить первоначальные формы здания от более поздних доделок. Так, при раскопках церкви Спаса в Чернушках (Смоленск) были зарегистрированы

сложнопрофилированные лопатки, имевшие необычно грубый вид и заканчивавшиеся не круглой, а прямоугольной тягой. Повторные раскопки этой церкви в 1964 г. показали, что зафиксированная ранее форма лопаток отражает их переделку в XVI в., а первоначальные пучковые лопатки имели гораздо более тонкие и изящные формы⁹.

К той же, второй группе методических требований относятся и все вопросы, связанные с фиксацией и, если нужно, консервацией остатков древней монументальной живописи. В тех случаях, когда живопись сохранилась в большом количестве и снятие ее со стен представляет значительные трудности, это должны выполнять специалисты-реставраторы. Какие блестящие результаты может дать бережное отношение к плохо сохранившимся остаткам живописи, можно судить хотя бы по тем росписям, которые были сняты со стен раскопанной церкви на Протоке (Смоленск) и вывезены в Государственный Эрмитаж¹⁰. Однако каждая археологическая экспедиция, ведущая раскопки памятников архитектуры, должна иметь достаточно подготовленных сотрудников и необходимые материалы, чтобы в случае необходимости произвести своими силами снятие хотя бы небольших кусков штукатурки с живописью со стен раскапываемого здания. Так, очень интересные фрагменты монументальной живописи были сняты В.И. Матвеевой при раскопках в Смоленске церковью на Воскресенском холме и на Окопном кладбище.

Практически при проведении раскопок памятников архитектуры чаще всего нарушаются методические требования третьей группы, т. е. связанные с изучением строительно-технической стороны раскапываемого объекта. Непонимание важности такого рода наблюдений приводит к тому, что почти в половине раскопанных за последние годы памятников архитектуры XI–XIII вв. нет возможности анализировать их технологическую сторону. Довольно часто в публикациях считают вполне достаточным указать, что здание сложено из белокаменных блоков или из плоских кирпичей (плинфа). В том случае, когда приводят размер кирпичей, обычно указывают один «средний» размер. Но такие сведения совершенно недостаточны. Детальный анализ показывает, что в большинстве древнерусских зданий кирпичи имеют несколько варьирующиеся размеры, и промер большого количества кирпичей обычно дает возможность выявить несколько серий стандартов кирпичей. Но даже точный промер кирпичей и наличие общей характеристики кладки в действительности являются лишь незначительной частью тех наблюдений, которые следует провести в процессе раскопок. Для того чтобы правильно понять объем и характер необходимых наблюдений, неизбежно надо иметь определенный минимум технологических знаний.

Подробное описание характера кладки и растворов, толщины швов и системы их перевязки имеют не меньшее значение, чем промер самих кирпичей. При фиксации раскопанных частей кирпичной постройки недостаточно нанесения на чертеж общих форм памятника и даже выполнения деталей с изображением всех кирпичей. Такие детальные чертежи все равно будут давать случайную картину и не раскроют характера кладки. Для выяснения системы кладки нужно на каком-то участке стен (лучше на углу или у лопатки) выровнять кладку по горизонтали и нанести полученную картину на чертеж, а затем аккуратно снять один ряд кирпичей и нанести на чертеж кладку нижележащего ряда. Только сопоставление

рисунка кирпичной кладки двух соседних рядов может раскрыть принцип перевязки швов и общую систему кладки. При этом следует иметь в виду, что технологические детали — толщина и характер швов, способ их подрезки и пр. — должны быть отмечены даже в том случае, если эти детали на первый взгляд не дают оснований для каких-либо выводов. Данные, которые сейчас кажутся маловажными, могут в дальнейшем оказаться, наоборот, очень существенными. Так, например, при раскопке церкви на Протоке в Смоленске было отмечено наличие в кирпичной кладке своеобразных двойных швов. Позднее именно на основании наличия этих швов и сопоставления их с подобными обмерами сохранившихся участков поверхностей стен (с показанием разбивки их на кирпичи) М. Б. Чернышев смог подсчитать производительность труда каменщиков XII в.¹¹

Большое значение имеет характер обработки фасадных поверхностей кирпичной кладки. В церкви на Протоке в Смоленске фасады имели косую подрезку швов снизу вверх, не совсем обычную для русской архитектуры XII в. Через несколько лет (в 1967 г.) в Смоленске была раскопана церковь на Окопном кладбище¹². Церковь эта по своим архитектурным формам оказалась очень близкой к церкви на Протоке. Ее фасады не имели подрезки швов, но пилон, выстроенный несколько позднее для укрепления западной галереи, имел именно такой характер обработки поверхности. Эта деталь сразу же определила хронологическое соотношение двух данных памятников: церковь на Окопном кладбище была построена несколько раньше, чем церковь на Протоке.

При описании древних кирпичей в постройках Чернигова, Смоленска, Гродно и некоторых других городов отмечено наличие на этих кирпичах своеобразных клейм на торцах или постелях. В свое время И. М. Хозеров опубликовал целый ряд таких клейм из материалов смоленских памятников¹³. При раскопках бесстолпной церкви на Смоленском детинце выяснилось, что на кирпичах этой церкви имеются клейма, совпадающие с клеймами Борисоглебской церкви на Смядыни, опубликованными И. М. Хозеровым¹⁴. Точный смысл кирпичных клейм до сих пор еще не установлен, но совпадение некоторых довольно сложных их рисунков, безусловно, означает выполнение их одной группой мастеров. Церковь на Смядыни датирована летописью и, таким образом, бесстолпная церковь на детинце приобрела достаточно уверенную датировку. Но более того, на детинце было раскопано еще и гражданское здание — остаток княжеского или епископского дворца. Техника его кладки оказалась идентичной технике бесстолпной церкви, а на постели одного из кирпичей в кладке дворца было найдено клеймо, оттиснутое тем же штампом, что и соответствующее клеймо на кирпиче бесстолпной церкви. Таким образом, детальное наблюдение и прорисовка всех клейм на кирпичах позволили датировать обе расположенные на детинце постройки¹⁵.

Крайне недостаточное внимание обычно уделяется изучению фундаментов раскапываемых построек. Между тем кладки фундаментов бывают очень разнообразны по типу, и их исследование может дать ценные сведения как для истории древнерусской строительной техники, так и для характеристики здания в целом¹⁶. При раскопках церкви Спаса в Чернушках в Смоленске удалось определить величину осадки фундамента по отношению к древнему уровню поверхности земли. Оказалось, что в центральной части церкви осадка довольно значительная, в боковых частях — гораздо меньше, а в галерее — совсем ничтожная.

При одинаковом грунте осадка фундамента зависит исключительно от веса давящих на фундамент частей здания. Следовательно, центральная часть церкви Спаса должна была иметь гораздо большую высоту, чем боковые части, а галерея была, очевидно, совсем низкой. Эти наблюдения в сочетании с изучением архитектурных форм здания позволили в общих чертах реконструировать объемную композицию памятника¹⁷.

В тех случаях, когда оказывается, что фундамент древней постройки выбран на камень, может оказаться, что важнейшее значение имеет изучение фундаментных рвов. Так, если бы не сохранились очертания фундаментного рва, не удалось бы определить крайне своеобразную в плане форму апсид в церкви на Окопном кладбище в Смоленске (раскопки 1967 г.). Целиком из изучения фундаментных рвов получены все данные о плане церкви на усадьбе Художественного института в Киеве¹⁸.

Тщательное соблюдение всех методических требований, детальные наблюдения над стратиграфией раскопа, над архитектурными формами и техническими особенностями раскапываемых построек, безусловно, должны сопровождаться тщательной фиксацией¹⁹. Очень важно также, чтобы сведения, полученные при раскопках, не были позднее опущены при публикации. Как часто, например, при публикации планов древнерусских храмов забывают поставить на чертеже стрелку ориентации по странам света. Между тем по азимуту церкви можно, как правило, определить день ее закладки.

Сложность раскопок памятников древнерусского зодчества вызывает необходимость наличия в составе археологической экспедиции специалистов различного профиля — археологов, архитекторов, реставраторов. Важно отметить, что это не должно быть механическое соединение разнородных специалистов. Иногда считают, что раскопки памятников архитектуры может проводить любой археолог, если в экспедиции имеется архитектор для проведения обмеров. Однако при таком сочетании специалистов выполнение всех перечисленных выше методических требований явно невозможно. Успешное осуществление поставленных задач может быть достигнуто только в том случае, если в коллективе экспедиции археологи и архитекторы работают совместно над разрешением одних и тех же задач²⁰.

Раскопки памятников древнерусского зодчества могут быть правильно проведены лишь в том случае, если они целеустремленно задуманы, как специальное историко-архитектурное исследование. Только правильная постановка этой проблемы может обеспечить ее успешное решение.

¹ *Раппопорт П.А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв // СА. — 1962. № 2. — С. 61.

² *Каргер М.К.* Археологические исследования древнего Киева. — Киев, 1950. — С. 45–140.

³ *Богусевич В.А.* Розкопки в Путивльському кремлі // Археологія. Т. XV. — Київ, 1963. — С. 165.

⁴ *Рыбаков Б.А.* Раскопки в Путивле // АО — 1965 г. — М., 1966. — С. 154.

⁵ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. — М., 1961. — С. 277–281.

⁶ Малевская М.В. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура древней Руси. — М., 1966. — С. 146.

⁷ Каргер М.К. Древний Киев. Т. II. — М; Л., 1961. — С. 186–204. Реконструкция выполнена М.В. Малевской.

⁸ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Раскопки в Смоленске в 1966 г. // СА. — 1969. № 2. — С. 213.

⁹ Воронин Н.Н. К истории смоленского зодчества XII–XIII вв. // Смоленск. Материалы юбилейной научной конференции. — Смоленск, 1967. — С. 110.

¹⁰ Шейнина Е.Г. Методика снятия стенных росписей храма XII в. Смоленске. КСИИ. Вып. 104. — 1965. — С. 33.

¹¹ Чернышев М.Б. О производительности труда каменщиков в древней Руси. // Культура Древней Руси. — М., 1966. — С. 292.

¹² Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Раскопки в Смоленске в 1967 г. // СА. — 1971. № 2. — С. 186.

¹³ Хозеров И.М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода // Научные известия Смоленского гос. университета. Т. V. Вып. 3. — Смоленск, 1929.

¹⁴ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Смоленский детинец и его памятники // СА. — 1967. № 3. — С. 298.

¹⁵ Там же. — С. 300.

¹⁶ Так, например, совершенно неожиданная и очень своеобразная конструкция фундамента была обнаружена при раскопках башни в Черторыйске (Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967. С. 143).

¹⁷ Воронин Н.Н. К истории смоленского зодчества XII–XIII вв. С. 112.

¹⁸ Каргер М.К. Древний Киев. Т. II. С. 394.

¹⁹ По обмерам памятников зодчества при раскопках см., например: Памятка по обмерам архитектурных сооружений при археологических раскопках. ЛОИА АН СССР. Составил П.А. Раппопорт. Л., 1961.

²⁰ Необходимость совместной работы археологов и историков архитектуры при изучении памятников средневекового зодчества очень четко обоснована, например, в статье польского исследователя А. Томашевского (Tomaszewski A. Archeologie medievale et histoire de l'architecture medievale — quelques problemes de cooperation // Archeologia Polona. V. X. 1968. С. 233).

Архитектура древней Руси и археология*

<...>В изучении истории древнейшего периода русской архитектуры, безусловно, остается еще много нерешенных и спорных проблем. Однако успехи, достигнутые в этой области, уже настолько значительны, что позволяют с большой долей уверенности пытаться обрисовать общую картину развития русского зодчества X–XIII вв. В конспективном изложении картина эта представляется в следующем виде.

Русская архитектура домонгольского периода достаточно четко делится на три этапа.

Первый этап — архитектура Киевской Руси: с конца X до рубежа XI и XII вв. Возведение первых каменно-кирпичных построек на Руси относится к самому концу X в. и связано с окончательным сложением древнерусского государства и принятием христианской религии. Первые монументальные постройки были возведены в Киеве греческими мастерами. Самостоятельная строительная артель сложилась в Киеве к середине XI в. В течение всего XI в. Киев был единственным центром, где имелись собственные квалифицированные строительные кадры. Строительство соборов в Новгороде и Полоцке осуществлялось киевскими мастерами. Лишь в конце XI в. при участии греческих мастеров была создана строительная артель в другом русском городе — Переяславле. Существенные отличия ранних киевских построек от византийских объясняются прежде всего своеобразием заказа, иными условиями строительства, применением местных строительных материалов. Этими же причинами объясняются отличия новгородского и полоцкого Софийских соборов от киевского.

Во второй половине и конце XI в. местные особенности памятников киевского зодчества делают все более ощутимыми и становятся русской архитектурно-строительной традицией. Техника кладки из кирпича-плинфы со скрытым рядом сохранилась в Киеве до начала XII в. Новый, второй, этап в истории русской архитектуры сложился в начале XII в. и продолжался примерно до 80–90-х гг. этого

*Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — 1982. Вып. 172. — Начальная часть статьи [«Памятники зодчества — источник богатейшей информации... Комплексное изучение памятников принимает все более конкретные формы.»] спустя несколько лет была полностью повторена в статье «О методике изучения древнерусского зодчества» (Советская археология. 1988. № 3. — С. 118–129). В связи с тем, что в настоящем сборнике статья «О методике изучения древнерусского зодчества» перепечатывается целиком, редколлегия сочла возможным опубликовать здесь статью «Архитектура древней Руси и археология» в сокращенном виде, оставив только ту ее часть, которая не вошла в статью 1988 года.

века. В нескольких наиболее крупных политических центрах Руси в этот период создаются собственные строительные артели, а кое-где развитие архитектуры начинает идти иными путями — создаются самостоятельные архитектурные школы. В течение первой половины XII в. в русском зодчестве сформировалось пять архитектурных школ.

В киево-черниговской архитектуре произошли существенные изменения, полностью преобразившие как архитектурные формы, так и сам архитектурный образ памятников. Изменилась и система кладки; теперь здесь стали строить из плинфы в равнослойной (порядовой) технике. Черниговские зодчие строили также в Рязани, где не было своих мастеров-строителей. В середине XII в. с помощью черниговских зодчих была создана строительная артель в Смоленске. Под сильным влиянием Киева развивалась в XII в. архитектура Переяславля, но в середине XII в. строительство здесь прекратилось, а вся строительная артель переехала на Волынь. Таким образом, к середине XII в. киевская архитектурная школа охватывала Киевскую, Черниговскую, Рязанскую, Смоленскую и Волынскую земли.

В Новгороде на базе киевских архитектурных традиций сложилась самостоятельная архитектурная школа, связанная с использованием местных строительных материалов и упрощением архитектурных форм. Построены новгородские здания из чередующихся рядов местной известняковой плиты и плинфы. Памятники новгородской школы обладают лаконичным и суровым обликом.

В Полоцке также продолжали развиваться традиции киевской архитектуры рубежа XI и XII вв., но совершенно не восприняли новых киево-черниговских форм архитектуры XII в. Это обстоятельство в сочетании с прямым участием византийских зодчих привело к созданию своеобразной полоцкой архитектурной школы. В отличие от остальных русских школ здесь сохранилась техника кладки из плинфы со скрытым рядом.

Совершенно иначе происходило сложение галицкой архитектурной школы, где имела место не постепенная переработка киевских архитектурных форм, а резкий разрыв с киевской традицией. В начале XII в. в Галицкой земле началось монументальное строительство, в котором принимали участие романские зодчие из соседней Польши. В середине XII в. в Галич вновь прибыли романские мастера, на этот раз из Венгрии. Сложившаяся здесь архитектурная школа отличалась наличием романской белокаменной техники и романских деталей. Однако как планы, так и общая композиционная и конструктивная схема большинства храмов имеют здесь общерусский характер. Впрочем, в Галицкой земле строили также и храмы центрального типа (ротонды, квадрифолии), соответствующие центральноевропейской романской традиции.

В Северо-Восточной Руси в самом начале XII в. строительство начали южнорусские мастера, но собственные кадры строителей здесь в эту пору не были созданы, и в середине XII в. широкое монументальное строительство началось с помощью мастеров из Галича, а несколько позднее — при участии зодчих, присланных императором Фридрихом Барбароссой. В результате сложилась совершенно своеобразная владими́ро-суздальская архитектурная школа, обладавшая романской белокаменной техникой, насыщенная романскими архитектурными формами, но в основе композиционных и конструктивных решений отвечавшая не романской, а русской архитектуре.

Третий этап в развитии русского зодчества сложился к концу XII в. Впрочем, первые признаки образования новых композиционных решений и нового архитектурного образа можно видеть в полоцком зодчестве уже в середине XII в. Раннему сложению новых форм в зодчестве Полоцка способствовала чрезвычайно благоприятная обстановка, поскольку полоцкие зодчие в силу сложившейся здесь политической ситуации не были связаны необходимостью следовать киевским художественным веяниям. Основные композиционные приемы храмов полоцкой школы были затем использованы в зодчестве Смоленска, но в самом Полоцке к этому времени монументальное строительство полностью прекратилось.

С 80-х гг. XII в. очень яркая самостоятельная архитектурная школа, отвечающая новому художественному направлению, существовала в Смоленске. Яркость архитектурного облика смоленских храмов сделала их популярными в других русских землях, а широкий размах строительства в Смоленске привел к появлению здесь многочисленных кадров опытных строителей. Это позволило смоленским зодчим вести строительство и в других землях — в Рязани, Новгородской земле и даже Киеве. В самом киево-черниговском зодчестве переход к новым формам совершился, по-видимому, в 90-е гг. XII в. Разнообразие форм и типов храмов в Киевской, Черниговской и Северской землях в конце XII — первой трети XIII в. позволяет думать, что здесь работало несколько самостоятельных строительных артелей. Небольшая, но вполне самостоятельная архитектурная школа появилась в конце XII в. в Гродно.

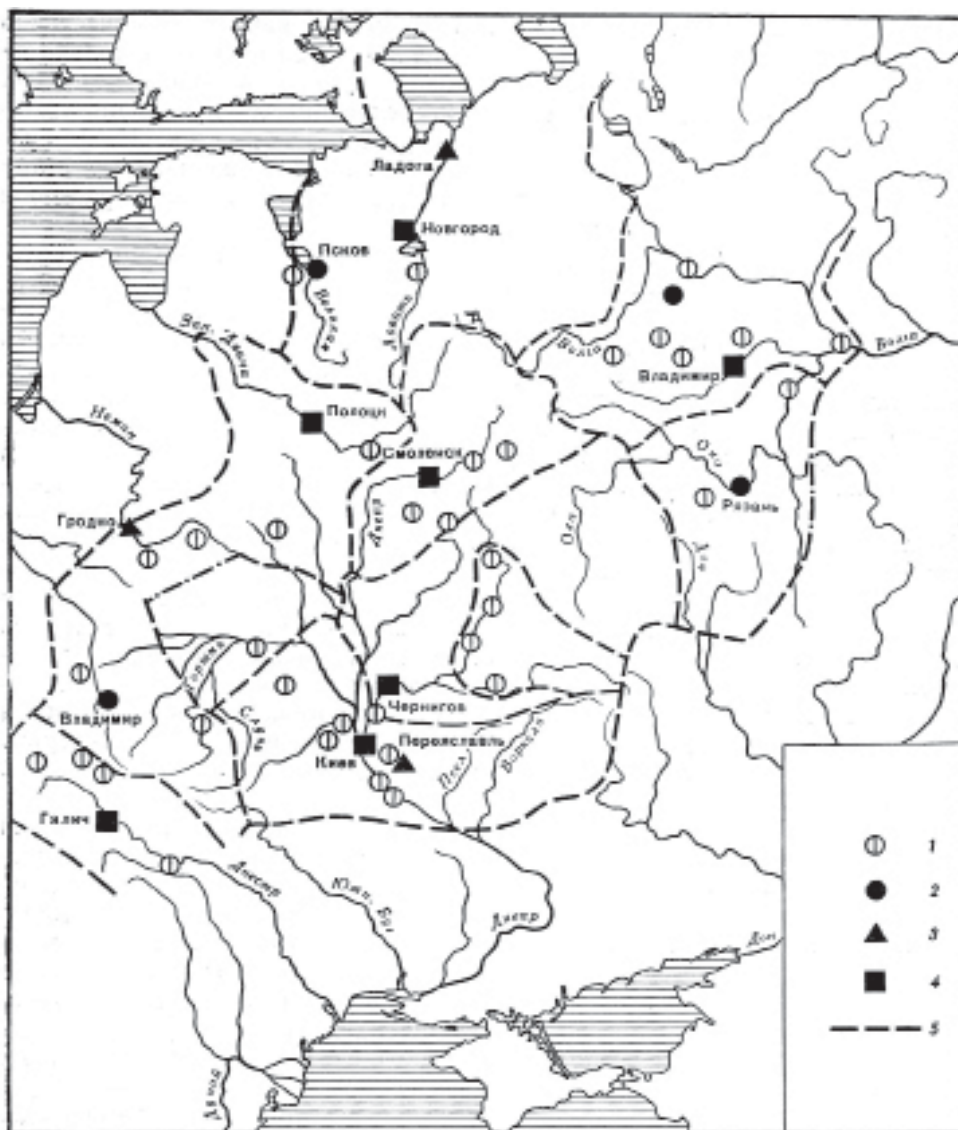
В своеобразной форме проявились новые тенденции в начале XIII в. во владими́ро-суздальской архитектуре, четко разделившейся к этому времени в своем развитии на две линии, связанные с деятельностью двух строительных артелей. Нового притока романских зодчих здесь более не было, и развитие владими́ро-суздальского зодчества определялось исключительно внутренней эволюцией архитектуры этой земли. Наконец, в совершенно специфических формах отразилось новое архитектурное направление на галицком зодчестве.

Единственной архитектурной школой Руси, где новые художественные тенденции не нашли отражения, была новгородская. Однако необходимость изменений назрела и здесь. После работы в Новгороде в начале XIII в. смоленских зодчих новгородские мастера использовали и переработали в своеобразной, чисто новгородской манере некоторые приемы, характерные для зодчества Смоленска. В результате был создан новый тип храма, послуживший основой для храмов более позднего периода новгородской архитектуры.

Таким образом, в первой трети XIII в. в русском зодчестве уже полностью господствовало новое архитектурное направление, общие закономерности которого в каждой архитектурной школе были выражены по-своему. Наряду с продолжающимся процессом дифференциации русской архитектуры и дальнейшим ее членением на самостоятельные школы, в зодчестве проявились и некоторые признаки интеграции, сложения определенных элементов общности. На этом этапе развитие русского зодчества было прервано монголо-татарским нашествием.

Историческая обстановка на Руси сложилась так, что общерусское зодчество, зодчество Москвы опиралось на традиции лишь одной архитектурной школы домонгольского времени — владими́ро-суздальской. Кроме того, дальнейшее развитие получила также новгородская архитектура. Остальные архитектурные

школы Древней Руси в более позднем русском зодчестве не получили прямого продолжения. Однако процесс сложения общерусской архитектуры подготавливался в домонгольскую пору на гораздо более широкой базе разнообразных архитектурных школ. Красота и многообразие русской архитектуры домонгольского периода делают ее одной из наиболее ярких страниц в истории русской культуры. В прочтении этой страницы огромная роль принадлежит археологии.

Карта расположения памятников русского зодчества домонгольского периода.

Количество памятников: 1 — один-два; 2 — три-четыре; 3 — пять-девять;

4 — десять и больше; 5 — границы древнерусских княжеств

II

ИСТОКИ, ШКОЛЫ, АРТЕЛИ, МАСТЕРА

О деятельности византийских зодчих на Руси в XI в.*

Вопрос о том, какую роль сыграли византийские зодчие в сложении древнерусского монументального зодчества, давно уже привлекает к себе пристальное внимание исследователей. По этому вопросу существовали две взаимоисключающие точки зрения. Дореволюционным ученым русская архитектура древнейшего периода представлялась прямым ответвлением византийского зодчества. Они считали, что «первоначально в Руси Киевской храмы создавались... совершенно так же, как и в самой Византии»¹. Согласно противоположной точке зрения, получившей распространение в 40–50-х гг. XX в., уже в самых первых монументальных постройках, возведенных на Руси, таких как киевский Софийский собор, «русские мастера очень сильно повлияли на общую композицию здания, и оно впитало в себя таким путем самостоятельные черты, выработавшиеся в русской архитектуре X в.»². При этом полагали, что даже в Десятинной церкви сама техника кладки была уже не византийской, а изобретенной на Руси и лишь позднее из Руси проникшей в Византию³.

В настоящее время представление о роли византийских зодчих в развитии русской архитектуры полностью изменилось. Большие успехи, достигнутые в изучении древнерусского зодчества за последние десятилетия, открытие при археологических раскопках значительного количества ранее неизвестных памятников и, особенно, изучение строительно-технической стороны этих памятников дают возможность решать этот вопрос гораздо увереннее и объективнее. Оказалось, что византийские зодчие многократно приезжали на Русь в XI в., но зодчество Киевской Руси тем не менее развивалось по иному, не византийскому пути, быстро приобретая черты вполне самостоятельной архитектуры⁴.

Какие же работы выполняли на Руси греческие мастера и какова была их роль в развитии русской архитектуры? Обратимся к фактам. В русской летописи имеется лишь одно упоминание о приезде византийских мастеров-строителей: под 989 г. в Повести Временных лет отмечено, что князь Владимир Святославич «помыслил создати церковь Пресвятая Богородица и послав приведе мастера от грек»⁵. Начатая строительством в 989 г., церковь Богородицы была закончена и освящена в 996 г. Церковь эта, названная Десятинной, рухнула при штурме Киева войсками Батюга, долго стояла в руинах, а позднее была полностью снесена. Вскрытые раскопками фундаментные рвы и частично уцелевшие фрагменты

* Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. — СПб., 1994. — С. 197–205.

дают возможность лишь в самых общих чертах реконструировать план погибшего памятника⁶. Очень вероятно, что за образец при строительстве была принята Фаросская церковь Богоматери при императорском дворце в Константинополе⁷. Кроме Десятинной церкви строители возвели в Киеве еще два или три дворцовых здания и ворота, шедшие на территорию «города Владимира»⁸. В Киеве был создан первый архитектурный ансамбль монументальных каменно-кирпичных сооружений. По-видимому, около 1000 г. все постройки были закончены, и мастера, очевидно, вернулись на родину.

Следующий этап строительства относится к 30-м гг. XI в. В 1036 г., в год смерти князя Мстислава, летописец отметил, что начатый строительством в Чернигове Спасский собор был доведен до высоты, «яко кони стояще рукою десящи»⁹. Очевидно, что заложить постройку и возвести здание на такую высоту могли за 2–3 года. Следовательно, начало строительства Спасского собора должно быть отнесено примерно к 1033–1034 гг. Таким образом, после завершения строительства Десятинной церкви и связанных с нею построек, на Руси более 30 лет монументальное строительство не велось.

Черниговский Спасский собор дошел до наших дней в относительно хорошей сохранности, и судить о его первоначальном облике можно достаточно уверенно. В том, что композиция храма, его архитектурные формы и строительная техника явно константинопольского происхождения, у исследователей сомнений нет¹⁰. Очевидно, что в 30-х гг. XI в. в Чернигов приехала столичная византийская строительная артель.

Третий приезд византийских мастеров относится к тем же 30-м гг., но — на несколько лет позже, когда в Киев прибыла другая и, видимо, более крупная строительная артель. В 1037 г. по распоряжению Ярослава Мудрого эти мастера начали возводить в Киеве Софийский собор. Указанная дата строительства зафиксирована в наиболее надежном источнике — Повести Временных лет¹¹. Очевидно, в Новгородской летописи указана другая дата постройки Софийского собора — 1017 г.¹² Расхождение летописей объясняется, по-видимому, тем, что в Новгородской летописи речь идет о деревянном Софийском соборе, предшествовавшем каменному. Тем не менее некоторые исследователи считают более достоверной эту «раннюю» дату¹³.

В таком случае становится возможным предположение о том, что строители Десятинной церкви не уезжали из Киева, что эти же строители возводили и Софийский собор. Правда, при этом становится непонятным, почему они ничего не строили на Руси целых 17 лет — с 1000 до 1017 г. Детальный анализ исторической обстановки, письменных источников и строительно-технических особенностей здания приводит к вполне однозначному выводу: достоверной является «поздняя дата» начала строительства — 1037 г.¹⁴

Строительство Софийского собора продолжалось, по-видимому, около 5–6 лет, после чего в Киеве были возведены Золотые ворота с надвратной церковью, что должно было занять еще примерно 2 года. Таким образом, основной объем нового строительного цикла был завершен к 1045 г., когда строителей направили в Новгород для возведения там Софийского собора.

В отличие от мастеров, строивших Десятинную церковь, мастера Софийского собора имели более сложную задачу: они должны были не только построить

храм, но и создать в Киеве местную строительную организацию, способную вести самостоятельные работы. Даже сам размах проведенного строительства свидетельствует, что его не могли осуществить силами одних приезжих мастеров; очевидно, в работах принимали участие и местные кадры. После возведения Софийского собора в Новгороде был возведен Софийский собор в Полоцке; затем силы строителей вновь концентрируются в Киеве. И тем не менее, несмотря на наличие в Киеве сильной строительной организации, в начале 70-х гг. XI в. сюда приезжают византийские зодчие. В 70-х или 80-х гг. XI в. под Киевом, на Клове, был основан новый монастырь. Остатки фундаментных рвов собора этого монастыря были вскрыты раскопками¹⁵. Очень сложная конфигурация этих рвов позволяет, хотя и гипотетически, реконструировать план уничтоженного здания: это был большой храм с куполом, опиравшимся на восемь опор¹⁶. Подобный тип храма до этого ни разу не применялся на Руси, хотя в Византии, особенно в Греции, такой тип имел достаточно широкое распространение. При отсутствии в ту эпоху чертежей появление совершенно нового типа сооружения может иметь только одно объяснение — возводивший такое здание зодчий видел подобные здания и знал их конструктивную систему. Но после предшествующего приезда в Киев византийских мастеров прошло уже около 40 лет и, следовательно, в Киеве теперь работали уже не те зодчие, которые приехали из Византии, а сменившие их мастера, их русские ученики. Очевидно, что Кловский собор строили какие-то иные, вновь приехавшие зодчие. Заказчиком Кловского собора был игумен Стефан, который до этого был игуменом Печерского монастыря, но в результате конфликта ушел оттуда и заложил новый монастырь на Клове «по образу сущего в Коньстантинополе граде, иже Влахерне»¹⁷. Очевидно, для строительства собора он взял с собой тех строителей, которые по его же заказу построили Успенский собор Печерского монастыря. Но именно об этих строителях в Печерском Патерике отмечено, «по они прибыли из Константинополя: «Приидоша от Царяграда мастери церковнии четыре мужи»¹⁸. Печерский собор был заложен в 1073 г. Очевидно, тогда и прибыли в Киев эти зодчие. Свидетельство Печерского Патерика не вызвало доверия, его подвергали сомнению как тенденциозную легенду¹⁹. Однако скептицизм в отношении этого известия оказался излишним, и исследователи пришли к выводу о том, что там присутствует «достоверное историческое ядро»²⁰.

В конце 70-х или начале 80-х гг. новая строительная артель явно константинопольского происхождения приехала в Чернигов по вызову правившего там Владимира Мономаха. Эти строители возвели в Чернигове небольшой двухэтажный храм-усыпальницу, остатки которого удалось вскрыть при археологических раскопках²¹. Наконец, в конце 80-х гг. еще одна строительная артель была приглашена епископом Ефремом в Переяславль. Здесь были построены грандиозный Михайловский собор, несколько небольших храмов, ворота с надвратной церковью и каменное здание бани, чего, как отметил летописец, «не бысть прежде в Руси»²². Вскрытые раскопками остатки Михайловского собора показали, что зодчие использовали известный в Византии, но также не применявшийся до этого на Руси, тип храма с одной широкой апсидой, четыремя очень мощными квадратными в плане столбами, галереями и притворами перед всеми тремя

порталами²³. В 1094 г. Мономах перешел из Чернигова в Переяславль и перевел туда же из Чернигова работавших на него строителей. В 1098 г. в Переяславле на княжеском дворе была построена церковь Богородицы. Наличие двух строительных артелей позволило Мономаху, не прекращая строительства в Переяславле, возвести на рубеже XI и XII вв. каменные храмы в стольных городах его северных владений — в Смоленске, Суздале, Владимире.

Таким образом, с конца X до начала XII в. византийские зодчие приезжали на Русь шесть раз, а не один раз, как это полагали ранее некоторые исследователи. С точки зрения строительной техники, постройки, возведенные византийскими мастерами, почти полностью идентичны. Это техника кладки их плинфы со скрытым рядом и с полосами крупных камней. Такая техника в этот период в Византии была характерна в основном для Константинополя и, отчасти, Солуни. Совпадение техники свидетельствует, что все приезжие на Русь в XI в. мастера принадлежали к столичной архитектурной школе. Однако некоторые второстепенные детали выдают связь этих мастеров с разными строительными группами этой школы. Так, например, существуют отличия в системе формовки сырцов плинфы. Киевские строители не ставили на сырцах никаких знаков или клейм производственного назначения. В Чернигове одна из плинф каждого штабеля при сушке сырцов метилась выпуклым знаком на торце²⁴. В Переяславле же вместо этого знака использовали штриховку постелистой стороны плинфы с помощью специальной гребенки. В дальнейшем, в XII в., эти варианты стали характерными особенностями разных древнерусских строительных артелей, явно выдавая этим происхождение от разных групп приезжавших византийских мастеров.

Казалось бы, что многочисленные приезды византийских зодчих должны были перенести на русскую почву чисто византийскую архитектуру. Тем не менее этого не произошло. Приезжавшие на Русь византийские строители столкнулись здесь с совершенно иной обстановкой и, в соответствии с этим, начали строить иначе, чем строили у себя на родине. Прежде всего они получали здесь совершенно иное задание, выполняли иной, чем в Константинополе, заказ. Наиболее ранние храмы Руси должны были отразить мощь молодого государства. Недаром же пресвитер Иларион в «Слове о законе и благодати» писал о киевском Софийском соборе, что эта церковь «дивна и славна всем окружным странам, яка же ина не обрящется в семь полунощи земьнемь от востока до запада»²⁵. Не только Софийский собор, но и большинство ранних киевских храмов значительно превосходят по величине византийские памятники этой поры. Но увеличение размеров храма заставило зодчих принимать новые решения, в частности — в Софийских соборах вместо трехнефного типа перейти к пятинефному. В ранних киевских храмах требовалось создать огромные по площади хоры, для успешного освоения которых было целесообразно введение дополнительных глав. Таким образом, особенности заказа, связанные с иной, чем в Византии, социальной обстановкой, уже повлекли существенные изменения в типологии храмов²⁶.

Очень большое значение имело и применение местных строительных материалов. На Руси не было мрамора, и зодчим пришлось заменить мраморные колонны в интерьере храмов кирпичными столбами, что сразу же изменило весь облик интерьера. Мраморные полы пришлось заменить полами из мозаики или

керамическими поливными плитками, а мраморные карнизы — местным пиррофилитовым сланцем, так называемым красным шифером. Опытные зодчие не только находили замену тем строительным материалам, которые они не могли получить на Руси, но, выбирая местные материалы, явно пытались облегчить и удешевить строительство. Так, при постройке новгородского Софийского собора они широко использовали легко добываемую известняковую плиту.

Приехавшим мастерам приходилось, кроме того, учитывать и условия, в которых производилось строительство, учитывать недостаточное количество опытных каменщиков. Так, сооружение цилиндрических сводов на подпружных арках в Константинополе было характерно не для церквей, а только для инженерных сооружений, например, цистерн. Но подпружные арки облегчали возведение сводов, и все русские храмы XI в. построены с подпружными арками. А это, в свою очередь, означало, что следовало делать столбы с лопатками, на которые опирались подпружные арки²⁷. По той же причине на Руси не применялись характерные для константинопольских памятников усложненные округлые очертания в планах храмов.

В Константинополе при технике кладки со скрытым рядом применяли прокладку рядов крупных отесанных камней. На Руси при более трудных для обработки породах камня и недостаточном количестве опытных каменотесов перешли на необработанный камень, частично затирая его раствором, на котором прорисовывали форму каменных квадратов²⁸.

Наконец, зодчим, приходилось в какой-то степени считаться и с требованиями князей-заказчиков, художественные вкусы которых были воспитаны в иной эстетической среде, связанной с деревянным строительством.

Все эти факты привели к тому, что даже самые ранние постройки, возведенные византийскими мастерами на Руси, уже имели своеобразный характер, далеко не совпадая с однородными им памятниками в самой Византии²⁹. В дальнейшем именно эти, наиболее ранние, храмы Руси послужили теми образцами, которые заложили в основу местной традиции. Особенно велика оказалась роль Десятинной церкви. На этот древнейший христианский храм заказчики ориентировали строителей в течение всего XI в. Основные типологические черты Десятинной церкви (трехнефный трехаспидный храм вписанного креста с нартексом) неоднократно повторяли во второй половине XI в. Очевидно, что этот образец было предложено повторить и тем греческим зодчим, которые строили собор Печерского монастыря. В свою очередь Печерский собор, освященный легендой о чудесном вмешательстве самой Богородицы, послужил образцом, на который ориентировались в XII в.

Конечно, византийские зодчие иногда пытались возвести на Руси храмы и другого типа. В тех случаях, когда заказчики не возражали, им это удавалось.

Таковы собор Кловского монастыря, двухэтажный храм-усыпальница в Чернигове, церковь Михаила в Переяславле. Но все эти здания оставались единичными экземплярами. Развитие русского зодчества продолжало опираться на сложившуюся традицию. Именно поэтому многократные приезды византийских зодчих на Русь не превратили русскую архитектуру в ответвление византийской. Развитие русской архитектуры с самого начала пошло по иному пути — пути сложения самостоятельного национального зодчества.

- ¹ *Грбавь И.* История русского искусства. — М., 1910. — С. 6.
- ² *Брунов Н.И.* К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X–XII вв. // Русская архитектура. — М., 1940. — С. 123; *Брунов Н.И.* Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры // Византийский временник. Т. 3. — 1950. — С. 166.
- ³ История русской архитектуры. Краткий курс / Под ред. С. Безсонова. — М., 1951. — С. 8.
- ⁴ *Раппопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. Т. 45. — 1984. — С. 185.
- ⁵ Повесть Временных лет. Ч. 1. — М., 1950. — С. 83.
- ⁶ *Каргер М.К.* Древний Киев. Т.2. — М; Л., 1961. — С. 36–48.
- ⁷ *Комеч Л.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. — М., 1987. — С. 176.
- ⁸ Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. [Свод археологических источников. Вып. Е1-47]. — Л., 1982. — С. 8–11. № 2–5, 9.
- ⁹ Повесть Временных лет. Ч.1. — М., 1950. — С. 101.
- ¹⁰ *Комеч А.И.* Спасо-Преображенский собор в Чернигове // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. — М., 1975. — С. 9–26.
- ¹¹ Повесть Временных лет. Ч. 1. — М., 1950. — С. 102.
- ¹² НПЛ (Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. — М;Л., 1950). — С. 180.
- ¹³ Среди исследователей эту точку зрения наиболее полно аргументирует Г.Н. Логвин (См.: *Логвин Г.Н.* К истории сооружения Софийского собора в Киеве // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г. — М., 1977. — С. 171; . О времени сооружения Софийского собора в Киеве // Украинский исторический журнал. № 2. 1987. — С. 129.). Была выдвинута и еще более ранняя дата возведения Софийского собора — 1007 г. (См.: *Никитенко Н.Н.* Княжеский групповой портрет в Софии киевской и время создания собора // Памятники культуры Новые открытия. Ежегодник 1986 г. — М., 1987. — С. 236.). Такая «смелая» гипотеза полностью противоречит как письменным источникам, так и общеисторическим соображениям.
- ¹⁴ *Асеев Ю.С.* Про дату будівництва київської Софії // Археологія. Т. 32. — 1979. — С. 3–12; *Porpe A.* The building of the St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. — V.7. 1981. — С. 17–66; *Асеев Ю.С.* Коли ж побудовано Софію Київську // Пам'ятки України. — № 2. 1987. — С. 30–32; *Раппопорт П.А.* К вопросу о строительстве Софийского собора // Строительство и архитектура. 1988. № 3. — С. 25, 26.
- ¹⁵ *Асеев Ю.С., Мовчан І. І., Харламов В.О.* Дослідження архітектури Кловського собору в Києві // Археологія. — Т. 30. 1979. — С. 37.
- ¹⁶ *Логвин Г.Н.* Архитектура храма на Клове // Исследования и охрана архитектурного наследия Украины. Киев, 1980. — С. 72.
- ¹⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 57.
- ¹⁸ Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 5.
- ¹⁹ *Каргер М.К.* Древний Киев. Т.2. — М; Л., 1961. — С. 344.
- ²⁰ *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. — М., 1978. С. 224; *Холостенко Н.В.* Памятник XI в. — собор Печерского монастыря // Строительство и архитектура. — Киев, 1972. — С. 34.
- ²¹ *Коваленко В.П.* Работы архитектурного отряда археологической экспедиции Черниговского музея в 1983–1986 гг. // Тезисы черниговской областной научно-методической — конференции, посвященной 90-летию Черниговского исторического музея. Чернигов, 1986. С. 60.
- ²² Повесть Временных лет. Ч. 1. — М., 1950. — С. 137.
- ²³ *Малевская М.В., Раппопорт П.А.* Церковь Михаила в Переяславле // Зограф. Т. 10. — Беград, 1979. — С. 30.
- ²⁴ *Раппопорт П.А.* Знаки на плинфе // КСИА. —1977. Вып. 150. — С. 28.
- ²⁵ *Обиорский С.П., Бархударов С.Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1— М., 1952. — С. 187; *Лихачев Д.С.* Великое наследие. — М., 1975. — С. 15.

²⁶ О роли обширных хор в сложении нового типа см.: *Комеч А.И.* Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. — С. 50.

²⁷ *Schäfer H.* Architekturhistorische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. und 11. Jahrhundert // *Istanbuler Mitteilungen.* — Tübingen, 1973/1974. Bd. 23/24. — S. 216; *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. — М., 1987. — С. 188.

²⁸ Применение полос необработанных камней можно видеть и в некоторых районах Византии, например в Анатолии. См.: *Jerphanion G.* *Melanges d'Archeologie Anatolienne.* — Beyrouth, 1928. — С. 137.

²⁹ *Раннопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. Т. 45. — 1984. — С. 190.

О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в.*

История русской архитектуры домонгольского периода — явление сложное и многообразное. Наряду с общими закономерностями развития, характерными для зодчества всей территории древней Руси, в этом процессе можно отметить и центробежные тенденции, и выделить районы, в которых развитие архитектуры шло разными путями. В отдельных случаях эти локальные варианты приобретали настолько самостоятельный характер, что дают основания говорить о наличии архитектурных школ, обладавших своими строительно-техническими традициями и выработавшими собственные архитектурные формы.

Далеко не все древнерусские архитектурные школы в настоящее время настолько изучены, чтобы можно было судить об основных особенностях и этапах их развития. Еще менее изучен вопрос о причинах и условиях появления этих школ, об их взаимосвязи. Тем не менее исследование ряда памятников, проведенное за последние годы и особенно итоги археологических раскопок памятников древнерусского зодчества дали такой значительный новый материал, что позволяют сделать попытку наметить хотя бы основные черты этой картины.

* * *

Одна из наиболее характерных особенностей русской архитектуры XI в. — ее единство на всей территории Русской земли. Киевская Русь имела один художественный центр, один город, обладавший кадрами зодчих, — Киев. Конечно, постройки, возведенные в Новгороде, Полоцке, Чернигове, не повторяли полностью сооружения Киева. Однако различия между ними являются индивидуального характера; они не отражают каких-либо сложившихся местных традиций, локальных архитектурных школ. Так, известно, что зодчие, построившие новгородский Софийский собор, в отличие от киевской Софии широко использовали в качестве строительного материала местную известняковую плиту. Но это говорит не о местной строительной традиции, а лишь об опытности зодчих, об их умении использовать в случае необходимости различные строительные материалы. Наладить в Новгороде в середине XI в. массовое производство кирпича, до этого там не производившегося, было делом достаточно трудным. Кирпич на первых порах должен был быть дорогим материалом. И естественно, что зодчие, экономя кирпич, широко использовали в качестве стенового материала плиту — дешевую,

* Труды института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Серия «Архитектура». № 3. — Л., 1970. — С. 3–25.

легко добываемую здесь же, на берегах Волхова. Но все наиболее ответственные конструкции — своды, арки, перемычки — были сложены из кирпича в типичной киевской технике, кладке со скрытым рядом. Прямая связь новгородской Софии с киевской проявляется не только в общих строительных и композиционных приемах, но даже в размерах и системе построения¹. Новгородскую Софию несомненно строили мастера, приехавшие из Киева.

Еще нагляднее связь с Киевом проявляется в полоцком Софийском соборе и черниговском Спасском соборе. Правда, некоторые исследователи выдвигали предположение, что строительство черниговского Спасского собора, начатое при князе Мстиславе, могло проводиться другой, не киевской группой мастеров. Однако строительство собора при Мстиславе было доведено, как пишет летописец, лишь до высоты, которой может достать человек на коне. Основной объем строительства и его завершение падают уже на время после 1036 г. и были исполнены по распоряжению Ярослава Мудрого, т. е., очевидно, киевскими зодчими².

Об отсутствии на Руси в XI в. другого архитектурно-строительного центра, кроме Киева, свидетельствует и то обстоятельство, что во второй половине XI в. кирпичное строительство вне Киева вообще не проводилось. После завершения строительства больших соборов в трех крупнейших политических центрах Руси (Новгороде, Полоцке, Чернигове), монументальное строительство вновь сосредоточилось в одном городе — Киеве. На рубеже XI и XII вв., когда появилась необходимость построить городские храмы в Суздале и Смоленске, ставшими к тому времени крупными административными центрами, мастеров для этого пришлось везти из Киева³.

Единственным городом, кроме Киева, где уже в конце XI в. началось интенсивное строительство, был Переяславль. Строительство, проведенное в Переяславле в конце XI в. и на рубеже XI и XII вв., известно нам по письменным источникам и по ряду памятников, вскрытых при археологических раскопках⁴. Летопись связывает это строительство с именем епископа Ефрема. По-видимому, значительную роль сыграл здесь и князь Владимир Мономах, бывший переяславльским князем до того, как он стал князем киевским. В тяжелый период половецкого натиска, когда во многих местах была сметена граница Руси, Переяславль был основным опорным пунктом борьбы с половцами в районе Поднепровья⁵. От того, насколько надежно будет стоять Переяславль, в значительной степени зависела и судьба Киева. Это особое положение и создало, видимо, предпосылки для разветвления в Переяславле монументального строительства.

В качестве центрального, соборного храма в Переяславле в конце XI в. была построена церковь Архангела Михаила. Раскопки показали, что это было крупное сооружение, с притворами и пристроенными часовнями⁶. Здание имело роскошную отделку, от которой в раскопках были обнаружены фрагменты росписей, мозаичная смальта, остатки полов из шиферных плит с мозаичной инкрустацией. Помимо Михайловского собора в Переяславле были раскопаны еще четыре церкви этого же времени — небольшие двустолпные храмики⁷. Совершенно особый интерес представляют остатки кирпичной стены епископского двора и монументальные ворота, над которыми, судя по летописи, стояла надвратная церковь⁸. Был раскопан также редкий памятник — гражданская постройка, вероятно, епископский дворец⁹. В летописи отмечено, что епископ Ефрем построил

в Переяславле каменную баню, остатки которой пока не обнаружены. К кругу переяславльских построек примыкает также небольшая церковь в Остерском городце, политически теснее связанном в ту пору с Переяславлем, чем с Киевом.

Переяславльская архитектура явно не тождественна киевской. Прежде всего обращает на себя внимание, что здесь применяли иные, чем в Киеве, типы храмов. Конечно, очень возможно, что это обстоятельство связано не столько с художественно-эстетическими принципами, сколько с иными задачами. В Переяславле, очевидно, нужно было в довольно короткий срок построить значительное количество церквей, хотя бы небольшого размера. Естественно, что в таких условиях приходилось применять иные, чем в Киеве, более экономные, варианты. Однако даже и в этом случае отличие переяславльской архитектуры от киевской, очевидно, объясняется не только различием обстановки и заказов, но и деятельностью иных мастеров. Построить за два десятилетия почти десяток кирпичных зданий можно было только при наличии собственных строителей. Одними приезжими киевскими мастерами такую работу нельзя было осуществить. О своих, переяславльских, мастерах-кирпичниках свидетельствуют и некоторые мелкие отличия в системе формовки кирпичей, отмеченные при археологическом изучении памятников.

Откуда появились в Переяславле собственные кадры строителей? На этот вопрос прямого ответа пока дать нельзя. Очень вероятно, что в организации строительства здесь могли сыграть определенную роль византийские зодчие. Некоторый намек на это дают летописные тексты, свидетельствующие о грекофильстве епископа Ефрема¹⁰. Техника кирпичной кладки в Переяславле совпадает с киевской, но это ни о чем не говорит, т. к. такая техника применялась в это время как в Киеве, так и в Константинополе. Но если в переяславльском строительстве и принимали участие византийские зодчие, то большую роль здесь, несомненно, должно было сыграть и влияние Киева, ведь в Киеве в конце XI в. имелись уже опытные строители, существовала столетняя традиция монументального строительства. Учитывая тесные политические и церковные связи Переяславля с Киевом, естественно предположить, что в воспитании строительных кадров в Переяславле киевские мастера должны были играть не последнюю роль.

Переяславльская группа памятников зодчества конца XI в. представляет собой хотя и связанное с Киевом, но все же достаточно самостоятельное явление. Если бы в дальнейшем политико-административная роль и экономическое значение Переяславля продолжали расти, и если бы в связи с этим в Переяславле в XII в. развернулось широкое монументальное строительство, здесь, несомненно, создалась бы самостоятельная архитектурная школа. Все необходимые основы для сложения такой школы здесь были. Однако монументальное строительство в Переяславле в XII в. велось очень незначительное, и сложилась ли здесь самостоятельная школа, обладавшая своими строительно-техническими традициями и своими архитектурными приемами и формами, пока неясно.

* * *

В XII в. развитие архитектуры на Руси шло уже совсем иначе. Вся Русь была в это время охвачена процессом феодального дробления. На место более или менее

единой Киевской державы пришло сложное сочетание не менее чем десятка княжеств, многие из которых являлись по существу вполне самостоятельными государствами. Процесс дробления начался уже во второй половине XI в., но на рубеже XI–XII вв. был приостановлен трагической обстановкой, сложившейся в Южной Руси в связи с натиском половцев. С 20–30-х гг. XII в. политическое дробление пошло еще более ускоренными темпами. Рост крупных русских городов, ставших центрами самостоятельных княжеств, и укрепление их экономики создали все необходимые предпосылки для сложения в каждом таком городе кадров собственных мастеров-строителей.

Монументальные здания той поры строились исключительно по заказам князей или церкви. Лишь со второй половины XII в. к ним постепенно присоединились такие заказчики, как крупные бояре или корпорации ремесленников и торговцев. Таким образом, постройки монументального характера (а в эпоху средневековья это главным образом храмы), как правило, возводились по заказам светских или духовных властей определенного княжества или епархии. Естественно, что в тех случаях, когда на данной территории не было собственных строителей, приглашали мастеров из той земли, с которой это княжество или епархия поддерживали наиболее тесные политические или церковные отношения. В результате картина расчленения более или менее единой киевской архитектуры на различные архитектурные школы очень близко соответствовала тому, как развивалась на Руси церковно-политическая обстановка. Там, где политические и церковные связи продолжали оставаться достаточно тесными, расхождения архитектурных форм не происходило или же оно шло очень медленно. В тех же случаях, когда эти связи решительно рвались и отношения между княжествами становились враждебными, это большей частью сейчас же отражалось и на архитектуре.

Многие русские земли в течение всего XII в. продолжали в отношении архитектуры следовать за Киевом. Обаяние киевских традиций было настолько велико, что продолжало сказываться даже и тогда, когда сам Киев практически уже потерял значение политического центра Руси. Поэтому, несмотря на наличие собственных мастеров и сложившиеся местные традиции монументального строительства, многие центры княжеств продолжали развивать архитектуру почти аналогично Киеву. Зодчество таких земель, как Черниговская, Рязанская, Волынская, Смоленская, в XII в. может быть объединено в одну школу, которую с некоторой долей условности можно называть киевской.

Конечно, памятники Киева, Чернигова, Рязани, Владимира-Волынского и Смоленска не идентичны. В каждом из этих крупных политических центров существовали свои мастера-строители, выработавшие особые, присущие только данному городу, строительные приемы. Однако различия сказываются лишь в частности, не затрагивая общих строительно-технических и композиционно-художественных принципов. Легче всего эти различия отметить в деталях строительной техники. Так, почерк мастеров выявляется, например, в том, что в Смоленске и Чернигове на кирпичях часто встречаются рельефные клейма, почти совершенно неизвестные в Киеве и на Волыни. Смысл клеймения кирпичей до сих пор не разгадан, но само применение этих клейм в одном городе и отсутствие их в другом, безусловно, свидетельствует, что в этих городах работали кирпичники, имевшие устойчивые и в то же время различные традиции своего ремесла.

Несколько различается и состав известкового раствора, поскольку в смоленских постройках кроме цемянки (мелко битого кирпича) в раствор часто добавляли уголь, чего обычно не делали в Киеве. И, однако, несмотря на наличие в каждом из упомянутых центров собственных кадров строителей, общий характер архитектуры в них явно одинаков. Во всех основных особенностях памятники зодчества этих земель совпадают.

Возможно, что дальнейшее изучение позволит выделить некоторые художественные, композиционные особенности, характерные для различных земель внутри данной архитектурной школы. Так, например, можно отметить, что в Чернигове и Рязани известны примеры использования в кирпичной архитектуре резных белокаменных деталей, чего нет ни в Киеве, ни в Смоленске, ни на Волыни. Можно также отметить, что в Смоленске и Чернигове храмы большей частью строили с галереями и притворами, а в Киеве и на Волыни — без них. Но и эти различия настолько незначительны, что не позволяют разделить архитектуру упомянутых земель середины XII в. на отдельные школы. Это одна архитектурная школа.

Значительно сложнее вопрос о том, что представляла собой в XII в. архитектура Переяславля. Наличие в Переяславле собственных кадров строителей уже в конце XI в. дает основание полагать, что к середине XII в. здесь могли сложиться собственные архитектурные традиции. Однако в силу своеобразно сложившейся политической обстановки строительство в Переяславле в XII в. не возросло, а, наоборот, заметно уменьшилось. В настоящее время известны остатки всего двух памятников переяславльской архитектуры середины — второй половины XII в. Они отличаются от киевских памятников. Но отражают ли их особенности устойчивые, сложившиеся традиции переяславской архитектуры, т. е. наличие школы, пока судить трудно.

* * *

В первой половине XII в. из киевской архитектуры выделилось несколько самостоятельных архитектурных школ — галицкая, владими́ро-суздальская, новгородская, полоцкая и городенская.

Раньше всех сложилась галицкая школа. Это произошло в первой четверти XII в., т. е. тогда, когда еще не существовало даже Галицкого княжества, а прикарпатский район Руси был занят двумя княжествами — Перемышльским и Тереховским. Расположенные на самой окраине древнерусского государства, эти княжества были меньше, чем другие русские земли связаны с Киевом. В начале же XII в. тереховский князь Василько и его брат перемышльский князь Володар находились во враждебных отношениях с князьями Киева и Волыни. Естественно, что если им нужно было начать в своих землях монументальное строительство, они не могли просить для этой цели зодчих из Киева. Между тем экономическое усиление прикарпатских русских земель, рост и укрепление здесь городов, завершение процесса феодализации создавали условия, в которых неизбежно должно было начаться монументальное строительство, в первую очередь строителей церквей.

В такой обстановке князь Володар заложил в Перемышле первую монументальную церковь — церковь Иоанна Крестителя¹¹. По сведениям польского

хрониста XV в. Длугоша, пользовавшегося какими-то более древними письменными источниками, церковь эта была построена из тесаного камня. Откуда могла появиться в Перемышле такая строительная техника? Ведь на Руси в это время существовала лишь одна строительно-техническая традиция — строительство из плоского кирпича-плинфы, иногда в сочетании с необработанным камнем. Между тем в соседних с Русью странах — в Польше, Венгрии, Чехии — в это же время господствовала романская техника — строительство из тесаного камня. При этом почти рядом с Перемышлем находились такие крупные строительные центры, как Краков, Вислица. Очевидно, именно отсюда и пришли те мастера, которые построили перемышльскую церковь. Трудно сказать, как именно получил мастеров князь Володарь, пригласил ли их, захватил ли в плен во время одного из своих походов на Польшу или, быть может, вывез этих мастеров, когда сам возвращался, выкупленный братом, из польского плена.

В недавние годы польским археологам удалось раскопать на детинце древнего Перемышля остатки церкви Иоанна Крестителя¹². Постройка действительно оказалась выполненной в белокаменной технике романского типа. Однако план храма — не базиликальный; это четырехстолпная церковь, обычная для русской архитектуры XII в.

Несколько более детально изучены остатки Успенского собора, построенного в середине XII в. в новой столице Юго-Западной Руси — Галиче. Раскопками были вскрыты фундаменты, а частично и нижние части стен этого храма¹³. Так же, как и перемышльская церковь, Успенский собор был возведен в романской каменной технике, но план его также не имел ничего общего с романскими церквями. Плановая схема здания не оставляет сомнений в том, что это была четырехстолпная крестовокупольная постройка с примыкающей с трех сторон галереей. Вход на хоры был размещен не в башне, а в толще одной из стен. Таким образом, судя по плану, композиция галичского Успенского собора полностью отвечала тем тенденциям, которые наметились к середине XII в. в архитектуре других русских земель, в частности в Киеве. Это совершенно естественно, поскольку в церковном отношении Галич был связан с Киевом и, следовательно, тип здания храма должен был соответствовать тем типам, которые применяли на Руси, а не в католической Польше¹⁴.

И все же Успенский собор в Галиче, несомненно, должен был очень существенно отличаться по своему облику от киевских церквей этого времени. Очень важную роль здесь играл строительный материал. Стены храмов в XII в. не штукатурились и, следовательно, материал кладки придавал определенный характер всей постройке. Еще существеннее, что с переходом к новому строительному материалу зодчие, как правило, начинали использовать и новый набор декоративных приемов, свойственных этому материалу. Судя по найденным фрагментам, в украшении галичского собора была использована скульптурная резьба. Собор имел профилированный, типично романский цоколь, а лопатки его, в отличие от киевских храмов, были плоскими, без полуколонн.

Весь характер Успенского собора, его романская техника и русская композиция свидетельствуют, что в середине XII в. в Галиче уже имелись кадры мастеров, хотя и воспитанных в традициях романской белокаменной техники, но хорошо знавших достижения киевской архитектуры и имевших достаточный опыт для

того, чтобы разрабатывать вполне самостоятельные архитектурные решения. Можно уверенно говорить, что в середине XII в. уже существовала галицкая архитектурная школа.

* * *

Несколько позже сложилась архитектурная школа на далекой северо-восточной окраине Русского государства — в Суздальской земле. Первая монументальная постройка в Суздале — собор Рождества Богородицы — была возведена по распоряжению князя Владимира Мономаха еще в самом начале XII в. Примерно через сто лет собор этот был разобран и заменен новой постройкой. С помощью археологических раскопок удалось обнаружить некоторые части уничтоженного первоначального здания. Выяснилось, что это была шестистолпная церковь, стены которой сложены из плинфы на известковом растворе с цемянкой. Как план храма, так и его строительная техника — типично киевские. Вряд ли могут быть сомнения, что Мономах, бывший одновременно и киевским князем, вызвал для выполнения этой работы мастеров из Киева¹⁵.

После этого в строительстве наступил перерыв. Следующие по времени монументальные постройки в Суздальской земле были возведены только через полстолетия, в середине XII в. Но к этому времени политическая обстановка существенно изменилась. Суздальский князь Юрий Долгорукий, опираясь на военные и экономические ресурсы княжества, стремился овладеть Киевом. Естественно, что воюя с Киевом и Волынью, князь Юрий не мог получить оттуда мастеров-строителей. Собственных же зодчих в Суздальской земле, видимо, еще не было. И Юрий обратился за помощью к своему военному союзнику — галицкому князю. В постройках, возведенных в 50-х гг. XII в. — в соборе в городе Переяславле-Залесском и в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, явно чувствуется рука галицких зодчих¹⁶. Об этом прежде всего свидетельствует сама белокаменная техника кладки стен, не говоря уже о целом ряде технических особенностей — характере фундамента, составе раствора и пр.

Насколько самостоятельный вариант архитектуры представляли собой два упомянутых храма, пока судить трудно. Участие в строительстве галицких зодчих не вызывает сомнений, но насколько эти зодчие повторили формы, сложившиеся в галицкой архитектуре и насколько они создавали новое, отвечавшее новым условиям, неясно, поскольку ни один галицкий памятник этой поры не сохранился (если не считать фундаментов Успенского собора). Но именно с этих двух построек начинается развитие самостоятельной владимиросуздальской архитектурной школы, развитие поразительно быстрое и плодотворное. Мы имеем возможность проследить это развитие буквально по десятилетиям, так как памятники владимиросуздальской архитектуры сохранились в достаточном количестве.

Церкви в Переяславле-Залесском и Кидекше были построены в 50-х гг. XII в., а уже в 60-х гг. в Суздальской земле развернулось широкое монументальное строительство. Оно было сконцентрировано в другом районе княжества — в новой столице Владимире и поблизости от Владимира. Политическая роль Владимирского княжества в эти годы быстро возрастала. Если Юрий Долгорукий упорно боролся за киевский престол, то его сын и преемник Андрей Боголюбский из Владимира диктовал свою волю князьям других русских земель, в том числе и самого Киева.

Естественно, что город Владимир должен был самым своим обликом, величием своей архитектуры соответствовать тому значению, которое он приобрел. В еще большей степени это относится к основанной князем Андреем новой резиденции — городку Боголюбову, построенному с небывалой пышностью.

Ансамбль Боголюбова, построенная неподалеку церковь Покрова на р. Нерль, Успенский собор и Золотые ворота во Владимире дошли до наших дней, хотя в различной степени сохранности. Они позволяют судить о владими́ро-суздальской архитектуре этой поры с достаточной полнотой. Памятники поражают совершенством своего композиционного замысла, технического исполнения и отделки деталей. Кто же были те мастера, которые построили подобные шедевры? Очень вероятно, что во Владимире еще продолжали работать те галицкие зодчие, которых пригласили сюда в 50-х гг. Однако, несомненно, что широкий размах строительства мог быть осуществлен лишь при наличии достаточно многочисленных собственных мастеров. Очевидно, на предыдущем этапе строительства в Суздальской земле сложились свои, местные кадры. Помимо этого в строительстве 60-х гг. XII в. несомненно принимали участие и какие-то западноевропейские романские мастера. Историк XVIII в. В. Н. Татищев приводит сведения о том, что князь Андрей Боголюбский пригласил зодчих от императора Фридриха Барбароссы. И хотя этот источник не вполне достоверный, но очень вероятно, что в данном случае это было именно так. Во всяком случае такие детали, как базы и капители колонок, цоколь, порталы, тройное окно на башне в Боголюбове, — элементы, безусловно, романские, близкие формам южно-немецких романских построек этого же времени. При этом замечательно, что общая плановая схема и композиция, весь облик владими́ро-суздальских памятников очень далеки от романской архитектуры и имеют гораздо больше общего с памятниками зодчества остальных русских земель. Участие в строительстве романских мастеров, конечно, обогатило владими́ро-суздальскую архитектуру, но не вырвало ее из русла развития русского зодчества¹⁷. Так сложилась самостоятельная владими́ро-суздальская архитектурная школа.

* * *

Совершенно по-иному происходило формирование новгородской архитектурной школы. Здесь не было такого решительного разрыва с киевской традицией и не было привнесения западных архитектурных форм, как это имело место в архитектуре Галича и Владимира. Новгородская школа дает пример постепенного сложения и разработки самостоятельных форм, вызванных местными условиями и местными строительными материалами.

После завершения строительства Софийского собора в течение всей второй половины XI в. в Новгороде не велось монументального строительства. Условия для широкого развертывания такого строительства созрели к началу XII в. В самом начале XII в. было возведено один за другим несколько больших шестистолпных соборов. Естественно, что в процессе такого интенсивного строительства должны были сложиться местные строительные кадры; строительство целой серии крупных сооружений нельзя целиком относить за счет приезжих киевских мастеров. И все же самостоятельных черт в этих постройках еще мало. Конечно, здесь гораздо шире, чем в Киеве, использован местный известняк. Но

ведь и в новгородской Софии, строительство которой явно проходило под руководством киевских зодчих, тоже широко применяли местную плиту. Более того, в Софийском соборе камня даже больше, чем в постройках начала XII в. При этом как бы широко не использовали мастера местную плиту, все наиболее ответственные в конструктивном отношении участки сооружений выполнялись в основном из плинфы в технике кладки со скрытым рядом¹⁸.

Новгородские соборы начала XII в. иногда считают памятниками, в которых уже отразилась собственно новгородская архитектурная школа. Однако своеобразие этих построек еще не настолько существенно, чтобы их можно было четко отделить от киевских памятников. Весь характер решения фасадов с плоскими лопатками и двухступчатыми нишами, расположение у северо-западного угла лестничной башни — все это приемы киевской архитектуры второй половины XI в. Специфику новгородских построек начала XII в. легче объяснить индивидуальным «почерком» определенного архитектора, чем новгородскими архитектурными традициями, которые в это время, очевидно, только начинали складываться¹⁹.

В процессе строительства, развернувшегося в Новгороде в начале XII в. создавались не только местные кадры мастеров, но и местные приемы. К 40-м гг. XII в. в Киеве и соседнем с Новгородом Смоленске сложилась новая система убранства фасадов, связанная с новой техникой кирпичной кладки (порядовая кладка вместо кладки со скрытым рядом). В Новгороде мастера пошли по иному пути. Они вырабатывали свои приемы, связанные с все более широким использованием в строительстве местной известняковой плиты. Кладку стен начали вести из плиты с выравнивающими прослойками плинфы, затирая поверхность раствором. При использовании плиты не логично было применять такие кирпичные декоративные детали, как аркатурные пояски, многообломные проемы и ниши, полуколонны на лопатках. И естественно, что новгородские зодчие не стали вводить эти элементы в употребление. Поэтому новгородские памятники второй половины XII в. отличаются крайне скупой декоративной обработкой фасадов. Почти плоский аркатурный пояс на барабане под главой, несколько декоративных ниш, вставленный в кладку декоративный крест — вот все, что новгородские зодчие позволяли себе ввести в качестве декоративных элементов. Широкое использование плиты затрудняло возведение зданий с такой четкостью и геометричностью, как это делали при кирпичном строительстве. И новгородские зодчие эту особенность восприняли не как недостаток, а наоборот, как специфический эстетический прием. Новгородские постройки середины и второй половины XII в. обладают мягкостью форм; они производят впечатление вылепленных от руки.

Общее для русской архитектуры XII в. стремление к созданию компактных одноглавых построек, в новгородской архитектуре нашло еще более яркое отражение, чем в других русских архитектурных школах. Новгородские храмы второй половины XII в. не имеют галерей и большей частью лишены даже притворов. Как правило, это чрезвычайно простые и очень лаконичные объемы.

К новгородской архитектурной школе относятся и памятники XII в., построенные в Пскове. Таковы целиком сохранившийся собор Ивановского монастыря и обнаруженная раскопками церковь Дмитрия Солунского. В этих постройках нет каких-либо специфических псковских особенностей. Псков в XII в. явно не

имел еще собственных архитектурных традиций и целиком входил в сферу новгородской архитектурной школы.

Лишь две постройки, казалось бы, выпадают из общего русла развития новгородской архитектуры — это целиком сохранившийся собор Мирожского монастыря в Пскове и известная по раскопкам, но полностью повторяющая Мирожский собор, церковь Климента в Старой Ладогe. Собор Мирожского монастыря имеет совершенно необычную для русской архитектуры композицию: его центральное крестообразное пространство отчетливо выражено снаружи, поскольку боковые апсиды и западные угловые членения резко понижены, выявляя крестообразный объем. Такая композиция свидетельствует, что строительством собора руководил не русский, а византийский зодчий²⁰. Вместе с тем, строительная техника этого здания не отличается от техники новгородских и псковских построек этой поры. Очевидно, исполнителями были местные, т. е. новгородские (или, быть может, даже псковские) мастера. Обе упомянутые постройки были возведены по заказу новгородского епископа Нифонта. Они не внесли существенных изменений в развитие новгородского зодчества. Грекофильская политика Нифонта, пытавшегося внести в новгородскую архитектуру греческую струю, не смогла поколебать уже сложившихся к этому времени традиций новгородской архитектурной школы.

* * *

Памятники полоцкого зодчества XII в. изучены еще очень слабо. Прежде всего таких памятников известно очень немного; из них полностью сохранился лишь один собор Спасо-Евфросиньева монастыря и частично сохранилась в руинах церковь Благовещения в Витебске. К тому же даже и те постройки, которые были изучены в раскопках, не имеют более или менее точной датировки. Это лишает нас возможности судить о последовательности развития форм и о том, как происходило сложение полоцкого зодчества. Но независимо от того, как в дальнейшем уточнится относительная и абсолютная хронология полоцких памятников, в настоящее время можно уже вполне уверенно констатировать, что в Полоцкой земле в XII в. существовала самостоятельная архитектурная школа.

Одной из наиболее характерных особенностей полоцких построек XII в. является то, что большинство их возведены в кирпичной технике, внешне вполне повторяющей технику кладки X в., т. е. из плинфы со скрытым рядом²¹. При этом в памятниках XII в. такая кладка являлась по существу чистой декорацией, поскольку удлиненный формат кирпичей позволял производить перевязку швов и без сдвижки одного ряда кирпичей относительно другого. В полоцких зданиях XII в. скрытые ряды кирпичей отодвинуты от плоскости фасада всего на несколько сантиметров, что лишает этот прием конструктивного значения. Распространение такого приема кладки в Полоцкой земле, очевидно, объясняется стремлением полоцких зодчих сохранить традиционные черты полоцкой архитектуры, которые видели в Софийском соборе, построенном еще в середине XI в. и ставшем к XII в. как бы символом полоцкой независимости. Во всяком случае в Полоцке не приняли те изменения в кирпичной технике, которые были разработаны в киевской архитектурной школе в XII в. Вероятно, это было связано с теми традиционно враждебными отношениями, которые имели место между Полоцким и Киевским княжествами.

Помимо кирпичной техники в Полоцкой архитектуре применялся и другой строительный прием, хорошо представленный в витебской церкви Благовещения²². Это смешанная каменно-кирпичная кладка, в которой каждый ряд блоков тесаного камня чередуется с двумя рядами плинфы. Такой тип кладки, хорошо известный в Византии и на Балканах, нигде не встречается в русском зодчестве, кроме Полоцкой земли.

Применялись ли эти два варианта строительной техники параллельно на всей территории Полоцкого княжества или же они отражают какое-то внутреннее деление полоцкой архитектурной школы, пока трудно судить. Учитывая, что Полоцкое княжество в XII в. уже разделилось на несколько отдельных политических единиц, вполне можно допустить и наличие внутри полоцкой архитектурной школы двух самостоятельных течений, пользовавшихся различными техническими приемами. В литературе имеются сведения, дающие, казалось бы, основания полагать, что в Полоцком зодчестве применялся еще и третий вариант строительной техники: церковь, раскопанная в Минске, оказалась целиком сложенной из камня без применения кирпича²³. Однако следует учесть, что церковь эта не была закончена строительством. Раскопанные части представляют собой лишь фундамент и, быть может, нижний ряд каменной кладки стен. Вполне вероятно, что стены храма предполагали возводить по такой же системе, как в Витебске. Во всяком случае здесь нет данных для утверждения о наличии особого варианта строительной техники.

Судя по распространению полоцкой техники кладки, можно судить о работе полоцких зодчих за пределами Полоцкого княжества. Так, в Новогрудке (древнем Новгороде Литовском), который в XII в., видимо, политически не был подчинен Полоцку, была раскопана церковь Бориса и Глеба, стены которой оказались сложены совершенно так же, как в Витебске, — из чередующихся рядов тесаного камня и плинфы²⁴. Галерея же этой церкви, пристроенная, видимо, несколько позже, была возведена исключительно из плинфы в технике кладки со скрытым рядом. Точно так же и в Новгороде церковь Петра и Павла на Силинищи была построена в 80-х гг. XII в. в типично полоцкой кирпичной технике со скрытым рядом²⁵.

Очень своеобразны и плановые решения памятников полоцкого зодчества. Здесь строили, например, сильно вытянутые по длине шестистолпные соборы с широко расставленными и придвинутыми к стенам столбами. С восточной стороны наружу выступала лишь одна средняя апсида, а боковые были скрыты за прямоугольными стенами. Благодаря сохранившемуся собору Евфросиньева монастыря можно судить о том, что давал подобный план в объемной композиции. Западное членение собора было понижено по сравнению с центральной частью здания, и поэтому основной объем оказывался в плане почти квадратным. Барабан купола благодаря наличию массивного пьедестала поднят значительно выше, чем это делали обычно. Собор приобрел башнеобразный характер. Ради достижения такого эффекта зодчий должен был водрузить на своды довольно значительную нагрузку; по-видимому, именно это заставило его поставить столбы ближе к стенам, чтобы нагрузка в какой-то степени распределилась не только на столбы, но и на стены.

Вместе с тем в полоцкой архитектуре разрабатывались и другие типы композиций. Так, собор Бельчицкого монастыря представлял собой шестистолпный

храм с тремя апсидами и тремя притворами. В отличие от подобных решений, применявшихся в архитектуре других русских земель (например, собор Елецкого монастыря в Чернигове или вскрытая раскопками Борисоглебская церковь в Старой Рязани), в Бельчицком соборе купол опирался не на восточные две пары столбов, а на западные, т. е. сдвинут на одно членение западнее, чем обычно. Такое расположение подкупольного квадрата в сочетании с притворами делало чрезвычайно центрированное решение плана. По аналогии с более поздними памятниками, обладавшими такой же схемой плана (прежде всего с Свирской церковью в Смоленске), можно полагать, что перенос места купола был связан с башнеобразным построением объема.

Помимо строительной техники и композиционных решений, полоцкая архитектурная школа, видимо, отличалась и специфическим набором декоративных форм. Судить об этом при почти полном отсутствии сохранившихся зданий очень трудно, но все же можно отметить, что полоцкие памятники XII в. (за исключением собора Евфросиньева монастыря) в отличие от киевских имеют плоские наружные лопатки.

* * *

Помимо крупных архитектурных школ, связанных со значительной территорией и представленных большим количеством памятников, в XII в. сложилась и такая небольшая архитектурная школа, как городенская. Несмотря на незначительное количество сооружений городенская школа достаточно четко отделяется как от киевской, так и от всех прочих русских архитектурных школ XII в.²⁶

В строительно-техническом отношении памятники древнего Гродно (подревнерусски — Городен) ближе всего стоят к сооружениям Киева и Волыни: они построены из кирпича в технике разнослойной кладки. Наиболее характерная особенность этих построек — совершенно своеобразная система декоративной отделки фасадов. В кирпичную кладку стен здесь вложены большие камни с отшлифованной наружной поверхностью. Синеватая, зеленоватая или красная поверхность камней, контрастирующая с кирпичной фактурой стен, создает поразительней живописный эффект. Помимо камней в кладку вложены также керамические плитки, покрытые поливой, а иногда и поливные блюда.

Одного только приема декоративной обработки фасадов с помощью вставленных камней и плиток было бы вполне достаточно, чтобы выделить архитектурную школу Городенского княжества среди всех прочих архитектурных школ Древней Руси. Но памятники Гродно имеют и другие особенности. Так называемая Нижняя церковь в Гродно и церковь в Волковыске имеют очень характерную схему плана, совершенно не применявшуюся в других русских землях. Это шестистолпные храмы с плоскими наружными лопатками и одной большой апсидой с востока; боковые апсиды снаружи совершенно не выявлены. Вход на хоры в Нижней церкви был устроен по винтовой лестнице, встроенной в юго-западный угол храма, а в Волковыске к этому углу снаружи примыкала квадратная лестничная башня. Одной из наиболее существенных особенностей обоих храмов является расположение подкупольного квадрата на одно членение западнее, чем в обычных шестистолпных церквях²⁷. Несомненно, что такое расположение купола было связано с какой-то необычной композицией объема.

Причины появления яркой и совершенно самостоятельной архитектурной школы в маленьком Городенском княжестве, никогда не игравшем значительной роли в политической истории Руси, пока труднообъяснимы. Точно так же неясны и источники сложившихся здесь архитектурных форм. Во всяком случае, несмотря на пограничное положение этой земли, никакого влияния романской архитектуры в памятниках городенской школы не чувствуется.

* * *

Одна из важнейших особенностей русской архитектуры XII в. и в то же время черта, наиболее четко отделяющая ее от архитектуры эпохи Киевской Руси, — разделение на самостоятельные архитектурные школы. В течение всего XII в. эта особенность проявляется все более ярко, тенденции к разделению русской архитектуры на самостоятельные группы становятся все более заметными.

Если учитывать только крупные, четко выявляемые школы, то и тогда в русской архитектуре XII в. можно насчитать не менее пяти самостоятельных направлений — киевскую, галицкую, владими́ро-суздальскую, новгородскую и полоцкую школы. К этому необходимо добавить небольшую городенскую школу и, по-видимому, наличие двух вариантов внутри полоцкой школы. Следует учесть также, что далеко не все особенности разделения русской архитектуры на отдельные группы сейчас уже полностью выявлены. Очень возможно, что в эту пору существовали и такие варианты, которые еще пока не известны. Так, неясен вопрос о том, имела ли в XII в. самостоятельная архитектурная школа в Переяславльской земле. О каком-то особом варианте сигнализирует и недавно раскопанная церковь в Турове, которая по технике кладки вполне могла бы быть отнесена к киевской школе, но имеет некоторые детали, сближающие ее с памятниками Гродно²⁸.

Одни из русских архитектурных школ развивались более или менее самостоятельно, без существенных внешних влияний, другие, наоборот, оказались тесно связанными с романской архитектурой Центральной Европы. Внешние влияния проникали в русскую архитектуру не обязательно при пограничном положении какого-либо русского района с землями, где господствовало романское зодчество. В результате своеобразно сложившейся политической ситуации наиболее сильное воздействие форм романской архитектуры можно видеть как раз в наиболее глубинном, северо-восточном районе Русской земли. Очень сложны бывают порой и взаимные связи между различными русскими школами.

Существенные различия, которые имеются между русскими архитектурными школами XII в., вовсе не означают, что эти школы превратились в полностью самостоятельные архитектурные направления, совершенно независимые друг от друга. Связь между школами, несомненно, существовала. Более того, сходство между памятниками зодчества различных русских земель было гораздо большим, чем между этими же памятниками и сооружениями византийской или романской архитектур. Даже владими́ро-суздальскую архитектуру 60–80-х гг. XII в., архитектуру, насыщенную романскими нормами, нельзя в целом причислить к романской архитектуре, т. к. всеми своими наиболее существенными композиционными и стилистическими особенностями это зодчество, безусловно, является русским.

В течение всего XII в. во всех школах русского зодчества продолжали применять одинаковые типы сооружений. Да это и понятно, поскольку все русские школы были связаны между собою общностью происхождения, и типология их восходит к архитектуре Киевской Руси. Кроме того, поддержанию единства типов церковных зданий способствовало административное единство русской церковной организации; ведь именно церковные власти настаивали, как правило, на применении тех типов храмов, которые уже были освящены традицией. В течение всего XII в. основным типом храма на всей Руси была четырехстолпная церковь с тремя апсидами и крестовокупольной системой перекрытия, увенчанная одной главой. Несколько реже применяли шестистолпный и бесстолпный варианты. Все эти разновидности плановой схемы сложились еще в киевском зодчестве XI в. и безраздельно господствовали во всех школах русского зодчества в XII в.

Сходство между памятниками зодчества различных русских земель не ограничивается типологией. Общность социально-экономического и культурного развития Руси создавала предпосылки для более или менее единообразного развития основных художественных принципов. Общие тенденции к лаконичности и четкости объемов, простота и единство интерьеров характерны для архитектуры всех русских земель. В архитектуре XI в. явно чувствовалось, что композиция интерьера является решающей для выбора архитектурного приема, экстерьер же всегда был в какой-то степени подчинен интерьеру. В архитектуре XII в., во всех ее вариантах, экстерьер имеет не меньшее значение, чем интерьер; это вполне равноценные элементы сооружения.

Совпадает во всех школах русской архитектуры XII в. и система убранства интерьеров: использование плиточных керамических полов, полное вытеснение мозаичной живописи фресковыми росписями. Отказ от мозаики нельзя объяснить одной только дешевизной и меньшей трудоемкостью исполнения фрески по сравнению с мозаикой. Очевидно, фреска, к тому же, больше соответствовала характеру интерьера храмов XII в., чем мозаика. Золотые мерцающие фоны мозаик как бы растворяют поверхность стены, иллюзорно создают сложное, иррациональное пространство. Плотная матовая фактура фресковой живописи, наоборот, зрительно подчеркивает плоскость стены. Естественно, что фреска давала более полное соответствие характеру построения внутреннего пространства в храмах XII в., с их четко ограниченными и легко охватываемыми глазом интерьерами. Широкий размах работ по оформлению интерьеров монументальных зданий фресковой живописью, безусловно, свидетельствует о наличии в большинстве более или менее крупных центров Руси своих мастеров-живописцев. В эпоху, когда интенсивно шел процесс феодального дробления и обособления отдельных земель, такое сложение собственных кадров живописцев должно было привести к выработке различных живописных манер, аналогично тому, как это происходило в архитектуре. К сожалению, в области живописи процесс этот изучен гораздо слабее, чем в области архитектуры.

Так происходило развитие русского зодчества вплоть до конца XII в., когда на Руси сложилось новое архитектурное направление²⁹. На рубеже XII и XIII вв. и в начале XIII в. вопрос о взаимосвязи русских архитектурных школ решается уже иначе, чем в XII в., и требует специального рассмотрения.

¹ *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. — М., 1961. — С. 232.

² В черниговском Спасском соборе была расчищена мраморная капитель аркады (*Холостенко Н. В.* Открытие в Чернигове // Декоративное искусство. 1967. № 5. — С. 9). По мнению Н. В. Холостенко, эта капитель свидетельствует не о константинопольской (и, следовательно, не о киевской), а скорее о крымской строительной традиции. Такое утверждение не имеет серьезных оснований. Капитель Спасского собора относится к типу, имевшему распространение на всей территории Византии, но в значительно более раннее время. В Чернигов капитель явно была привезена из какой-то разобранной византийской постройки. О месте изготовления этой капители сейчас судить преждевременно.

³ *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. — М., 1961. — С. 46.

⁴ *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества в Переяслав-Хмельницком // Зодчество Украины. — Киев, 1954.

⁵ *Раппопорт П. А.* Из истории Южной Руси XI–XII вв. // История СССР. — 1966. № 5. — С. 113.

⁶ *Каргер М. К.* Памятники переяславского зодчества XI–XII вв. в свете археологических исследований // СА. — 1951. Т. XV. — С. 44.

⁷ *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952–1953 гг. // СА. — 1954. Т. XX. — С. 5; *Асеев Ю. С.* Архітектура Київської Русі. — Київ, 1969. — С. 107.

⁸ *Асеев Ю. С.* Золоті ворота Києва та єпископські ворота Переяслава // Вісник Київського Унііверситету. — № 8. Софія історії та права. Вип. 1. — Київ, 1967. — С. 54.

⁹ *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI ст. в Переяславе-Хмельницком. // СА. — 1967. № 1. — С. 199.

¹⁰ О заинтересованности Византии в делах Переяславльской епископии см.: *Poppe A.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. — Warszawa, 1968. — С. 169.

¹¹ *Раппопорт П. А.* К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 459.

¹² Sprawozdania z posiedzeń komisji oddziału PAN w Krakowie. Styczeń-czerwiec. 1968. — S. 47 (раскопки А. Жаки).

¹³ *Пастернак Я.* Старый Галич. — Краков; Львов, 1944. — С. 82.

¹⁴ О Галицкой епископии и ее связях с Византией и Русью см., например: *Poppe A.* Указ. соч. — С. 156.

¹⁵ *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков. Т. I. — М., 1961. — С. 46.

¹⁶ *Воронин Н. Н.* Указ. соч. — С. 109.

¹⁷ *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 340; Вагнер Г. К. Скульптура древней Руси. М., 1969. С. 417.

¹⁸ *Штендер Г. М.* Архитектура домонгольского периода // Новгород. К 1100-летию города. — М., 1964. — С. 189.

¹⁹ Как показали исследования последних лет, автором трех крупнейших сооружений Новгорода начала XII в. был один зодчий — мастер Петр. См.: *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества // Вестник АН СССР. 1970. № 9. — С. 79.

²⁰ *Алферова Г.* Собор Спасо-Мирожского монастыря // Архитектурное наследство. № 10. — М., 1958. — С. 23.

²¹ В частности, так построены все здания Спасо-Евфросиньева и Бельчицкого монастырей в Полоцке. См.: *Воронин Н. Н.* Бельчинские руины // Архитектурное наследство. № 6. 1956. — С. 19.

²² *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. — М., 1966. — С. 200; *Каргер М. К.* Раскопки руин церкви Благовещения в Витебске // АО 1968 года. — М., 1969. — С. 355.

²³ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. — С. 203.

²⁴ *Каргер М. К.* Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке // АО 1965 года. — М., 1966. — С. 165.

²⁵ *Штендер Г. М.* Архитектура домонгольского периода // Новгород. К 1100-летию города. — М., 1964. — С. 192.

²⁶ *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. — М., 1954. — С. 140.

²⁷ *Раппопорт П. А.* Раскопки в Волковыске в 1959 г. // СА. — 1963. № 1. — С. 239.

²⁸ *Каргер М. К.* Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. — 1965. Вып. 100. — С. 130.

²⁹ *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв. // СА. — 1962, № 2. — С. 78.

Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв.*

Феодалное дробление Руси, тенденция к которому наметилась уже во второй половине XI в. и с очевидностью обнаружившееся в XII в., оказало огромное влияние на развитие русской культуры, искусства, в частности архитектуры. Более или менее единое зодчество Киевской Руси сменяется рядом самостоятельных архитектурных школ. Процесс выделения архитектурных школ был очень неравномерным¹. Во многих землях в течение почти всего XII в. архитектура продолжала развиваться в русле киевских традиций. Таковы Черниговское, Рязанское, Волынское, Смоленское княжества. Это вовсе не означает, что данные земли обладали меньшими экономическими возможностями или не вели монументального строительства. Напротив, в некоторых из этих центров, например в Чернигове и Смоленске, к середине XII в. уже имелись свои собственные архитектурно-строительные кадры, позволявшие развернуть обширное монументальное строительство. Тем не менее самостоятельные пути развития архитектуры здесь еще не наметились. В то же время в других русских княжествах к середине XII в. уже существовали архитектурные школы — галицкая, владими́ро-суздальская, новгородская, полоцкая, гродненская. Далеко не все компоненты этого процесса изучены. Так, еще очень плохо исследовано зодчество Галицкой земли, мы плохо представляем себе, как развивалось полоцкое зодчество. И все же основные, наиболее существенные черты, характеризующие дифференциацию направлений в русской архитектуре в XII в., сейчас уже достаточно ясны.

Картина заметно усложнилась к концу XII в., ко времени появления новых форм в русском зодчестве. Исследователи уже в послевоенные годы конец XII и первую половину XIII в. стали считать особым этапом в русской архитектуре². Правда, один из важнейших памятников этого нового направления — церковь Архангела Михаила в Смоленске (так называемая Свирская церковь) — был изучен еще в 20-х гг. Тогда же были исследованы и такие памятники, как церковь Пятницы в Новгороде и собор Спасо-Евфросиньева монастыря в Полоцке. Однако полоцкий храм знаменует собой лишь самое начало этого явления, а новгородская церковь сохранилась без верхних частей и система ее завершения тогда еще не была ясна. Поэтому занимавшиеся этими памятниками — прежде всего Н.И. Брунов и И.М. Хозеров — не имели тогда достаточных оснований, чтобы отнести названные сооружения к совершенно новому этапу, получившему к тому

* Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М., 1977.

же общерусский характер. Для того чтобы это стало возможным, понадобилось «открытие» еще одного памятника — церкви Пятницы в Чернигове, изученной П.Д. Барановским в процессе послевоенной реставрации³.

Мысль о новом этапе русского зодчества, сложившемся в конце XII в., впервые сформулировал Н.Н. Воронин⁴. Затем это положение было поддержано рядом других исследователей и в настоящее время уже не вызывает сомнений⁵. К сожалению, памятников этого времени сохранилось очень мало. Поэтому исследователи в большинстве случаев рассматривают данный период как нечто более или менее единое. Между тем археологические раскопки последних лет ввели в науку такое количество новых памятников этого времени, что уже можно попытаться выяснить существование и взаимосвязи архитектурных школ на рубеже XII и XIII в. и тем самым получить более полное представление о русском зодчестве этого короткого, но важного этапа.

Очень яркую группу составляют три южнорусских памятника — церковь Пятницы в Чернигове, церковь Василия в Овруче и церковь Апостолов в Белгороде. Из них более или менее полно сохранилась и теперь восстановлена в первоначальных формах черниговская церковь⁶. В этом храме еще полностью удерживается старая схема четырехстолпной трехапсидной церкви. Однако как решительно переработана здесь крестовокупольная система сводов! Основная задача, которую поставил себе зодчий, явно заключалась в создании совершенно новой архитектурной композиции — храма, имеющего башнеобразный объем и подчеркнутую динамичность форм. Этой задаче зодчий подчинил все — и конструкцию, и пропорции сооружения, и архитектурные детали при полной органичности и слитности технической и художественной сторон произведения. Полукоробовые своды в угловых членениях образуют трехлопастные завершения фасадов, а впервые введенная конструкция ступенчато-повышающихся арок создает второй ярус закомар. В основании высоко поднятого барабана размещен еще третий ярус закомар, на этот раз чисто декоративных, т. е. кокошников. Чтобы подчеркнуть динамику и вертикальную устремленность здания, зодчий ввел сложнопрофилированные пучковые пилястры, завершенные тонкими полуколонками, а закомарам придал повышенные, трехцентровые очертания. Богатая декоративная разработка фасадов указывает на большую роль внешнего облика храма, явно преобладающего над его интерьером. Точная дата возведения Пятницкой церкви неизвестна; видимо, она была построена на рубеже XII и XIII вв. (рис. 1).

Другой памятник той же группы — церковь Василия в Овруче⁷. Эта была дворцовая церковь князя Рюрика Ростиславича (в крещении Василия), построенная около 1190 г. в его вотчине — городке Вручий. Церковь к XIX в. стояла в руинах, сохранившихся примерно до основания сводов, и в начале XX в. была реставрирована, причем завершение ее было ошибочно сделано по типу церкви середины XII в., т. е. с пониженными подпружными арками. Между тем чрезвычайная близость форм этого храма черниговской церкви Пятницы заставляет думать, что первоначально здание завершалось ступенчато-повышающейся системой арок и должно было иметь башнеобразную композицию (рис. 2)⁸. Однако многие черты овручского храма совершенно отличны; таковы трехзакомарное завершение, крестчатая форма столбов, система каменных декоративных вставок на фасадах. Уникальным для XII в. является наличие двух круглых лестничных башен.

Рис. 1. Церковь Пятицы
в Чернигове

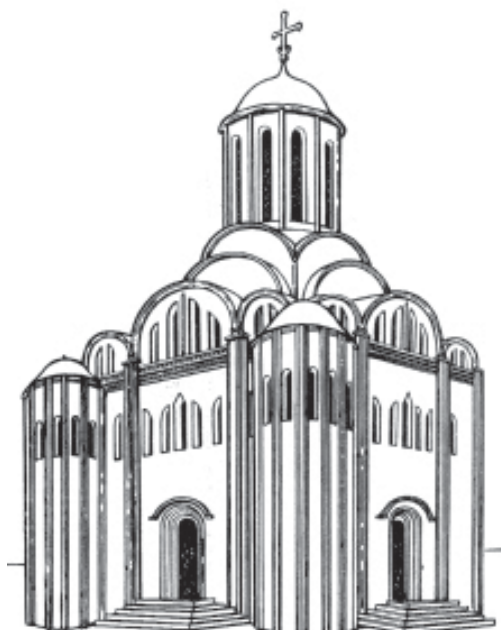

Рис. 2. Церковь Василия в Овруче.
Реконструкция автора

Наконец, третий памятник этой группы — церковь Апостолов в Белгороде, построенная в 1195 г.⁹ Ее верхняя часть реконструируется лишь гипотетически, поскольку от здания сохранились только фундаменты. Но близость к двум вышеупомянутым храмам позволяет предполагать и здесь башнеобразную композицию верха.

Близость между данными тремя памятниками сказывается не только в общих приемах композиции, но и в строительной технике, и в деталях профилировки. Очень вероятно, что подобное сходство свидетельствует не только об одной архитектурной школе, но и об одной творческой манере. Церкви в Овруче и Белгороде были построены по заказу князя Рюрика Ростиславича; видимо, с его заказом связана и постройка черниговской церкви. Естественно предположить, что все эти постройки возводил любимый зодчий князя Петр-Милонег¹⁰, которого летописец упоминает «в приятелях» князя Рюрика и восторженно сравнивает с библейским зодчим Веселиилом. Наиболее ранней постройкой, очевидно, была церковь в Овруче, после нее была возведена белгородская, а еще позже — черниговская.

Южнорусская архитектура этой поры представлена не только памятниками, связанными с кругом творчества Милонег. В Чернигово-Северской земле был обнаружен ряд памятников, явно относящихся к иному архитектурному кругу. Так, раскопками в Новгороде-Северском были найдены остатки собора Спасского монастыря¹¹. К сожалению, здание не удалось вскрыть целиком: раскопаны лишь западная стена храма, западный притвор и небольшая часть южного притвора. Этого, конечно, недостаточно для реконструкции плана здания

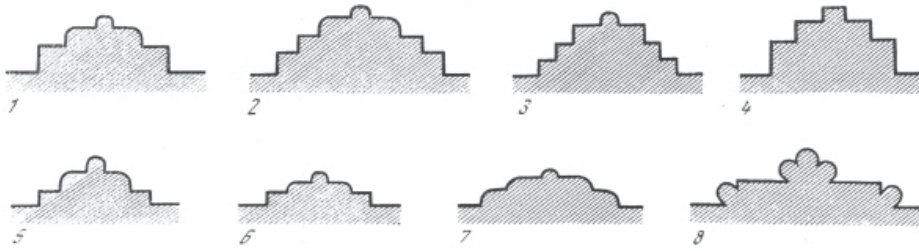

Рис. 3. Профили пучковых пилястр: 1 – Смоленск, церковь Михаила; 2 – Смоленск, собор Троицкого монастыря; 3 – Смоленск, церковь на Малой Рачевке; 4 – Смоленск, церковь у устья Чуриловки; 5 – Киев, церковь на Вознесенском спуске; 6 – Чернигов, церковь Пятницы; 7 – Овруч, церковь Василия; 8 – Новгород-Северский, Спасский собор

в целом; тем более недостаточно таких данных для того, чтобы наметить даже в самых общих чертах объемную композицию сооружения¹². Однако чрезвычайно своеобразный «готический» характер профилировки пилястр и западного портала дает основания отнести новгород-северский храм к иной группе памятников, чем постройки, связываемые с именем Милонег (рис. 3).

Если черниговская церковь Пятницы была построена Милонегом, то она относится не к черниговскому, а к киевскому кругу памятников. Не является ли в таком случае именно новгород-северский храм представителем собственно черниговской традиции? Это тем более вероятно, что лекальные кирпичи с «готической» профилировкой были найдены и в самом Чернигове¹³.

Необычная постройка была раскопана в детинце древнего Путивля¹⁴. Это четырехстолпный трехапсидный храм, имеющий с запада притвор, а с севера и юга — полукруглые апсиды-«певницы». Характер его профилировки отличается как от профилировки храмов круга Милонег, так и от новгород-северского храма. Здание было возведено в 30-х гг. XIII в., перед монгольским нашествием. К южнорусской группе может быть также отнесена и церковь, раскопанная в Трубчевске¹⁵. Ее схема плана, форма столбов (квадратные со скошенными углами) и строительная техника близки к памятникам черниговского круга, хотя плохая сохранность остатков не дает возможности прийти к каким-либо более определенным выводам.

Таким образом, несомненно, что к концу XII в. в южно-русских районах — в Киевской и Чернигово-Северской землях — сложилось новое архитектурное направление¹⁶. Пока еще неясно, представляют ли памятники этого направления одну архитектурную школу, имевшую несколько вариантов, связанных с работой различных мастеров, или же здесь существовали уже две самостоятельные школы — киевская и чернигово-северская. Но в Киеве был выявлен раскопками и такой памятник — церковь на Вознесенском спуске, — который явно выпадает из этого круга и отражает приемы и формы другой, не киевской и не черниговской архитектурной школы¹⁷.

Проводивший исследование этого храма М.К. Каргер справедливо отметил, что в раскопанном памятнике определенно сказалось влияние смоленского зодчества. К сожалению, сравнение с памятниками смоленского зодчества затруднялось тем, что кроме церкви архангела Михаила все остальные смоленские

постройки этого времени лежали под землей и были известны лишь по случайным, крайне отрывочным данным¹⁸. Систематические архитектурно-археологические работы, начатые в Смоленске с 1962 г. под руководством Н.Н. Воронина, в корне изменили обстановку¹⁹. Теперь в нашем распоряжении имеется 10 смоленских храмов, относящихся к концу XII – первой половине XIII в. (рис. 4, 5).

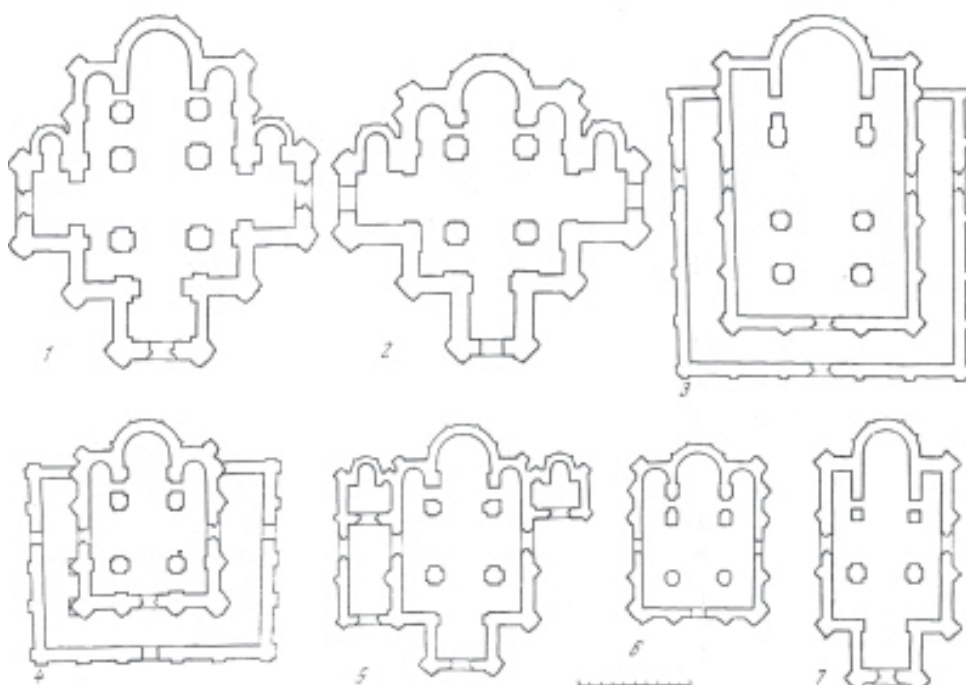

Рис. 4. Планы смоленских храмов конца XII – начала XIII в.: 1 – архангела Михаила; 2 – Троицкого монастыря на Кловке; 3 – на Воскресенской горе; 4 – на Малой Рачевке; 5 – Спасского монастыря в Чернушках; 6 – у устья Чуриловки; 7 – Пятницкая

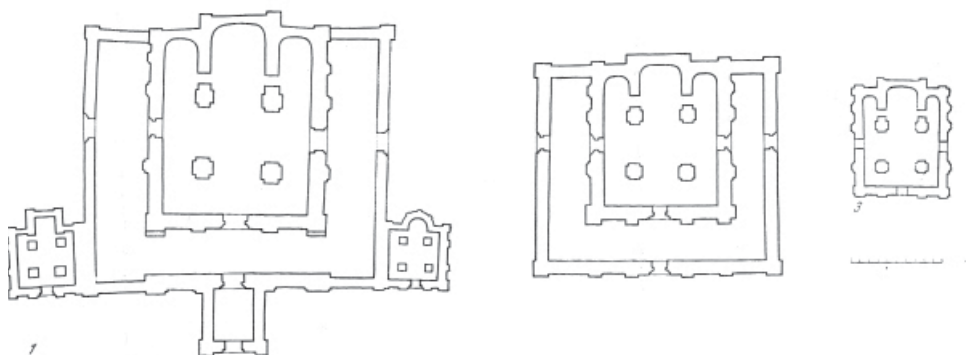
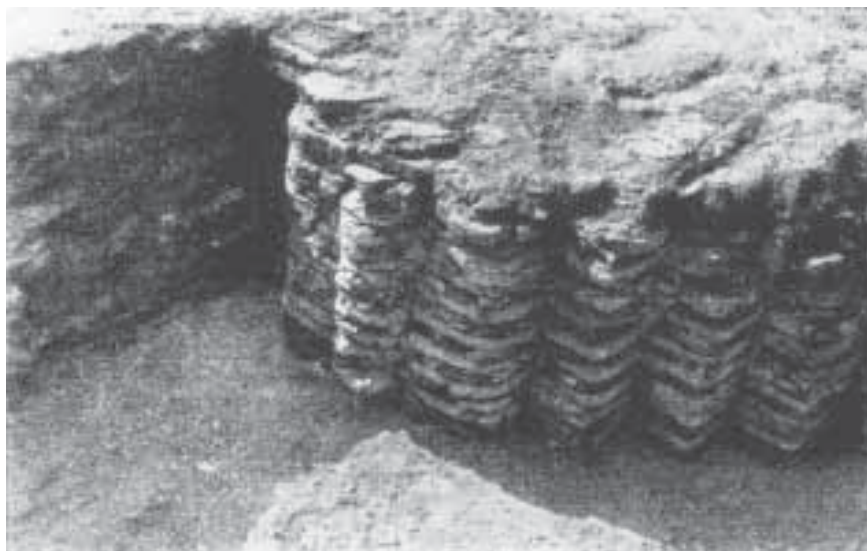

Рис. 5. Планы смоленских храмов конца XII – начала XIII в.: 1 – на Протоке; 2 – на Окопном кладбище; 3 – на Большой Краснофлотской ул.

Важнейшим памятником смоленского зодчества этой поры, безусловно, является церковь Архангела Михаила. Ее значение определяется не только тем, что это единственная постройка, сохранившаяся на полную высоту, но и тем, что это был дворцовый храм, очень богато украшенный и выделявшийся своей красотой среди прочих сооружений. Летописец восторженно писал об этой церкви, что «такое же несть в полунощной стране»²⁰. В отличие от черниговской церкви Пятницы, башнеобразность и вертикальная устремленность здания здесь достигнута при сохранении старой конструктивной системы пониженных подпружных арок²¹. Однако ступенчатое построение объема, подчеркнутое многочисленными пучками рельефных сложнопрофилированных пилястр, создает не менее сильное впечатление взлета, чем в черниговском храме. Точная датировка памятника не совсем ясна; наиболее вероятно, что строительство было осуществлено во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XII в.

Чрезвычайно близок по схеме плана собор Троицкого монастыря на Кловке²². Отличие от церкви Архангела Михаила здесь в основном — в сокращенной восточной части. При этом отпала восточная пара столбов, служивших в Михайловской церкви основанием восточной стены основного объема храма. Для того чтобы при таком решении сохранить соразмерность северного и южного фасадов, зодчий уменьшил размеры притворов. Характерные особенности этого храма — отсутствие соответствия между наружными членениями и расстановкой подкупольных столбов, а также заметно вытянутое вдоль здания подкупольное пространство. Профилировка Троицкого собора очень близка по характеру Михайловской церкви, но на одно членение сложнее (рис. 6). Несколько меньше по размеру и проще по схеме плана Спасская церковь в Чернушках и церковь на Малой Рачевке²³. Церковь в Чернушках имела только один западный притвор, но

*Рис. 6. Церковь Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске.
Восточная пилястра северного придела. Раскопки 1972 г.*

зато у ее восточных углов были расположены маленькие приделы-часовни, а к северному фасаду примыкал участок галереи. Церковь на Малой Рачевке вовсе не имела притворов и приделов; ее объем с трех сторон обходила галерея. Наиболее проста по схеме плана маленькая церковь у устья Чуриловки²⁴. Ее отличает малая толщина стен, восьмиугольная форма западных столбов и своеобразная профилировка. Уже в церкви на Малой Рачевке можно отметить очень жесткую профилировку пилястр: наружный уступ здесь четко прямоугольный, не имеющий скругления. В церкви на Чуриловке сделан следующий шаг — здесь даже средняя тяга не полукруглая колонка, а плоская прямоугольная. В большом шестистолпном храме на Воскресенской горе эта четкость профилировки усугубляется формой боковых апсид — прямоугольных не только снаружи, но и изнутри. Тот же характер имела и Пятницкая церковь²⁵.

Таким образом, вырисовывается целый круг памятников смоленской архитектуры, тесно связанных друг с другом и, несомненно, относящихся к одному времени: концу XII — первым двум десятилетиям XIII в. К сожалению, более точная датировка этих храмов, и абсолютная, и даже относительная, затруднительна. Единственное соотношение не вызывает сомнений: Троицкий собор был построен позже Михайловской церкви, поскольку он представляет следующий шаг в разработке данной темы, вариацию, которую нельзя было осуществить, пока не был создан основной, классический образец — сама Михайловская церковь.

Нет точных данных и для реконструкции форм завершения всей этой серии памятников. Небольшая толщина стен при относительно больших пролетах (особенно в церкви на Воскресенской горе) позволяет думать, что здесь не могло быть очень высокого верха. С другой стороны, чрезвычайно сложная профилировка пилястр, очевидно, потеряла бы всякий смысл, если бы зодчие не стремились этими пучками вертикальных членений подчеркнуть взлет и динамику композиции. Видимо, башнеобразная система завершения церкви Архангела Михаила в той или иной степени должна была присутствовать и в остальных храмах данной группы.

Вторая группа памятников смоленской архитектуры этого же времени представлена тремя храмами, имеющими чрезвычайно своеобразную схему плана. Это четырехстолпные церкви, все три апсиды которых имеют изнутри очертание в виде очень плоской дуги, а снаружи прямоугольны. Наиболее крупным из этих памятников является собор на Протоке²⁶. Здание окружено широкой галереей, с запада примыкает притвор, а к западным углам галереи пристроены маленькие, но тоже четырехстолпные храмики-часовни. Храм в целом имеет очень парадную, широко развернутую композицию. Меньше по размерам церковь на Окопном кладбище²⁷. Она также имеет галерею, но лишена притвора и приделов. Наконец, совсем маленькая церковь на Большой Краснофлотской ул. не имеет даже галереи²⁸. Близость плана и деталей этих трех храмов заставляет полагать, что они созданы одной группой мастеров.

Помимо своеобразной формы апсид, памятники данной группы отличаются и другими особенностями. Так, в храмах на Протоке и на Окопном кладбище совпадает ряд деталей, которые не встречаются в других смоленских памятниках этого времени. Особенности эти сказываются как в оформлении интерьера (кирпичные престолы в жертвеннике и диаконнике, основание запрестольного

образа за главным алтарем), так и в профилировке пилястр (пилястры здесь профилированы не с самого низа, в их основании массивный прямоугольный цоколь), и в технике самой кладки (двойные швы, деревянные связи). Сравнение упомянутых двух храмов с третьим, относящимся к той же группе, церковью на Большой Краснофлотской ул., затруднено, поскольку в этой последней не сохранились остатки кладки, и план сооружения был выявлен по фундаментным рвам. Однако и здесь удалось обнаружить сближающую их черту — наличие близких по рисунку знаков на кирпичах. Таким образом, данная группа памятников выделяется среди других смоленских построек этого времени как организацией плана и архитектурными формами, так и техникой выполнения кладки, и знаками на кирпичах. Очевидно, что это свидетельствует о наличии строительной артели, организованной по «вертикальному признаку», т. е. включающей и зодчих, и каменщиков, и мастеров, изготавливающих кирпич. Такая артель могла производить работы, начиная с производства кирпича и вплоть до возведения здания. Четкое разделение памятников смоленского зодчества рубежа XII и XIII вв. на две группы говорит о том, что в Смоленске в эту пору одновременно работало не менее двух подобных артелей.

Быстрое развитие строительства в Смоленске привело к резкому увеличению здесь количества кирпичных построек. Благодаря археологическим раскопкам последних лет известно, что в Смоленске существовало во всяком случае не меньше 12 кирпичных сооружений конца XII — первой четверти XIII в. Такое количество монументальных построек, возведенных примерно за 30 лет, свидетельствует об очень интенсивном строительном производстве. Для сравнения можно отметить, что даже в Новгороде, где строительная деятельность в эту пору разворачивалась достаточно широко, было возведено примерно в два раза меньше каменно-кирпичных зданий, а в Киеве и Владимире за весь этот период — всего по три-четыре постройки. Очевидно, благоприятное стечение обстоятельств сделало Смоленск в конце XII в. важнейшим архитектурно-строительным центром Руси.

В таких условиях совершенно естественно, что смоленские зодчие ведут энергичную деятельность и за пределами Смоленской земли. Сравнение плана церкви на Вознесенском спуске в Киеве с планами смоленских и киево-черниговских храмов показывает, что этот памятник, бесспорно, входит в круг смоленского зодчества. Почерк смоленского зодчего выдает не только схема плана, но и профилировка пучковых пилястр, имеющая здесь, так же как и в Смоленске, четкий и несколько жестковатый характер, с заметным выносом от стены — в отличие от памятников киево-черниговского круга, имеющих обычно гораздо более мягкую и менее рельефную профилировку.

Трудно сказать, чем вызвано приглашение смоленского зодчего в Киев, где, несомненно, были и свои строительные кадры. Высказывалось предположение, что данная церковь могла стоять на подворье смоленских купцов, проживавших в Киеве²⁹.

Можно предположить и иное: если церковь на Вознесенском спуске — это церковь Василия, построенная в 1197 г. князем Рюриком Ростиславичем, то приглашение смоленского зодчего может объясняться родственными связями Рюрика, происходившего из смоленской княжеской династии³⁰.

Гораздо понятнее появление смоленских строителей в Рязани. В силу специфически сложившихся условий в Рязанской земле вообще не было своих кадров строителей. За весь XII в. в Рязани (Старая Рязань) было возведено всего два кирпичных храма, причем оба они построены черниговскими мастерами. Созданный же на рубеже XII и XIII вв. Спасский храм явно относится к кругу смоленских памятников³¹. Почти полное тождество архитектурной композиции и строительных приемов Спасской церкви с памятниками Смоленска дает основания утверждать, что рязанский храм был возведен не только под руководством смоленского зодчего, но и, видимо, руками смоленских каменщиков. Весьма возможно, что те же смоленские строители построили и церковь Нового Ольгова городка под Рязанью³². Уникальность ее плановой схемы не дает возможности уверенно говорить о принадлежности храма к определенной школе; однако, видимо, церковь Нового Ольгова городка следует рассматривать как бесстолпный вариант той же композиции, что и в рязанской Спасской церкви. Близость строительной техники делает предположение о смоленском происхождении этого памятника еще более вероятным (рис. 7).

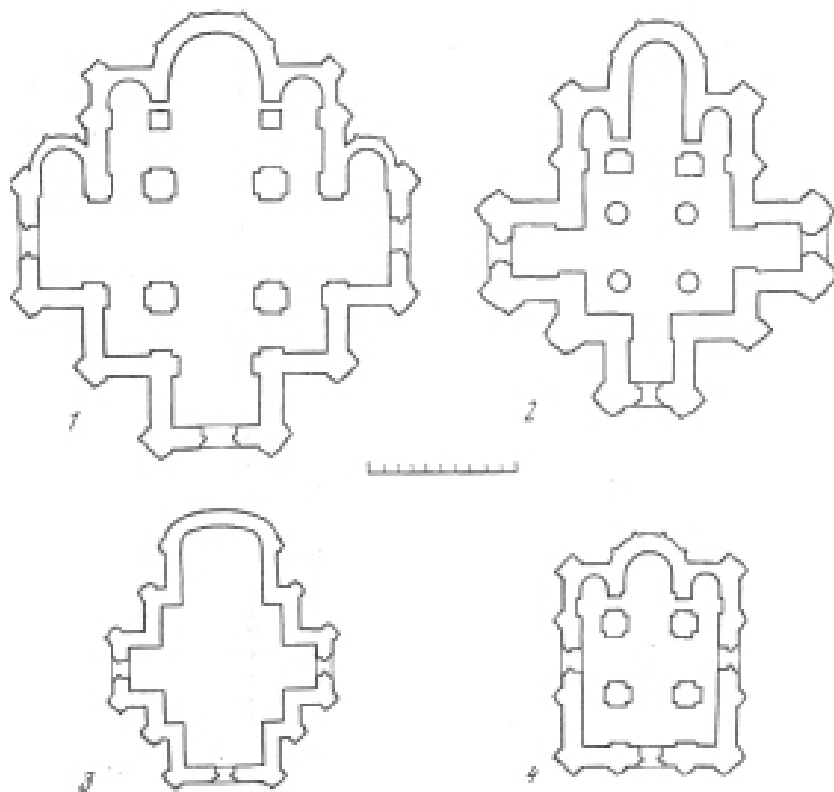

Рис. 7. Памятники смоленской архитектурной школы, возведенные вне Смоленской земли: 1 – Старая Рязань, Спасская церковь (реконструкция М.Б. Чернышева с уточнениями автора); 2 – Новгород, церковь Пятницы; 3 – Новый Ольгов городок (реконструкция автора); 4 – Киев, церковь на Вознесенском спуске

В Новгороде сохранилась более чем на половину своей первоначальной высоты церковь Пятницы, построенная в 1207 г.³³ Ее композиционное сходство с смоленской Михайловской церковью отмечали многие исследователи. Изучение памятника позволило установить, что его первоначальное покрытие имело трехлопастные очертания, благодаря чему облик храма в целом получил еще большее сходство с смоленским храмом, чем предполагали прежде (рис. 8). Г.М. Штендер считает, что в нижней части здания кладка имеет не новгородский характер и что начинали строительство храма смоленские мастера, лишь позднее сменившиеся новгородскими³⁴.

Смоленские зодчие строили не только в Новгороде; по-видимому, они возвели и центральный собор Пскова. Известный по очень реалистическому рисунку XVII в. псковский Троицкий собор был построен в середине XIV в. «по старой основе» более древнего собора, у которого «верх... впался...». Н.Н. Воронин, детально проанализировав рисунок, показал, что собор XIV в., безусловно, сохранял многие важнейшие особенности предшествующего храма, сооружение которого Н.Н. Воронин отнес ко времени непосредственно перед 1193 г.³⁵ Действительно,

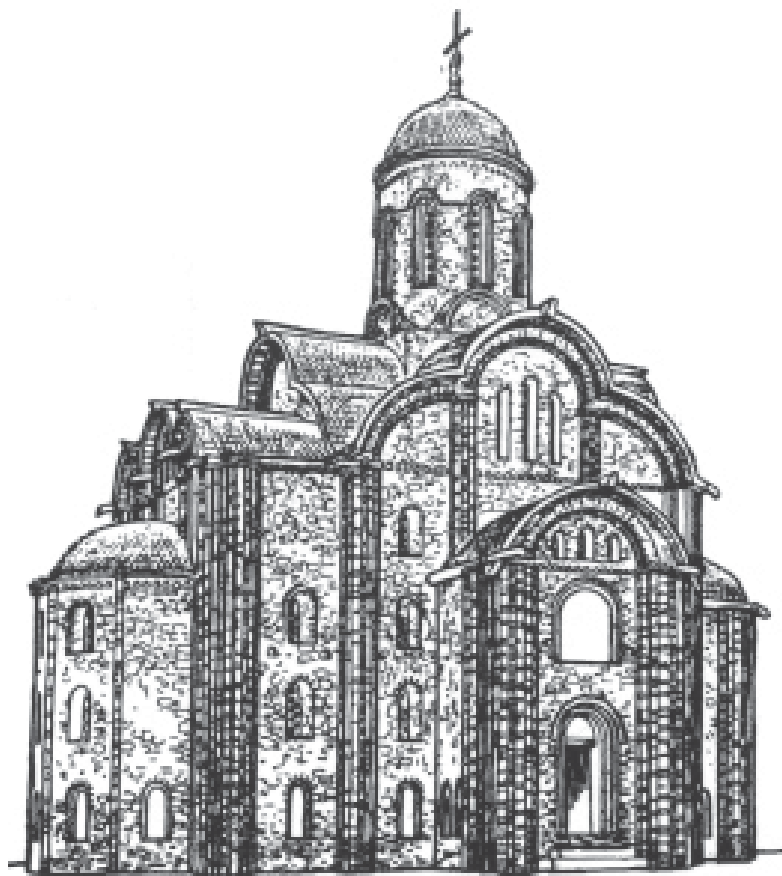

Рис. 8. Церковь Пятницы в Новгороде. Реконструкция Г.М. Штендера

несмотря на то что верхняя часть собора XII в. подверглась в XIV в. перестройке, древние формы прослеживаются достаточно ясно. Сложнопрофилированные пучковые пилястры, несомненно, относятся к первоначальному зданию, а их органическое сочетание с трехлопастным покрытием центрального объема позволяет сблизжать Троицкий собор конца XII в. с новгородской Пятницкой церковью и кругом смоленского зодчества.

Таким образом, к концу XII в. более или менее единый круг архитектуры киевской традиции четко разделился на две самостоятельные школы: смоленскую и киевско-черниговскую (а может быть, киевскую и черниговскую).

Как сложились эти школы, каково происхождение их форм? Вряд ли могут быть сомнения в том, что формы киевских памятников обусловлены местной традицией. Почти все элементы храмов конца XII в. здесь могут быть объяснены естественным развитием киевской архитектуры. Очевидно, что внутренним развитием следует объяснять и появление нового блестящего конструктивного решения — ступенчатых арок. Гениальный зодчий ввел этот прием для того, чтобы получить необходимую композиционную перестройку объема храма; заимствовать такой прием было неоткуда. Иное дело — чернигово-северские памятники. В церкви Путивля, безусловно, чувствуется прямое воздействие архитектуры «Святой горы» — Афона, а в новгород-северском храме, вероятно, можно говорить и о каком-то влиянии позднероманских или даже раннеготических архитектурных форм.

Сложнее обстоит дело в Смоленске. Вплоть до самого конца XII в. смоленское зодчество устойчиво сохраняло старые формы, определившиеся еще в 40-х гг. этого века под воздействием зодчества Чернигова. Церковь Василия на Смядыни, построенная, видимо, уже в начале 90-х гг., имеет план, почти не отличимый от планов более древних храмов. В Смоленске, таким образом, не наблюдается процесс становления новых форм; они появились здесь внезапно, в готовом виде, очевидно, занесенные извне. Об их происхождении можно судить, если обратиться к архитектуре Полоцка (рис. 9).

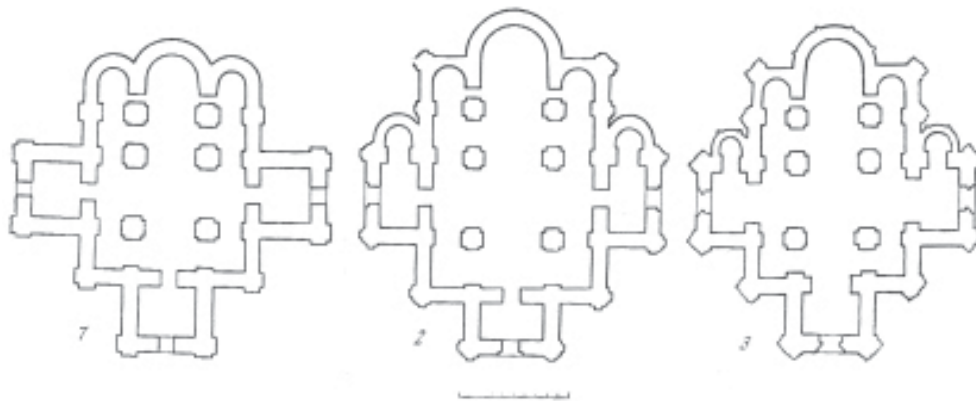

Рис. 9. Сравнение планов церквей Полоцка и Смоленска:
1 — Полоцк, собор Бельничского монастыря; 2 — Полоцк, церковь в детинце (по М.К. Каргеру);
3 — Смоленск, церковь архангела Михаила

В детинце древнего Полоцка был раскопан храм, план которого почти точно совпадает с планом церкви Архангела Михаила в Смоленске³⁶. Но если Михайловская церковь не имеет предшественников в Смоленске, то полоцкая церковь является закономерным итогом длительного развития полоцкой архитектуры. Уже в первой половине XII в. в Полоцке, в соборе Бельчицкого монастыря, заметны попытки перестроить схему шестистолпного храма путем перенесения подкупольного квадрата на одно членение к западу³⁷. В сочетании с притворами такой прием дает основания для разработки схемы, которая позднее привела к зданиям типа церкви в детинце Полоцка. Неизвестно, как изменялась при такой перестройке плана старая крестово-купольная схема конструкции, но очевидно, что перенесение места подкупольного квадрата было связано со стремлением усилить центричность объема храма. Параллельно с этим в Полоцке разрабатывался и другой вариант — храмы с башнеобразно приподнятым центром: собор Спасо-Евфросиньева монастыря и Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря³⁸. Таким образом, бесспорно, что в полоцком зодчестве уже очень рано наметилась ревизия киевских архитектурных форм и образовались предпосылки для нового типа храма с башнеобразной композицией объема. Новый тип настолько хорошо соответствовал общим тенденциям развития русского зодчества и отвечал новым художественным вкусам, что привлек внимание смоленских зодчих (или их заказчиков). В условиях конца XII в., когда Полоцк политически был очень тесно связан со Смоленском, это легко объяснить.

Однако если для Смоленска этот новый тип храма послужил базой для многочисленных вариантов, одним из элементов блестящего расцвета самостоятельной архитектурной школы, то для полоцкой архитектуры это было заключительным аккордом в ее развитии. Конец XII — начало XIII в. для Полоцкого княжества — время резкого политического и экономического упадка, время обостренной борьбы между мелкими княжескими уделами. Видимо, резко сократилась и строительная деятельность. Памятники зодчества Полоцкой земли, относящиеся к этому времени, практически ограничиваются упомянутым храмом в детинце и, вероятно, церковью в Бельчицком монастыре, имевшей боковые апсиды-«певницы» по типу балканских или афонских храмов³⁹.

Конечно, использование в Смоленске типа храма, разработанного в Полоцке, не было механическим копированием. При всей близости планов смоленской Михайловской церкви и полоцкой церкви в детинце, в них есть и очень существенные различия. Так, в полоцком храме притворы еще отделены стенками от интерьера основного объема и сообщаются с этим интерьером с помощью порталов. Таким образом, притворы здесь могли играть существенную роль лишь в композиции экстерьера. В Смоленске (Михайловская церковь и собор Троицкого монастыря) притворы полностью открыты вовнутрь. Кроме того, смоленские зодчие значительно усилили роль вертикальных членений на фасадах, введя в профилировку пилястр узкие полуколонки.

Тонкие полуколонки на пилястрах обычно считают формой, заимствованной из романской архитектуры. Однако трудно предположить, чтобы в Смоленске подобные колонки появились под прямым воздействием романского зодчества, поскольку никаких других романских элементов здесь нет. Одновременно тонкие полуколонки на пилястрах появились и в киевском зодчестве, причем здесь они

порой сопровождалась и другими романскими деталями (например, профилировка порталов церкви Василия в Овруче). И все же здесь тоже трудно усмотреть прямое романское влияние. Если даже подобный прием и имел романское происхождение, то в русском зодчестве он уже широко применялся с 60-х гг. XII в. во владими́ро-суздальской архитектуре. Следовательно, эта форма могла получить распространение в Киеве и Смоленске не путем непосредственного влияния Запада, а через владими́ро-суздальское зодчество⁴⁰. Кроме того, не исключено, что полуколонки вообще могли появиться без всякого романского влияния; ведь узкие полуциркулярные вертикальные тяги применялись в киевской архитектуре и раньше (например, на профилированных столбах в Киевской Софии).

Одной из наиболее сильных архитектурных школ Руси на рубеже XII и XIII вв., как и в предшествующие несколько десятилетий, была владими́ро-суздальская школа. Развитие архитектуры ранее протекало здесь единым потоком. Но в связи с расширением объема строительства в новых княжеских уделах Владимирской земли в начале XIII в. во владими́ро-суздальском зодчестве наметились две линии развития, несколько отличавшиеся как архитектурными формами, так и строительной техникой. Первая линия — суздальско-нижегородская — характеризуется применением исключительно тесаного камня и продолжением традиции каменной резьбы⁴¹. Представителями этой тенденции являются Рождественский собор в Суздале (1222–1225 гг.), Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1230–1234 гг.), а также остатки двух храмов, обнаруженных раскопками в Нижнем Новгороде. Плановая схема этих храмов отличается подчеркнутой центричностью и применением открытых внутрь храма притворов. В наиболее чистом виде эта схема выражена в самом позднем памятнике данной группы — Георгиевском соборе.

Вторая линия развития владими́ро-суздальского зодчества — ростово-ярославская. К сожалению, все памятники этой группы погибли и известны лишь по их жалким остаткам, вскрытым раскопками. Неизвестны даже плановые схемы сооружений. Найденные фрагменты резьбы и обломки архитектурных деталей свидетельствуют о несколько иной манере исполнения, чем в памятниках суздальско-нижегородской линии; очевидно, здесь работали другие мастера. Удалось установить, что строители использовали здесь сочетание кирпичной кладки с белокаменными резными деталями⁴². Кирпич, наряду с тесаным камнем, вновь начали применять во владими́ро-суздальском зодчестве уже с конца XII в. Так, видимо, целиком из кирпича был построен, например, в 1200–1202 гг. Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире⁴³. Вряд ли владимирские строители, до этого уже полвека работавшие в чисто каменной технике, сами стали изготавливать кирпич. Гораздо вероятнее, что появление кирпича объясняется привлечением мастеров из какой-то другой области Руси. Тип кирпича, его формат и знаки не дают пока возможности окончательно установить, из какого центра пришли эти мастера: это мог быть Смоленск, но мог быть и Чернигов.

Конечно, основной состав мастеров, и прежде всего руководителей строительства зодчих, во владими́ро-суздальской архитектуре по-прежнему был местным. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствует преобладание в развитии архитектурных форм. Однако не исключено, что к развернувшемуся здесь широкому строительству привлекались и мастера из других русских земель⁴⁴.

Наиболее сложным остается вопрос, каковы были формы завершения храмов владими́ро-суздальской архитектурной школы, возведенных в XIII в., поскольку в обоих памятниках этой поры, сохранившихся над поверхностью земли (соборы в Суздале и в Юрьеве-Польском), верхние части утрачены уже в древности. Исходя из ряда особенностей собора в Юрьеве-Польском (отсутствие внутренних лопаток, пропорции и пр.), некоторые исследователи высказали предположение, что это здание должно было иметь повышенную центральную часть, по-видимому, с башнеобразно поднятым на пьедестале барабаном главы⁴⁵. Доказательства, приводимые в пользу подобной реконструкции, далеко не бесспорны⁴⁶. Тем не менее, это все же наиболее вероятное предположение, и подкрепляется оно еще одним косвенным доказательством — наличием подобной конструкции завершения во всех трех сохранившихся памятниках раннемосковской архитектуры начала XV в. (соборы в Звенигороде, в Саввино-Сторожевском и Троице-Сергиевом монастырях). Здания эти очень различны по манере исполнения, по «почерку» мастеров: очевидно, их возводили разные зодчие⁴⁷. Объединяет их устойчиво выраженная ориентация на традиции владими́ро-суздальской архитектуры. Поэтому, возможно, что и завершение этих храмов также восходит к формам поздних владими́ро-суздальских памятников.

В сложение новых форм русского зодчества внесла свою лепту и маленькая архитектурная школа Гродненского княжества. Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно обычно считается построенной в 80-х гг. XII в.⁴⁸ Сложность профилировки пилястр этого храма, а также утолщение западной пары его столбов и торцов стенок между апсидами, позволили Г. М. Штендеру выдвинуть обоснованное предположение о повышенной центральности центральной части его объема⁴⁹.

Наиболее консервативной среди русских архитектурных школ рубежа XII и XIII вв. кажется новгородская школа. Правда, подавляющее большинство новгородских храмов этого времени не сохранило своих завершающих частей или было перестроено в более позднее время, таковы церкви Спаса в Старой Руссе, Кирилла, Уверения Фомы, Ильи на Славне. Поэтому мы лишены возможности судить о системе их первоначального завершения и общей композиции объема. Однако и в сохранившихся памятниках (церковь Спаса-Нередицы, 1198 г.; церковь Петра и Павла на Синичьей горе, 1185 г.) нет абсолютно никаких признаков нового архитектурного направления: ни башнеобразности и динамичности композиции, ни многочисленности вертикальных членений на фасадах, ни подчеркнутой декоративности⁵⁰. Может быть, именно консервативностью новгородских зодчих, недостаточно удовлетворявших изменившиеся художественные запросы заказчиков, объясняется привлечение смоленских зодчих для постройки таких ответственных сооружений, как главный собор Пскова и Пятницкая церковь, возведенная по заказу корпорации купцов, ведших границу торговлю.

Меньше всего данных имеется для характеристики зодчества конца XII — начала XIII в. на территории Галича и Волыни. Количество изученных памятников этих земель незначительно, а немногие известные в большинстве не датированы. Это тем более печально, что, судя по письменным источникам, архитектура данного района именно в XIII в. переживала период расцвета, причем в западных районах Волыни этот расцвет продолжался вплоть до конца века.

Впрочем, некоторые особенности развития архитектуры Галицко-Волынских земель можно все же отметить. Так, прежде всего несомненно, что галицкая и волынская архитектурные школы продолжали существовать самостоятельно, несмотря на соединение этих земель в составе одного княжества. Об этом свидетельствует четкое разделение строительно-технических приемов: в Волынской земле вплоть до XIV в. строили из кирпича, в Галиче — из тесаного камня⁵¹. При этом разделение школ не вполне соответствовало границам самих земель, будучи больше связано с междукняжескими отношениями. Например, в стольном городе западной Волыни — Холме — все строительство вели мастера галицкой, а не волынской школы, в то время как на остальной территории Волыни (Луцк, Владимир-Волынский, Любомль) работали волынские мастера⁵².

На архитектуру Галича и Волыни сильное влияние оказывала архитектура соседних стран, особенно Польши. Это сказалось и в архитектурных формах, и в строительной технике. Во второй половине XIII в. волынские строители целиком перешли на новый тип кирпича: вместо плинфы начали применять романско-готический брусковый кирпич⁵³. Еще заметнее сказалось западное влияние в проникновении нового типа церквей-ротонд. Небольшие круглые церкви-ротонды имели в X–XIII вв. очень широкое распространение в странах Центральной Европы, но они никогда до этого не строились в русских княжествах⁵⁴. Теперь они появились и в галицкой архитектуре (церковь Ильи в Галиче, ротонда в урочище Воскресенское близ Галича⁵⁵, четырехлепестковый в плане храм у с. Побережье⁵⁶), и в волынской (церковь Михайловского монастыря во Владимире-Волынском)⁵⁷. К сожалению, остается неясным, когда тип храма-ротонды появился на Руси. Ротонда во Владимире-Волынском датируется серединой или второй половиной XIII в., галицкие ротонды, вероятно, несколько старше, поскольку расцвет стольного города Галича был подорван монгольским нашествием. С другой стороны, древнейшее монументальное здание Галича — Успенский собор — было возведено в 50-х гг. XII в. Таким образом, галицкие ротонды могут относиться ко времени от 60-х гг. XII в. по 30-е гг. XIII в. Впрочем, четырехлепестковая постройка близ с. Побережье, судя по аналогичным по плану храмам Венгрии и Трансильвании, может быть и несколько более поздней, хотя также в пределах XIII в.⁵⁸

Следует отметить, что несмотря на наличие ротонд основным типом храма как в галицкой, так и в волынской архитектуре, оставалась четырехстолпная трехапсидная церковь. Влияние романской архитектуры не оказало существенного воздействия на плановую схему таких церквей, и в них остается общерусская композиция. К рассматриваемому периоду среди подобных галицких памятников относится единственная постройка, сохранившаяся над поверхностью земли (впрочем, сильно перестроенная в верхней части), — церковь Пантелеймона близ Галича, построенная в конце XII в. (до 1200 г.)⁵⁹. Система завершения этого храма неизвестна, однако наличие на его западном фасаде своеобразной квадратной рамки дает основания полагать, что верхняя часть здания была скомпонована как-то иначе, чем это делалось в памятниках других архитектурных школ. В одном случае была сделана попытка выяснить первоначальную объемную композицию храма галицкой школы: усложненная форма подкупольных столбов церкви, раскопанной в Василеве, позволила Г. Н. Логвину выдвинуть предположение, что конструкция сводов здесь была ступенчато-повышенной⁶⁰.

Среди памятников волынской школы, по-видимому, ко второй половине XII в. или даже началу XIII в. относится храм близ Васильевской церкви во Владимире-Волынском⁶¹. Чрезвычайно массивные подкупольные столбы этого храма заставляют думать, что они поддерживали какой-то особенно тяжелый, возможно, башнеобразный верх.

Этап развития русской архитектуры, начавшийся в конце XII в., продолжался недолго, в 30-х – 40-х гг. XIII в. он был прерван монгольским вторжением. Однако за короткий период, длившийся менее полувека, зодчество прошло большой и яркий путь, были созданы блестящие произведения архитектурного искусства.

Развитие русской архитектуры в эту пору заметно усложнилось по сравнению с предшествующим временем. Продолжавшийся процесс дифференциации вел к образованию новых архитектурных школ. И во многих из них появились несколько параллельных направлений, связанных с деятельностью самостоятельных архитектурно-строительных артелей, отличавшихся одна от другой как техническими традициями, так и применением разных архитектурных форм и композиционных приемов. Но развитие русской архитектуры этого времени было не только сложным, но и противоречивым. Вместе с продолжавшейся дифференциацией в архитектуре явно наметились и обратные явления, свидетельствующие об усилении связей между архитектурными школами. Это сказалося, например, в участвовавшей практике, когда мастера одной школы работали на территории других княжеств, в совместной работе в одном городе мастеров разных архитектурных школ. В еще большей мере тенденции интеграции сказались в параллельности, а порой даже общности основных направлений развития архитектуры различных районов Руси. Конечно, абсолютного тождества здесь не могло быть; новые формы слагались в каждой архитектурной школе по-разному. И все же некоторые основные особенности нового архитектурного направления почти всюду выступают одинаково — это подчеркнутое значение наружных форм по сравнению с интерьером, острота силуэта, чрезвычайно богатая декоративная разработка фасадов.

Замечательно, что эти же особенности почти одновременно наблюдаются не только на Руси, но в зодчестве всей Юго-Восточной Европы, Византии, Кавказа⁶². Данный этап в развитии русской архитектуры — закономерное явление и часть гораздо более широкого течения, связанного со становлением нового стиля в зодчестве целого ряда стран.

Чем можно это объяснить? Обычно говорят об укреплении и росте средневековых городов, о сложении художественной культуры и идеологии городского торгово-ремесленного населения⁶³. Конечно, все это сыграло огромную роль в развитии архитектуры. Возросшее политическое и экономическое значение городов должно было, естественно, определить интерес и к архитектурному облику города, отсюда стремление возводить здания, отличающиеся внешней нарядностью и остротой силуэта, т. е. именно теми особенностями, которые появились в русском зодчестве к концу XII в. Однако в XII в. на Руси растут и укрепляются не только города, но и княжеская власть, самостоятельные феодальные центры. При этом в некоторых землях, как, например, во Владимиро-Суздальской, все монументальное строительство держат в своих руках именно князья. Наиболее яркие памятники зодчества рубежа XII и XIII вв., в которых наметились пути развития

нового архитектурного направления (например, церковь Василия в Овруче, церковь Михаила в Смоленске и др.), были построены как дворцовые княжеские храмы. Очевидно, развитие русской архитектуры этого периода обуславливается далеко не одним только ростом городов. То же, по-видимому, относится и к другим странам; один из наиболее ярких вариантов нового «живописного» стиля сложился в Греции, где роль городов была как раз наименьшей.

Несомненно, что городская культура и княжеские заказы должны были сказаться на развитии архитектуры главным образом в конкретном сложении тех или иных архитектурных форм и образов. Общие же тенденции, видимо, определялись внутренней закономерностью развития архитектурного стиля, переходившего на свой более поздний, более декоративный этап. Тенденция к декоративности, порой даже за счет конструктивной логики, к разрыву между решением внешнего облика и интерьера, к динамичности композиции — эти черты свойственны почти всем крупным архитектурным стилям на определенной стадии, таковы позднееримское зодчество, поздняя готика, архитектура позднего Ренессанса — барокко. Очевидно, к этой стадии приближалось и русское зодчество.

Но вне зависимости от того, как решать вопрос о причинах появления новых архитектурных форм, несомненно, что на Руси развивается совершенно особый вариант архитектуры, обладавшей специфическими особенностями, очень четко отделяющими ее от архитектуры других, в том числе и соседних стран. Тенденция к башнеобразному построению объема с высоко поднятой на специальном постаменте главой, динамическая вертикальная устремленность композиции, торжественность силуэта, придававшая архитектурному образу русской церкви характер храма-монумента — все это в той или иной степени обнаруживается в большинстве русских архитектурных школ. Общность путей развития архитектуры постепенно, в сложном многообразии архитектурных течений вела к разработке некоторых общих особенностей русской архитектуры. Вряд ли могут быть сомнения в том, что это явление означает первые шаги в становлении общерусского архитектурного стиля⁶⁴.

Русская архитектура чутко отозвалась на зарождение первых объединительных тенденций в идеологии Руси. Этот процесс был прерван монгольским вторжением очень рано, в самом начале своего развития. И в дальнейшем общерусская архитектура, слагаясь на основе московского зодчества, опиралась на традиции в основном лишь одной школы — владими́ро-суздальской. Но на рубеже XII и XIII вв. это явление подготавливалось на гораздо более широкой базе почти всех русских архитектурных школ.

¹ *Раппопорт П.А.* О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII веке // Труды Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Серия Архитектура. Вып. 3. — Л., 1970. — С. 3.

² *Раппопорт П.А.* Некоторые вопросы истории русской архитектуры конца XII — первой половины XIII в. // Старинар. Књ. XX. — Београд, 1969. — С. 339.

³ *Барановский П.Д.* Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. — М; Л., 1948. — С. 13.

⁴ *Воронин Н.Н.* «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII–XIII вв. // «Слово о полку Игореве» (серия «Литературные памятники»). — М; Л., 1950. — С. 338.

⁵ *Ратпопорт П.А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв. // СА. — 1962. № 2. — С. 77; *Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. — М., 1964. — С. 95; *Асеев Ю.С.* Архитектура южной и западной Руси в XII–XIII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. — Л; М., 1966. — С. 578; *Воронин Н.Н., Антонова В.И.* Новое о древнерусском искусстве // Наука и человечество. — М., 1967. — С. 94.

⁶ *Барановский П.Д.* Указ. соч.; *Холостенко Н.В.* Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове // СА. — 1956. Т. XXVI. — С. 271.

⁷ *Ратпопорт П.А.* Церковь Василия в Овруче // СА. — 1972. №1. — С. 82.

⁸ Другой, хотя в принципе очень близкий вариант реконструкции см.: *Асеев Ю.С.* Архитектура Київської Русі. — Київ, 1969. — С. 164; *он же.* Киевская София и древнерусское зодчество // София Киевская. — Киев, 1973. — С. 16.

⁹ *Асеев Ю.С.* Собор Апостолів у Білгороді // Образотворче мистецтво. — 1970. № 1. — С. 32.

¹⁰ Такой версии придерживается большинство исследователей начиная с П.Д. Барановского (Указ. соч. С. 32).

¹¹ *Холостенко Н.В.* Исследование памятника XII века в г. Новгород-Северске // Сборник сообщений института «Киевпроект». № 1–2. — Киев, 1958. — С. 35.

¹² Графические реконструкции этого собора совершенно условны и не могут претендовать на достоверность. См., например: *Асеев Ю.С.* Архитектура Київської Русі. — С. 174; *Логвин Г.Н.* Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Путивль. — М., 1965. — С. 137.

¹³ *Холостенко Н.В.* Исследование памятника XII века... — С. 41.

¹⁴ *Богусевич В.А.* Розкопки в Путивльському кремлі // Археологія. Т. XV. — Київ, 1963. — С. 165; *Рыбаков Б.А.* Раскопки в Путивле // АО 1965 года. — М., 1966. — С. 154.

¹⁵ *Ратпопорт П.А.* Трубчевск // СА. — 1973. № 4. — С. 205.

¹⁶ *Асеев Ю.С.* Зодчество Приднепровской Руси конца XII – первой половины XIII веков. Автореферат докт. дисс. — М., 1971. — С. 35.

¹⁷ *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 2. — М; Л., 1961. — С. 466.

¹⁸ *Хозеров И.М.* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // КСИИМК. XI. — 1945. — С. 20.

¹⁹ *Воронин Н.Н., Ратпопорт П.А.* Археологические исследования памятников архитектуры древнего Смоленска // Отделение истории АН СССР. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. — М., 1972. — С. 53.

²⁰ Ипатьевская летопись под 6705 (1197) годом.

²¹ *Каргер М.К.* Зодчество древнего Смоленска. — Л., 1964. — С. 77. Результаты более поздних исследований см.: *Алешковский М.Х., Подъяпольский С.С.* Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске // СА. — 1964. № 2. — С. 231.

²² *Ратпопорт П.А.* Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске // СА. — 1975. № 4. — С. 235.

²³ *Воронин Н.Н.* К истории смоленского зодчества XII–XIII вв. // Смоленск. Материалы юбилейной научной конференции. — Смоленск, 1967. — С. 103; *Воронин Н.Н., Ратпопорт П.А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г. // СА. — 1969. № 2. — С. 200.

²⁴ *Ратпопорт П.А., Шолохова Е.В.* Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске // КСИА. — 1975. Вып. 144. — С. 75.

²⁵ *Белогородцев И.Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. — Смоленск, 1952. — С. 113.

²⁶ *Воронин Н.Н.* Памятник смоленского искусства XII в. // КСИА. — 1965. Вып. 104. — С. 18.

²⁷ *Воронин Н.Н., Ратпопорт П.А.* Раскопки в Смоленске в 1967 г. // СА. — 1971. № 2. — С. 186.

²⁸ *Ратпопорт П.А., Шолохова Е.В.* Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО 1973 года. — М., 1974. — С. 75.

²⁹ *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. — М., 1966. — С. 246. Прим. 40.

³⁰ *Ратпопорт П.А.* Археологические исследования памятников... — С. 65.

³¹ Монгайт А. Л., Чернышев М. Б. Спасский собор в Старой Рязани // Новое в археологии. — М., 1972. — С. 216.

³² Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б. Церковь Нового Ольгова городка // Культура средневековой Руси. — Л., 1974. — С. 163.

³³ Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. — М., 1964. — С. 201 (текст этого раздела написан Г. М. Штендером).

³⁴ Там же. — С. 211.

³⁵ Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств, 1952. — М., 1952. — С. 288.

³⁶ Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. — М., 1972. — С. 202.

³⁷ Воронин Н. Н. Бельчицкие руины // Архитектурное наследие. № 6. — М., 1956. — С. 14.

³⁸ Там же. — С. 4; Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества. — С. 260; Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. — Минск, 1972. — С. 192 (авторы раздела Г. В. Штыхов и М. А. Ткачев).

³⁹ Воронин Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII века // КСИА. Вып. 87. 1962. — С. 102.

⁴⁰ В выяснении этого вопроса большое значение, вероятно, могла бы иметь церковь во Вщиже, остатки которой, к сожалению, недостаточно детально исследованы и не имеют уверенной датировки. Ср.: Рыбаков Б. А. Вщиж — удельный город XII века // КСИИМК. 1951. № 41. — С. 58; Асеев Ю. С. Зодчество Приднепровской Руси... — С. 20.

⁴¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. — М., 1962. — С. 119.

⁴² Там же.

⁴³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. — М., 1961. — С. 445.

⁴⁴ Портал с готической пофилировкой (усыпальница при соборе в Юрьевом-Польском) свидетельствует об участии какого-то западноевропейского мастера, однако время создания портала неясно; он может быть и несколько более поздним. См. рецензию А. В. Столетова на кн.: Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси // СА. — 1967. № 2. — С. 276.

⁴⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 2. — С. 106; Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. — М., 1964. — С. 98.

⁴⁶ См., например, мнение А. В. Столетова. (СА. 1967. № 2. — С. 274).

⁴⁷ Огнев Б. А. Некоторые проблемы раннемосковского зодчества // Архитектурное наследие. № 12. — М., 1960. — С. 61.

⁴⁸ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — М., 1954. — С. 140.

⁴⁹ Новгород. К 1100-летию города. — М., 1964. — С. 213.

⁵⁰ Штендер Г. М. Восстановление Нередицы // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. — Новгород, 1962. — С. 169; Новгород. К 1100-летию города. — С. 192; Церковь Петра и Павла была, видимо, построена полоцкими мастерами. См.: Каргер М. К. Новгород. — Л; М., 1970. — С. 20.

⁵¹ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. — Л., 1967. — С. 139.

⁵² Раппопорт П. А. Холм // СА. — 1954. Т. XX. — С. 318.

⁵³ Раппопорт П. А. Волынские башни // Крепостные сооружения древней Руси. — М., 1952. — С. 211.

⁵⁴ По общей проблематике центральноевропейских ротонд см., например: Hawrot J. Problematyka przedromańskich i romańskich rotund bałkańskich, czeskich i polskich // Biuletyn historii sztuki. — Warszawa, 1962. XXIV. № 3–4. — P. 255; Gervers-Molnár V. A középkori magyarországi rotundák. — Budapest, 1972; Guth K. České rotundy // Památky archeologické. D. XXXIV. — Praha, 1924–1925. — P. 113.

⁵⁵ Пастернак Я. Старый Галич. — Краків; Львів, 1944. — С. 78.

⁵⁶ Доклад М. К. Каргера на пленуме Института археологии АН УССР (Ужгород, 14.05.1970).

⁵⁷ *Каргер М.К.* Вновь открытые памятники зодчества XII–XIII вв. во Владимире-Волыньском // Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия исторических наук.— 1958. Вып. 29. — С. 22.

⁵⁸ *Gervers-Molnár V.* Op. cit. — P. 89.

⁵⁹ *Peleński I.* Halicz w dziejach sztuki sredniowiecznej. — Kraków, 1914. — С. 10.

⁶⁰ *Логвин Г.Н., Тимощук Б.А.* Белокаменный храм XII века в Василеве // Памятники культуры. № 3. — М., 1961. — С. 49. Г.Н. Логвин датировал храм в Василеве первой половиной XII в., но аргументация его совершенно неубедительна. Гораздо вероятнее, что храм относится ко второй половине или даже концу XII в.

⁶¹ *Каргер М.К.* Вновь открытые памятники... — С. 12.

⁶² *Яacobson A.Л.* Некоторые закономерные особенности средневековой архитектуры Балкан, Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии // Византийский временник. — Т. XXXII. 1972. — С. 169. Предварительно эти соображения изложены А.Л. Яacobсоном в журнале «Искусство» (1970, № 3. — С. 69).

⁶³ *Яacobson A.Л.* Некоторые закономерные особенности... — С. 188.

⁶⁴ *Ворошич Н.Н.* У истоков русского национального зодчества... — С. 316.

Строительные артели Древней Руси и их заказчики*

При изучении памятников зодчества Древней Руси исследователи до самого последнего времени основное внимание уделяли архитектурным формам сооружений, значительно меньше интересуясь строительным-техническим аспектом зданий. Между тем даже самые первые шаги в этом направлении показали, какие огромные возможности открываются здесь в выяснении объективной и полнокровной картины архитектурно-строительной деятельности. Тщательное изучение конструкций, строительных материалов и технических приемов, применявшихся древними зодчими, позволяет вплотную приблизиться к пониманию процесса строительства сооружений, выявить «почерк» создавших их мастеров. Для изучения древнерусского строительного производства это имеет особенно большое значение, поскольку в Древней Руси, как, впрочем, и в романском зодчестве Западной Европы, полностью господствовала артельная организация строительства.

Основная ячейка строительного производства Древней Руси, вероятно, называлась дружиной. Во всяком случае, в XIV–XV вв. такой термин по отношению к строительным организациям уже, безусловно, применялся¹, а в новгородском и псковском говорах даже в XIX в. это название соответствовало производственной ячейке². Однако некоторая расплывчатость термина и отсутствие уверенности в правильности его применения заставляют нас условно называть строительные организации Древней Руси артелями, используя более позднее определение, не встречающееся в древнерусских письменных источниках.

В настоящее время накопилось уже достаточное количество материала, чтобы судить о составе древнерусской строительной артели. Во главе ее стоял зодчий. Письменные источники Древней Руси для его обозначения используют несколько терминов. Чаще всего употребляется термин «мастер». Так названы строитель новгородского Георгиевского собора Юрьева монастыря («мастер трудился Петр»³), зодчий Кирилловской церкви в Новгороде («а мастер бяше Коров Якович»⁴), зодчий Петр-Милонег, строивший стену у Выдубицкого монастыря в Киеве⁵. Так же названы и зодчие, строившие Десятинную церковь («мастера от грек»⁶), Успенский собор Киево-Печерского монастыря («мастера церковнии»⁷), Успенский собор во Владимире («из всех земель все мастера»⁸). Впрочем, под термином «мастер» понимали не только зодчего. При построении города Холм

* СА.— М., 1985.

летописцем упомянуты «мастера всяции»⁹. Позднее, в XIV–XV вв., мастерами обычно называли зодчих, но были известны и «мастера всякие, проста речи плотники и горнчары»¹⁰. Таким образом, термин «мастер» обозначал не только зодчего, но и всякого квалифицированного ремесленника.

Другой термин, под которым более узко понимали только зодчего, — здатель. Для строительства церкви Бориса и Глеба в Вышгороде князь Олег «привед зьдатели, повеле им здати»¹¹. В Никоновской летописи, где несколько изменена формулировка «Повести Временных лет», при строительстве Десятинной церкви упомянуты «каменосеччи и зидатели полат каменных»¹². Иногда встречается термин «хитрец», которым, вероятно, обозначали как зодчих, так и скульпторов-резчиков: «двери же... украшены... некимь хытрецемь Авдьемь»¹³. Греческое слово «архитектор» также переводили как «хитрец»¹⁴. Впрочем, с XIV в. в переводных письменных источниках встречается и термин «архитектон»¹⁵. Зодчий Петр-Милонег назван в летописи не только мастером, но и художником¹⁶. В одном-единственном случае зодчий упомянут как руководитель артели строителей («приставник над делатели церковными» — строитель Спасского собора полоцкого Евфросиньева монастыря Иоанн¹⁷).

По именам нам известны всего четыре русских зодчих домонгольского периода: Петр — строитель собора Юрьева монастыря в Новгороде (1119 г.), Иоанн, который возвел собор Евфросиньева монастыря в Полоцке (середина XII в.), Коров Яковлевич, построивший Кирилловскую церковь в Новгороде (1196 г.) и Петр-Милонег — строитель стены у Выдубицкого монастыря в Киеве (1199 г.).

Каковы были точные функции древнерусского зодчего, нам пока не вполне ясно. Возможно, в это время деятельность руководителя строительства еще не полностью отделилась от непосредственного выполнения строительных работ, т. е. зодчий был одновременно и главным каменщиком. Очень вероятно, что руководитель строительной артели имел помощника (или ученика), а может быть, даже двух или трех. В Смоленске, например, в конце XII — начале XIII в. в одной из строительных артелей работали два зодчих, почерк которых довольно явно различается¹⁸. Но оба эти мастера продолжали развивать идеи, заложенные в церкви Архангела Михаила; по-видимому, они начали работать еще как ученики или помощники того зодчего, который построил эту церковь. В Новгороде можно отметить существенные различия в архитектурном характере соборов Антониева и Юрьева монастырей. Очевидно, их строительством руководили разные зодчие, хотя в это время в городе, несомненно, была всего одна строительная артель.

Основное ядро строительной артели составляли каменщики (каменьники, каменосеччи), т. е. мастера, которые вели кладку кирпичных или каменных стен и сводов. На основании изучения некоторых памятников зодчества можно попытаться подсчитать количество каменщиков, работавших при возведении здания. Так, изучая кладку собора на Протоке в Смоленске, М. Б. Чернышев сделал попытку определить производительность труда древних каменщиков¹⁹. Выяснилось, что один каменщик за один рабочий день выкладывал участок длиной в одну сажень и высотой около 0,6 м (семь рядов кирпичной кладки). При этом каменщик укладывал лишь половину толщины стены, так как с другой стороны одновременно работал второй каменщик. Кладку собора на Протоке поднимали за один строительный сезон, по-видимому, не более чем на 5 м; дневная

кладка каменщика укладывается здесь 8 раз. Следовательно, участок длиной в 1 сажень каменщик мог довести до такой высоты за 8 рабочих дней. Поскольку длительность строительного сезона около 120 рабочих дней, каждый каменщик за сезон складывал примерно 15 таких участков. Общая сумма этих участков, учитывая уже не половину, а полную толщину стен, составит часть здания, которую за один сезон под силу сложить одному каменщику. Подобных частей в соборе на Протоке около 15. Очевидно, что для возведения на высоту сезонной кладки всего здания собора при такой производительности должны были работать 15–16 каменщиков. В этом случае кирпичная кладка собора могла быть исполнена за четыре сезона. Конечно, точность приведенного подсчета весьма приближительна, но она все же позволяет хотя бы в самых общих чертах судить о количестве каменщиков, ведших строительство крупного храма.

При белокаменном строительстве кладку, по-видимому, вели те же мастера, которые отесывали и обрабатывали камень. Отеска камня очень трудоемка, поэтому в таких артелях количество каменщиков было, вероятно, больше, чем в артелях, ведших кирпичное строительство. Если принять за основу расчет, исполненный Н.Н. Ворониным для церкви Покрова на Нерли, окажется, что обработка камня для этой церкви должна была занять несколько более 7 тыс. человеко-дней²⁰.

При исполнении этой работы за два строительных сезона нужно было иметь не менее 30 каменщиков.

Кроме каменщиков в состав строительной артели должны были входить один или два плотника для сооружения лесов, кружал и других деревянных конструкций. Наконец, в артелях, работавших в кирпичной технике, должна была существовать группа мастеров, приготавливавших плинфу. В более поздних письменных источниках таких мастеров называли плинфотворителями²¹. В эту группу входили формовщики кирпича и обжигальщики. Формовщиков могло быть немного, всего два-три человека²². Вероятно, столько же было и обжигальщиков. Обжигальщики кирпича могли обслуживать и известково-обжигательные печи — приготавливать известь.

Полный перечень специальностей, работу по которым обеспечивала строительная артель, сейчас пока трудно установить. Очень вероятно, что изготовление оконного стекла или свинцовых листов не входило в компетенцию артелей, поскольку эти специальности не были неразрывно связаны со строительством. В таком случае стекла для окон и свинцовые листы для кровли строители должны были получать со стороны. Неясно, как было организовано производство поливных керамических плиток для покрытия полов; обжиг этих плиток могли выполнять обжигальщики кирпича, но в то же время изготовление поливы было тесно связано с производством стеклянных изделий. Явно не входили в строительную артель живописцы — фрескисты и мозаичисты, очевидно, имевшие самостоятельные объединения, т. е. составлявшие собственные артели, работавшие независимо от строителей. Работы артелей строителей и живописцев далеко не всегда совпадали. Так, строительная артель, возводившая киевский Софийский собор, после завершения работ приступила к постройке Софийского собора в Новгороде, но мозаичисты, работавшие в Киеве, в Новгород не поехали. В Смоленске, судя по полному совпадению орнаментальных мотивов, одна и та же группа живописцев исполнила роспись в соборе на Протоке и в церкви на Воскресенской

горе, хотя эти две церкви были построены разными строительными артелями²³. Подтверждением того, что живописцы не входили в состав строительной артели, может служить и тот факт, что среди храмов, построенных одной и той же артелью, некоторые были расписаны, а другие так и остались без росписи.

Кроме основного состава строительной артели в строительстве участвовала еще значительная группа подсобных рабочих, вероятно, каждый раз набираемая заново. Исходя из специфики процесса строительного производства и привлекая более поздние аналогии, следует полагать, что количество вспомогательных рабочих было значительно больше, чем количество членов самой артели.

Детальное изучение архитектурных и строительно-технических особенностей памятников позволяет выявить не только почерк различных строительных артелей, но и их отдельных звеньев. Легче всего выявляется работа основного звена артели — каменщиков, поскольку показателем здесь является сам характер кладки стен и сводов, состав строительного раствора, наличие или отсутствие двойных швов в кладке и другие технические особенности. Обычно довольно ясно определяется и работа различных групп плинфотворителей, характеризующаяся способом формовки и клеймения кирпичей. Значительно сложнее выявить работу различных зодчих. Здесь показателем могут служить излюбленные мастером архитектурные формы, особенно детали. Менее всего зависит от деятельности строительной артели тип сооружения, поскольку указание на определенный образец, желание сохранить традицию диктуется, как правило, заказчиком. Однако и здесь иногда все же прорывается индивидуальность зодчего.

Сопоставление этих данных по большому количеству памятников приводит к выводу, что строительные артели большей частью формировались по вертикальному принципу, т. е. имели в своем составе мастеров всех специальностей (от плинфотворителей до зодчего), необходимых для осуществления всего объема строительства: от заготовки строительных материалов, закладки здания и до его полного завершения. При переезде из одного города в другой строительные артели обычно перебазировались также полным составом. Иногда артели выезжали не целиком, а делились и посылали в другой город лишь часть своих мастеров. Очевидно, это было возможно в тех случаях, когда артель была настолько многочисленной, что после разделения могла обеспечить возведение объектов в обоих городах. Но даже и в этом случае выезжавшая часть артели представляла собой вполне самостоятельную артель полного состава, включавшую мастеров всех специальностей, хотя, вероятно, и в небольшом количестве. В результате здания, построенные в новом пункте, имели все черты, характерные для деятельности этой артели на старом месте. Именно так было в середине XII в., когда черниговские мастера начали вести строительство в Смоленске²⁴, а галицкие — в Суздале²⁵; наблюдалось данное явление и в конце XII в., когда смоленские мастера появились в Рязани²⁶.

Конечно, на новом месте мастера кое-что меняли в своих приемах, приспособившись к местным условиям, использовали местные строительные материалы. Так, киевские зодчие при возведении в середине XI в. новгородского Софийского собора широко использовали для кладки стен местную известняковую плиту, а переяславльские мастера, переехав на Волынь, стали применять в качестве заполнителя строительного раствора местный меловой известняк, частично заменяя

им цемянку. Тем не менее, несмотря на подобные изменения, все основные приемы в этих случаях свидетельствуют о работе той же строительной артели.

Известны, однако, случаи, когда строительная артель перебазировалась не целиком, пользуясь тем, что в городе, куда она переезжала, уже были свои строительные кадры. Например, в начале XIII в. для постройки церкви Пятницы в Новгород приехала смоленская артель, не имевшая нижнего звена, т. е. плинфотворителей. Поэтому, хотя строительство Пятницкой церкви шло целиком по смоленским образцам, формовка кирпичей этой церкви не смоленского типа, а новгородского²⁷.

Ведущие мастера-зодчие, очевидно, были тесно связаны со своими артелями. Поэтому в зданиях, возведенных одной артелью, мы видим совершенно определенный набор архитектурных форм и деталей, характерных для творчества зодчего — руководителя этой артели. Однако вне своей земли зодчие работали со своей артелью лишь там, где не было собственных кадров строителей. В противном случае довольно часто приезжал только зодчий, бравший на себя руководство местной строительной артелью. Так, постройка Успенского собора киевского Печерского монастыря была, несомненно, исполнена местной, т. е. киевской, артелью, но под руководством приехавших из Константинополя зодчих (судя по Печерскому Патерику, их было четверо). Смоленскую церковь Архангела Михаила строили смоленские мастера, но под руководством полоцкого зодчего. Точно так же местные киевские мастера возвели церковь на Вознесенском спуске под руководством смоленского зодчего, а новгородские мастера — Мирожский собор в Пскове под руководством греческого архитектора.

Иногда встречаются пока еще труднообъяснимые сочетания различных звеньев строительной артели. Например, древнейшие памятники зодчества Полоцка явно несут на себе все признаки работы киевских мастеров, что сказывается во всех элементах строительной техники, а во многом и в архитектурных формах. Однако формовка кирпичей здесь не киевского, а черниговского типа. Точно так же в здании «Остерской божницы» (церковь архангела Михаила в Остре) кладка и тип сооружения отражают манеру переяславльских мастеров, а формовка кирпичей — черниговских.

При распаде строительной организации обычно удается определить, где нашли применение ее отдельные компоненты. Так, прекращение в конце XII в. монументального строительства в Полоцке освободило здесь местных строителей, и артель распалась на составные части: полоцкий зодчий начал работать в Смоленске (церковь Архангела Михаила), полоцкие каменщики вели кладку церкви Петра и Павла на Синичьей горе в Новгороде, а следы деятельности полоцких плинфотворителей обнаруживаются в слагающейся архитектурной школе Гродно.

Существование строительной артели было целесообразно лишь тогда, когда велось монументальное строительство. Конечно, неблагоприятные условия могли задержать или даже прервать на некоторое время строительную деятельность, но длительный перерыв в возведении зданий всегда свидетельствует о том, что артель распалась или уехала в другой город. Поэтому деятельность каждой строительной артели, как правило, отражается в непрерывной цепи памятников, построенных один за другим. В Киеве за период с 60-х гг. XI в. до начала XII в. нам известно о существовании 12 памятников зодчества. Если предполагать, что еще

один-два памятника остались невыявленными, то на постройку каждого здания приходится около 3–4 лет, т. е. нормальный срок возведения древнерусского храма средней величины. Таким образом, в Киеве в это время работала одна строительная артель.

В настоящее время уже сведены воедино данные о всех известных нам древнерусских памятниках зодчества²⁸, что дает возможность сделать попытку подсчитать количество работавших на Руси строительных артелей, выяснить географию их передвижений и генетические связи. Выводы могут быть представлены графически (рис. 1). При этом следует иметь в виду, что данная схема отражает не общую картину строительной деятельности, а лишь существование и передвижение строительных артелей. Если артель выезжала в другой город для возведения определенного объекта и сразу же после этого возвращалась обратно, не переходя в ведение другого заказчика, то это не находит отражения в схеме. Поэтому здесь не учтены строительство новгородского и полоцкого Софийских соборов в середине XI в., соборов в Суздале и Смоленске в начале XII в., Михайловской и Благовещенской церквей в Чернигове в 70–80-х гг. XII в., поскольку все перечисленные памятники возводились мастерами киевской строительной артели. Следует также оговорить, что многие вопросы развития древнерусского зодчества, формирования и работы строительных артелей остаются еще неясными, и поэтому данная схема, отражающая уровень наших современных знаний, потребует в дальнейшем еще существенной конкретизации, уточнения, а возможно, и изменений. И все же такая схема позволяет уже сейчас представить хотя бы в общих чертах картину деятельности древнерусских строительных артелей в домонгольский период. Выясняется, что вплоть до конца XI в. на всей территории

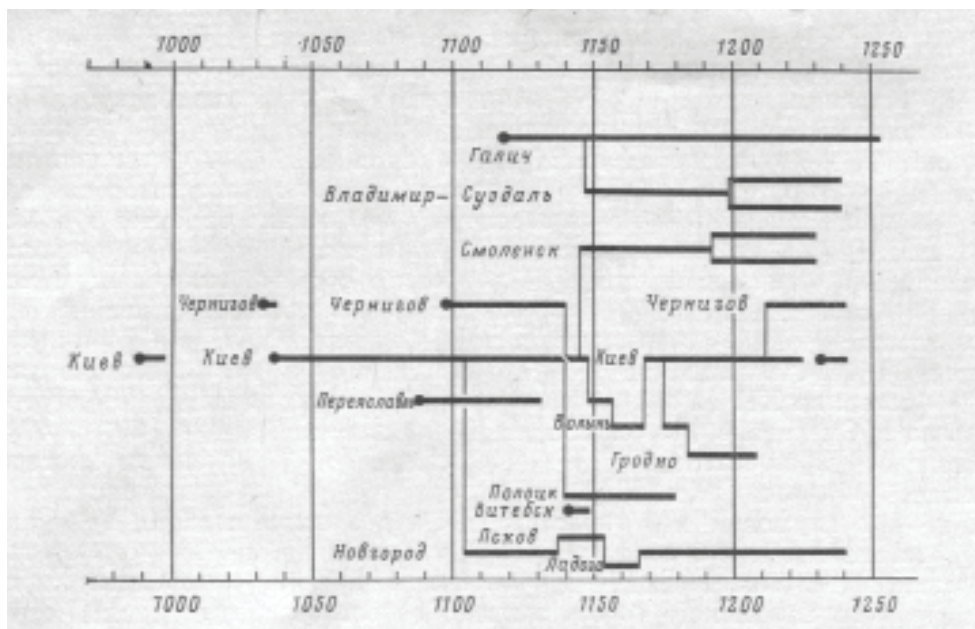

Рис. 1. Схема передвижения древнерусских строительных артелей

Руси функционировала лишь одна строительная артель, в первой половине XII в. их количество увеличилось до четырех, во второй половине XII в. — до шести, а в начале XIII в., когда древнерусское строительное производство переживало период наибольшей интенсивности, их количество достигло семи.

В древнерусских письменных источниках имеются многочисленные сведения о строительстве церквей. В этих сведениях практически полностью отсутствуют указания на строителей, но зато часто упоминаются заказчики; заказчик всегда назван в летописях создателем храма: он «заложил» или «создал» его, реже «поставил». Описывая погребения князей в церквях, построенных по их заказу, летописец не забывает отметить, что князь погребен в церкви «юже бе сам создал» или «юже бе создал отец его». Иногда упоминаются не только князья, но и княгини, и тогда летописец пишет: «юже бе сама создала». В Киевской земле в XI–XIII вв. из 24 упоминаний заказчиков только два — церковные иерархи, а все остальные — князья. Во Владимиро-Суздальской земле все 17 заказчиков, упоминающихся в летописи, только князья. То же относится и к Черниговской земле. Начало каменно-кирпичного строительства в каком-либо городе или создание здесь собственной строительной организации почти всегда совпадают по времени с правлением укрепившегося в этой земле князя, а также со строительством городских укреплений. В середине XII в. это связано в Смоленске с правлением Ростислава, в Суздале — с правлением Юрия Долгорукого, во Владимире-Волынском — Мстислава Изяславича. По просьбе князя Андрея прислал во Владимир строителей император Фридрих. Учитывая указанные сведения, можно уверенно сделать вывод, что монументальное строительство на Руси в эту пору было связано в первую очередь с княжескими заказами и отвечало не столько экономическому значению города, сколько престижу правившей в данном городе княжеской династии. Лишь в Переяславле начало строительства летописец объяснял деятельностью не князя, а епископа. Вероятно, в этом случае епископ Ефрем смог пригласить в Переяславль византийскую строительную артель, пользуясь своими личными связями, поскольку сам он лишь незадолго до этого приехал из Греции. Но и здесь уже через несколько лет строители оказались в распоряжении князя и возвели для Владимира Мономаха церковь на его княжеском дворе.

Единственным исключением является Новгород. В первой половине XII в. основным заказчиком здесь был также князь. И хотя реальная его власть в Новгороде все время сокращалась, интенсивность строительства и величие возводимых сооружений нисколько не уменьшались. Из этого парадоксального явления исследователи сделали справедливый вывод: «Быть может, именно ускользание действительного авторитета явилось одной из причин интенсивного княжеского строительства первой трети XII века»²⁹. В 40-е гг. XII в., после изгнания из Новгорода князя Всеволода, новгородские строители целиком перешли в распоряжение архиепископа Нифонта, а с 60-х гг. заказчиками выступают уже как церковные иерархи, так и светские лица — новгородские бояре. Не исключена возможность, что подобная картина имела место и в Галиче, где во второй половине XII в. строительство небольших центральных храмов романского типа, возможно, велось по заказам крупных галицких бояр. К сожалению, отсутствие письменных свидетельств не позволяет проверить такое предположение.

Итак, во всех русских землях, за исключением Новгорода и, возможно, Галича, заказчиками строительства каменно-кирпичных зданий были почти исключительно князья. При этом, заказывая постройку церкви, князья во многих случаях посвящали ее своему патрону, как писал летописец, «в свое имя».

О тесной связи деятельности строительных артелей с князьями свидетельствуют и факты перехода строителей из одной земли в другую, всегда совпадающие с династическими союзными отношениями или переездом самих князей. Так, переезд галицких строителей в Суздаль оказался возможным благодаря скрепленному династическим браком военному союзу Юрия Долгорукого с галицким князем Владимиром. Черниговские мастера начали работать в Киеве после того, как киевский стол занял черниговский князь Всеволод Ольгович. Тогда же киевские строители заложили основы полоцкой строительной артели, поскольку Всеволод Ольгович, в отличие от враждебных полоцким князьям Мономахичей, вошел в союз с полоцким князем Васильком. Князь Мстислав, оставив Переяславль и возвратившись к себе на Волынь, забрал с собою всю переяславльскую строительную артель³⁰. В 70–80-е гг. XII в. киевские строители одновременно возводили храмы в Чернигове, так как киевским князем был в это время черниговский князь Святослав Всеволодич.

О том, что строители иногда бывали подчинены епископии, говорит сообщение летописи о перестройке в 1194 г. владимирского Успенского собора: князь пользовался мастерами «от клевет святое Богородици». Наличие в Смоленске в конце XII – начале XIII в. параллельно работавших двух строительных артелей, возможно, говорит о том, что одна из них была не княжеской, а епископской. В «Житии» Евфросиньи полоцкой отмечено, что, обращаясь к мастеру Иоанну, строившему для нее Спасскую церковь, княгиня называет его «отче»; видимо, он был монахом, но это еще не доказывает, что вся полоцкая строительная артель была монастырской. Следует отметить, что сведения о строителях, подчиненных епископу (даже если учесть все косвенные и предположительные данные), буквально теряются на фоне многочисленных и несомненных сведений о принадлежности строительных артелей князю. По-видимому, древнерусские строительные артели, как правило, находились в прямой зависимости от княжеской власти.

Несомненно, что в Древней Руси хорошо понимали, каким мощным средством укрепления феодальной власти является монументальное строительство. Усиленную строительную деятельность какого-либо князя летописец обычно отмечает как одно из достижений его правления, впрочем, подавая это как результат искренней набожности данного князя. Например, о князе Рюрике Ростиславиче сказано, что он имел «хотение же... ко всем церквам и любовь несытну о зданых» (вариант: «о зданьи их»³¹). А при строительстве Георгиевского собора в Юрьеве-Польском летописец написал, что князь Святослав «сам бе мастер»³²). Конечно, это явное преувеличение. В действительности князь не руководил строительством, но, вероятно, в данном случае его роль все же не ограничивалась простым заказом, и возможно, что тип сооружения или система его декоративного убранства действительно были сделаны по прямому указанию князя.

Замечательно, что освобождение строителей от княжеской опеки и переход их на боярские заказы, что имело место в Новгороде во второй половине XII в., сразу

заставило строителей резко упростить декоративные формы и технику зданий, чтобы сократить сроки их возведения, а очевидно и стоимость строительства³³.

О тесной связи монументального строительства с княжескими заказами и, видимо, о прямой феодальной зависимости строительных артелей от князя свидетельствуют княжеские знаки, обнаруживаемые на кирпичах и камнях. Конечно, не все указанные знаки в виде двузубца или трезубца являются подлинными княжескими; некоторые лишь внешне похожи на них³⁴. Однако во многих случаях на камнях и кирпичах имеются знаки, не вызывающие сомнения в том, что это родовые знаки определенных князей. Так, на камнях Золотых ворот во Владимире и кивория в Боголюбове вырезаны знаки, принадлежащие Андрею Боголюбскому и, быть может, его брату Ростиславу³⁵.

Особенно показательны знаки, встречающиеся на постелистой стороне кирпичей. Известно, что в Византии на постелистой стороне кирпичей иногда ставили знак с именем или монограммой заказчика. Очевидно, эта традиция перешла и на Русь. На кирпичах Десятинной церкви имеется родовой знак князя Владимира Святославича (рис. 2, 1)³⁶. Встречаются княжеские знаки и на кирпичах Борисоглебского собора Смядынского монастыря (рис. 2, 2) и во Владимире-Волынском на кирпичах Успенского собора (рис. 2, 3). Из письменных источников нам известны заказчики этих храмов, и поэтому смоленский знак, видимо, относится к князю Ростиславу Мстиславичу, а волынский — к князю Мстиславу Изяславичу. Менее ясно, каким князьям отвечают знаки на кирпичах церкви на рву в Полоцке (рис. 2, 4–5), церкви Благовещения в Витебске (рис. 2, 6) и церкви Дмитрия Солунского в Пскове (рис. 2, 7)³⁷. Знаки встречаются, как правило, на

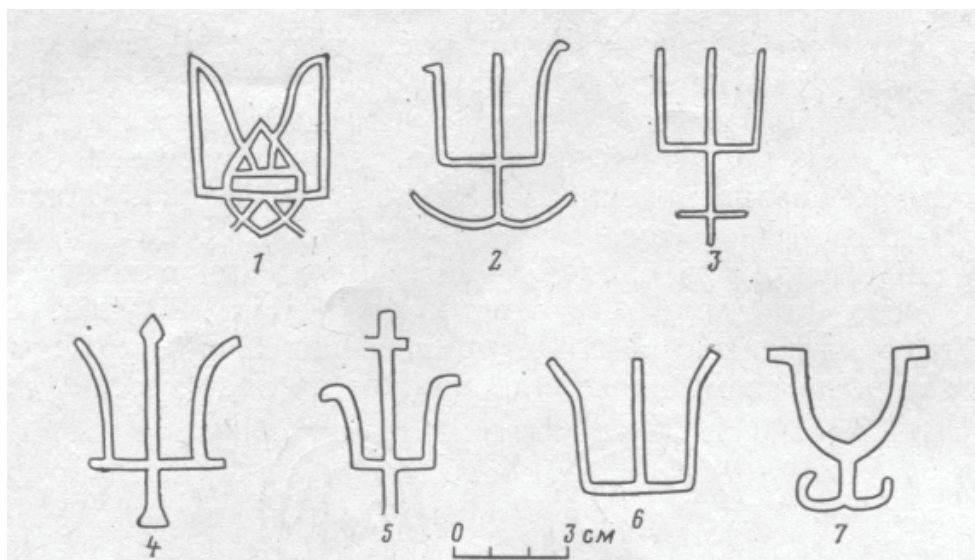

Рис. 2. Знаки на постелистой стороне кирпичей: 1 — Киев, Десятинная церковь; 2 — Смоленск, Борисоглебский собор Смядынского монастыря; 3 — Владимир-Волынский, Успенский собор; 4, 5 — Полоцк, церковь на рву; 6 — Витебск, церковь Благовещения; 7 — церковь Дмитрия Солунского

каждом памятнике лишь одного рисунка, хотя в полоцкой церкви на рву обнаружены два не вполне идентичных знака. Кроме княжеского знака на постелистой стороне кирпичей того же храма обычно встречаются и другие знаки. Общее количество известных знаков на постелистой стороне кирпичей крайне невелико, что отчасти связано с трудностью их обнаружения, поскольку в кладке такие знаки выявить нельзя, а увидеть их можно только на отдельных кирпичах, главным образом в процессе раскопок.

Совершенно иной характер имеют знаки на торцах кирпичей: это не знаки заказчиков, а производственные знаки мастеров, отмечающие партии сырцов, предназначенных к обжигу³⁸. Однако и среди них встречаются такие, которые совпадают по рисунку с княжескими. Обычно подобных знаков бывает очень немного (по одному знаку в памятнике), хотя иногда в нескольких вариантах рисунка. Эти знаки действительно княжеские, а не случайно совпадающие с ними, поскольку такие знаки по схеме идентичны знакам на постелистой стороне кирпичей того же памятника, что хорошо видно по знакам на кирпичах церкви на рву в Полоцке. Княжеские знаки на торцах кирпичей встречаются кроме Полоцка в Смоленске, Гродно, Чернигове (рис. 3). Возможно, о заказчике здания свидетельствуют и некоторые клейма на кирпичах Спасского собора в Новгороде-Северском (начало XIII в.), также напоминающие княжеские знаки (рис. 4).

Широкое применение родовых знаков князей-заказчиков говорит в пользу предположения о феодальной зависимости строителей от княжеской власти. Во всяком случае тесная связь строительных артелей с княжескими дворами представляется несомненной. В свободных городских ремесленников строители

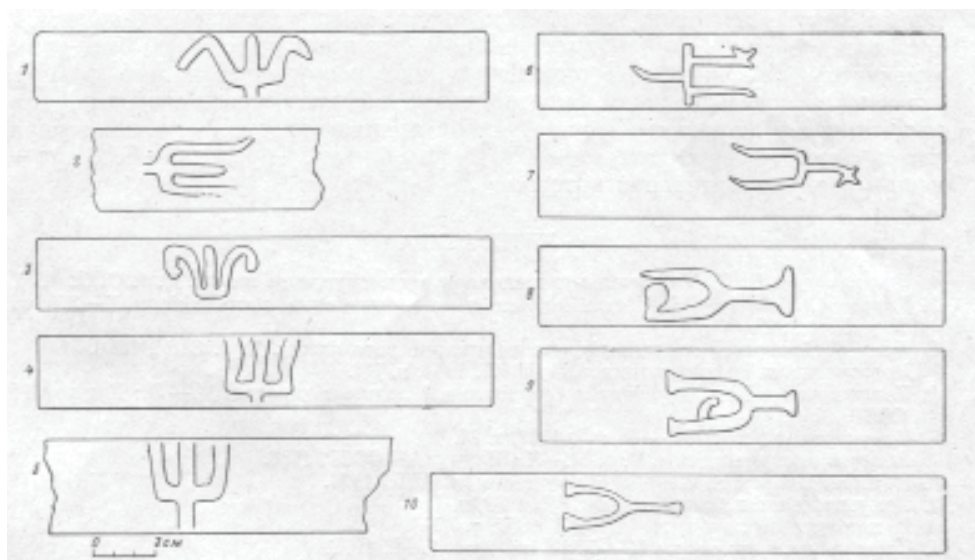

Рис. 3. Знаки на торцах кирпичей: 1, 2 — Полоцк, церковь на рву; 3, 4 — Полоцк, церковь в детинце; 5 — Смоленск, Борисоглебский собор Смядынского монастыря; 6 — Гродно, Коложская церковь; 7 — Гродно, терем; 8 — Смоленск, Васильевская церковь; 9 — Смоленск, собор Троицкого монастыря на Кловке; 10 — Смоленск, собор на Протоке

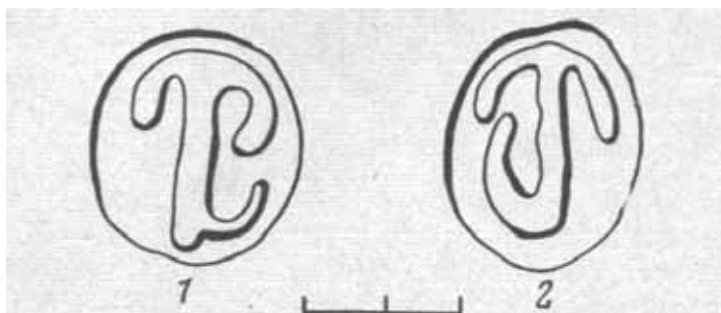

Рис. 4. Клейма на кирпичях Спаского собора в Новгороде-Северском

переросли лишь в Новгороде со второй половины XII в. Но ни подчинение воле заказчика, ни даже феодальная зависимость строителей от заказчика не могли быть решающими обстоятельствами, повлиявшими на развитие архитектуры. Объективные исторические факторы, определявшие развитие зодчества, преломлялись не только через идеологию князей-заказчиков: в еще большей степени они преломлялись через сознание, опыт и традиции мастеров. Как уже отмечалось, заказчик мог определить тип сооружения и его размер, указать образец (впрочем, повторяемый обычно очень свободно), но стилистический характер здания, набор архитектурных форм, не говоря уже о строительных материалах и конструкциях, определяли мастера — зодчий и его строительная артель.

¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. — СПб., 1893. — С. 729; Порпе А. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w. — Wrocław, 1962. — С. 19.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. — СПб., 1880. — С. 511.

³ Новгородская Третья летопись // ПСРЛ. — 1841. Т. III. — С. 214.

⁴ Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. — М; Л., 1950. — С. 235.

⁵ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. II. — С. 711.

⁶ Повесть временных лет. Ч. 1. — М; Л., 1950. — С. 83.

⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 5.

⁸ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. I. — С. 351.

⁹ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. II. — С. 843.

¹⁰ Воскресенская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. I. — С. 164.

¹¹ Словарь русского языка XI–VII вв. Вып. 5. — М., 1978. — С. 361.

¹² Никоновская летопись // ПСРЛ. — 1862. Т. IX. — С. 64.

¹³ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. II. — С. 844.

¹⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. — СПб., 1912. — С. 1413.

¹⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. — СПб., 1893. — С. 31.

¹⁶ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. II. — С. 711.

¹⁷ «Житие» Евфросиньи Полоцкой // Памятники старинной русской литературы. — 1862. Вып. IV — С. 175.

¹⁸ Раппопорт П.А. Зодчие и строители древнего Смоленска // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 406.

- ¹⁹ Чернышев М.Б. О производительности труда каменщиков в древней Руси // Культура Древней Руси. — М., 1966. — С. 289.
- ²⁰ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. — М., 1961. — С. 325.
- ²¹ Roppe A. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w. — Wrocław, 1962. — С. 51.
- ²² Раппопорт П.А. Знаки на плинфе // КСИА. — 1977. Вып. 150. — С. 32.
- ²³ Раппопорт П.А. Зодчие и строители древнего Смоленска // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 404.
- ²⁴ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979. — С. 385.
- ²⁵ Иоаннисян О.М. О раннем этапе развития галицкого зодчества // КСИА. — 1981. Вып. 164. — С. 40.
- ²⁶ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979. — С. 399.
- ²⁷ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979— С. 353.
- ²⁸ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников // САИ. — 1982. Вып. Е1-47.
- ²⁹ Комеч А. Архитектура Новгорода XII столетия // Actes du XV-e Congres International d'Etudes Byzantines. Т. II. — Athenes. 1981. — С. 290.
- ³⁰ Раппопорт П.А. Роль памятников архитектуры в изучении истории древнерусских городов // Gasellschaft und Kultur Russlands im Friihen Mittelalter. — Halle. 1981. — С. 200.
- ³¹ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. II. — С. 710.
- ³² Тверская летопись // ПСРЛ. — 1863. Т. XV. — С. 355.
- ³³ Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. — 1982. № 3. — С. 45.
- ³⁴ Беляев Л.А. Из истории древнерусского строительного ремесла // Проблемы истории СССР. — М., 1973. — С. 449.
- ³⁵ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. — М., 1961. — С. 258 и 325.
- ³⁶ Каргер М.К. Древний Киев. Т. I. — М; Л., 1958. — С. 455.
- ³⁷ Белецкий В.Д. Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. — 1971. № 2. — С. 272.
- ³⁸ Раппопорт П.А. Знаки на плинфе // КСИА. — 1977. Вып. 150. — С. 32.

О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв.*

Процесс феодального дробления страны, бурно протекавший на Руси в XII в., отразился во всех областях русской культуры. В зодчестве он сказался в сложении архитектурных школ, существенно отличавшихся друг от друга. Развитие русской архитектуры в XII–XIII вв. происходило уже не единым потоком, а несколькими самостоятельными струями. Различия между памятниками зодчества отдельных районов Руси настолько ясны, что на первый взгляд начинает казаться, будто связи между архитектурными школами полностью порвались. Однако так может показаться лишь при поверхностном рассмотрении. Изучение памятников приводит к выводу, что, несмотря на разительные различия в строительной технике и декоративных деталях, архитектурные школы Древней Руси сохраняют много общих черт и прежде всего композиционную и конструктивную схему, т. е. самые основные и определяющие особенности. Таким образом, разделение русского зодчества на локальные группы привело не к созданию вполне независимых архитектур, а лишь к сложению архитектурных школ, обладавших значительной самостоятельностью, но представлявших собой все же лишь части объединявшего их более общего явления — русской архитектуры.

Сохранение общих закономерностей развития русских архитектурных школ объясняется как общностью их происхождения из архитектуры Киевской Руси, так и общностью социального развития русских земель и культурными связями между ними. Имела значение также и тенденция к усилению в зодчестве декоративных элементов, отвечающая внутренним закономерностям развития архитектуры¹. Кроме того очень большую роль играли и связи между строительными артелями и зодчими различных районов Руси, причем эти связи особенно усилились к концу XII в.

Развитие русской архитектуры в конце XII – первой трети XIII в. отличается яркостью, многообразием форм и в то же время противоречивостью. С одной стороны, в это время продолжается и даже усиливается процесс дифференциации зодчества. Так, в конце XII в. отделяется от киевского и превращается в самостоятельную школу зодчество Смоленска, появляется новая архитектурная школа в Гродно. Но вместе с тем именно в это время появляются и признаки некоторых

* Сборник радова: Студеница и византијска уметност око 1200. године (Научни скупови Српске академје наука и уметности. Књ. X. Одељење ист. наука. Књ. II). — Београд, 1988.

объединительных тенденций, связанных с усилением связей между архитектурой различных районов.

Связи эти очень редко зафиксированы письменными источниками, и поэтому судить о них приходится главным образом по сходству архитектурных форм. В сравнительно недавнее время благодаря развитию исследований строительно-технической стороны зодчества появилась возможность судить об архитектурных связях и по техническим характеристикам памятников. Детальное изучение строительной техники и строительного производства Древней Руси выявило специфическую, артельную организацию этого производства². Оказалось возможным определять почерк различных строительных артелей и даже почерк их отдельных компонентов — каменщиков, плинфотворителей, а порой и почерк отдельных зодчих. Это, в свою очередь, позволило рассматривать архитектурные связи различных районов Руси с гораздо большей полнотой и детальностью.

Оказалось, что строительные артели XII–XIII вв. были теснейшим образом связаны с определенными княжескими дворами. За исключением новгородской артели, которая примерно с середины XII в. превратилась в организацию свободных городских ремесленников, работавших по заказам бояр и местных церковных властей, все остальные артели вплоть до монгольского вторжения выполняли княжеские заказы и лишь изредка епископские. Выяснилось, что строительные артели были довольно подвижны и часто переезжали из одного княжества в другое, причем каждое их передвижение происходило по воле князя, т. е. было связано с переездом самих князей, с военно-союзническими отношениями, а еще чаще с династическими браками.

Переезды строительных артелей особенно участились в конце XII — начале XIII в. Так, несколько раз выезжали в другие земли мастера из Смоленска, где в конце XII в. существовали и параллельно работали две строительные артели³. Одна из этих артелей была настолько мощной, что могла, не прерывая строительства в Смоленске, высылать группы мастеров, способные вести самостоятельное строительство. В Рязанском княжестве, не имевшем собственных мастеров-строителей, смоленскими мастерами были возведены два памятника — Спасская церковь в стольном городе и маленькая церковь в Новом Ольговом городке, вероятно, резиденции рязанских князей⁴. Смоленскими же мастерами было начато строительство Пятницкой церкви в Новгороде (строительство закончено в 1207 г.). Впрочем, здесь смоленские мастера проработали всего один сезон, после чего возведение храма продолжили местные новгородские строители, хотя, вероятно, под руководством смоленского зодчего⁵. Как в Рязани, так и в Новгороде работа смоленских мастеров определяется не только по архитектурным формам, но и по строительной технике. Сложнее обстоит дело с Троицким собором во Пскове, который не сохранился до наших дней и известен только по рисунку XVII в. Изображенные на этом рисунке архитектурные формы не оставляют сомнений в том, что памятник относится к смоленской архитектурной школе. Видимо, собор был построен смоленскими мастерами в конце XII в.⁶

Другой случай переезда группы мастеров, на этот раз киевских, обнаруживается на Волыни. В 1174 г. волынский князь Ярослав Изяславич вновь стал киевским князем, но пробыв в Киеве менее года, добровольно оставил Киев и возвратился в свой стольный город Луцк. Очевидно, он забрал с собой киевскую строительную

артель и ее силами построил в луцком замке церковь Иоанна Богослова⁷. Видимо, киевская артель была при этом разделена на две части, поскольку оставшаяся в Киеве часть мастеров перешла в распоряжение черниговского князя Святослава, ставшего вскоре киевским князем, и продолжала вести строительство в Киеве и Чернигове. Та же часть артели, которая попала на Волынь, после окончания церкви в Луцке перешла в Туров. Очевидно, князь Ярослав передал мастеров своему свату — туровскому князю Юрию. В Турове была построена церковь, после чего Юрий передал строителей брату своей жены — городенскому князю. Таким образом, примерно к 1180 г. эта киевская строительная артель оказалась в Гродно.

В конце XII в. можно отметить приезд какой-то новой артели в Северо-Восточную Русь. Здесь в первой трети XIII в. наряду со сложившейся традицией белокаменного строительства явно прослеживается вторая, параллельная линия, отражающая деятельность другой строительной артели, работавшей в плинфяной технике⁸. Первой постройкой, созданной этой артелью, обычно считается собор Княгинина монастыря во Владимире, заложенный в 1200 г. Однако, вероятно, плинфяное строительство началось во Владимире несколько раньше, поскольку плинфы были найдены при раскопках с южной стороны Дмитриевского собора, где должен был находиться комплекс княжеского дворца, построенный одновременно с Дмитриевским собором, т. е. в середине 90-х гг. XII в. Кроме того, по всей видимости, плинфяными были и лестничные башни собора Рождественского монастыря во Владимире⁹. Откуда же прибыла во Владимир строительная артель, принесшая с собой плинфяную технику? Это могли быть либо смоленские, либо киевские мастера. Пока плинфяные памятники Северо-Восточной Руси не подвергались серьезным исследованиям, более вероятным казалось, что строители прибыли из Смоленска, но раскопки Спасского собора в Ярославле показали, что технические приемы здесь совпадают не со смоленской техникой строительства, а с киевской¹⁰. Очевидно, что здесь работали киевские мастера. Такой вывод к тому же хорошо согласуется с политическими событиями: в 1194 г. умер киевский князь Святослав и полновластным владельцем Киева стал его младший соправитель Рюрик Ростиславич. Летописец отметил, что Рюрик был посажен на киевский стол при активной поддержке владимирского князя Всеволода. Видимо, в этих условиях, получив в свое распоряжение киевскую строительную артель, князь Рюрик и передал часть этой артели Всеволоду.

Следует отметить, что разделение строительной артели, при котором одна часть остается работать на старом месте, а вторая переходит в другое княжество, было возможно лишь в том случае, если артель была достаточно мощной и многочисленной. Судя по известным нам фактам, такое разделение строительной артели имело место только в Киеве и Смоленске, т. е. в крупнейших строительных центрах. При этом из Смоленска иногда посылали не только группу строителей, т. е. как бы небольшую самостоятельную артель, но и одного зодчего. Так, раскопанная в Киеве на Вознесенском спуске маленькая церковь несомненно выстроена местными, киевскими, мастерами, но под руководством смоленского зодчего¹¹.

Известен случай, когда в Смоленск перешел работать полоцкий зодчий, построивший здесь в конце 80-х гг. XII в. церковь Архангела Михаила. Однако в этом случае приезд зодчего был связан с развалом полоцкой строительной артели и полным прекращением строительства в этом княжестве¹². Следы

деятельности полоцких строителей после этого обнаруживаются в самых разных местах: полоцкий зодчий работает в Смоленске, полоцкие каменщики ведут кладку Петропавловской церкви на Синичьей горе в Новгороде, а полоцкие плинфотворители участвуют в создании архитектурной школы г. Гродно.

Все эти факты, свидетельствующие об интенсивных связях между строителями различных русских земель в конце XII – начале XIII в., удается выявить на основании изучения строительно-технической стороны памятников зодчества и сопоставления этих данных с политическими событиями тех лет. Полученные таким образом выводы не вызывают сомнений в их достоверности. Существуют, однако, и менее определенные сведения, позволяющие предполагать, что далеко не все связи между строителями нам в настоящее время известны. Так, остается во многом неясным, с чем связан перелом в киевском зодчестве на рубеже 80-х и 90-х гг. XII в. Строительство в Киеве и Чернигове велось непрерывно до 1186 г., когда по распоряжению киевского князя Святослава была построена большая и роскошная Благовещенская церковь в Чернигове. Затем наступил период, когда строительство, по-видимому, полностью прекратилось. Перерыв продолжался вплоть до смерти князя Святослава в 1194 г. А уже в 1197 г. летопись отмечает освящение церкви Апостолов в Белгороде, построенной по заказу князя Рюрика Ростиславича. Учитывая, что возведение храма средней величины занимало около трех лет, можно сделать вывод, что закладка церкви Апостолов была произведена в 1194 г. Очевидно, сразу же после смерти Святослава князь Рюрик получил в свое распоряжение киевскую строительную артель и начал строительство в своем стольном городе — Белгороде. Одновременно по его распоряжению возводят и небольшую церковь Василия в Киеве «на Новом дворе». Видимо, вскоре после церкви Апостолов была возведена церковь Василия в Овруче, а в 1199 г. зодчий князя Рюрика Петр-Милонег построил стену у Выдубицкого монастыря. После этого вновь наступает перерыв в строительстве, возможно, связанный с личной судьбой заказчика: Рюрик был насильно пострижен в монахи (1204 г.), сбросил рясу и вновь стал киевским князем (1206 г.), боролся с соперниками и в 1210 или 1211 г. оказался в Чернигове, где вскоре и умер. Сохранившаяся церковь Пятницы в Чернигове, несомненно, построена теми же мастерами и тем же зодчим, которые строили церковь Василия в Овруче.

Таким образом, очевидно, что, став в 1194 г. киевским князем, Рюрик Ростиславич получил в свое распоряжение достаточно крупную строительную артель, с помощью которой он смог начать интенсивное строительство в Киеве и Киевской земле и в то же время отдать часть этой артели владимирскому князю Всеволоду. Кто же были те зодчие, которые работали для князя Рюрика? Наиболее вероятно, что церкви Апостолов, Василия в Овруче и Пятницы в Чернигове (рис. 1), которые были созданы, судя по архитектурным формам, одним мастером, являются творениями Петра-Милонегга, названного в летописи «в приятелех» у князя Рюрика¹³. Церковь Василия «на Новом дворе», которую обычно отождествляют с раскопанными руинами в Киеве на Вознесенском спуске, судя по структуре плана, создана смоленским зодчим. Наконец, какого-то зодчего Рюрик должен был отправить вместе с мастерами в Северо-Восточную Русь. Среди этих зодчих явно выделяется фигура Петра-Милонегга, которого летописец настолько превозносил, что сравнил с библейским зодчим Веселиилом. Почерк возведенных этим

Рис. 1. Пятницкая церковь в Чернигове

зодчим построек резко отличается от построек князя Святослава и даже от последней по времени — Благовещенской церкви в Чернигове. В какой же среде вырос этот зодчий?

В свое время Н.Н. Воронин обратил внимание на то, что «Милонег или иной зодчий князя Рюрика Ростиславича знал гродненские постройки и подражал их приемам»¹⁴. Далее он отметил, что «в черниговской церкви Пятницы повторен редкий в древнерусском зодчестве и характерный для Гродно прием «среза» угла четверика под 45° ». Очень вероятно, что в белгородской церкви Апостолов в стены, подобно гродненским храмам, были вложены поливные плитки¹⁵. В церкви Василия в Овруче связь с архитектурой Гродно проступает еще отчетливее: это единственный в Киевской земле памятник, в котором использован прием украшения стен вставкой крупных шлифованных камней. И наконец, как теперь выяснилось, стена у Выдубицкого монастыря в какой-то мере повторяет стену на мысу гродненского детинца. Не из Гродно ли приехал к князю Рюрику зодчий Петр-Милонег? А может быть, в Киев вообще перебазировалась гродненская строительная артель?

Строительство в Гродно началось около 1180 г., после чего было построено очень немного зданий: три храма, маленький терем, стена на мысу детинца и

начато (но не осуществлено) возведение церкви в Волковыске¹⁶. На строительство всех этих построек было достаточно примерно 11–13 лет. Следовательно, к 1194 г. эти мастера уже вполне могли быть в Киеве. Конечно, постройки Петра-Милонегга очень существенно отличаются от гродненских, но в Коложской церкви заложено уже многое, осуществленное позднее в Киеве. Так, если на профиль пилястр Коложской церкви наложить тонкие полуколонки, то профиль совпадет с профилем пилястр овручской церкви. А появление тонких полуколонок — естественный процесс развития русского зодчества в конце XII в. Ведь то же произошло и в Смоленске, где прибывший из Полоцка зодчий повторил в церкви Архангела Михаила всю схему плана полоцкой церкви на детинце, но дополнительно ввел на пилястрах тонкие полуколонки¹⁷.

Таким образом, очень возможно, что перелом в киевском зодчестве в конце XII в. также связан с приездом зодчего из другой русской земли или даже перебазированием целой группы мастеров.

Очень характерной чертой строительства конца XII в. является отсутствие каких-либо данных о появлении на Руси иноземных мастеров. Если для XI и даже первой половины XII в. приезд строителей из-за границы — явление нередкое, то со второй половины XII в. подобных случаев больше не отмечено. Исключением является Галич, где тесные связи с западными соседями в области зодчества продолжались как в XII, так и в XIII вв.

Так рисуется сейчас картина взаимосвязей русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. Оказалось, что четко дифференцированные школы зодчества Древней Руси эпохи феодальной раздробленности были достаточно тесно связаны между собой, а их пути развития неоднократно пересекались. Очень важно то обстоятельство, что наиболее тесные контакты между различными архитектурными школами падают на конец XII — начало XIII вв. Именно в это время во всем древнерусском зодчестве идет процесс поисков новых форм, ярко проявляется тенденция возникновения национального своеобразия русской архитектуры¹⁸. Несмотря на то что в каждой школе этот процесс протекал по-иному, в его основе лежала единая идея создания динамичной, строго центрической композиции храма с башнеобразно поднятым верхом. Наиболее яркое воплощение эта идея нашла в смоленском и киево-черниговском зодчестве, однако в каждой из школ она выразилась в совершенно самостоятельных формах и конструкциях.

В смоленском зодчестве первым памятником нового направления стала церковь Архангела Михаила, построенная в конце 80-х гг. XII в. (рис. 2). Однако, как мы уже видели, ее появление связано с приходом в Смоленск полоцкого зодчего. Исследователи уже отмечали, что первыми к созданию композиции нового типа подошли полоцкие мастера¹⁹. В Полоцке эта композиция была последовательно воплощена в таких памятниках, как Большой собор Бельчицкого монастыря (40-е гг. XII в.), Спасский собор Евфросиньева монастыря (середина XII в.) и храм в детинце (70-е гг. XII в.)²⁰. Церковь Архангела Михаила в Смоленске почти полностью повторяет композицию церкви в полоцком детинце, отличаясь от нее лишь незначительными деталями. Но как раз именно эти детали (усложнение профиля наружных пилястр и исчезновение стенок, отделявших притворы от основного помещения) свидетельствуют не просто о перенесении в Смоленск

Рис. 2. Церковь Архангела Михаила в Смоленске. Реконструкция

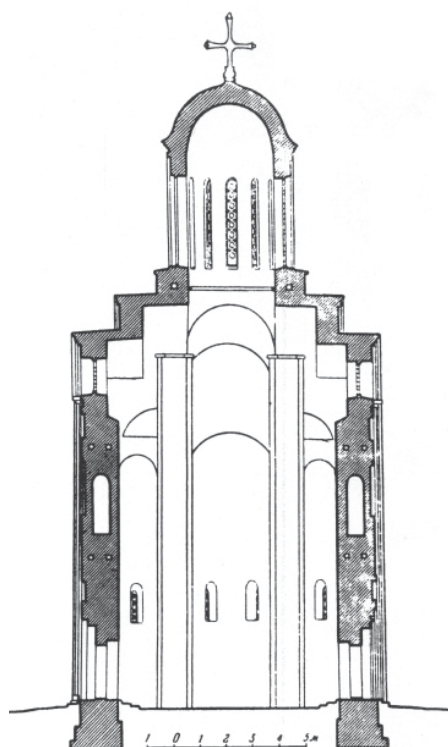

Рис. 3. Пятницкая церковь в Чернигове. Разрез

полоцкой архитектурной традиции, а о ее дальнейшем развитии и переосмыслении уже в рамках смоленской школы. Действительно, введение дополнительных полуколонн на пилястрах увеличивало количество вертикалей на фасаде здания, что придавало его башнеобразной композиции еще большую вертикальную устремленность. Отсутствие же стенок, отделявших притвор от основного помещения храма, создавало единое пространство интерьера и устраняло замкнутость объемов, свойственную предыдущему периоду развития зодчества, когда каждый из компонентов, составлявших единый архитектурный комплекс, представлял собой полностью завершенный объем, как бы пристроенный к другому.

Таким образом, сложившаяся в зодчестве Полоцка художественная идея храма с башнеобразной композицией, благодаря приходу в Смоленск полоцкого зодчего, не только привилась в зодчестве Смоленска, но и получила там дальнейшее развитие в целом ряде памятников²¹. Но идея создания башнеобразной композиции храма возникла в русском зодчестве еще раньше, в Киеве на рубеже XI и XII вв. Уже в церкви Спаса на Берестове получила развитие сложная динамическая композиция масс, подчеркнутая, по-видимому, трехлопастным завершением фасадов²². После перехода киевской артели в Полоцк эта линия развития зодчества не прерывалась и получила свое продолжение в архитектуре Полоцка, а окончательное оформление — в Смоленске.

В свою очередь, работа смоленских мастеров в начале XIII в. в Новгороде привела к тому, что новая композиционная идея проникла даже в такую, отличающуюся крайним консерватизмом школу, как новгородская: возведение в Новгороде Пятницкой церкви — типичного памятника смоленской школы — оказало определенное влияние на развитие новгородского зодчества. Правда, новгородские мастера заимствовали лишь некоторые типологические особенности этой церкви (трехлопастное завершение фасадов, одноапсидность) и, переработав их в своем, новгородском, духе, создали совершенно новый тип храма — церковь Перынского скита, ставшую основой развития новгородского зодчества в более позднее время — в XIV–XV вв.

Процесс поисков новой динамичной композиции протекал в это время и в Киеве, хотя здесь он отразился в совершенно иных формах. Для того чтобы создать башнеобразную композицию храма, мастера киевской строительной артели, возглавляемой Петром-Милонегом, пошли на радикальные изменения самой конструкции завершающих частей здания, создав систему ступенчато-повышающихся арок (рис. 3). Арки эти высоко поднимали барабан с куполом над основным объемом храма. Декоративнее и пластичнее стала и разработка фасадов. Несмотря на то что окончательное сложение этого направления произошло в Киевской земле в самом конце XII в., многое в решении отдельных деталей было заложено в архитектуре Гродно. В свою очередь, начало многих, характерных для гродненской школы особенностей, было заложено уже в луцком храме, построенном киевскими мастерами²³. Таким образом, и здесь мы видим, как взаимосвязи между школами привели к тому, что идеи нового решения облика храма, зародившись в недрах традиционных форм киевского зодчества и едва наметившись в Луцке, получили дальнейшее развитие в гродненской школе и наконец оформились в совершенно новую объемно-пространственную композицию в зодчестве Киевской земли.

В конце XII в. часть киевских строителей, как мы видели, была послана во Владимиро-Суздальскую землю. С их приходом в процесс разработки новых форм включается и зодчество Северо-Восточной Руси. При исследовании Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире²⁴, Спасского собора в Ярославле²⁵ и примыкающей к нему церкви Входа в Иерусалим²⁶ были найдены лекальные плинфы, служившие для выкладки сложнопрофилированных пилястр, подобных пилястрам киево-черниговских памятников. Это свидетельствует о том, что и перечисленные постройки должны были иметь вертикально-устремленную композицию с подвышенными конструкциями завершающих частей. Вместе с тем постройки киевских мастеров в Северо-Восточной Руси нельзя рассматривать просто как памятники киевской школы на владимиросуздальской почве. Сложившийся в Киевской земле новый тип храма получил на северо-востоке характерную местную окраску: в памятниках Ярославля плинфяная кладка сочеталась с включенными в нее резными белокаменными деталями, а Входиерусалимская церковь имела еще и белокаменный цоколь. Очевидно, то новое, что было привнесено во владимиросуздальское зодчество киевскими мастерами, сочеталось здесь с традициями местной школы белокаменного строительства.

Следовательно, несмотря на то что развитие русского зодчества в XII–XIII вв. протекало в русле самостоятельных архитектурных школ, между этими школами

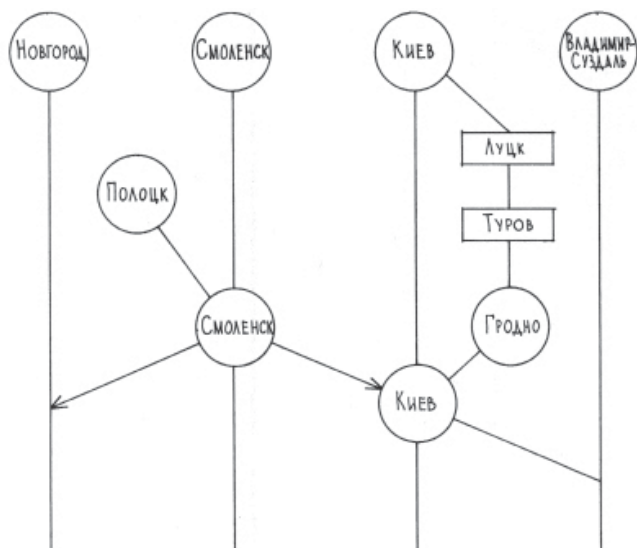

Рис. 4. Схема взаимосвязей русских архитектурных школ рубежа XII и XIII вв.

существовали достаточно тесные связи, ставшие особенно активными в конце XII – первой трети XIII в. (рис. 4). Иногда система связей между школами образовывала довольно сложные переплетения, а иногда архитектурная идея, наметившаяся в одной школе, получала дальнейшее развитие в другой. Бывали случаи, когда такая художественная идея вновь возвращалась в тот центр, в котором получила первоначальное развитие, но уже в ином, трансформированном виде. Так, благодаря взаимосвязям между отдельными школами поддерживалось единство древнерусского зодчества в условиях феодальной раздробленности и существования ярко выраженных самостоятельных вариантов. Активизация и широкая сеть связей между школами на рубеже XII и XIII вв. привела к тому, что в это время все древнерусское зодчество оказалось вовлеченным в единый процесс выработки новых национальных форм зодчества при сохранении местных региональных особенностей.

¹ Раппопорт П.А. О некоторых теоретических вопросах истории архитектуры // Проблемы синтеза искусства и архитектуры. Вып. 19. – Л., 1985. – С. 10.

² Раппопорт П.А. Строительные артели Древней Руси и их заказчики // СА. – 1985. № 4. – С. 80.

³ Раппопорт П.А. Строители и зодчие древнего Смоленска // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 403.

⁴ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Смоленское зодчество XII–XIII вв. – Л., 1979. – С. 353, 358.

⁵ Штендер Г.М. Архитектура домонгольского периода // Новгород. К 1100-летию города. – М., 1964. – С. 211; *Он же*. Восстановление Нередицы // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. – Новгород, 1961. – С. 196.

- ⁶ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленское зодчество... — С. 365–371.
- ⁷ *Малевская М.В.* Архитектурно-археологические исследования в Луцком замке // Археологические открытия 1984 года. — М., 1986. — С. 268.
- ⁸ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. — М., 1961. — С. 119.
- ⁹ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. — М., 1961. — С. 311.
- ¹⁰ *Иоаннисян О.М.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Дубов И. В. Города величием сияющие. — Л., 1985. — С. 171.
- ¹¹ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленское зодчество... — С. 363.
- ¹² *Раппопорт П.А.* Полоцкое зодчество XII века // СА. — 1980. № 3. — С. 160.
- ¹³ ПСРЛ. — М., 1962. Т. 2 (Ипатьевская летопись). — Стлб. 709–714.
- ¹⁴ *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно. — М., 1954. — С. 144.
- ¹⁵ *Полонская Н.Д.* Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909–1910 годов в мест. Белгородке // Труды московского предварительного комитета XV археологического съезда. Т. I. — М., 1911. — С. 59.
- ¹⁶ *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — Л., 1982. — С. 102–104.
- ¹⁷ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленское зодчество... — С. 391.
- ¹⁸ *Раппопорт П.А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 12–29.
- ¹⁹ *Воронин Н.Н.* У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. 1952. — М., 1952. — С. 260.
- ²⁰ *Раппопорт П.А.* Зодчество Древней Руси. — Л., 1986. — С. 112.
- ²¹ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленское зодчество... — С. 390–395.
- ²² *Штендер Г.М.* Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. — 1980. Л., 1981. — С. 534.
- ²³ Замечательно, что в самом Киеве в это время мастера не выходят в своем творчестве за рамки строго традиционных форм.
- ²⁴ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. — С. 445.
- ²⁵ *Иоаннисян О.М.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. — С. 159–161.
- ²⁶ Раскопки О.М. Иоаннисяна в 1986 г.

Архитектурные школы Древней Руси*

Широко развернувшиеся в последние десятилетия исследования памятников русского зодчества домонгольской эпохи позволили накопить обширный материал, позволяющий обрисовать с достаточной степенью полноты как общую картину монументального строительства на Руси X–XIII вв., так и охарактеризовать каждый из строительных центров этого периода¹. Выявление характерного почерка артелей дало возможность проследить ход строительства в том или ином центре практически на всем протяжении строительной деятельности от момента ее возникновения. Оказалось возможным установить и сложную систему связей между отдельными центрами. Однако несмотря на то что общая панорама древнерусского монументального строительства вырисовывается уже достаточно четко, а строительная деятельность в каждом из центров может быть охарактеризована достаточно подробно, общая картина архитектурно-художественного развития древнерусского зодчества остается гораздо менее исследованной. Одной из основных проблем, требующих решения в этом направлении, является вопрос о школах в древнерусской архитектуре.

Действительно, картина строительной деятельности в каком-либо центре совершенно не обязательно будет идентична архитектурной школе этого центра, а понятие «строительная артель» и «архитектурная школа» также не адекватны уже хотя бы в силу того, что за первым скрывается объективно существовавшая строительная организация, а второе, хотя и отражает реально существовавшие региональные различия в зодчестве эпохи феодальной раздробленности, является в достаточной степени субъективным и условным, относящимся к аппарату исследователя истории искусства. В отличие от артели того или иного центра, понятие «школа» отражает более общие представления о его художественном лице.

Широко употребляемый в искусствознании термин «школа» (особенно применительно к средневековому искусству, причем как к архитектуре, так и к живописи, и к прикладному искусству) довольно расплывчат². Нередко он исследуется чисто механически, не отражая при этом историко-художественного явления. Остановимся поэтому на некоторых наиболее общих моментах, связанных с данным понятием.

Как правило, термин «школа» употребляется для обозначения широкого круга памятников какого-либо центра или региона в определенных хронологических

* Неопубликованная рукопись, 1986 г.

границах. Встречается и другое использование этого термина для обозначения более узкого круга памятников, объединенных следованием традициям, заложенным в творчестве какого-либо конкретного мастера (например, школа Андрея Рублева, школа Дионисия и т. д.).

Если в этом случае понятие «школы» имеет достаточно определенное значение как круг если не прямых учеников, то, во всяком случае, последователей того или иного мастера, то в первом — оно в гораздо большей степени условно. Нередко, особенно в общих работах и курсах, та или иная группа памятников выделяется в школу на основе лишь ее принадлежности к определенному центру. При таком «территориальном» подходе школа рассматривается как чисто механическая сумма памятников, связанных с этим центром. Если же речь идет не об одном центре, а о целом регионе, то расплывчатость и неопределенность такого механистического деления по школам еще более возрастает. Особенно если этот регион включает в себя ряд конкретных центров, имеющих свое художественное лицо. В таком случае в «школу» объединяются целые самостоятельные группы памятников, каждая из которых имеет свои особенности. Именно против такого механистического выделения разнохарактерных групп памятников в «ростово-суздальскую школу живописи» выступал В.Н. Лазарев³. Термин «галицко-волинская школа» по отношению к зодчеству XII–XIII вв. также не отражает реальной художественной действительности этого времени, т. к. объединяет два совершенно разнородных и самостоятельных явления — зодчество Галича, основанное на применении романской строительной техники и системы декорации со следованием традиционным киевским образцам (что не исключало, однако, применения в Галиче и откровенно романских типов зданий), и зодчество Волыни, в строительном отношении связанное с переяславльской традицией, а в архитектурном — не выходящее за рамки киевской.

Очевидно, что характерная для эпохи средневековья (особенно периода феодальной раздробленности) известная политическая обособленность различных центров приводит к возникновению различий в их культуре. Это обстоятельство уже само по себе является одной из важнейших предпосылок возникновения региональных школ, однако далеко не единственной. Само понятие «школа» предполагает сохранение и развитие определенной традиции, которая объединяет произведения, связанные с каким-либо центром, в однородную по целому ряду признаков группу. Носителями этой традиции являются работающие в этом центре мастера. Таким образом, другим важнейшим условием существования школы, и притом определяющим, является наличие собственных кадров мастеров. Вместе с тем тут же встает вопрос и о заказчиках, т. к. известное единство этой традиции, при наличии не одной, а нескольких мастерских (в живописи) или артелей (в зодчестве), а также при условии того, что эта традиция может проследиваться на довольно длительном хронологическом отрезке, в течение которого меняется несколько поколений мастеров, может обеспечиваться устойчивыми требованиями заказа, сложившегося в том или ином центре.

Решая вопрос о существовании школы, историк древнерусского зодчества находится в лучшем положении, чем историк живописи, поскольку он имеет гораздо больше возможностей для выявления творческого почерка артелей, создающих данную школу. Это стало возможным как благодаря лучшей изученности

вопросов, связанных с зодчеством XII–XIII вв., так и по чисто объективным причинам — количество строительных артелей на Руси было значительно более ограниченным, чем количество иконописных мастерских⁴. Кроме того, в силу особенностей каждого из этих видов художественного творчества выявление характерных приемов и методов работы строительной артели выполнимо легче, чем выявление почерка иконописной мастерской, контуры которой (как нередко и всей живописной школы того или иного центра) по большей части остаются очень размытыми. Это объясняется также и тем, что произведения древнерусской живописи (особенно станковой) дошли до нас далеко не в полном объеме, что не только затрудняет, а по большей части делает и просто невозможной постановку вопроса о конкретных мастерских. Произведения же древнерусского зодчества, благодаря исследованиям последних десятилетий, известны уже в таком объеме, что это дает возможность проследить не только деятельность какой-либо строительной артели почти на всем протяжении ее существования, но и представить себе непрерывный процесс развития архитектурно-строительной традиции как в каком-либо определенном центре, так и в зодчестве всей Руси этого времени.

Используя эти преимущества, попытаемся рассмотреть вопрос об архитектурных школах Древней Руси и выявить те центры, в которых архитектурные школы существовали.

Итак, что же такое архитектурная школа? Под архитектурной школой, по-видимому, следует понимать определенное художественное явление, характеризующееся совокупностью ряда региональных особенностей и обладающее устойчивыми самостоятельными композиционными, декоративными и строительно-техническими приемами. Существование школы определяется наличием круга или группы стилистически однородных памятников зодчества. При этом данная группа, отличаясь рядом своеобразных особенностей, вместе с тем не является совершенно независимой, входя в состав какой-либо национальной архитектуры или стиля. Поэтому, например, зодчество Киевской Руси XI в. не может рассматриваться как школа, поскольку оно представляет собой единственную архитектуру Руси и не входит в более общее архитектурное единство. Точно так же в более позднее время русская архитектура XVI в. не является архитектурной школой, так как представляет собой целую национальную архитектуру, т. е. явление более крупное, чем школа. Вместе с тем архитектурная школа должна обладать самостоятельными закономерностями построения форм или конструкций. С этой точки зрения архитектура Москвы и архитектура Ярославля в XVII в. не могут считаться школами, несмотря на явные различия, имеющиеся между ними. Однако общая характеристика московской архитектуры этой поры, определение ее основных закономерностей и особенностей вполне могут быть приложимы и к ярославским памятникам, лишь с незначительными оговорками. Следовательно, это не самостоятельные архитектурные школы, а лишь варианты одной архитектуры.

Древнерусские архитектурные школы нельзя рассматривать и как нечто застывшее, как простую сумму стандартных памятников. В рамках одной и той же школы могли существовать разные направления, обусловленные различиями заказа (например, княжеский и епископский заказ), наличием не одной, а нескольких артелей или зодчих. Различный заказ мог при этом выполняться как силами одной и той же артели (княжеское и епископское строительство во Владимире

при Всеволоде Большое Гнездо), так и силами разных артелей (в Смоленске на рубеже XII и XIII вв. свои артели, по всей вероятности, имели и князь, и епископ). С течением времени заложенные в школах традиции могли претерпеть значительные изменения (так было на рубеже XII и XIII вв. практически во всех древнерусских землях). Однако несмотря на все эти внутренние различия художественное лицо школы продолжало сохраняться.

В то же время школы древнерусского зодчества не были изолированы друг от друга, наоборот, влияние одной школы на другую, и даже возникновение школы в каком-либо центре в результате влияния школы другого центра или даже из-за рубежа были делом обычным. Однако вопрос о роли влияний в архитектуре порой рассматривается несколько примитивно, не учитывая разницы между тем, как переносятся влияния в архитектуре и в других видах искусства. Между тем разница здесь очень существенная. Произведение станковой живописи (икона) может быть привезено на Русь и здесь вызвать местные подражания, т. е. может оказать влияние даже без участия создавших эту икону живописцев (не говоря уже о существовании специально предназначенных для этого «образцов» или «подлинников»)⁵. При этом заимствования здесь могут быть выражены в различной форме — и в виде прямого копирования памятников⁶, и в использовании некоторых стилистических особенностей⁷, и наиболее часто в повторении иконографического типа⁸. В еще большей степени это относится к рукописной книге и к прикладному искусству. Установлено, что произведения византийского прикладного искусства не только вызывали подражания, но и служили предметом прямого воспроизведения местными мастерами⁹. Рассматривая произведения более ранней эпохи мы с полным основанием можем говорить, например, о скандинавском влиянии в прикладном искусстве даже тогда, когда заведомо известно, что в данном случае это произведения местных ювелиров¹⁰. Некоторые из видов прикладного искусства, такие, как, например, мелкая пластика, вообще с трудом поддаются региональной атрибуции¹¹. В еще большей степени это относится к произведениям мелкой металлопластики, выполненным в технике шитья, которые помимо портативности обладали еще и таким качеством, как тиражность — выполненные в одной и той же форме вещи могут быть найдены в различных центрах, иногда находящихся на очень значительном удалении друг от друга. Ярким примером этого являются отлитые в одной форме три креста-мощевика конца XIII — начала XIV вв., один из которых найден в Киеве¹², другой в Новгороде¹³, а третий на территории Золотой Орды в Увече¹⁴.

Совсем не так обстоит дело в архитектуре, где памятники неподвижны. Потенциальный заказчик строительства (князь, епископ) может увидеть незнакомые памятники зодчества, но этого недостаточно для того, чтобы построить нечто подобное и у себя. Возведение архитектурного сооружения — слишком сложный процесс, чтобы его можно было оговорить словами. Гораздо позднее, уже в XVII в., когда на Русь стали привозить чертежи, архитектурное влияние могло распространяться и таким путем. Но в домонгольской Руси чертежей не знали. Поэтому единственным способом перенесения новых архитектурных традиций является приезд мастеров. И, говоря о влияниях в древнерусском зодчестве, мы должны каждый раз видеть в этом реальное передвижение групп мастеров-строителей.

Если в княжестве до этого не было своих строителей, то приезд мастеров из Киева приобщал данную землю к киевской архитектуре, и сложение самостоятельной архитектурной школы здесь происходит уже позднее, под воздействием новых факторов. Так произошло в начале XII в. в Новгороде и в середине XII в. в Смоленске. Если же первые приехавшие строители несли не киевскую, а иную архитектурную традицию, это сразу закладывало основы самостоятельной архитектурной школы. Таков приезд галицких мастеров в Северо-Восточную Русь в 40-х гг. XII в.

Мобильность древнерусских строительных артелей свидетельствует не об их свободе, а как раз о противоположном — их зависимости от заказчика. Заказ на монументальное строительство в Древней Руси осуществлялся государственной властью в лице князей, реже заказчиками выступали епископы (однако они могли и не иметь собственной артели и должны были вести строительство силами княжеской), и только в Новгороде с середины XII в. в силу сложившейся там особой социальной обстановки был возможным частный заказ на строительство. Переход князя с одного престола на другой, заключение союза между князьями или династического брака могли вызывать и перемещение строительной артели. Только таким образом и могло осуществляться влияние одной школы на другую. В настоящее время детальное изучение строительно-технической стороны древнерусского зодчества позволяет выявить существование различных строительных артелей и наметить, в общих чертах, их функционирование и передвижения по Руси¹⁵.

Какие же факторы вызвали появление архитектурной школы? Основным был здесь фактор общеисторический — известная политико-экономическая самостоятельность и культурная обособленность региона. На Руси в XII–XIII вв. это выразилось в сложении самостоятельных политических образований, возникновение которых было естественным следствием феодального дробления страны. Таким образом, в домонгольской Руси появление архитектурных школ было тесно связано с процессом феодализации и распадом относительно единого Киевского княжества¹⁶. Однако эта общеисторическая предпосылка приводила к сложению архитектурной школы лишь в том случае, если в данном княжестве имелись собственные строительные кадры, т. е. собственная строительная артель. Так, например, Рязанское княжество не создало своей архитектурной школы, поскольку здесь не было своей собственной строительной организации. Строили в Рязани в первой половине XII в. черниговские мастера, а в конце XII в. — смоленские. Примерно такая же обстановка имела место и на Волыни, где строительство вели руками киевских мастеров. Всюду же, где самостоятельное княжество имело собственных строителей, раньше или позже, но обязательно слагалась архитектурная школа. При этом наиболее значительную роль играла не столько экономическая самостоятельность земли, сколько политическая ориентация правившей княжеской династии. Так, в Смоленске уже с середины XII в. работала самостоятельная строительная артель; политическая и экономическая значимость Смоленского княжества в это время также уже достаточно велики. И тем не менее твердая ориентация смоленских князей на Киев привела к тому, что в течение всей второй половины XII в. в Смоленске строят, точно повторяя все киевские приемы и формы; смоленская архитектура вплоть до конца XII в. не получила

самостоятельных черт, продолжала оставаться частью киевской архитектурной школы.

Какие же факторы содействовали сложению архитектурной школы, ускоряли этот процесс? Прежде всего — привнесение иной архитектурно-строительной традиции, т. е. внешнее влияние (из-за рубежа или из другого русского княжества). Очень большую роль в ускорении процесса сложения самостоятельной архитектурной школы играет приезд мастеров иной архитектурной традиции и в том случае, если они вливаются в уже сложившуюся на месте строительную артель, как это произошло, например, во Владимире в конце 50-х гг. XII в., когда сюда прибыло несколько мастеров, присланных императором Фридрихом Барбароссой.

Помимо влияний на сложение архитектурных школ действовали и другие факторы. Так, значительную роль играли местные строительные условия, наличие местных материалов. Хорошим примером может служить Новгород. Широкое применение в строительстве известняковой плиты на первых порах не оторвало новгородское зодчество от архитектуры Киева, но применение этого материала постепенно вело к разработке иных архитектурных форм, к появлению сооружений почти лишенных декоративных элементов на фасадах. А это уже было одной из составных частей нового художественного облика, своей, новгородской, архитектурной школы. В не меньшей степени повлияло на сложение новгородской школы и изменение социального заказа: начиная с 60-х гг. XII в. новгородские строители выполняют заказы уже не князя и не епископа, а местных новгородских бояр. Выполняя их требования, мастера упрощают формы зданий, разрабатывают более рациональные строительные приемы, чтобы возводить церкви дешево и за один строительный сезон. Эти черты в сочетании с формами, диктуемыми местными строительными материалами, и определили характерные особенности новгородской архитектурной школы. Наконец немалую роль в сложении самостоятельной архитектурной школы играет меньшая зависимость от метрополии, возможность более свободно разрабатывать самостоятельные художественные приемы. И, конечно, многое здесь зависело от заказчика. Волынский князь Мстислав в середине XII в., очевидно, требовал от зодчих, возводивших Успенский собор во Владимире-Волынском, полного повторения киевского образца, несмотря на то что среди его мастеров были строители, связанные с переяславльской архитектурной традицией и, следовательно, имевшие возможность строить и иначе. В Полоцке, наоборот, постоянная враждебность полоцких князей к Киеву позволяла строителям не принимать формы, привившиеся в это время в Киеве, а, опираясь на более раннюю (и хорошо им знакомую) киевскую традицию, развивать новые формы. В результате это привело к сложению своеобразной и прогрессивной по формам полоцкой архитектурной школы. В ряде случаев оторванность от Киева, по-видимому, давала к тому же возможность прорываться и чисто народным художественным вкусам, как это отразилось в полихромном убранстве памятников Гродно.

Рассматривая вопрос о сложении школы, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство: изменение политической ситуации и переход артели из одного места в другое могли приводить к тому, что школа развивалась совсем не в том центре, где возникли предпосылки для ее сложения. Так было в XII в. в Полоцке,

где после перехода туда киевской артели с уже сложившейся традицией возникает своя местная школа¹⁷, и во Владимиро-Суздальской земле, где школа возникает на основе галицкой строительной традиции. При этом показательно, что и Полоцк, и Владимиро-Суздальская земля получили артели с уже сложившейся традицией, однако в школу эти традиции оформились не в Киеве и в Галиче, а уже после перехода мастеров в Полоцк и на северо-восток Руси.

Итак, если исходить из изложенных выше положений, то определение «архитектурная школа» вполне приложимо к зодчеству некоторых княжеств Руси в XII в. Действительно, новгородское зодчество этой поры самым существенным образом отличается от зодчества полоцкого, киевского или владими́ро-суздальского. Здесь несомненно можно выявить закономерности построения архитектурных форм и конструкций для каждой из этих групп. И в тоже время все эти группы входят как составные части в понятие «русская архитектура XII века», поскольку наиболее общие характеристики и закономерности здесь совпадают. Так, в основе развития зодчества во всех этих землях лежат киевские традиции, отраженные в типе одноглавого четырехстолпного крестовокупольного храма с нартексом или без него, статичного по своей художественной выразительности.

Продолжительность развития не является обязательной особенностью архитектурной школы. Так, владими́ро-суздальская архитектурная школа, зародившаяся в 40-х гг. XII в., продолжала существовать и развиваться вплоть до монгольского вторжения, т. е. около 100 лет, тогда как гродненская архитектурная школа просуществовала всего около 20 лет. Традиция же, заложенная в новгородскую школу, оказалась настолько сильной, что она возродилась и в послемонгольском зодчестве Новгорода. По сути дела, мы можем говорить о новгородской школе XII–XV вв.¹⁸ Столь же сильной оказалась и традиция владими́ро-суздальской школы, нашедшая свое продолжение в архитектуре Москвы XIV в.¹⁹ Эта же традиция легла в основу еще одной школы зодчества послемонгольской Руси — тверской²⁰, однако памятники тверского зодчества до нас не дошли и археологически не изучены.

Пример новгородской и московской школ зодчества XIV в. показывает, что именно сохранение архитектурно-художественной традиции является непременным условием существования школы. В этих случаях традиция была сохранена даже несмотря на довольно длительное затишье в строительной деятельности, вызванное татаро-монгольским нашествием. Носителями традиции и здесь выступили мастера-строители, кадры которых сохранились и в Новгороде, и на северо-востоке Руси. В эпоху, когда новое монументальное строительство практически не велось, строительные артели занимались ремонтами пострадавших во время нашествия зданий (во Владимиро-Суздальской земле) и строительством крепостей (в Новгороде)²¹. Правда, к моменту возобновления строительства в Новгороде и на северо-востоке Руси (в Твери оно началось раньше, чем в Москве) прошло более полувека, поэтому новое строительство началось здесь силами уже других мастеров (за это время произошла смена поколений), а в Новгороде, где на смену плинфе пришел брусковый кирпич, к тому же и в другом материале. В сохранении архитектурно-художественной традиции в этих случаях, вероятно, основную роль сыграли заказчики, ориентировавшие мастеров на уже существующие здесь памятники.

Учитывая все вышеизложенное, попробуем теперь представить картину существования и развития школ в древнерусском зодчестве домонгольской эпохи. Конечно, совершенно точные хронологические границы отдельных школ еще далеко не всегда определяются, и особенно это касается тех школ, где процесс сложения шел постепенно. Очевидно, здесь и не следует стремиться зафиксировать точную дату завершения процесса формирования школы. Общая же картина сложения и прекращения деятельности, а также взаимосвязей всех русских архитектурных школ этого времени в настоящее время уже достаточно ясна.

Сейчас уже не вызывает сомнений, что вплоть до конца XI в. на Руси не существовало самостоятельных архитектурных школ и развивалось единое зодчество Киевской Руси. Первой архитектурной школой стало зодчество Переяславля. Несмотря на близость строительно-технических и художественно-декоративных приемов зодчество это все же имеет существенные отличия от киевского. Появление этой школы, очевидно, связано с приездом группы византийских мастеров, но в то же время, несомненно, существовали и тесные связи с киевскими мастерами. Начало существования школы определяется постройкой в 1089 г. Михайловского собора²². Учитывая, что кроме крупного Михайловского собора здесь было возведено всего 8 сравнительно небольших зданий, продолжительность работы мастеров вряд ли превышала 25–30 лет, после чего эта школа прекратила свое существование. Два памятника Переяславля, выполненные в иной строительной технике (равнослойная плинфяная кладка), оживили строительную деятельность, но, видимо, уже в основном силами киевских зодчих. В самом начале XII в. появилась еще одна архитектурная школа — в Чернигове. Она связана с приездом группы мастеров, происхождение которых пока еще не установлено²³. Первым памятником, отмечающим деятельность этих мастеров, является Успенский собор Елецкого монастыря. Некоторое время эта школа сосуществует параллельно с киевской архитектурой, продолжая строительные традиции XI в., а с 1139 г. перебазируется в Киев. В дальнейшем развитие этой школы охватывает, кроме Киева и Чернигова, также Волынь и Смоленск²⁴. Поскольку важнейшим строительным и художественным центром был Киев, школы эту условно называют киевской архитектурной школой XII в., хотя точнее ее следовало бы назвать черниговско-киевской.

Переезд группы киевских мастеров в Полоцк, видимо, в конце 30-х гг. XII в. привел к сложению полоцкой архитектурной школы, первым памятником которой был Большой собор Бельчицкого монастыря²⁵. Школа просуществовала, по-видимому, до 70-х гг. XII в., когда монументальное строительство в Полоцке полностью прервалось. К концу 80-х — началу 90-х гг. XII в. слагается самостоятельная архитектурная школа в Смоленске, где до этого строительство шло в русле киевской школы²⁶. Первым памятником, оторвавшимся от киевской традиции, здесь является церковь Архангела Михаила, возведенная переведенным в Смоленск полоцким зодчим. В конце 80-х гг. XII в. появляется гродненская архитектурная школа, связанная, главным образом, с киево-волынскими традициями²⁷. Школа эта просуществовала очень недолго, видимо, лишь до рубежа XII и XIII вв.

Еще одна школа русского зодчества — новгородская. Строительство в Новгороде началось в самом начале XII в., но самостоятельная школа сложилась

не сразу, видимо, лишь к 40-м гг. После этого новгородская школа в пределах домонгольского времени существует непрерывно до 20-х или 30-х гг. XIII в.²⁸

Гораздо более сложным оказывается вопрос о галицкой школе. Уже в самом начале XII в., после того как сначала в Перемышле, а затем в Звенигороде и в Галиче начала работать артель романских мастеров, пришедшая из Малопольши, здесь возникают предпосылки для сложения самостоятельной школы²⁹. Действительно, строительство в Галицкой земле начинается в совершенно отличной от Киева романской белокаменной технике. Архитектурно-художественные особенности галицкого зодчества этого времени при сохранении общей для всего древнерусского зодчества типологии зданий, восходящей к киевским образцам, гораздо дальше отстоят от киевской традиции, нежели это было в смоленском или новгородском зодчестве этого же времени. Однако переход этой артели в середине XII в. в Северо-Восточную Русь привел к тому, что слагавшаяся здесь школа получает дальнейшее развитие уже не в Галиче, а во Владимиро-Суздальской земле. В самом же Галиче на смену ушедшей приходит новая артель из Венгрии (возможно, при сохранении части старых мастеров в ее составе). Смены строительной традиции, за исключением некоторых конструктивно-технических особенностей, здесь не происходит, однако архитектурно-художественный облик возводимых в это время памятников претерпевает существенные изменения³⁰. При этом очень важно то, что новая артель опирается не на уже сложившуюся здесь архитектурную традицию, а вновь, как бы начиная с нуля, обращается к традиции киевской, подвергая ее, правда, более решительной переработке. Этими же мастерами возводятся в Галиче и ротонды, вообще лежащие в русле романской, а не древнерусской традиции³¹. Все это приводит к тому, что и во второй половине XII в. галицкое зодчество, несмотря на наличие собственных кадров строителей и существенное отличие от зодчества других древнерусских земель, так и не оформляется в то архитектурно-стилистическое единство, которое можно было бы считать единой галицкой школой. На рубеже XII и XIII вв. в Галиче вновь появляются пришлые мастера, также связанные с романской (а точнее, раннеготической) традицией, вносящие совершенно новую струю в развитие галицкого зодчества. На основе сочетания древнерусского типа четырехстолпного храма и готической конструкции здесь ведутся поиски новой композиции здания (церковь Пантелеймона). С этого времени и начинается развитие единой стилистической традиции в галицком зодчестве. Интересно, что это развитие идет не по пути усложнения, а по пути упрощения форм и конструкций — в каменном храме в Василёве, который следует датировать более поздним временем, чем церковь Пантелеймона, конструкция опор значительно упрощается³². Таким образом, несмотря на то, что в галицком зодчестве на протяжении всего XII в. неоднократно возникали предпосылки для сложения школы, эта возможность реализовалась лишь на рубеже XII и XIII вв.

Во Владимиро-Суздальской земле мы наблюдаем иную картину. В конце 40-х гг. XII в. с приезда галицких мастеров в Северо-Восточную Русь начинается существование владими́ро-суздальской архитектурной школы, непрерывно развивавшейся вплоть до монголо-татарского вторжения³³. С конца 40-х по конец 50-х гг. строительство идет целиком в русле традиции, заложенной галицкими мастерами. Однако затем владими́ро-суздальское зодчество делает

решительный шаг в своем развитии. Появление здесь при Андрее Боголюбском нового, присланного Фридрихом Бабароссой, зодчего, обладавшего ярко выраженной творческой индивидуальностью и в значительной степени изменившего художественный облик вновь возводимых построек, не привело, тем не менее, к нарушению архитектурно-художественной традиции, как это было в галицком зодчестве. Творчество этого нового зодчего, несмотря на очень существенные изменения, наложило на уже сложившуюся местную традицию, слилось с ней. Приход новых мастеров вызвал не нарушение традиции, а стал очередным шагом в ее развитии.

По-видимому, то же произошло на рубеже XII и XIII вв., когда во Владимиро-Суздальской земле наряду со старыми мастерами появилась новая артель, пришедшая на северо-восток Руси из Киева³⁴. Эта артель работала в необычной для владими́ро-суздальского зодчества плинфяной технике и разработала новый тип храма с башнеобразной композицией. Однако ни новая техника строительства, ни разработка нового типа здания, вероятно, не прервали уже сложившейся здесь архитектурно-художественной традиции. Как показали исследования Спасского собора в Ярославле, новая артель при его создании использовала традиционный для северо-востока тип храма без притворов, а в плинфяную кладку были включены резные белокаменные детали, что несмотря на использование новой композиции придавало храму во многом традиционный облик. Использование новой техники строительства и разработка новых архитектурных форм также явились здесь не нарушением традиции, а ее продолжением и развитием. Еще в большей мере это относится к деятельности другой северо-восточной артели рубежа XII и XIII вв., продолжавшей работать в традиционной белокаменной технике. Мастера этой артели пошли еще дальше, изменив и самый тип храма, включив в его композицию пониженные притворы (соборы в Суздале, Юрьеве-Польском, Нижнем Новгороде). Однако разработка новой композиции в творчестве этой артели целиком основывалась на развитии своей местной традиции.

Так рисуется в настоящее время картина сложения и существования архитектурных школ в домонгольской Руси. Как можно увидеть, далеко не все русские княжества XII в. обладали собственными архитектурными школами. В некоторых из них вообще не было своих строительных кадров, и для возведения зданий здесь приглашали мастеров-строителей из других княжеств или из-за рубежа. Так было, например, в Рязани, где в первой половине XII в. строили черниговские мастера, а в конце века — смоленские. Не сложилось отдельных архитектурных школ в Киевской, Черниговской и Волынской землях, поскольку здесь работали одни и те же мастера и, следовательно, не было существенных различий между памятниками. В течение почти всего XII в. не выделилась из этой школы и смоленская архитектура, несмотря на то, что в Смоленске работала собственная строительная артель. Но зато, когда в конце XII в. в Смоленске сложилась самостоятельная архитектурная школа, она очень существенно отличалась от киево-черниговской. Различия отразились во всем: и в конструкциях, и в архитектурных формах, и в общем стилистическом характере. Для киево-черниговского зодчества этой поры характерны ступенчато-повышающаяся конструкция сводов, компактность и нерасчлененность объема, мягкость профилировок. В то же время для смоленского зодчества характерны пониженные подпружные арки,

ступенчатая композиция объемов, резкая рельефность профилировок. Наличие самостоятельных форм и конструкций здесь не вызывает сомнений, но некоторые наиболее общие характеристики совпадают: вертикальная устремленность и динамика композиции, преобладание роли экстерьера и его декоративность. Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с двумя самостоятельными архитектурными школами русской архитектуры.

¹ *Раннопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. САИ. Вып. Е1-47. — Л., 1982; *Раннопорт П.А.* Зодчество Древней Руси. — Л., 1986.

² *Вздорнов Г.И.* О понятиях «школа» и «письмо» в живописи Древней Руси // Искусство. — 1972. № 6. — С. 64–68.

³ *Лазарев В.Н.* Живопись Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. Т. 1. — М., 1953. — С. 462.

⁴ *Раннопорт П.А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики // СА. — 1985. № 4. — С. 80–89.

⁵ См. *Лазарев В.Н.* Древнерусские художники и методы их работы // *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись. М., 1970. С. 24–26; *Он же.* О методе сотрудничества византийских и русских мастеров // Там же. — С. 140; *Он же.* Распространение византийских образцов и древнерусское искусство // *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. — М., 1978. — С. 222–226.

⁶ См., например: *Гусева Э.К.* Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV – начала XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. — М., 1984. — С. 46–58.

⁷ См., например: *Смирнова Э.С.* Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. — М., 1975. — С. 90–105.

⁸ В.Н. Лазаревым был сделан очень важный вывод о том, что в условиях сложения национального стиля в древнерусской живописи основным был именно этот вид заимствований: «... если образцами продолжали пользоваться как иконографическим костяком, то от них стали все более отходить в плане стилистическом». (*Лазарев В.Н.* Распространение византийских образцов и древнерусское искусство... — С. 225).

⁹ *Банк А.В.* Константинопольские образцы и местные копии // Византийский временник. — Т. XXXIV. 1973. — С. 190–195; *Она же.* Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI–XV вв. // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 72–82.

¹⁰ *Корзухина Г.Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладогe // КСИА. — Вып. 135. 1973. — С. 40.

¹¹ *Порфиридов Н.Г.* Вопросы областного атрибутирования памятников древнерусской мелкой каменной пластики // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. — М., 1977. — С. 65–71.

¹² *Ивакин Г.Ю.* Киев в XIII–XV веках. — Киев, 1982. — С. 88–94.

¹³ *Арицховский А.В.* Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии СССР, №11 // Материалы исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. — М.; Л., 1949. — С. 149–150, рис. 22а.

¹⁴ *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С. 95–97, рис. 26.

¹⁵ *Раннопорт П.А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики... — С. 80.

¹⁶ Этот же фактор сыграл основополагающую роль и в возникновении древнерусских живописных школ, правда, их вычленение из общерусской традиции произошло позднее, чем в архитектуре — во 2-й половине XIII–XIV вв., когда большинство школ древнерусского зодчества уже прекращает свое существование. (см.: *Вздорнов Г.И.* Живопись // Очерки русской культуры XIII–XV веков. — Ч. 2: Духовная культура. — М., 1970. — С. 255).

- ¹⁷ Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII века // СА. — 1980. № 3. — С. 159–160.
- ¹⁸ Воронин Н.Н. Архитектура // Очерки русской культуры XIII–XV веков. — Ч. 2: Духовная культура. — М., 1970. — С. 213–214, 223.
- ¹⁹ Там же. — С. 243.
- ²⁰ Там же. — С. 235–236.
- ²¹ Там же. — С. 213, 235.
- ²² Малевская М.В., Раппопорт П.А. Церковь Михаила в Переяславле // Зограф (Београд). Т. 10. — 1979. С. 30; Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. — Л., 1986.; *Он же*. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — Л., 1982. — С. 32–38.
- ²³ Раппопорт П.А. Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА. — 1984. Вып. 179. — С. 62.
- ²⁴ Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси... — С. 54. В последние годы появилось исследование, в котором предлагается один из возможных вариантов решения проблемы происхождения черниговских мастеров XII века (*Иоаннисян О.М.* О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // *Ruthenica*, Т. VI. — Київ, 2007. — С. 134–188).
- ²⁵ Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII века. СА. — 1980. № 3. — С. 157.
- ²⁶ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979. — С. 390.
- ²⁷ Раппопорт П.А. Новые данные об архитектуре древнего Гродно // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. — М., 1988. — С. 64–72.
- ²⁸ Штендер Г.М. Архитектура Новгородской земли XI–XIII веков. Канд. дисс. — Л., 1984. — С. 9–15. См. также: Штендер Г.М. Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. — СПб., 2008. — С. 576–584.
- ²⁹ Иоаннисян О.М. О раннем этапе развития Галицкого зодчества // КСИА. — 1981. Вып. 164. — С. 41.
- ³⁰ Иоаннисян О.М. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. — М., 1988. — С. 41–63.
- ³¹ Иоаннисян О.М. Центрические постройки в галицком зодчестве XII в. // КСИА. — 1982. Вып. 172. — С. 39–46.
- ³² Иоаннисян О.М. Основные этапы развития галицкого зодчества... — С. 51–56.
- ³³ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. — М., 1961. — С. 101; Иоаннисян О.М. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Дубов И.В. Города, величием сияющие. — Л., 1985. — С. 143–144.
- ³⁴ Иоаннисян О.М. О киево-черниговской традиции в зодчестве Северо-Восточной Руси конца XII – начала XIII вв. // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Тезисы докладов. — Чернигов, 1985. — С. 50–52; *Он же*. Зодчество Северо-Восточной Руси... — С. 160; *Он же*. Строительные артели Всеволода III и его наследников // Дмитриевский собор во Владимире. — М., 1997. — С. 21–37.

О терминологическом словаре древнерусского строительного дела*

Пятьдесят лет тому назад, в 1913 г., был закончен монументальный труд академика И.И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка». Огромная работа, вложенная в составление этого словаря и занявшая почти четверть века, великолепная эрудиция и исследовательское чутье автора обеспечили «Словарю» Срезневского непререкаемый авторитет и популярность среди исследователей в области древнерусской истории, культуры и искусства. «Словарь» и сейчас является настольной книгой каждого исследователя проблем средневековья; недаром он был дважды за последние годы переиздан. Значительным вкладом в изучение древнерусской терминологии явился изданный в 1937 г. коллективный труд, объединенный Е.Г. Кочиним, «Материалы для терминологического словаря древней России». Подобно «Словарю» Срезневского «Словарь» Кочина стал необходимым пособием при изучении разных сторон истории и истории культуры древней Руси.

Теперь, после издания этих общих терминологических словарей, необходимо было перейти к составлению частных, специальных толковых словарей, сводящих и подробно комментирующих термины, связанные с каким-либо одним разделом древнерусской жизни и культуры. Составление подобных тематических словарей необычайно трудоемко и кропотливо; оно требует очень большой предварительной черновой работы, часто никак не отражаемой в самом издании. Проще говоря, для автора это неблагодарная работа, своего рода подвиг. Тем большей признательности заслуживают исследователи, которые берутся за такую работу и успешно доводят ее до конца. Именно таким, успешно завершенным трудом, является рецензируемая работа А. Поппэ, посвященная древнерусским терминам строительного дела X–XV вв.

Конечно, при наличии словарей Срезневского и Кочина автору не пришлось начинать всю работу с начала, однако он не только продолжил труд своих предшественников, но развил и детализировал его. Более того, специфический подбор терминов, использование новых, ранее неизданных письменных источников и, наконец, просто иной, более высокий уровень науки не раз требовали от автора нового просмотра и тщательного анализа источников. Таким образом, составление

* Acta Baltico-Slavica. Т. II. 1965. Białystok.1

«Словаря» неминуемо превращалось порой в исследовательскую источниковедческую работу. Следом такой работы автора, не нашедшим явного отражения в самом «Словаре», является, например, образцовое исследование жития Михаила Клопского². Этот исследовательский подход автора читатель заметит не раз в самом выборе цитируемых текстов, в сносах на сходные термины, приведенные в других местах «Словаря», наконец в кратких расшифровках-переводах термина.

Первостепенное значение для успешного составления «Словаря» имела также тщательная разработка его плана, определение его рамок, привлекаемых категорий источников и пр. А. Поппэ предварительно опубликовал свои предложения о структуре «Словаря» и вынес их на публичное обсуждение³. Это принесло пользу, так как опубликованный «Словарь» отличается, прежде всего по своей структуре, от первоначального замысла автора. Так, полностью отброшены археологические параллели, которые первоначально предполагалось использовать в толковании терминов. Автор также резонно отказался от иллюстративного материала. Ведь задача «Словаря» заключается в совершенно объективном освещении словесного материала, а привлечение археологических источников и изображений реалий в древних миниатюрах или иконах неизбежно толкали бы автора на путь многочисленных частных исследований. В ряде случаев эти исследования могли привести к очень интересным выводам, но вместе с тем они внесли бы в «Словарь» элемент спорности и субъективности в понимании отдельных терминов, что сделало бы «Словарь» гораздо менее надежным справочником. Вместе с тем включение автором в «Словарь» в качестве вспомогательного материала примеров из переводной литературы совершенно резонно, так как эти примеры часто дают такое освещение строительных терминов, которое отсутствует в оригинальных русских источниках.

Таким образом, ни структура «Словаря», ни его хронологические и смысловые рамки не вызывают сомнений. «Словарь» сделан тщательно и будет полезным пособием для всех изучающих древнерусскую материальную культуру и архитектуру.

Почему же такой «Словарь» составлен польским ученым и почему он опубликован в Польше, а не в России? Ведь, как отмечает и сам А. Поппэ, прямые сведения о древнем польском строительстве в русских источниках крайне редки и, следовательно, значение «Словаря» не в этих прямых сведениях. Во введении к «Словарю», а еще подробнее в предварительной публикации А. Поппэ дает на этот вопрос точный ответ. Значение «Словаря» древнерусских строительных терминов прежде всего в том, что из всех славянских стран только на Руси сохранилось значительное количество письменных источников эпохи раннего средневековья, написанных на славянском, т. е. древнерусском языке. Источники эти имеют огромное значение для истории культуры всех славянских народов. Ведь в Польше все письменные источники этого времени латинские. Во многих случаях полное раскрытие терминов этих источников возможно только с помощью древнерусских; за латинскими терминами в действительности скрывается такое же, как и на Руси, обилие своих славянских, т. е. древнепольских терминов, которые, видимо, были очень близки древнерусским. Эта близость терминологии может быть доказана хотя бы тем, что в более поздних польских источниках (XVI–XVII вв.) распространены строительные термины, близкие, а иногда даже

родственные, древнерусским. Более того, в польском языке XVI–XVII вв. иногда сохранялись термины, которые известны по более ранним древнерусским источникам, но в позднее время уже перестали употребляться в русском языке. Таким образом, несомненно, что изучение древнерусской строительной терминологии может дать очень много для объяснения не только вопросов древнерусского строительства, но и строительства древних славян в целом. В этом значении книги А. Поппе не только для русской, но и особенно для польской исторической науки. Автор прав, скромно считая задачей своего «Словаря» «подготовку почвы» для комплексных исследований по древнему зодчеству. Уже сама специальная выборка строительных терминов, сделанная автором, уже концентрация и перекрестная увязка с аналогичными терминами или ссылки на иной контекст данного термина — уже сейчас, на стадии «Словаря», зовут исследовательскую мысль на серию интереснейших штудий. В частности, на очереди работа по сравнительному изучению древнерусских терминов строительного дела с их аналогиями в других славянских языках.

Конкретные замечания по книге, имеющей характер словаря, делать всегда очень трудно, тем более что «Словарь» А. Поппе выполнен чрезвычайно добросовестно, с глубоким знанием языка источников, и каких-либо существенных ошибок в книге нет. Возможны лишь некоторые дополнения или уточнения. Приведем их.

Толкование некоторых терминов порой несколько сужено и (редко) спорно. Так *вор* чаще значит ограждение веревкой или цепью. *Ветрило* правильнее толковать как «флюгер», а иногда «акротер». *Всуцпы железные* — это несомненно железные связи, сменившие обычные до той поры деревянные, что и подчеркивает приводимый текст. В этой связи можно было точнее определить и *гирю железную*.

Входница — скорее всего открытая площадка входной лестницы, но никак не «внутреннее помещение». *Голбец* (в приведенных текстах) — явно кладовые помещения в углах храмовых хор. Более широко, чем в комментарии, значение термина *дом*. *Зубцы* — не только зубчатый бруствер: в «Устюжском летописном своде» *зубцом*, видимо, называются угловые «остатки» при рубке в обло. Вызывает сомнение истолкование термина *кожух* как деревянной (срубной) конструкции, заполненной землей, вероятнее значение *кожуха* как дополнительной (параллельной крепостной) стены перед входом в крепость, образовавшей обороняемый «коридор». *Кольцо* в приведенном тексте несомненно «парусное кольцо» в основании барабана главы, а не ее купола. К *комаре* стоило добавить значение погребального «аркосолия» (отличное от «крипты»). *Комната* требовала сопоставления с термином «*kaminata*». *Лавица* (главным образом в Пскове) — это не «лавка» в смысле торгового помещения, но «лавы», «мостики» через грязь и заболоченные участки. *Мрамор* — в приведенных цитатах — не порода камня, а образное название цветных поливных плиток, которыми настилали полы. *Ныр* — не только «башня—вежа—столп», но и «развалины» (в форме *нырище*; см. «Слово Даниила Заточника»). *Ободверие* можно было пояснить точнее, как портал, обрамление входа, дверей. *Перегорода* в большинстве случаев — алтарная преграда. *Печь* — стоило бы указать, что в приведенных цитатах печь специфической характерной формы с топкой «по черному». *Погреб* — по приведенным цитатам может быть истолкован и как церковный подклет, и как усыпальница в нем. *Подпора* — иногда

контрфорс. *Приступ, приступная стена* — это, как правило, напольная часть крепости, т. е. со стороны наибольшей опасности штурма. *Ронити* — лучше пояснить как «сечь лес». *Рыло* — не просто «лопата», но деревянная лопата с железной оковкой, какая именно и изображена на Суздальских воротах (и известна многократно археологически). *Светлица* — главное значение — помещение с большими светлыми окнами. *Сенник* — не обязательно «подсенье», но главным образом «сеновал», часто над «клетью» (ср. «быша суси яко сено на клетех». «Словарь», стр. 28, под словом *клеть*). *Тайник* — не обязательно подземный. *Таран* — в приведенной цитате не *таран* (*баран, овен*), а камнеметательная машина. *Угол* никак не форма кровли типа «шатра»; в приведенной цитате — 25 углов обозначение сложного многоугольного плана рубленного храма. *Чертог* — требовал толкования и как «чердак», т. е. помещение наверху хором.

Отметим необходимость дополнительных перекрестных ссылок, связующих серию терминов и расширяющих их понимание. Так, *баня* требует отсылки к *избе* (*истобке*) и обратно, *заделати* — к *заложити, погреб* — в числе других значений — к *подклету, подошва* взаимно с термином *корение*. *Полстницу* следует связать с *ложницей* и, может быть, *одриной* (возможна связь со словом *полсть* — войлок). *Помост* в цитате о выносе тела Владимира I — это переход между клетями второго этажа, здесь уместна отсылка к термину *переход*, а также, взаимно, к слову *сени*. Перекрестной ссылкой следовало связать слова *доска* и *тес*.

Стоило бы включить в «Словарь» такие слова, как *болонье* (градостроительный термин), *замок* ((в отличие от *замок*); договор 1392 г.). Было бы очень полезно включение терминов мер длины, имеющих прямое отношение к строительству.

Приведенные мелкие замечания ни в какой степени не умаляют достоинств труда А. Поппэ, его высокой оценки и научной актуальности, тем более, что часть наших замечаний опирается как раз на данные археологических или историко-архитектурных исследований, которые автор «Словаря» сознательно не учитывал. Но отход от этого принципа в толковании ряда указанных терминов не был бы поставлен автору в вину.

¹ Poppe A. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w. — Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. — S. XXIV + 95. Wyd. Ossolineum.

² Поппэ А. Порядная запись 1420 г. на постройку церкви св. Троицы на Клупске // Проблемы источниковедения. — Т. IX. 1961. — Стр. 386–407.

³ Poppe A. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego // Kwartalnik historii kultury materialnej. — № 3/4. 1957. — S. 583–605; 715–717.

Ориентация древнерусских церквей*

Общеизвестно, что древнерусские церкви, как, впрочем, и все христианские, повернуты апсидами на восток. В действительности это не совсем точно, так как церкви в большинстве случаев повернуты апсидами лишь приблизительно на восток. Отклонения от восточного направления достигают настолько значительной величины, что их можно легко обнаружить даже невооруженным глазом, не прибегая к измерениям. Понятно, что такие существенные изменения ориентации нельзя объяснить одной только неточностью разбивки плана; здесь явно имеют место какие-то сознательные мотивы.

По отношению к памятникам романской и готической архитектуры данный вопрос уже издавна привлекал к себе внимание исследователей. В западноевропейской архитектуре существуют довольно многочисленные примеры церквей, направление нефа которых неточно совпадает с направлением апсиды, образуя как бы перелом продольной оси здания. Еще в XIX в. в литературе господствовала концепция, что такой перелом оси является сознательным приемом, символизирующим Христа, распятого на кресте и склонившего голову на плечо. Позднее выяснилось, что перелом оси всегда является следствием одновременности постройки частей здания: ось каждой части постройки была ориентирована на другую точку¹.

Однако чем же объясняется само отклонение оси от восточного направления? Средневековые богословы указывали, что церковь должна быть ориентирована алтарем прямо на восток. Очевидно, вопрос стоял о том, что понимали средневековые строители под востоком — географический восток или место восхода солнца. В западноевропейской литературе уже по крайней мере с XVII в. существует тенденция объяснять отклонение продольной оси церквей тем, что эту ось при закладке храма якобы ориентировали на ту точку горизонта, где солнце восходило в день патрона данного храма. Проверка этого положения привела исследователей к диаметрально противоположным выводам. Правда, почти все исследователи соглашались, что ориентация связана с местом восхода солнца в день закладки. Но при этом большинство исследователей утверждало, что закладка производилась только весной или в начале лета — в дни, никак не связанные с днем патрона церкви². Некоторые же исследователи считали, что более точные расчеты, сделанные с поправкой на видимый местный горизонт, дают основания

* КСИА. — 1974. Вып. 139.

полагать, что церкви действительно закладывали в день патрона³. Таким образом, в западноевропейской научной литературе этот вопрос еще не получил окончательного решения.

Исследователи древнерусских памятников также обращали внимание на существенные различия в ориентации церквей⁴. Объяснение этому явлению обычно искали в том, что церкви обращали апсидами на место восхода солнца в день закладки здания. Закладку же церкви, как предполагали, производили в день того святого, которому было намечено посвятить данную церковь⁵. Таким образом, продольная ось каждой древнерусской церкви должна быть направлена на ту точку горизонта, где был видимый восход солнца в день патрона храма. Однако верно ли такое объяснение? Всегда ли церковь закладывали в день ее патрона? Проверки такого предположения на материале древнерусских памятников до сих пор не было сделано.

В древнерусских письменных источниках точные даты закладки церквей упоминаются довольно редко⁶. Во всех случаях, когда эти даты приводятся, они не совпадают с днем святого, которому посвящена церковь. Так, например, церковь Рождества Богородицы во Владимире была заложена 22 августа 1192 г.⁷ (день Рождества Богородицы — 8 сентября). Успенская церковь Княгинина монастыря во Владимире заложена 15 июля 1200 г.⁸, а Успенский собор в Смоленске — либо 7 марта 1100 г., либо 2 мая 1101 г.⁹ (день Успения — 15 августа). Церковь Федора Тирона в Новгороде заложена 28 апреля 1115 г.¹⁰ (день Федора Тирона — 17 февраля). Значительно чаще совпадает с днем патрона день освящения храма. Так, Успенский собор во Владимире был освящен после перестройки 14 августа 1189 г., т. е. накануне дня Успения¹¹. Собор Рождества Богородицы в Суздале был освящен 8 сентября 1225 г.¹² Церковь Бориса и Глеба в Ростове первоначально была освящена 25 августа 1218 г. (день апостола Тита) и вновь — после ремонта, в день Бориса и Глеба, — 2 мая 1253 г.¹³

В тех случаях, когда известны дни как закладки, так и освящения, с днем патрона церкви, как правило, совпадает именно день освящения. Успенский собор в Ростове был заложен 25 апреля 1213 г., а освящен был 14 августа 1231 г.¹⁴ Церковь Воздвижения Креста во Владимире заложена 6 мая 1218 г., в день св. Иова, а освящена в день воздвижения — 14 сентября того же года¹⁵.

Таким образом, письменные источники XII–XIII вв. свидетельствуют, что церкви обычно (хотя далеко не всегда) освящали в день патрона данного храма, а закладывали большей частью в день, не совпадающий с днем патрона. К сожалению, в письменных источниках содержится очень небольшое количество сведений о днях заложения и освящений древнерусских церквей. Поэтому особенно большое значение приобретает ориентация самих сохранившихся памятников. Если день закладки определяет ориентацию церкви, то можно произвести и обратное действие, т. е. по ориентации церкви определить день ее закладки. Расчеты для определения дня закладки сделать несложно, необходимо лишь знать азимут продольной оси церкви. Этот азимут в сочетании с географической широтой места, где церковь расположена, дает возможность определить угол склонения солнца¹⁶. По склонению солнца можно определить две даты (весенний и осенний дни), соответствующие азимуту церкви¹⁷. Полученные дни отвечают новому стилю, т. е. григорианскому календарю. В настоящее время разница между новым и

старым стилями составляет 13 дней. Разница эта нарастает примерно на три дня в 400 лет. В XII в. разница была на шесть дней меньше, чем сейчас, т. е. составляла семь дней. Следовательно, для перевода дней грегорианского календаря в дни юлианского календаря XII в. необходимо из полученных дат вычесть семь дней. Для X в. следует вычесть шесть дней. Так будут получены дни, в которые восход солнца совпадал с азимутом данной церкви.

Измерение азимута оси церкви трудно выполнить с точностью большей, чем $1-2^\circ$. Между тем 2° азимута отвечают примерно 1° склонения солнца, что в свою очередь соответствует приблизительно трем календарным суткам, а в летние месяцы доходит даже до десяти суток. Таким образом, искомую дату можно определить с точностью не более трех дней, а в том случае, если эта дата близка к середине лета, то вероятность точности будет еще меньше. Кроме того, даты определяются для геометрического горизонта. Реальный, видимый горизонт на участке, где строилась церковь, часто бывал несколько сужен, так как с востока от церкви могли находиться всхолмления, постройки, лес. В таком случае идеальный азимут должен быть несколько меньше, чем реальный азимут церкви, и, следовательно, обе даты (весеннюю и осеннюю) следует сдвинуть к летнему солнцестоянию. Естественно, что все эти погрешности позволяют определить дни, соответствующие азимуту церкви, с точностью не более недели.

Прежде чем проделать подобные расчеты для ряда древнерусских церквей, следует убедиться в том, что ориентация хотя бы нескольких памятников, даты закладки которых известны, совпадает с соответствующей этим датам ориентацией. Иначе говоря, следует проверить, действительно ли ось церкви направлена на ту точку горизонта, где в день закладки был видимый восход солнца. Возьмем, например, Успенский собор во Владимире. Собор этот был заложен, судя по летописям, 8 апреля или 8 мая 1158 г.¹⁸ Расчет показывает, что ось Успенского собора направлена на то место горизонта, где солнце в XII в. восходило 7 мая (см. табл., № 1). Учитывая, что церковь стоит на высоком берегу, и видимый горизонт в восточном направлении здесь даже несколько шире геометрического, восход солнца на азимуте Успенского собора здесь должен был быть на несколько дней раньше, чем в указанный летописью день, — 8 мая. Таким образом, в данном случае можно констатировать полное совпадение азимута церкви с днем закладки.

Другой пример — собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, заложенный 11 июля 1108 г. Расчет, проделанный Ю. С. Асеевым, показал, что азимут собора соответствует этой дате¹⁹.

Таким образом, направление оси двух упомянутых церквей соответствует дате их закладки. Но известны и такие примеры, когда эти данные не совпадают. Так, собор Княгинина монастыря во Владимире был заложен 15 июля, а его азимут отвечает либо началу марта, либо концу сентября (см. табл., № 2). Правда, этот собор был полностью перестроен в XV–XVI вв., но раскопки показали, что план существующего здания почти полностью повторяет план собора 1200 г.²⁰ Азимут этой церкви очень близок к геометрическому востоку. Не означает ли это, что в отдельных случаях церкви ориентировали не на место восхода солнца, а просто на восток, определяя направление по Полярной звезде? Этим, может быть, следует объяснить наличие в древнерусской архитектуре довольно значительного количества памятников, азимут продольной оси которых близок к 90° . Таковы,

например, собор Выдубецкого монастыря в Киеве, церковь Бориса и Глеба в Вышгороде, Михайловский собор в Переяславле-Русском, церковь Благовещения и собор Елецкого монастыря в Чернигове, «Нижняя церковь» в Гродно, церковь в Волковыске, церковь в Василёве Галицком, церкви «на Протоке» и Ивана Богослова в Смоленске, а также ряд других. И все же таких церквей значительно меньше, чем имеющих заметные отклонения оси от восточного направления, т. е. явно связанных своей ориентацией с днем закладки.

Проделав расчеты для ряда древнерусских церквей, можно сопоставить полученные даты с днями святых православного календаря (табл., № 3–5). Оказывается, что ось церкви Спаса на Берестове в Киеве ориентирована на то место горизонта, где солнце в XII в. восходило 6 августа, т. е. в праздник Преображения. Ось Спасского собора в Переяславле-Залесском всего на три дня не совпадает с этим праздником, а Спасской церкви в Чернушках, в Смоленске, — на один день. Столь незначительные отклонения вполне могут быть объяснены неточностью разбивки плана или неточностью измерений. Ось храма-усыпальницы, раскопанного в Переяславле-Русском на участке, где позднее стояла Спасская церковь, имеет азимут, не совпадающий с днем преображения. Однако апсидная часть этого храма заметно повернута к югу, и азимут оси апсиды всего на шесть дней не совпадает с днем этого праздника (табл., № 6). Учитывая, что церковь стояла в околном городе, а не на холме, и что видимый горизонт здесь, несомненно, был несколько сужен, можно считать, что в данном случае имеет место почти полное совпадение. Ось церкви Бориса и Глеба в Чернигове точно ориентирована на восход солнца в день Бориса и Глеба (2 мая), а Успенской церкви Киево-Печерской Лавры — в день Успения (15 августа). Ось Успенской церкви в Старой Рязани всего на три дня не совпадает с днем Успения (см. табл., № 7–9).

Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Очевидно, что если даже отбросить все сомнительные случаи, то все же остается большое количество памятников, в которых продольная ось церкви совпадает с днем патрона церкви, и, следовательно, здание закладывали в день этого патрона.

Чем же можно объяснить, что при явном отсутствии устойчивой традиции связывать день закладки храма с днем его патрона такие примеры все же достаточно часты? При решении этого вопроса следует обратить внимание на то, что дни закладки церквей, отмеченные в летописях, не выходят за рамки весны и лета. Наиболее ранняя из приведенных дат — 6 марта, а наиболее поздняя — 18 августа. Даты, в которые азимуты церквей совпадают с днями их патронов, также в основном относятся к весне и лету; наиболее поздние даты не выходят за пределы середины августа.

Очевидно, что закладку церквей на Руси считали возможным производить лишь весной или летом и во всяком случае не в конце строительного сезона и не зимой. Об этом прямо свидетельствует ориентация сохранившихся памятников русского церковного зодчества X–XIII вв. В подавляющем большинстве церкви ориентированы апсидами на северо-восток, т. е. на «летний восток». Наименьший их азимут — 46–47°. Он отвечает середине лета²¹. Ориентация на юго-восток, т. е. на «зимний восток» (азимут — более 90°), встречается гораздо реже, чем на северо-восток. А ориентация оси церквей по азимуту более 100° — вообще крайне редкое явление, так как это те случаи, когда церковь закладывали в зимнее время. Так,

церкви, раскопанные на усадьбе Художественного института в Киеве и на усадьбе Дынника в Переяславле-Русском, были, видимо, заложены в январе или, что менее вероятно, в ноябре (см. табл., № 10, 11). Закладка церковей в январе была, по-видимому, возможна потому, что разбивку плана на участке производили еще до начала земляных работ, по отрывке фундаментных рвов. Следовательно, эту разбивку можно было начинать еще до того, как оттает замерзшая земля.

Но если из чисто строительных соображений не считали возможным закладывать церкви поздней осенью, то естественно, что ни одна церковь Архангела Михаила, Дмитрия Солунского, Рождества Богородицы и Воздвижения Креста не могла быть заложена в день соответствующего праздника, поскольку эти праздники приходятся на осень. Использовать для закладки день патрона строящегося храма могли только в дни «летних» святых.

Вполне вероятно, что в отдельных случаях определение дня закладки церкви по ее азимуту сможет дать ценные сведения и для определения идеологического значения памятника. Известно, например, что Десятинная церковь в Киеве называлась церковью Богородицы. Но неизвестно, какому именно празднику Богородицы она была посвящена²². Между тем ориентация церкви не совпадает ни с одним из крупных богородичных праздников, но зато почти точно совпадает с днем положения ризы Богородицы во Влахерне — 2 июля (см. табл., № 12). Не свидетельствует ли это о желании связать строительство Десятинной церкви с константинопольскими традициями?²³

Количество сделанных сопоставлений еще настолько незначительно, что не позволяет предложить какие-либо окончательные выводы. Но даже приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что широкое привлечение материала и уточнение данных по сопоставлению ориентации церковей с датами их закладки могут привести в дальнейшем к более определенным заключениям и внести серьезный вклад в изучение истории древнерусской архитектуры²⁴.

Наименование и ориентировка древнерусских церковей

	Наименование храма	Широта	Азимут	Склонение	Дни (современные)	Дни (древние)
1	Владимир. Успенский собор	56	55	+18 1/2	14 мая 31 июля	7 мая 24 июля
2	Владимир. Собор Княгинина монастыря	56	94	-3	13 марта 1 октября	6 марта 24 сентября
3	Киев. Церковь Спаса на Берестове	50 1/2	65	+15	1 мая 13 августа	24 апреля 6 августа
4	Переяславль-Залесский. Спасский собор	57	62	+14	28 апреля 16 августа	21 апреля 9 августа

5	Смоленск. Спасская церковь в Чернушках	55	63	+14 1/3	30 апреля 14 августа	23 апреля 7 августа
6	Переяславль-Русский. Храм-усыпальница	50	62	+16 3/4	8 мая 7 августа	1 мая 31 июля
7	Чернигов. Церковь Бориса и Глеба	51 1/2	60	+17 1/4	9 мая 5 августа	2 мая 29 июля
8	Киев. Успенская церковь Печерской лавры	50 1/2	70	+12	22 апреля 22 августа	15 апреля 15 августа
9	Старая Рязань. Успенская церковь	54 1/2	69	+11	19 апреля 25 августа	12 апреля 18 августа
10	Киев. Церковь на усадьбе Художественного института	50 1/2	119	-19	25 января 18 ноября	18 января 11 ноября
11	Переяславль-Русский. Церковь на усадьбе Дынника	50	116	-17	2 февраля 10 ноября	26 января 3 ноября
12	Киев. Десятинная церковь	50 1/2	52	+22 1/4	3 июня 10 июля	28 мая 4 июля

¹ *Lasteyrie R. de.* La déviation de l'axe des églises est-elle symbolique? Mémoires de l'Institut national de France. Académie des inscriptions et belles-lettres. T. 37. Pt. 2. — Paris, 1906. — P. 297; см. также: *M. Mušič.* Kapitelska cerkev v Novem Mestuproblem njene lomljene osi // Сборник Светозара Радојча. — Београд, 1969. — S. 235.

² *Cave C.J.* The Orientation of Churches // The Antiquaries Journal. — 1950. XXX. — P. 50.

³ *Benson H.* Church Orientation and Patronal Festivals // The Antiquaries Journal. — 1956. XXXVI. — P. 210.

⁴ См., например: *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова. МИА. — № 11. 1949. — С. 71.

⁵ *Шевелев И.М.* Строительная методология и построение формы храмов древнего Новгорода конца XII в. // СА. — 1968. № 1. — С. 82.

⁶ Ссылки на данные письменных источников см., например: *Poppe A.* Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w. — Wrocław, 1962. — S. 22 (под термином «заложити»).

⁷ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. — М., 1961. — С. 378.

⁸ Там же. Т. 1. — С. 438.

⁹ *Каргер М.К.* Зодчество древнего Смоленска. — Л., 1964. — С. 124.

¹⁰ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. — М; Л., 1950. — С. 204.

¹¹ *Воронин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. — С. 354.

¹² Там же. Т. II. 1962. — С. 19.

¹³ Там же. — С. 58.

¹⁴ Там же. — С. 55.

¹⁵ Там же. — С. 67.

¹⁶ Например, по таблицам азимута видимого восхода и захода верхнего края солнца, имеющимся в мореходных таблицах.

¹⁷ Определяются по таблицам астрономических ежегодников (Астрономический ежегодник СССР на 1970 г. — Л., 1967. — Табл. Эфемериды солнца).

¹⁸ *Воронин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. — С. 149. Первую дату дает Лаврентьевская летопись, а вторую — летопись Авраамки. Анализируя сведения о датировке другой владимирской церкви — Георгия — Н. Н. Воронин пришел к выводу, что наиболее достоверной является для этой церкви дата, приводимая в летописи Авраамки (*Воронин Н.Н.* Там же. — С. 100). Очевидно, даты закладки владимирских церквей, сообщаемые этой летописью, заслуживают доверия.

¹⁹ *Лазарев В.Н.* Михайловские мозаики. — М., 1966. — С. 28. По сведениям, любезно сообщенным Ю. С. Асеевым, ориентация здания Михайловского монастыря взята им по данным И.В. Моргилевского.

²⁰ *Воронин Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. — С. 444.

²¹ В редчайших случаях (например, церковь Пятницы в Чернигове) церкви имеют азимут менее 45°, т. е. направлены на такую точку горизонта, где солнце не могло подниматься даже в день летнего солнцестояния.

²² См., например: *Поппэ А.В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. — Т. 8. 1968. — С. 91. Прим. 27.

²³ В Печерском патерике отмечено, что церковь в монастыре на Клове называлась Богородичной: «и нарек имя ей по образу сущего в Коньстяньгине граде, иже Влахерне» (Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 54).

²⁴ Автор выражает искреннюю признательность за помощь А. Поппэ (Варшава) и Ю.С. Асееву (Киев).

Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича*

Исследователи уже давно заметили, что формат кирпичей древних построек дает возможность определять время их возведения. Так, например, Н.Б. Бакланов в программной статье «Изучение строительной техники как один из способов датировки памятников» писал: «Размеры и форма кирпичей варьируют в очень широких границах и дают превосходное средство для датировок сооруженных из них зданий»¹. В полной мере это относится и к древнерусскому кирпичу-плинфе. Уже в первой половине XIX в. умели отличать плоский кирпич X–XIII вв. от более позднего брускового кирпича, появившегося на Руси во второй половине XIII в. Позднее исследователи научились видеть различия и в самой плинфе: крупную, почти квадратную плинфу X – начала XI в. очень легко было отличить от гораздо меньшей по величине и более узкой плинфы второй половины XII – начала XIII в. Постепенно градации все более уточнялись, и были сделаны попытки использовать формат кирпича-плинфы для очень узкой, уточненной датировки памятников. Эти попытки являются естественным следствием более глубокого изучения древнерусской строительной техники и в целом не могут вызывать возражений. Однако практические выводы и датировка отдельных памятников, полученные таким путем, иногда бывают очень спорны².

Чтобы проверить, насколько формат кирпичей может служить средством точной датировки, следует рассмотреть ряд построек, возведенных в одном древнерусском городе или, во всяком случае, в пределах одной архитектурной школы. Хорошим эталоном могут служить постройки древнего Смоленска. Здесь имеется возможность сравнивать формат кирпичей 20 построек, возведенных в пределах XII и первой трети XIII в.³

Обстоятельством, крайне затрудняющим использование формата кирпичей как средства датировки, является применение в одном сооружении кирпичей различной величины. В таких случаях всегда имеются сомнения, какой тип кирпича является основным и может быть использован для сравнения. Именно сложность выделения основного стандарта кирпича порой приводила исследователей к неверным выводам. Сравнение же сложного комплекса кирпичей разного формата требует чрезвычайно детального знания техники памятников, позволяющего судить о процентном соотношении различных типов кирпичей.

* СА. – 1976.

В этом отношении памятники Смоленска также очень удобны, поскольку в них многообразие форматов кирпича отсутствует. Во всех смоленских памятниках XII–XIII вв. имеется один, характерный для данного памятника, стандарт кирпича⁴. Правда, кроме этого основного стандарта в каждом здании обязательно применены кирпичи более узкие, а порой еще несколько типов лекальных кирпичей. Однако все эти кирпичи встречаются в сравнительно небольшом количестве, составляя вместе не более 30% общего количества кирпичей здания и оставляя, таким образом, не менее 70% на долю основного стандарта.

Конечно, кирпичи основного стандарта тоже несколько отличаются друг от друга по размерам. Наблюдения показали, что даже кирпичи, имеющие на торце знаки, исполненные оттиском в одной форме, т. е. явно изготовленные в одной партии, могут отличаться по размерам на 1–1,5 см. Очевидно, таков был допуск, который позволяла сама технология формовки кирпичей. Для выяснения, каков был средний размер основного типа кирпичей определенного памятника, необходимо произвести промер большого количества кирпичей (желательно не менее двух-трех десятков) и затем, отбросив все экземпляры, встречающиеся в небольшом количестве, определить, в каких пределах колеблется формат основной массы кирпичей⁵. Это и будет основной стандарт кирпича данного памятника.

При наличии колебаний в пределах 1–1,5 см средняя величина определяется как среднеарифметическая. Наиболее целесообразно сводить промеры кирпичей в таблицы-графики. Так, для раскопанной в Смоленске в 1962–1963 гг. церкви на Протоке с помощью графиков определяется средняя толщина кирпичей 3,5–4,5 см, ширина 20–21 см и длина 27–28 см (рис. 1). При этом выясняется, что в данном памятнике существует и вторая, менее многочисленная группа кирпичей, имеющих ширину всего 16 см. Если есть возможность промерить значительное количество целых кирпичей, а не отдельных их размеров, в график можно свести размеры постелистой стороны кирпича, что дает возможность еще более наглядно определить основной стандарт и одновременно выявляет наличие второго, вспомогательного типа — более узких кирпичей (рис. 2). Следует при этом иметь в виду, что узкие кирпичи, как правило, применяются для выкладки пилястр и других профилированных частей здания; поэтому в таких местах они встречаются в большем количестве, чем в основной кладке стен⁶.

Таким образом, для выяснения основного стандарта формата кирпича древних зданий необходима тщательная проверка имеющихся сведений, по возможности на массовом материале. Уточнение данных о формате кирпичей памятников древнего смоленского зодчества показывает, что от начала XII до первой половины XIII в. здесь имеет место достаточно четко выраженная эволюция. Меньше всего эта эволюция сказывается на толщине кирпичей. Правда, в памятниках середины XII в. толщина обычно превышает 4 см, а в памятниках конца XII — начала XIII в., как правило, меньше 4 см, но разница эта очень невелика, а исключения настолько существенны, что использовать толщину кирпича в качестве датирующего признака очень трудно⁷. Гораздо более отчетливо проявляется изменение размеров постелистой стороны кирпича, т. е. его длины и ширины. Если эти размеры перенести в таблицу, то выявится явная тенденция хронологической эволюции размеров постелистой стороны кирпича в сторону уменьшения площади, в особенности за счет уменьшения длины, т. е. приблизительно пропорционально соотношению сторон кирпича (рис. 3).

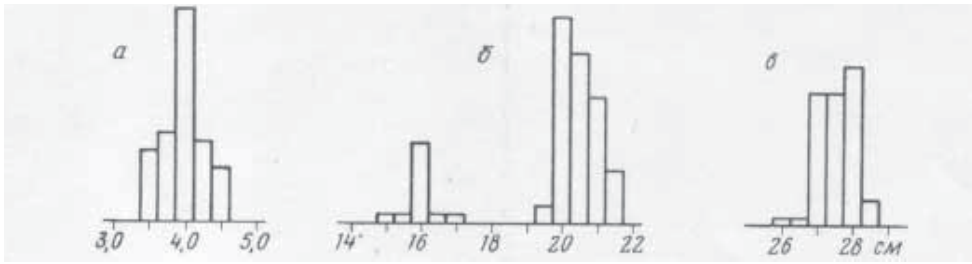

Рис. 1. Определение среднего размера кирпичей собора на Протоке:
а – толщина; б – ширина; в – длина

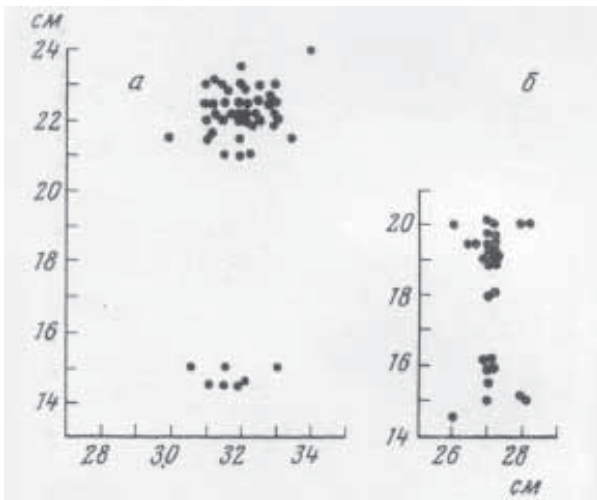

Рис. 2. Определение длины и ширины кирпичей:
а – Борисоглебский собор
Смядынского монастыря;
б – церковь у устья Чуриловки

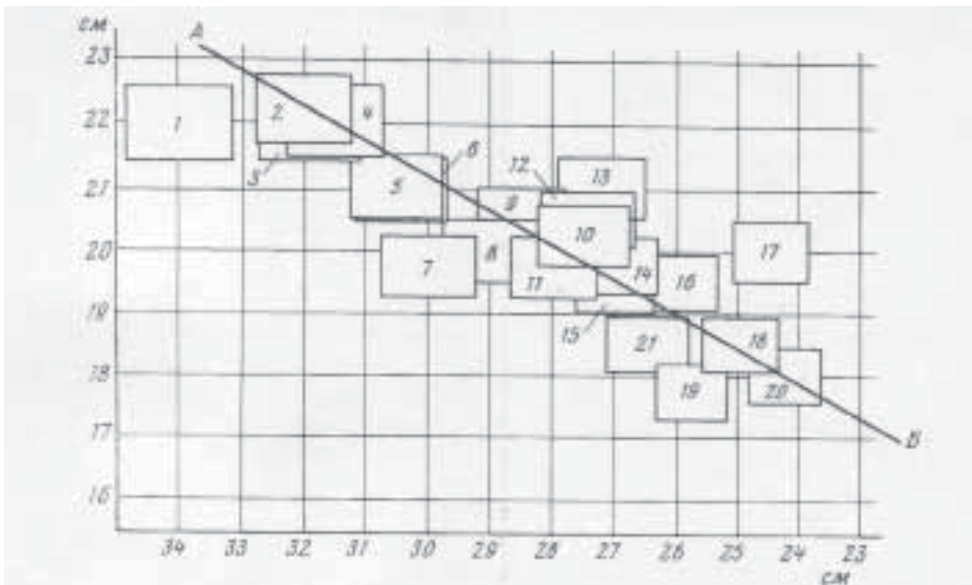

Рис. 3. Таблица форматов древних смоленских кирпичей.
Номера памятников
соответствуют номерам
в табл. 1.

Теперь необходимо сопоставить, насколько эволюция формата кирпича соответствует хронологической шкале памятников. Такое сопоставление дает возможность выяснить, существует ли прямое соответствие между этими двумя факторами. С этой целью следует рассмотреть все сведения, которые могут быть использованы для датировки памятников смоленского зодчества.

К сожалению, среди памятников архитектуры древнего Смоленска только два имеют точную дату постройки, зафиксированную летописью, — Успенский собор и Борисоглебский собор Смядынского монастыря. Успенский собор был заложен Владимиром Мономахом в 1101 г.; здание не сохранилось, но куски его кирпичных кладок были найдены в 1965 г. при раскопках на территории древнего детинца. Борисоглебский собор, основанный, согласно летописи, в 1145 г., был изучен раскопками дореволюционного времени и контрольными раскопками в 1972 и 1974 гг.⁸ Гораздо менее точно датируется церковь Архангела Михаила (так называемая Свирская). В летописи отмечено, что эта церковь была построена князем Давидом Ростиславичем, княжившим в Смоленске с 1180 по 1197 г. Исходя из того, что церковь после завершения ее строительства была расписана и летописец специально подчеркнул, что князь Давид имел привычку ежедневно в ней бывать, можно сделать вывод, что постройка была возведена не в самые последние годы жизни князя Давида. Некоторые исследователи на основании ряда косвенных соображений сужали эту дату до начала 90-х гг. (1191–1194 гг.). Такое уточнение недостаточно обосновано; церковь могла быть построена и несколько раньше. Поэтому осторожнее будет принимать менее узкую датировку — 80 — начало 90-х гг. XII в.⁹

Еще один памятник, имеющий более или менее обоснованную датировку, — церковь Ивана Богослова, отмеченная в летописи как постройка князя Романа Ростиславича, княжившего в Смоленске с 1160 до 1180 г. На основании сходства форм Ивано-Богословской церкви с более ранними памятниками можно полагать, что храм этот был возведен в первой половине или даже в начале княжения Романа¹⁰.

Наконец, пятая смоленская постройка, связываемая с письменными источниками, — малый храм на Смядыни — очевидно, церковь Василия¹¹. В летописном отрывке, сохранившемся в сборнике XVII в. киевского Михайловского монастыря, отмечено, что церковь Василия была построена князем Давидом Ростиславичем. При этом данное сообщение помещено рядом с фразой о принесении из Вышгорода на Смядынь мощей Бориса и Глеба. Учитывая, что князья Борис и Глеб были первоначально погребены в Вышгороде близ маленькой деревянной церкви Василия, исследователи справедливо связывали эти сообщения и полагали, что смоленская церковь Василия была построена незадолго до этого перенесения мощей (в действительности не мощей, а лишь гробов), состоявшегося в 1191 г. Храм этот был раскопан в 1909 г., а в 1972 и 1974 гг. характер его кладки был уточнен контрольными раскопками.

Все остальные памятники древнего смоленского зодчества не имеют датировки, основанной на письменных источниках. Тем не менее время постройки некоторых из этих недатированных памятников может быть в общих чертах определено по сопоставлению их архитектурных форм с датированными сооружениями. Так, церковь Петра и Павла несомненно относится к типу, представленному в

Смоленске церковью Ивана Богослова, а в несколько расширенном варианте — Борисоглебской церковью на Смядыни. Очень близкая к ним по плановой схеме церковь Василия уже имеет некоторые особенности (отсутствие внутренних лопаток), свидетельствующие о начавшемся изменении типа. Следовательно, церковь Петра и Павла была построена ранее церкви Василия и не может относиться ко времени позже 80-х гг. XII в. С другой стороны, широкое самостоятельное монументальное строительство развернулось в Смоленске не ранее середины 30-х гг. XII в., после того как при князе Ростиславе было закончено строительство Успенского собора, начатое Мономахом. Таким образом, церковь Петра и Павла могла быть построена только в период от середины 30-х по 80-е гг. XII в. Совершенно то же можно сказать и о церкви, остатки которой были раскопаны в Перекопном переулке¹². Реконструируемая на основании материала раскопок схема плана этого храма совпадает с плановой схемой церковью Петра и Павла и Ивана Богослова.

Кроме письменных свидетельств и стилистически-типологических сопоставлений есть еще одна возможность уточнить датировку некоторых памятников: сравнение знаков и клейм на кирпичах. Смысл этих знаков, в большом количестве встречающихся на древнесмоленских кирпичах, до сих пор не выяснен¹³. Согласно наиболее общепринятой точке зрения, это знаки мастеров, изготовлявших кирпич. Существует и иное предположение — что это знаки заказчиков. Очень вероятно, что это ни то ни другое, а метки, связанные с определенными особенностями древнерусской организации производства кирпичей. Но независимо от того, что означают знаки на кирпичах, несомненно, что полное совпадение знаков, свидетельствующее о выполнении их в одной форме, могло иметь место лишь в зданиях, возведенных настолько близко по времени, что кирпич для них изготовляли в тех же формах. Естественно, что речь идет о знаках сложного рисунка, поскольку простые знаки (например, одна или две черточки) могли совпасть и случайно. Совпадения нескольких сложных знаков имеются в Борисоглебской и Петропавловской церквях, а также в бесстолпной церкви в детинце¹⁴. Таким образом, как церковь Петра и Павла, так и бесстолпная церковь в детинце должны относиться ко времени, близкому к 1145 г., когда было начато строительство Борисоглебской церкви. Полное совпадение отдельных сложных знаков или клейм имеет место на кирпичах бесстолпной церкви, терема и руин храма в Перекопном переулке¹⁵. Следовательно, к тому же времени, что Борисоглебская, Петропавловская и бесстолпная церкви, могут быть присоединены и терем, и церковь в Перекопном переулке. Время возведения всех этих памятников не может быть отдаленным более чем, примерно, на одно-два десятилетия от времени возведения Борисоглебской церкви, т. е. не может относиться ко времени позже середины 60-х гг. XII в.

Несколько меньше данных можно собрать для определения времени возведения группы храмов, обладающих сложнопрофилированными пучковыми пилястрами и имеющих большую полукруглую центральную апсиду и прямоугольные боковые апсиды. Совершенно несомненно лишь, что эта группа памятников тесно связана с церковью Архангела Михаила и могла появиться только после постройки этого храма, т. е. не ранее 80-х гг. XII в. Ближе всего к церкви Архангела Михаила стоит по своим формам собор Троицкого монастыря на Кловке

(раскопки 1972–1973 гг.), очевидно, возведенный вскоре после Михайловской церкви. Остальные памятники этой группы — церкви в Чернушках¹⁶, на Малой Рачевке¹⁷, у устья р. Чуриловки¹⁸, Воскресенская¹⁹ и Пятницкая²⁰. Относительная хронология данных храмов неясна. В одном случае среди этих сооружений имеется пример совпадения знаков на кирпичах — совпадает один знак на кирпичах Воскресенской церкви и церкви в Чернушках; очевидно, эти храмы должны быть близкими по времени их возведения.

Наконец на основании общих особенностей архитектурной композиции и строительной техники можно высказать достаточно обоснованное предположение о времени возведения трех храмов, обладающих сходной композиционной структурой плана — церковью на Протоке²¹, на Окопном кладбище²² и на Большой Краснофлотской улице²³. Очевидно, что это памятники конца XII — первой половины XIII в. Пожалуй, меньше всего данных имеется для определения времени постройки Немецкой церкви — ротонды²⁴. Можно лишь утверждать, что, судя по строительной технике, это постройка второй половины XII в.

Таковы данные для датировки памятников смоленского зодчества, которые можно получить независимо от формата их кирпича. Если теперь все эти данные сопоставить с таблицей изменения размеров кирпича, то мы увидим их полное совпадение. Во всех случаях, когда нам известно хотя бы приблизительное соотношение памятников, это полностью совпадает с форматом их кирпича. Следовательно, нет никаких сомнений в том, что размеры кирпича действительно могут служить достаточно точным датирующим признаком. Чем можно объяснить такую устойчивую и непрерывную эволюцию формата кирпича? Ответить на этот вопрос с достаточной уверенностью мы в настоящее время еще не можем. Уменьшение размеров плинфы, несомненно, давало преимущества, прежде всего улучшая качество обжига. Кроме того, если кирпичники изготавливали кирпич, не имея заданных цифровых размеров его величины, они, очевидно, принимали за образец кирпичи предыдущей законченной ими постройки. Делая новые рамки для формовки по размеру этого кирпича, они должны были делать рамки с заметным увеличением, так как знали, что кирпичи при сушке, а затем при обжиге уменьшаются в размерах²⁵. Кирпичники должны были вводить какой-то эмпирически найденный общий коэффициент усадки. Опасаясь, чтобы кирпичи не стали по размеру больше, чем предыдущие, мастера XII–XIII вв., видимо, принимали этот коэффициент несколько меньшим, чем фактический, что и приводило к уменьшению формата²⁶.

С какой степенью точности изменение формата кирпича может соответствовать датировке памятников? Не следует, конечно, преувеличивать возможности этого метода. Вряд ли можно ожидать, что эволюция формата кирпича шла непрерывно, из года в год. Гораздо естественнее предположить, что в пределах срока деятельности одного мастера формат кирпича не менялся. Вероятно, изменение формата, будучи устойчивой тенденцией, происходило маленькими скачками при смене мастеров, изготавливавших кирпич. В ряде случаев, когда работало одновременно несколько артелей «плинфотворителей», можно ожидать, что даже последовательность строительства сооружений будет не вполне совпадать со шкалой, построенной только на размерах кирпича. Поэтому прекрасное совпадение данных, полученных с помощью письменных источников и

стилистически-типологических сравнений, с таблицей изменения размеров кирпича не следует рассматривать, как основание для использования формата кирпича в качестве признака совершенно точной датировки, в пределах нескольких лет. Вряд ли можно полагаться на то, что по размеру кирпича можно датировать памятники с точностью большей, чем 10–20 лет. Однако и такая степень точности при отсутствии других данных очень полезна.

Если на таблице эволюции формата древних смоленских кирпичей провести линию, отвечающую наибольшему скоплению памятников (рис. 3, линия А–Б), то мы получим направление основной тенденции этой эволюции. Линия эта не будет совпадать с линией равномерного уменьшения длины и ширины кирпичей, а проходит к ней под углом около 17°, поскольку тенденция изменения формата кирпичей идет больше за счет уменьшения длины, чем ширины. Эту линию основной тенденции можно превратить в хронологическую шкалу, разделив ее на годы, исходя из положения нескольких (не менее двух) достоверно датированных памятников. Конечно, такая шкала будет в значительной степени условна, поскольку само ее положение (по оси основной тенденции эволюции формата кирпича) определяется чисто эмпирически и без достаточной точности. Тем не менее снесение на эту шкалу данных о формате кирпичей может дать достаточно объективное представление о датах памятников.

Для градуирования шкалы необходимо иметь хотя бы две зафиксированные точки. Какие же хорошо датированные памятники могут быть использованы для этой цели? Наиболее ранний памятник — Успенский собор — очевидно, для этого не подходит. Собор этот начали строить киевские или переяславльские зодчие в самые первые годы XII в., а затем вплоть до 30-х или даже 40-х гг. монументальное строительство в Смоленске не велось. Очень возможно, что между строительством Успенского собора и последующим строительством нет непосредственной преемственности и прямого продолжения строительно-технических традиций. Не исключено, что работали мастера разных архитектурных школ, применявшие разную технику кирпичной кладки: Успенский собор, как и другие соборы эпохи Мономаха, мог быть построен в технике кладки «со скрытым рядом». Поэтому более надежно принять за первую точку отсчета время закладки Борисоглебского собора — 1145 г. (рис. 3, 2).

Гораздо сложнее обстоит дело с другой точкой отсчета, поскольку во второй половине шкалы, в конце XII — первой половине XIII в., среди памятников древнего смоленского зодчества нет ни одного, имеющего достаточно точно зафиксированную дату. Однако и здесь можно все же найти необходимую точку. Дело в том, что памятники смоленского зодчества, судя по таблице формата кирпичей, расположены очень кучно во времени, т. е. строились почти вплотную один за другим, а возможно, даже по несколько одновременно. Там, где в строительстве действительно существовал перерыв (например, между строительством Успенского и Борисоглебского соборов), явно наблюдается и разрыв в таблице форматов кирпичей. Однако во второй половине таблицы таких разрывов нет. Очевидно, в начале XIII в. постройки возводились непосредственно одна за другой. А затем строительство внезапно обрывается; не ослабевает, не угасает, а именно обрывается. Можно ли найти в истории Смоленска такую дату, которая объясняла бы этот внезапный конец яркого архитектурного расцвета?

Оказывается, можно. Письменные источники сообщают, что в 1230 г. в Смоленске был страшный мор, во время которого умерло 32 тысячи человек, т. е., видимо, очень большая часть городского населения. В том же году, после смерти князя Мстислава Давидовича, начались жестокие междоусобные княжеские распри, и в 1233 г. княживший до этого в Полоцке Святослав Мстиславич взял Смоленск штурмом. Если к этому добавить начавшиеся литовские набеги, то легко представить, какая разруха наступила в Смоленской земле. Монументальное строительство в таких условиях, естественно, должно было на какое-то время прекратиться или, во всяком случае, очень сильно ослабеть. Таким образом, последний по времени памятник древнесмоленского зодчества можно условно отнести к 1230 г. Если судить по формату кирпича известных нам смоленских построек, то этим последним памятником является та постройка, для которой изготовляли кирпич в кирпичеобжигательной печи, раскопанной в 1973 г. на ул. Пушкина (рис. 3, 20)²⁷.

Определив, таким образом, две точки отсчета, можно разбить шкалу на годы и снести на нее (по перпендикуляру) памятники из положения, которое они занимают в таблице на рис. 3, по формату своего кирпича (рис. 4, а). Конечно, в такой системе отсчета много условного. Так, условна конечная точка отсчета, поскольку вполне возможно, что наиболее поздний памятник смоленского зодчества еще не обнаружен, и, следовательно, кирпичи из печи, раскопанной в 1973 г., относятся не к 1230 г., а на несколько лет старше. Условно и то, что шкала разбита на годы равномерно, в то время как процесс эволюции формата кирпича мог происходить с замедлением или, наоборот, с ускорением. И все же, несмотря на ряд условностей, эта система определения времени возведения сооружений дает очень правдоподобные результаты (табл. 1, а). Изменение условий отсчета путем незначительного поворота шкалы²⁸, уточнения конечной даты или усложнения разбивки шкалы — с тенденцией ускорения или замедления (вероятнее

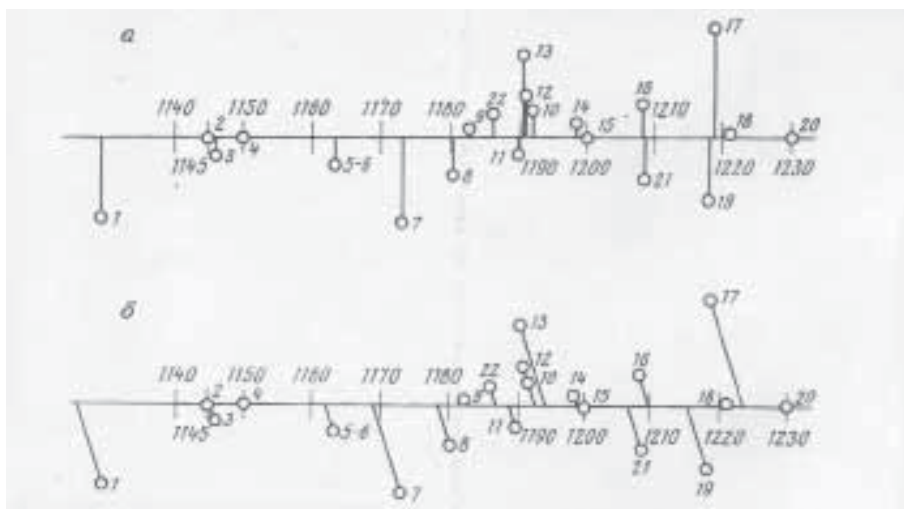

Рис. 4. Шкала определения дат памятников смоленского зодчества по формату кирпича (два варианта)

ускорения) — внесут в полученные итоги лишь очень небольшие поправки, всего на несколько лет.

Однако есть один вопрос, в зависимости от решения которого даты некоторых памятников могут измениться, — это система снесения данных на шкалу. Снесение этих данных по перпендикуляру к шкале предполагает, что тенденция изменения формата кирпича, намеченная по большинству памятников и принятая за положение шкалы, одинаково действительна для всех памятников. Но возможно, что правильнее было бы сносить данные на шкалу под углом, если считать, что уменьшение длины кирпича играет большую роль для датировки, чем уменьшение ширины. Если построить такую схему со снесением данных на шкалу под углом 17° (т. е. под тем углом, под которым ось наибольшей тенденции находится к линии равномерного уменьшения длины и ширины), результат получится несколько иной (рис. 4, б). Для большинства памятников, лежащих вблизи оси тенденции, т. е. вблизи шкалы, это не составит заметной разницы. Но в нескольких случаях, когда длина или ширина кирпича имеет существенные отклонения от средней величины, разница получается до 6 лет (табл. 1, б)²⁹. Очевидно, что из осторожности следует принимать обе полученные даты и от них отсчитывать по 10 лет в обе стороны, чтобы получить дату памятника с принятой нами степенью точности в 20 лет (табл. 1, в).

Для проверки точности данной системы датирования можно использовать кирпичи новгородской церкви Пятницы, включив этот памятник в наши таблицы под № 21. Несмотря на то что Пятницкая церковь построена в Новгороде, принадлежность ее к смоленской архитектурной школе не вызывает сомнений³⁰. Церковь эта была закончена строительством в 1207 г., а так как ее возведение должно было занять около трех лет, закладка церкви относится примерно к 1204 г. В соответствии с изложенной выше системой датирования по формату кирпича закладка церкви определяется 1206–1208 гг., т. е. почти полностью совпадает с действительной датой, зафиксированной летописью.

Можно использовать для проверки метода кирпича еще одного памятника — галереи Борисоглебского собора Смядынского монастыря (№ 22). При раскопках 1974 г. был обнаружен небольшой кусок сохранившейся кладки стены этой галереи. Ширина кирпичей здесь 20,5 см, длину удалось определить всего для одного кирпича — 28 см. Конечно, единственный промер может оказаться случайным и не гарантирует точности. Но все же если попытаться подставить этот размер кирпича в таблицу, то окажется, что галерея была построена в 1186–1187 гг., что прекрасно согласуется с известием о «великом освящении» Борисоглебского собора в 1191 г., очевидно, связанном с завершением строительства галереи³¹.

Наконец, если определить по формату кирпичей время возведения Спасской церкви в Старой Рязани (№ 23), также, несомненно, построенной смоленскими мастерами, то мы получим дату 1192–1193 гг., что лишь на несколько лет не совпадает с предположением исследователей о постройке этого храма после 1198 г., т. е. после отделения Рязани от черниговской епископии³².

Таким образом, эти три примера полностью подтверждают точность предлагаемого метода датирования. При всей условности и приблизительности датировка на основании формата кирпича, несомненно, значительно уточняет даты возведения ряда памятников древнего смоленского зодчества, а для некоторых

памятников вообще является единственным средством выяснения времени их возведения. Конечно, данная шкала может быть использована лишь для памятников Смоленска или смоленской архитектурной школы, поскольку неизвестно, насколько эволюция формата кирпича в других русских землях совпадает со Смоленском. В дальнейшем, когда подобная работа будет проведена на памятниках нескольких древнерусских архитектурных школ, можно будет поднять вопрос и об общих закономерностях изменения формата кирпича в древнерусском зодчестве.

Таблица 1. Датировка памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича

№ п/п	Памятники	Формат кирпича		Годы		
		длина	ширина	а	б	в
1	Успенский собор	34	32			
2	Борисоглебский собор	32	22,2	1145	1145	—
3	Церковь в Перекопном пер.	32	22	1146	1145	1135–1156
4	Церковь Петра и Павла	31–32	21,5–22,5	1150	1150	1140–1160
5	Бесстолпная церковь в детинце	30–31	20,5–21,5	1163	1162	1152–1173
6	Терем	30–31	20,5–21,5	1163	1162	1152–1173
7	Церковь Ивана Богослова	29–31	19–20,5	1173	1169	1159–1183
8	Немецкая церковь (ротонда)	29	20	1180	1178	1168–1190
9	Церковь Василия на Смядыни	28–29	20–21	1182	1183	1172–1193
10	Церковь арх. Михаила	27–28	20,0–20,5	1192	1193	1182–1203
11	Церковь на Б. Краснофлотской улице	27,5–28,5	19,0–20,5	1190	1189	1179–1200
12	Собор на Протоке	27–28	20–21	1191	1193	1181–1203
13	Церковь на М. Рачевке	26,5–28,0	20,5–21,5	1190	1194	1180–1204
14	Собор Троицкого монастыря на Кловке	27	19,0–20,5	1198	1199	1188–1209
15	Церковь у устья Чуриловки	27	19–20	1200	1200	1190–1210
16	Церковь на Воскресенской горе	25,5–26,5	19–20	1208	1210	1198–1220
17	Пятницкая церковь	24–25	20	1218	1224	1208–1234
18	Собор Спасского монастыря в Чернушках	24–26	18–19	1221	1221	1211–1231
19	Церковь на Окопном кладбище	25–26,5	17,0–18,5	1218	1215	1205–1228
20	Кирпичи из печи на ул. Пушкина	24,0–24,5	17,5–18,5	1230	1230	—
21	Новгород, церковь Пятницы	26–27	18–19	1208	1206	—
22	Галерея Борисоглебского собора	28	20,5	1186	1187	—
23	Спасская церковь в Ст. Рязани	26,5–29	19–20	1193	1192	—

Примечание. Даты, определяемые: а — по первому способу; б — по второму способу; в — с условной степенью точности в 20 лет.

¹ Сообщ. ГАИМК. 7–8. 1932. — С. 36.

² Такова, например, датировка Елецкого собора в Чернигове, предложенная Н.В. Холостенко (Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Сб. «Памятники культуры». 3. — М., 1961. — С. 65. О неубедительности датировки, предложенной Н.В. Холостенко, см.: Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. СА. — 1974. 2. — С. 98).

³ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников архитектуры древнего Смоленска // Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. Отделение истории АН СССР. — М., 1972. — С. 53.

⁴ В памятниках Киева и Чернигова в каждом здании, по-видимому, можно найти несколько серий кирпичей разного формата (Холостенко Н.В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964–1965 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. Табл. на с. 98–103). Впрочем, очень вероятно, что и в киево-черниговской группе памятников в каждом здании имеется один основной, ведущий стандарт кирпича. В таблицах Н.В. Холостенко не отмечено, являются ли приводимые им варианты размеров кирпича одинаково широко примененными в постройке или один из них является основным, а остальные дополнительными. Там, где в таблицах Н.В. Холостенко речь идет о памятниках Смоленска (Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора... — С. 65), приведен как основной стандарт, так и дополнительный, встречающийся в таких памятниках в очень незначительном количестве или даже примененный в перестроенных частях здания. Естественно, что эти размеры кирпичей неравноценны и приведение их в таблицах на равных основаниях может дать существенные ошибки в датировке.

⁵ Требование промера двух-трех десятков кирпичей является несколько завышенным, но зато полностью обеспечивает объективность данных и гарантирует от ошибок. На примере подсчета кирпичей Борисоглебского собора на Смядыни (если заранее отбросить узкие и лекальные кирпичи) выяснилось, что при учете всего двух кирпичей ошибка достигает в среднем 3 %, при учете 5 кирпичей — 1 %, а при 10 кирпичах ошибка будет уже всего 0,25 %.

⁶ В 1944 г. И.Д. Белогорцев наблюдал за тем, как при строительстве были задеты части лежащей под замлей церкви у устья р. Чуриловки. При этом он замерил формат обнаруженных им древних кирпичей (Белогорцев И.Д. Кирпичные постройки XII века в Смоленске // Материалы по изучению Смоленской области. V. — Смоленск, 1963. — С. 139). При раскопках этого храма в 1972–1973 гг. выяснилось, что в действительности формат кирпичей древней церкви иной, поскольку в 1944 г. был разрушен профилированный угол здания, в основном сложенный из узких кирпичей, которые и были приняты И.Д. Белогорцевым за основной формат.

⁷ Исследование эволюции размеров брусковых кирпичей XIV–XVIII вв. в Польше показало, что для них наиболее характерно как раз изменение толщины. (См.: Tomaszewski Z. Badania cegly jako metoda pomocnicza przy datowaniu obiektów architekonicznych // Zeczyty naukowe politechniki warszawskiej. No. 11. — Budownictwo. Z. 4. — Warszawa, 1955. — P. 48).

⁸ Каргер М.К. Зодчество древнего Смоленска. — Л., 1964. — С. 29; Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО — 1972 г. — М., 1973. — С. 84; Раппопорт П.А., Усова Г.А., Шолохова Е.В. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО — 1974 г. — М., 1975.

⁹ Каргер М.К. Зодчество древнего Смоленска. — С. 78.

¹⁰ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Раскопки в Смоленске в 1967 г. // СА. — 1971. 2. — С. 186.

¹¹ Каргер М.К. Зодчество древнего Смоленска. — С. 67.

¹² Авдусин Д.А. Новый памятник смоленской архитектуры // СА. — 1957. 2. — С. 230.

¹³ Беляев Л.А. Из истории древнерусского строительного ремесла. Проблемы истории СССР // Сборник аспирантских статей Исторического факультета МГУ. — М., 1973. — С. 439.

¹⁴ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Смоленский детинец и его памятники // СА. — 1967. 3. — С. 298.

¹⁵ Публикация раскопок терема. (Воронин Н.Н. и Раппопорт П.А. Смоленский детинец и его памятники. — С. 299).

¹⁶ *Воронин Н.Н.* К истории смоленского зодчества XII–XIII вв. // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. — Смоленск, 1967. — С. 103.

¹⁷ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г. // СА. — 1969. 2. — С. 211.

¹⁸ *Раппопорт П.А., Шолохова Е.В.* Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске // КСИА АН СССР. 144. 1975. — С. 75.

¹⁹ Раскопки Н.Н. Воронина в 1964–1965 гг.

²⁰ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества // Материалы по изучению Смоленской области. I. — Смоленск, 1952. — С. 112.

²¹ *Воронин Н.Н.* Памятник смоленского искусства XII в. // КСИА АН СССР. — 104. 1965. — С. 18.

²² *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Раскопки в Смоленске в 1967 г. — С. 186.

²³ Раскопки П.А. Раппопорта, 1973 г.

²⁴ *Раппопорт П.А.* «Латинская церковь» в древнем Смоленске // Новое в археологии. — М., 1972. — С. 283.

²⁵ О коэффициенте усадки глины при обжиге см.: *Менделеев Д.* Статья «Глина» в Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона. 16 (т. VIII-а). — СПб., 1893. — С. 843. Усадка кирпичей при обжиге — от 9 до 15 % линейного размера.

²⁶ Некоторым подтверждением такому предположению является то обстоятельство, что уменьшение размеров кирпича происходит с очень незначительным изменением его пропорции, т. е. соотношения длины и ширины, которое колеблется в пределах 1,25–1,5 (чаще всего около 1,4).

²⁷ *Раппопорт П.А., Шолохова Е.В.* Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 76. Саму постройку, для которой изготовляли кирпич в раскопанной печи, пока найти не удалось.

²⁸ Угол наклона шкалы к оси абсцисс около 28°. Если бы сокращение размеров кирпичей проходило с полным сохранением их пропорций, угол наклона шкалы был бы 35°, что соответствует тангенсу 0,7, отвечающему пропорциям кирпичей Борисоглебского собора. Однако более поздние смоленские кирпичи имеют, как правило, несколько иное соотношение сторон, равное 0,74–0,75. Поэтому математически точно определить угол наклона линии основной тенденции (если принимать ее за прямую) не представляется возможным.

²⁹ Если принять за критерий изменения формата кирпича его площадь, то сносить памятники на шкалу надо будет по перпендикуляру к линии, идущей под углом 45° к оси абсцисс. Разница в полученных датах памятников будет также невелика, как правило, не превышая 10 лет и лишь для отдельных памятников поднимаясь до 16 лет.

³⁰ Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. — М., 1964. — С. 210 (автор раздела Г.М. Штендер).

³¹ «Великое освящение» Борисоглебской церкви 11 августа 1191 г. отмечено в нескольких сборниках XVI в. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1879. Кн. 2. С. 113 и 222. См. также: *Орловский И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. I. — Ч. 1. 1909. — С. 227, 277.

³² *Вагнер Г.К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. Т. 15. — М., 1963. — С. 25. Формат кирпичей Спасской церкви приведен по раскопкам А.В. Селиванова (*Селиванов А.В.* Отчет о раскопках в Старой Рязани // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. — Т. 3. 1889. — С. 159). Следует при этом иметь в виду, что диапазон длины кирпичей, приводимый А. В. Селивановым (26,5–29,0 см), явно преувеличен, и поэтому среднearифметический размер в данном случае может не вполне точно совпадать с действительным размером кирпичей. Однако при раскопках 1968 г. размер кирпичей был определен по нескольким сохранившимся обломкам и поэтому еще менее точен. (См.: *Монгайт А.Л., Чернышев М.Б.* Спасский собор Старой Рязани // Новое в археологии. — М., 1972. — С. 210).

Знаки на плинфе*

Плоские кирпичи (плинфа) применялись на Руси с конца X до середины XIII вв. На этих кирпичах довольно часто встречаются знаки, различные по рисунку и технике исполнения. Интерес к таким знакам проявился уже в первой половине прошлого века, причем особое внимание уделяли им смоленские краеведы, поскольку именно в Смоленске знаки на кирпичах обнаруживали в наибольшем количестве. Рисунки таких знаков, большей частью очень примитивно исполненные, приводились в различных краеведческих изданиях, а в начале XX в. И.И. Орловский опубликовал даже целую сводную таблицу знаков на кирпичах, найденных при раскопках Борисоглебского собора Смядынского монастыря в Смоленске¹.

Первая серьезная попытка исследовательского подхода к знакам принадлежит И.М. Хозерову². Он предложил продуманную систему классификации и фиксации знаков, но не решился дать объяснения их смысла, отметив лишь, что придает их изучению очень большое значение. После работы И.М. Хозерова исследователи при изучении памятников древнерусского кирпичного зодчества всегда уделяли знакам должное внимание и часто публиковали их таблицами. Делались также попытки объяснения причин появления знаков на кирпичах. Так, В. Голубович высказал мнение, что наличие собственных знаков у мастеров-кирпичников может быть связано с процессом организации ремесла³. В недавнее время к анализу знаков обратился Л.А. Беляев, пришедший к выводу, что рельефные знаки на торцах кирпичей «нельзя рассматривать иначе, чем знаки ремесленников, аналогичные или тождественные их тамгам»⁴.

Выпуклые знаки на торцах кирпичей известны в памятниках Чернигова, Смоленска, Полоцка, Гродно и ряда других древнерусских строительных центров. Знаки на постелистой стороне, вдавленные клейма и процарапанные по сырой глине метки встречаются значительно реже. В настоящей статье речь пойдет только о выпуклых знаках на торцах кирпичей, т. е. о самой распространенной категории знаков.

В итоге работ Смоленской архитектурно-археологической экспедиции (1962–1974 гг.) собрано огромное количество знаков на кирпичах, относящихся к 18 памятникам зодчества XII–XIII вв. Знаки эти в подавляющем большинстве случаев находятся на коротком торце кирпича, хотя иногда встречаются знаки и на

*КСИА. – 1977. Вып. 150.

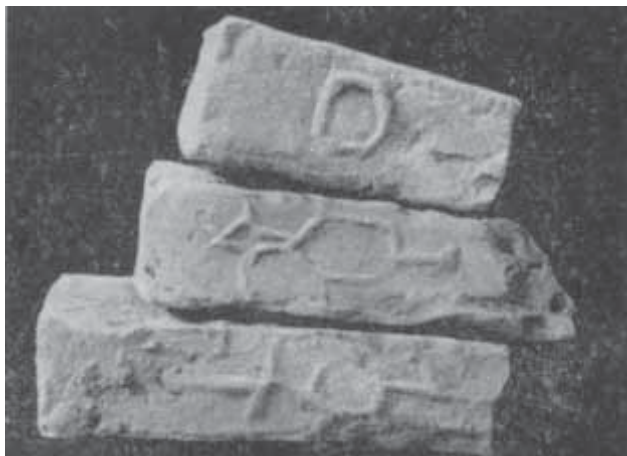

Рис. 1. Смоленск. Собор на Протоке. Знаки на кирпичях

длинном торце. Отмечено наличие и таких кирпичей, которые имеют знаки на двух торцах. Все знаки выпуклые и, безусловно, исполнены оттиском с деревянной матрицы.

Знаки очень разнообразны по рисунку. Большинство знаков простые: это либо черточки, либо сочетания нескольких черточек. Реже встречаются знаки, напоминающие буквы, а также звездочки, кружки, зигзаги и пр. (рис. 1). Известны и сложные декоративные знаки. Очень редки изображения, похожие на «княжеские» знаки; в Смоленске таких знаков найдено всего три — по одному знаку в церкви Василия, соборе Троицкого монастыря на Кловке и соборе на Протоке. Никакой хронологической эволюции знаков проследить не удастся, поскольку простейшие знаки преобладают во всех памятниках, а сложные декоративные встречаются как в самых ранних постройках (Борисоглебский собор — 1145 г.), так и в поздних (собор на Протоке — рубеж XII и XIII вв.).

Следует отметить, что во всех смоленских памятниках можно увидеть знаки, очень близкие по рисунку, но отличающиеся мелкими деталями, величиной или расположением на кирпиче, что свидетельствует о выполнении их оттиском с разных матриц (рис. 2). Такие знаки мы, естественно, должны считать разными

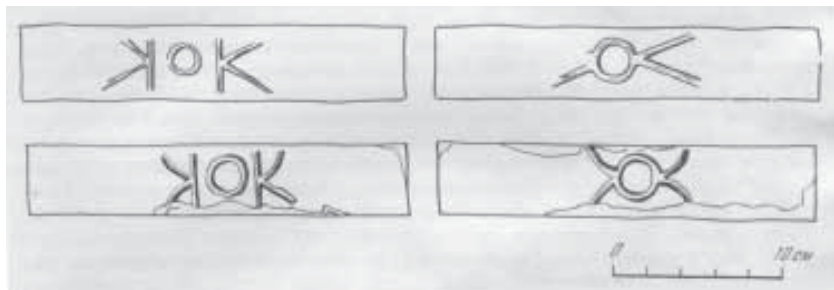

Рис. 2. Смоленск. Борисоглебский собор Смядынского монастыря. Знаки на кирпичях

вариантами. Вместе с тем их близость дает основания полагать, что мастера, вырезая изображение на деревянной матрице, имели в виду один рисунок. Определить, когда было задумано сделать одинаковый знак, а когда — разные, хотя и похожие знаки, бывает не всегда легко. Поэтому если количество знаков, оттиснутых с одной матрицы, найденных при раскопках, можно подсчитать довольно точно, то количество разных рисунков определяется обычно лишь приблизительно.

Между группами знаков некоторых памятников имеется определенное сходство. Так, несомненна близость знаков Борисоглебского собора и церкви Петра и Павла. Явно выделяется также группа из трех храмов: на Большой Краснофлотской улице, на Окопном кладбище и на Протоке. Близкие по рисунку знаки в этих памятниках исполнены большей частью разными матрицами, но тем не менее они свидетельствуют либо об одних и тех же мастерах, либо о какой-то общности или преемственности традиций формовки кирпичей. В нескольких случаях можно отметить не только близость рисунка знаков различных памятников, но и прямое их совпадение, т. е. оттиск с одной матрицы. Естественно, что речь идет о достаточно сложных по рисунку знаках, так как совпадение простых знаков может быть и случайным. Совпадение сложных и очень своеобразных знаков имеет место в Борисоглебском соборе, церкви Петра и Павла и церкви в Перекопном переулке. Имеются совпадения знаков и на кирпичах некоторых других памятников смоленского зодчества.

Наличие в разных памятниках знаков, оттиснутых с одной матрицы, могло иметь место только в том случае, если после завершения строительства одного здания при налаживании производства кирпича для следующей постройки использовали сохранившиеся дощечки с вырезанными на них рисунками знаков. Естественно, что такое сохранение матриц наиболее вероятно при работе одного и того же мастера-формовщика и, следовательно, свидетельствует о хронологической близости данных памятников.

Процент кирпичей, имеющих на торцах знаки, не вполне ясен. Ни в одном случае в Смоленске не удалось произвести точные статистические подсчеты соотношения количества кирпичей со знаками и без знаков. По-видимому, это соотношение не было одинаковым в разных памятниках. Приблизительный подсчет количества знаков можно сделать на сохранившихся участках стен раскопанных зданий. Так, в соборе Троицкого монастыря на Кловке на внутренней поверхности северной стены северного притвора имеется девять знаков на общее количество 200 кирпичей. Учитывая, что в кладке кирпичи одинаково часто укладывали знаками, как на фасад, так и внутрь кладки, можно думать, что еще примерно такое же количество знаков здесь имеется на невидимой снаружи стороне кирпичей. Кроме того, из подсчета следует исключить кирпичи, выходящие на фасад длинной стороной, поскольку знаки в подавляющем большинстве случаев встречаются на коротком торце. В результате оказывается, что при таком подсчете знаки должны были иметь примерно 18 кирпичей из 150, т. е. 12%. В кладке апсиды этого же храма подобный подсчет дает несколько меньшее количество кирпичей со знаками — всего 8%.

Количество знаков, оттиснутых с одной матрицы, определяется также приблизительно. Максимальное число зарегистрированных одинаковых знаков — около 40. Если считать, что метили примерно 10% кирпичей, окажется, что

партия, отмеченная одним знаком, состояла не менее чем из 400 экземпляров. В действительности, конечно, одинаковых знаков было гораздо больше и каждая партия, вероятно, состояла из нескольких тысяч штук. Отмечено, что одинаковые знаки чаще встречаются в одном и том же участке здания. Очевидно, это связано с тем, что здесь использовалась одна партия кирпичей, меченных одинаковыми знаками.

Общее количество различных знаков, применявшихся при формовке кирпичей одного здания, было довольно значительным. Конечно, ни в одном случае мы не знаем их подлинного числа, поскольку в раскопках удается изучить лишь нижние части кирпичных кладок. В сохранившихся зданиях такой подсчет тем более невозможен. Больше всего вариантов знаков отмечено в соборе на Протоке; здесь их 214, если принимать за разные знаки изображения, оттиснутые с разных матриц. Если же сходные по рисунку знаки, даже с разных матриц, считать за один знак, то общее количество разных знаков, найденных в этом храме, будет около 130. Учитывая, что от здания собора сохранились только нижние части стен и столбов, можно полагать, что в целом сооружении было использовано не менее 200 знаков разного рисунка. Собор на Протоке — один из крупнейших памятников древнего смоленского зодчества; в большинстве памятников объем кирпичной кладки был меньшим, а следовательно, и знаков тоже было несколько меньше. Можно полагать, что общее количество различных знаков на торцах кирпичей, использованных в каждом древнем памятнике Смоленска, составляло от 100 до 200, а возможно, и несколько больше.

Определение количества знаков, имеющих на кирпичях одного здания, при всей приблизительности такого подсчета, дает основания судить о назначении знаков. Так, несомненно, что ни на каком, даже самом грандиозном, строительстве не могло работать несколько сотен формовщиков кирпича⁵. Следовательно, знаки не могут рассматриваться как личные знаки ремесленников. По той же причине они не могут рассматриваться и как знаки заказчиков. Очевидно, что столь многочисленные знаки могут быть только счетными или, вернее, производственными.

Детальное обследование кладок древних смоленских построек не оставляет сомнений в том, что знаки не играли никакой роли в процессе кирпичной кладки. Кирпичи со знаками использовались более или менее равномерно во всех частях здания, причем укладывались они знаками как на фасад, так и внутрь кладки. Очевидно, они имели значение не в кладке, а ранее, на этапе производства кирпича.

Чем можно объяснить, что знаками метили не все кирпичи, а только их часть? Видимо, это связано с тем, что отмечали один кирпич из партии, скорее всего, один на штабель («банкет»). Уложенный во время сушки кирпичей в верхней части штабеля, такой кирпич мог быть хорошо виден, и поэтому остальные кирпичи этого штабеля уже не нуждались в том, чтобы их метили. Но если одинаковые знаки отвечали мелким партиям кирпичей, то разные знаки должны были отвечать каким-то гораздо более крупным партиям, связанным с этапами производственного процесса. Наиболее вероятно, что этапом производства, которому соответствовал знак, был цикл кирпичеобжигательной печи. Видимо, партия кирпичей, помеченная одинаковыми знаками, предназначалась для одной загрузки печи.

Сезон формовки кирпичей заканчивался обычно раньше сезона работы печей, и заранее отформованные сырцы должны были храниться в сараях, ожидая пока их загрузят в печь. Естественно, что на всех штабелях сырцов должны были иметься ясно видимые знаки, по которым можно было определить, какие штабеля намечены для одной загрузки печи. Поскольку одновременно действовало около десятка печей, а каждая печь выдерживала по 8–10 циклов за сезон, получается, что за один сезон проводилось всего 80–100 циклов. Если каждый цикл отмечался отдельным знаком, то очевидно, что для такого крупного храма, как собор на Протоке, судя по количеству знаков, кирпичи изготовляли в течение двух (или даже трех) сезонов.

При каждой загрузке в печь помещали примерно 4–5 тыс. штук сырцов⁶. Таким образом, общее количество сырцов, подготавливаемых за сезон, должно было составлять около 400–500 тыс. Принимая сезон формовки за 100 рабочих дней, получим, что за день работы надо было отформовать около 5 тыс. сырцов⁷. В XIX в. мастер-формовщик с двумя помощниками мог отформовать за день от 3 до 5 тыс.⁸ Поскольку формовка плинфы более трудоемка, чем формовка брускового кирпича, можно полагать, что древний смоленский мастер мог формовать не более 2 тыс. штук в день. В таком случае для изготовления необходимого количества сырцов должны были работать одновременно два-три мастера. Параллельная работа нескольких формовщиков объясняет, почему среди знаков, как правило, встречается по несколько знаков одинакового (или очень похожего) рисунка, но явно оттиснутых с разных матриц. Количество таких вариантов знаков в каждом памятнике обычно не более пяти — семи. Внимательное рассмотрение этих знаков показывает, что среди них имеются почти идентичные, но исполненные на кирпичах разного формата — широких и узких. Такие знаки могли принадлежать одному формовщику. Следовательно, количество знаков, принадлежащих разным мастерам, ни в одном памятнике Смоленска не превышает четырех-пяти. Видимо, формовщиков кирпича было очень немного.

Предположение, что знаки на торцах кирпичей соответствуют циклам кирпичеобжигательной печи, подтверждается наблюдением над знаками, найденными при раскопках самих печей. В верхней печи 1963 г. были найдены два рисунка знаков: один (в двух вариантах) на 24 кирпичах нормального формата, а другой — на девяти узких кирпичах. Очевидно, нормальные кирпичи, обжигавшиеся при последней загрузке этой печи, метились одним знаком, а узкие — другим. В печи, раскопанной в 1973 г., из 53 знаков 31 был одинакового рисунка, хотя в двух вариантах. Остальные знаки, найденные в единичном количестве, могли относиться не к продукции печи, а к разрушенным верхним частям ее наружных стенок. Таким образом, вся продукция последнего цикла этой печи, по-видимому, метилась одним знаком.

Если правильно предположение, что знаки на торцах кирпичей соответствуют циклам обжига, то естественно, что знаки простейшего рисунка — одна, две или три черточки — должны были применяться на кирпичах первых циклов работы печей. Следовательно, кирпичи с такими знаками попадали на стройку в самом начале и поэтому должны встречаться в основном в нижних частях здания. А так как в раскопках обычно удается изучить только самые нижние ряды кладки, преобладание простейших знаков получает логическое объяснение. Действительно,

знаки простейшего рисунка составляют в раскопанных смоленских памятниках, как правило, не менее 20% от общего количества знаков, а в отдельных случаях — до половины всех найденных знаков. Между тем в соборе на Протоке, сохранившемся на несколько большую высоту, чем остальные раскопанные храмы Смоленска, простейшие знаки составляют всего около 10% общего их количества. На хорах же церкви Петра и Павла из 37 зарегистрированных знаков нет ни одного простого⁹.

Конечно, в настоящее время нельзя настаивать на предлагаемом решении вопроса о знаках как на единственно возможном; для этого еще слишком мало материала. Все приводимые подсчеты также очень приблизительны и могут лишь подтвердить возможность подобной интерпретации. Есть и другое предположение о значении знаков на торцах кирпичей: ими могли отмечать не партию загрузки печи, а кирпичи одного дня формовки. В процессе подготовки сырцов к обжигу очень большую роль играло время, которое эти сырцы сушились, лежа сперва плашмя, затем на ребре и, наконец, в штабелях. Естественно поэтому, что на кирпичах могли делать метки, обозначающие день их формовки. Штабеля, сложенные из сырцов одного дня формовки, могли иметь одинаковый знак, отличавший их от штабелей, формованных в другой день. Вполне вероятно, что кирпичи каждого дня формовки могли метить особым, не повторявшимся позднее знаком. В каждом сезоне это должно было давать около 100 знаков разного рисунка.

К сожалению, и при таком решении вопроса остаются некоторые факты, пока не получающие объяснения. Так, например, неясно, почему изредка встречаются знаки на двух торцах одного кирпича. Это, безусловно, не случайное явление, так как в печи 1973 г. были найдены три кирпича, имевших на противоположных торцах одинаковые знаки.

Мог ли иметь смысл сам рисунок знаков? Вне зависимости от того, какому производственному циклу соответствовал знак — загрузке печи или дню формовки, — не исключено, что иногда знаки буквенного характера могли отвечать именам мастеров, а по каким-либо особым случаям формовщики могли использовать и княжеский знак — знак своего заказчика.

¹ Орловский И.И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 1. Смоленск, 1909. С. 195.

² Хозеров И.М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода // Научные известия Смоленского государственного ун-та. 1929. Т. V. Вып. 3. С. 167.

³ Holubowicz W. Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodnie // *Slavia antiqua* (Poznań). 1948. T. I. S. 580.

⁴ Беляев Л.А. Из истории древнерусского строительного ремесла // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 448.

⁵ По данным польских исследователей, при формовке кирпича в средневековой «цегельне» работали обычно всего один-два мастера-формовщика. (см.: *Wyrobisz A. Średniowieczne cegielnie w większych ośrodkach miejskich w Polsce // Studia z dziejów rzemiosła I przemysłu. T. I. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1961. S. 79).*

⁶ Расчет производительности кирпичеобжигательных печей исполнен на основании изучения двух печей XII–XIII вв., раскопанных в Смоленске (см.: Юшко А.А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске // *Культура Древней Руси. М., 1966. С. 309. Ратнопом П.А.,*

Шолохова Е.В. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО 1973 г. М., 1974. С. 75).

⁷ Длительность сезона формовки кирпичей достаточно ясно определяется на основании этнографических материалов (см. также: *Рошефор Н.И.* Иллюстрированное урочное положение. Пг., 1916. С. 295).

⁸ *Вебер К.К.* Практическое руководство по производству кирпича. СПб., 1893. С. 132.

⁹ Следует отметить, что простейших знаков совершенно не обнаружено при раскопках терема (*Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленский детинец и его памятники // СА. 1967. № 3. С. 287). Полная идентичность кирпичей позволяет предположить, что кирпичи для обоих зданий изготавливали одновременно в тех же печах: сперва из этих кирпичей строили бесстолпную церковь, а затем перешли к строительству терема. В таком случае кирпичи первых циклов обжига должны были целиком уйти на здание бесстолпной церкви и не попали в кладку терема.

О времени появления брускового кирпича на Руси*

Вопрос о времени появления на Руси брускового кирпича на первый взгляд может показаться частным и маловажным. Однако в действительности с этим вопросом связаны очень существенные процессы в развитии древнерусского зодчества и даже шире — в истории культуры Древней Руси.

В отличие от плинфы, имеющей византийское происхождение, брусковый кирпич — кирпич романский. Он отличается от плинфы своими пропорциями: он значительно уже и толще. На одной из постелей брусковые кирпичи часто имеют продольные борозды, проведенные пальцами, отчего такие кирпичи иногда называют «пальчаткой». В дореволюционной литературе брусковые кирпичи порой относили к эпохе Киевской Руси и датировали XI в.¹ Позднее, когда стало ясно, что в домонгольской Руси единственным типом кирпича была плинфа, брусковый кирпич стали называть «литовским» кирпичом, поскольку на Руси он был характерен для зодчества тех земель, которые входили в состав Великого княжества Литовского. Полагали, что появился такой кирпич в русских землях в XIV или XV в. Однако вскоре выяснилось, что брусковый кирпич появился значительно раньше. Об этом свидетельствует несколько хорошо датированных построек второй половины XIII в., в частности башня в Каменце². Установилось мнение, что водораздел между плинфой и брусковым кирпичом проходит в середине XIII в. и совпадает с резкими изменениями зодчества, связанными с монгольским вторжением. Такое предположение казалось хорошо соответствующим как фактическим данным, так и обще-историческим соображениям.

Тем более неожиданным было открытие М.К. Каргером брусковых кирпичей в жилищах, погибших при взятии Киева монголами в 1240 г. При раскопках 1946 г. брусковые кирпичи были найдены в одном жилище (на Б. Житомирской ул.), а в 1948–1949 гг. — еще двух (на территории бывш. Михайловского монастыря и близ Десятинной церкви)³. М.К. Каргер отметил, что этот факт несколько не подрывает доверия к датировке раскопанных жилищ, но зато меняет наши представления о времени появления «литовского» кирпича. В киевских жилищах кирпичи оказались использованными при устройстве печей, но производились они, конечно, не для этой цели. Известны многочисленные случаи, когда при постройке храмов некоторое количество плинф (возможно, бракованных) жители использовали в жилищах для устройства печей. Очевидно, что и брусковые кирпичи, найденные

*СА. — 1989.

в раскопанных жилищах, также изготавливались для постройки какого-то кирпичного здания.

Археологическими раскопками в Киеве обнаружены две постройки, в кладке которых применены совместно брусковые кирпичи и плинфы. Таковы Ротонда, раскопанная в 1975–1976 гг. (П.П. Толочко и Я.Е. Боровский)⁴, и церковь в Нестеровском переулке, раскопанная в 1967 г. (П.П. Толочко)⁵. На этом основании некоторые авторы выдвинули предположение, что такая техника, т. е. применение одновременно двух различных типов кирпича, была характерна для киевского зодчества предмонгольской поры. Это предположение не может быть принято. Кладка из плинфы и кладка из брускового кирпича совершенно различны. Они отличаются не только форматом кирпича, но и системой перевязки швов и характером раствора, т. е. отвечают разным строительным традициям. Между тем строительная техника в эпоху средневековья — характерная устойчивая черта, отмечающая деятельность определенных групп мастеров. Поэтому применение разных типов кирпича в одной постройке может быть объяснено только двумя причинами: либо это плинфяная постройка, позднее сильно перестроенная брусковым кирпичом, либо это постройка, исполненная из брускового кирпича, но с использованием плинф, взятых из какого-то более раннего разобранного здания. Киевская Ротонда, несомненно, относится к первому варианту: это было здание, первоначально целиком возведенное из плинфы, судя по ее формату, в 70–80-х гг. XII в.⁶ Позднее, после какой-то катастрофы, здание полностью перестроили, причем из круглого его превратили в многоугольное⁷. Раствор перестроенной части Ротонды не известково-цемяночный, а известково-песчаный.

Брусковые кирпичи были обнаружены в Киеве еще в нескольких постройках домонгольского времени, но уже совершенно явно как материал более поздних перестроек. Так, подобные кирпичи находили в ремонтных кладках Успенского собора Печерского монастыря, взорванного во время Великой Отечественной войны⁸. Из брускового кирпича были возведены дополнительные внутренние стенки-перегородки в церкви, раскопанной на Вознесенском спуске⁹. Кроме самого Киева применение брусковых кирпичей в плинфяных постройках отмечено в Переяславле, например при раскопках Михайловского собора¹⁰. Там же, в Переяславле, брусковые кирпичи обнаружили в гражданской постройке¹¹. Наконец, сочетание брускового кирпича и плинфы выявлено при раскопках небольшого храма в г. Белая Церковь (древний город Юрьев)¹². Размеры брусковых кирпичей указанных памятников приведены в таблице, №№ 1–10.

Датировка брусковых кирпичей по их формату пока еще слабо разработана. Однако в пределах столетия такие кирпичи все же определяются достаточно уверенно. Кирпичи второй половины XIII в., судя по более или менее точно датированным памятникам, имеют в длину 25–27 см, а в ширину не более 13,5 см, при толщине 8–9 (см. табл., №№ 11–15). В XIV в. длина кирпичей увеличивается: обычно они имеют не менее 27 см в длину и 12–13 см в ширину. Если с такой меркой обратиться к кирпичам, найденным в Киеве и Переяславле, то окажется, что они должны относиться ко времени не позднее, а может быть, даже раньше, чем вторая половина XIII в., поскольку их длина 23–26, ширина 9,5–12 и толщина от 7,5 до 10 см. Единственным исключением является часть кирпичей одного из киевских жилищ, где толщина равна всего 5–6,5 см. Можно было бы предположить,

что это вообще не брусковые кирпичи, а толстые узкоформатные плинфы, однако на них имеются борозды, характерные именно для брусковых кирпичей. В киевской Ротонде кроме размеров кирпича датирующим признаком может служить вендская (иначе — балтийская) система кирпичной кладки, характерная для XIII в. и не встречающаяся позже середины XIV в.

Очень сомнительны по дате кирпичи из Белой Церкви. Судя по толщине (6,5–7,5 см), они могут относиться к XV–XVI вв., хотя их длина и ширина соответствуют кирпичам XIII в.

В Успенском соборе Печерского монастыря кроме ранних брусковых кирпичей были найдены в большом количестве и более крупные кирпичи, связанные с различными ремонтами и перестройками здания. При этом кирпичи, имеющие размер 27–27,5 x 7–7,5 см, видимо, относятся к ремонтам, исполненным в XV в. при князе Симеоне Олельковиче¹³.

Таким образом, выясняется, что ранние брусковые кирпичи, обнаруженные в Киеве и Переяславле, с большой долей уверенности можно датировать XIII в., причем более вероятно — его первой половиной. Но известно, что после взятия монголами в 1240 г. Киев долгое время находился в крайнем запустении. Францисканец Плано Карпини, видевший Киев в 1246 г., писал, что город «теперь сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они (т. е. монголы. — *П. Р.*) в самом тяжелом рабстве»¹⁴. Трудно предположить, чтобы сразу же после разгрома, учиненного монголами, здесь производились достаточно серьезные строительные работы. Очевидно, что не только в жилищах, раскопанных М.К. Каргером, но и в других сооружениях (или, во всяком случае, в значительной их части) ранние брусковые кирпичи, найденные в Киеве, относятся к домонгольскому времени.

Когда же и при каких обстоятельствах начали применять в Киеве брусковые кирпичи? Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть пути развития киевского зодчества, начиная с рубежа XII и XIII вв. В конце XII в. в киевском зодчестве произошел резкий перелом. Сохранившиеся традиционные строительно-технические особенности и ряд характерных типологических черт свидетельствуют, что строительная организация здесь продолжала работать та же, что и раньше, но архитектурные формы и даже сам образ храма приобрели совершенно новые качества. Сложилось новое архитектурное направление. Оно было подготовлено всем предшествующим развитием и вполне соответствовало тем крутым изменениям, которые произошли в зодчестве и в других русских землях¹⁵.

В Киевской земле этот перелом был, видимо, связан с деятельностью ярко талантливого зодчего, того Петра-Милонегга, о котором с восторгом упоминал летописец, сравнивая его с библейским зодчим Веселиилом. Будучи придворным зодчим князя Рюрика Ростиславича, он построил для него церковь Апостолов в Белгороде (1197 г.) и церковь Василия в Овруче, а затем Пятницкую церковь в Чернигове. Очень вероятно, что строительство Пятницкой церкви было связано с тем, что в 1211 г. князь Рюрик лишился Киева и получил взамен Чернигов. Вскоре Рюрик умер, и блестящая киевская строительная артель осталась в распоряжении черниговских князей. Артель эта продолжала интенсивно работать в Чернигове и особенно в Северской земле до самого монгольского вторжения.

В Киеве резкое ослабление политического авторитета князей не создавало благоприятных условий для ведения крупного монументального строительства. Очевидно, здесь оставалась лишь небольшая группа строителей, осуществлявшая в первые два десятилетия XIII в. очень скромные по масштабу работы. Так, к этому времени предположительно можно отнести те маленькие четырехстолпные одноапсидные храмики, которые были вскрыты раскопками, — церковь Гнилецкого монастыря и Малый храм в Белгороде¹⁶. К этому же времени, возможно, относится и та небольшая постройка (видимо, церковь), остатки которой были обнаружены при раскопках в Киеве на Подоле, на углу улиц Нижний Вал и Волошской¹⁷. Наконец, не исключено, что кирпичной (т. е. из плинфы) была возведена и та церковь Воздвижения, которая упомянута в поздних летописях как построенная в 1212 г. по заказу князя Мстислава Мстиславича¹⁸. Скоро строительство в Киеве, по-видимому, вообще прекратилось. Таким образом, накануне монгольского вторжения Киев остался без строителей.

В 1230 г. в Среднем Поднепровье произошло сильное землетрясение. При этом серьезно пострадали некоторые киевские здания. Так, Успенский собор Печерского монастыря «на четыре части расступися»¹⁹. Разрушение коснулось и переяславльских построек: Михайловский собор «расседес надвое и паде перевод с кровлею з комар»²⁰. Нужно было срочно восстанавливать монументальные здания, и прежде всего храмы, а для этого требовалось пригласить в Киев какую-либо строительную артель. Очевидно, тогда и прибыли те строители, которые принесли с собою романскую кирпичную технику — брусковый кирпич и известково-песчаный раствор. В происхождении приехавших мастеров сомнений нет: совершенно идентичную технику можно в это время видеть в юго-восточной части Польши, куда такой вариант кирпичной техники был незадолго до этого занесен из Италии. При этом ведущую роль в перенесении на территорию Польши кирпичной техники сыграли строители, связанные с доминиканским орденом²¹.

В Киеве в это время, очевидно, полностью перестроили Ротонду, восстановили Успенский собор Печерского монастыря, возможно, отремонтировали еще несколько зданий. Кроме того, произвели восстановительные работы и в Переяславле. Именно в это время в процессе производства нового типа кирпича какое-то его количество (может быть, брак) местные жители и использовали для устройства печей в домах.

Обращение к польским строителям можно объяснить двояко. Это могло быть связано с деятельностью князя Даниила, имевшего тесные связи с Польшей и в то же время фактически осуществлявшего суверенитет над Киевом. Но может быть и другое объяснение: строители могли приехать в Киев вместе с миссией польских доминиканцев²². Если Ротонда была католической церковью, что очень вероятно, то в этом случае вполне понятно, почему именно она была восстановлена сразу же после землетрясения 1230 г. Однако в 1233 г. киевский князь Владимир Рюрикович изгнал доминиканцев из Киева²³. При этом очень возможно, что строителей он задержал и переключил на восстановление собора Печерского монастыря и других русских храмов²⁴.

Монгольский удар прекратил в Киеве всякую строительную деятельность. Очевидно, при этом погибли и работавшие здесь строители.

Таблица

№ п/п	Памятник	Размеры брускового кирпича, см		
		длина	ширина	толщина
	Киев			
1	жилища на усадьбе Михайловского монастыря	?	11–12	8–10
2	там же	23–24	10–12	5–6,5
3	жилище близ Десятинной церкви	?	10,5–12	7,5–9,5
4	Ротонда	25–26	12	7,5–8
5	церковь в Нестеровском пер.	24,5–25	11–12	9
6	церковь на Вознесенском спуске	26,6	Не более 12	Не менее 7,5
7	Успенский собор Печерского монастыря	25	10–13	8,5–9,5
	Переяславль			
8	Михайловский собор	24–25	9,5–11	8–8,5
9	гражданская постройка	23,5–25,5	9,2–11	8–8,4
10	Белая Церковь	24,5–26,5	11–11,5	6,5–7,5
11	Каменец , башня	26,5	13,5	8
12	Черторыйск , башня	26–28	11,5–13,5	7,5–8,5
13	Любомль , Георгиевская церковь	25–26	11–12	8–9
	Владимир-Волынский			
14	Михайловская церковь	25–26	12–13	8–9
15	Васильевская церковь	26–27	12–13	8–9

- ¹ Самоковасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. — М., 1917. С. 5.
- ² Раппопорт П.А. Волыньские башни // МИА. — 1952. № 31. — С. 209.
- ³ Раппопорт П.А. Волыньские башни // МИА. — 1952. № 31. — С. 211; Каргер М.К. Новые данные к истории древнерусского жилища // КСИИМК. — 1951. Вып. 38. — С. 7; Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. — М; Л., 1958. — С. 331.
- ⁴ Боровський Я. Е., Толочко П. П. Київська ротонда // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. — Київ, 1979. — С. 96.
- ⁵ Толочко П.П., Асеев Ю.С. Новый памятник архитектуры древнего Киева // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. — М., 1972. — С. 85.
- ⁶ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — САИ. Вып. Е1-47—. — Л., 1982. — С. 10.
- ⁷ Боровский Я.Е. Светские постройки // Новое в археологии Киева. — Киев, 1981. — С. 184.
- ⁸ Холостенко М.В. Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — Київ, 1976. — С. 148.
- ⁹ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — САИ. Вып. Е1-47—. Л., 1982. С. 18. Размер кирпичей приведен по статье П. А. Лашкарева (*Лашкарев П.А.* Развалины церкви Симеона и Копырев конец древнего Киева // Труды Киевской духовной академии. — Т. 2. 1879. — С. 102), в которой отмечено, что таких кирпичей было «огромное количество», очевидно, они происходили не только от внутренних стенок.
- ¹⁰ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — САИ. Вып. Е1-47—. — Л., 1982. — С. 33.
- ¹¹ Асеев Ю.С., Сикорский М. И., Юра Р.А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком // СА. — 1967. № 1. — С. 210.
- ¹² Раскопки Р.С. Орлова и В.А. Булкина в 1983 г. Судя по формату кирпича и учитывая церковно-политическую обстановку, можно полагать, что здание было построено в первой половине 80-х гг. XII в.
- ¹³ Холостенко М.В. Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви... — С. 148.
- ¹⁴ Плано Карпини Иоанн де. История Монголов. — СПб., 1911. — С. 25.
- ¹⁵ Раппопорт П.А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. — М., 1977. — С. 12.
- ¹⁶ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — САИ. Вып. Е1-47—. — Л., 1982. — С. 27, 29.
- ¹⁷ Раскопки К. Н. Гупало в 1980 г.
- ¹⁸ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. — САИ. Вып. Е1-47—. — Л., 1982. — С. 114.
- ¹⁹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. 1. 6737 г.
- ²⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — 1962. Т. 1. 6738 г.
- ²¹ Wyrobisz A. Średniowieczne cegielnie w wiekszych ośrodkach miejskich w Polsce // Studie z dziejów rzemiosła i przemysłu T. 1. — Wrocław; Kraków, 1961. — С. 59; Tomaszewski Z. Badania cegły jako metoda pomocnicza przy datowaniu obiektów architektonicznych // Zeszyty naukowe politechniki Warszawskiej. — 1955. № 11. Budownictwo. Z. 4. — С. 32.
- ²² О проникновении доминиканцев в Киев подробно изложено в статье Н.И. Щавелевой (*Щавелева Н.И.* Киевская миссия польских доминиканцев // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. — М., 1984. — С. 145).
- ²³ Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. — М; Л., 1959. — С. 141.
- ²⁴ Н.В. Холостенко полагал, что наиболее ранний тип брусковых кирпичей Успенского собора относится к восстановлению здания после монгольского вторжения (*Холостенко М.В.* Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви... — С. 148.). Однако он сам соглашался с тем, что капитальное восстановление храма вряд ли имело место в XV в. (Там же. — С. 147.). Тем более, что нет никаких сведений о том, что здание собора существенно пострадало в 1240 г. (*Ивакин Г.Ю.* Киев в XIII–XV веках. — Киев, 1982. — С. 78.).

О датах закладки и сроках строительства древнерусских храмов*

Строительное производство Древней Руси до самого последнего времени почти не привлекало к себе внимания исследователей. При изучении истории зодчества все внимание, как правило, уделялось вопросам развития художественных форм; строительно-технические проблемы большей частью оставались вне поля зрения. В последнее время положение существенно изменилось, и в изучении строительного дела Древней Руси были достигнуты серьезные успехи. Это касается как изучения строительных материалов и конструкций древнерусских зданий, так и организации строительного производства.

Одним из важных вопросов, связанных с исследованием зодчества Древней Руси, является выяснение сроков и дат строительства храмов. Если судить по записям в летописях, то начало строительства церквей падало, большей частью, на весенние или летние месяцы. Так, собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве был заложен 11 июля 1108 г., а церковь Георгия в Каневе — 9 июня 1144 г. Во Владимире Успенский собор был заложен 8 апреля 1158 г. (по другим данным — 8 мая), ворота детинца — 4 июня 1194 г., а собор Княгинина монастыря — 15 июля 1200 г. Закладка Успенского собора в Смоленске была исполнена 7 марта или, по другим источникам, 2 мая 1101 г. В Новгороде церковь Федора Тирона заложена 28 апреля 1115 г., Петра и Павла — 6 мая 1185 г., Благовещения на Мячине — 21 мая 1179 г., Спаса-Нередицы — 8 июня 1198 г., Кирилла — в апреле 1196 г., надвратная церковь в детинце — 4 мая 1195 г., а Спаса в Старой Руссе — 21 мая 1198 г. О новгородской церкви Бориса и Глеба отмечено более обобщенно, что ее заложили «на весну»¹.

Таким образом, судя по летописям, закладка храмов обычно производилась начиная с марта или апреля до середины июля. Однако есть сведения и о более поздней закладке. Так, церковь Воскресения в Новгороде была заложена «осенью» 1195 г. Осенью 1192 г. был заложен и собор Рождественского монастыря во Владимире; правда, здесь в летописи отдельно отмечено, что князь Всеволод «заложил церковь...», а потом «почата же бысть здати месяца августа в 22 день». Очевидно, иногда строительство храмов начинали и в августе.

О времени закладки храмов можно судить не только по письменным источникам, но и по ориентации продольной оси самих храмов, поскольку при закладке

* Палестинский сборник.— Вып. 32 (95).— СПб., 1993.

продольную ось ориентировали на ту точку горизонта, где в день закладки восходило солнце². Так поступали в Древней Руси, так же ориентировали церкви и на Западе³. Ориентация древних памятников в настоящее время фиксируется с помощью магнитного компаса, т. е. представляет собой магнитный азимут. Зная магнитное склонение пунктов, где расположены памятники, легко определить истинный азимут продольной оси этих храмов⁴. По азимуту можно, с помощью таблиц, найти угол склонения солнца, а по углу склонения определить день, в который солнце восходило соответственно данному азимуту, т. е. в той точке горизонта, куда направлена продольная ось храма⁵. Естественно, что это будет не один, а два дня, поскольку в каждой такой точке горизонта солнце восходит дважды в году. Эти дни будут соответствовать современному, т. е. григорианскому, календарю, а не древнему юлианскому. Разницу между календарями в X–XI вв. составляла 6 дней, а в XII в. — 7 дней, и, таким образом, нетрудно определить дни, в которые солнце восходило в данной точке горизонта при закладке храма.

С какой степенью точности можно определить эти даты? Измерить ориентацию продольной оси церкви с точностью большей, чем $1-2^\circ$ трудно, ибо этому обычно мешает некоторая неточность разбивки самих древнерусских памятников. Отклонение оси в 2° дает в итоге разницу примерно в три дня, а для летних месяцев даже до 10 дней. Кроме того, расчеты делаются для идеального геометрического горизонта, тогда как неровности рельефа часто делают реальный, видимый горизонт несколько суженным или расширенным. Поэтому определение дней закладки древнерусских храмов по ориентации их продольной оси можно производить с точностью примерно в одну неделю. Однако и такая точность дает нам достаточно ценные сведения (табл. 1).

Насколько можно доверять полученным датам? К сожалению, имеется очень небольшое количество храмов, у которых известны и азимут продольной оси, и летописные данные о дне закладки. В одном случае эти данные хорошо совпадают: Успенский собор во Владимире, судя по его азимуту, мог быть заложен 21 апреля или 9 августа (табл., №№ 1–7). Но расположение здания на высокой горе должно давать сдвиг точки восхода к северу. Если допустить, что сдвиг этот был равен примерно 9° , то восход точно совпадает с летописной датой — 8 мая. Однако три новгородских памятника дают несовпадение дат: в церквях Петра и Павла, Благовещения на Мячине и Спаса-Нередицы расчет, сделанный по азимутам, даже приближенно не дает дней, указанных в летописи (табл., №№ 1–11, 12, 14). Может быть, не случайно здесь, в летописи, заложение и начало строительства указаны раздельно. Так, о церкви Благовещения записано: «...заложил архиепископ Илия... церковь камяну... и начя здати церковь майя месяца в 21...». Возможно, что в данном случае летопись отмечает не день закладки, а день начала строительных работ. Тем более, что этот день также порой оформлялся торжественной процедурой с участием заказчика⁶. Вполне возможно также, что несовпадения летописных дат с датами, полученными в соответствии с азимутами церквей, могут объясняться тем, что летописец под закладкой мог иногда понимать не первоначальную разбивку храма, а заложение первого камня здания. Так, автор первой половины XV в. Симеон Фессалоникийский указывает, что архиерей торжественно закладывал первый камень алтаря уже после того, как были открыты фундаменты⁷. Наконец, вполне возможно, что в ряде случаев

церкви вообще не ориентировали продольной осью на восход солнца, а ставили в соответствии с направлением уже существовавшей улицы, ориентацией предшествующей деревянной церкви или исходя из каких-либо особых условий⁸.

И все же, даже учитывая такие возможные несоответствия, можно выделить ряд памятников, дни закладки которых, судя по азимуту, близки патрональным дням данного храма. Так, церковь Благовещения на Городище близ Новгорода была заложена приблизительно 17 марта или 14 сентября (табл., № 1–13). При расположении на всхолмлении сдвигка точки восхода дает дату очень близкую 25 марта, т. е. дню Благовещения. Церковь Василия на Смядыни в Смоленске, видимо, была заложена в день святителя Василия — 26 апреля (по азимуту 24 апреля; табл., № 1–16), а церковь Иоанна в Перемышле — в день обретения главы Иоанна Предтечи — 25 мая (по азимуту 19 мая; табл., № 1–21). В некоторых памятниках такие совпадающие даты оказываются осенними. Например, собор киевского Выдубицкого монастыря был заложен, судя по азимуту, 6 марта или 24 сентября (табл., № 1–1). Учитывая сдвигку, связанную с очень высоким горизонтом, закладка, вероятно, была произведена 6 сентября, т. е. в день чуда архангела Михаила. Ориентация церкви Андрея в Переяславле близка дню Андрея Стратилата (19 августа; табл., № 1–2), а ориентация Спасской церкви в Переяславле почти точно совпадает с праздником Спаса (6 августа (табл., № 1–4). Азимут Спасского собора в Чернигове свидетельствует о закладке либо 24 апреля, либо 6 августа, т. е. также совпадает с праздником Спаса (табл., № 1–5). Ориентация собора в Боголюбове очень близка дню Рождества Богородицы (8 сентября; табл., № 1–8). Для Спасского собора в Чернушках в Смоленске более вероятно не первая дата (12 апреля), а вторая (18 августа), потому что она почти точно совпадает с днем «Воспоминание нерукотворного образа» (16 августа; табл., 1–17). С днем Успения — 15 августа — точно совпадает ориентация маленькой церкви, распанной под более поздней Успенской церковью в Переяславле (табл., № 1–3), и близка к церкви в Старой Рязани, которую обычно считают Успенской церковью (табл., № 1–6). Осенняя дата более вероятна и для смоленской церкви Архангела Михаила, заложённой, видимо, 6 сентября, в день, когда отмечают чудо архангела Михаила (табл., 1–18). Еще более позднюю, осеннюю, дату, вероятно, следует принимать для церкви Ивана Богослова в Смоленске, поскольку расчет почти точно совпадает с днем памяти Иоанна Богослова (26 сентября; табл., № 1–19). Борисоглебский собор Смядынского монастыря в Смоленске, судя по азимуту, дает дни: 4 апреля или 27 августа (табл., 1–15). При низком положении храма, естественно, должен быть сдвиг точки восхода к югу. В таком случае получается, что собор был заложен 5 сентября, т. е. в день 130-летия смерти князя Глеба, происшедшей на этом месте, на Смядыни. Пятницкая церковь в Новгороде была заложена 16 февраля или 13 октября (табл., № 1–10). Осенняя дата более вероятна, так как близка (учитывая невысокий горизонт на участке храма) дню мученицы Параскевии — 28 октября.

Зимняя закладка храмов — явление редкое, однако известны все же случаи, когда церкви закладывали зимой. Такая ориентация характерна для нескольких новгородских памятников; изредка встречается она и в других районах Руси. Такова, например, смоленская церковь у устья реки Чуриловки (табл., № 1–20), в которой это, вероятно, связано с тем, что закладку храма хотели приурочить ко дню его

патрона — Константина-Кирилла (14 февраля). Возможно, что с февральской закладкой связана ориентация новгородской церкви Ивана на Опоках, очень близкая дню обретения главы Иоанна Предтечи (24 февраля; табл., № 1–9).

Таким образом, сопоставление письменных источников и расчетов по азимутам дает основание заключить, что день закладки храма большей частью падал на весну или первую половину лета, но нередко все же и на осень. При этом день закладки часто не совпадал с днем патрона данного храма; гораздо чаще с этим днем совпадал день освящения церкви⁹. Впрочем, как видно, иногда все же стремились совместить закладку храма с днем патрона и для этого переносили закладку даже на зимнее время. Вероятно, это было возможно потому, что после торжественной церемонии закладки не обязательно было сейчас же начинать строительство; это можно было делать и через 2–3 месяца, т. е. тогда, когда начнется строительный сезон.

Сроки начала и конца строительного сезона в Древней Руси определяются в настоящее время лишь очень приблизительно и, главным образом, по документам более позднего времени. Рамки эти имели огромное значение для организации древнего строительного производства. Известно, что осенью с наступлением холодов работы обычно прекращались. В Смоленске в конце XVII в. был случай, когда плохое качество кирпичной кладки заинтересованные лица объясняли тем, что «то де дело было осеннее в самые заморозы и в ненастные дни каменщики работали от зимности и от ненастья в шубах и епанчах и в рукавицах»¹⁰. На основании документов о строительстве в середине XVII в. Валдайского Иверского монастыря М. А. Ильин сделал вывод, что строительный сезон заканчивался к дню Воздвижения (14 сентября)¹¹. Очень вероятно, что сезон длился около 5 месяцев, т. е. начинался в апреле. Этнографические данные свидетельствуют, что примерно такова была в XIX в. длительность сезона формовки и обжига кирпича. В «Урочном положении» для строительных работ вплоть до начала XX в. рабочий день на строительстве определялся длительностью в 12 часов, но только от апреля до сентября, а в остальные месяцы длительность рабочего дня резко сокращалась¹². Видимо, это и были примерные рамки древнерусского строительного сезона¹³. Учитывая воскресные и праздничные дни, длительность строительного сезона вряд ли превышала 120 рабочих дней.

Естественно, что наиболее удобным временем для начала строительства было начало строительного сезона или, во всяком случае, его первая половина. Между тем, как уже отмечалось, нередко случаи, когда закладывали храм осенью, всего за месяц до окончания сезона, а порой даже почти в самом его конце. Почему была возможна такая поздняя дата закладки? Если закладку производили не обязательно в день патрона данного храма, то очевидно, что при необходимости ее могли произвести и раньше. И если все-таки не боялись начинать строительство нового храма в такое позднее время, то, видимо, цикл работ, предназначенный к выполнению в течение первого строительного сезона, был очень невелик, вполне укладывался в короткий срок и, к тому же, не очень зависел от наступления холодной и дождливой погоды. Очевидно, цикл этот в основном включал устройство фундамента, т. е. отрывку фундаментных рвов, укладку самого фундамента и покрытие его кирпичной вымосткой. После этого наступал зимний перерыв, а следующей весной поверх вымостки начинали кладку стен.

Разбивку здания в начале второго строительного сезона производили заново, на этот раз более точно, чем разбивку фундамента и вымостки. Из-за этого в ряде случаев план фундамента и вымостки над ним не вполне точно совпадает с планом наземных частей здания. Это удалось проследить на довольно значительном количестве древнерусских памятников. Частое несовпадение плана фундамента с планом стен, в сочетании с поздними датами закладки некоторых храмов, позволяют думать, что строители XII–XIII вв. полагали нужным, чтобы фундамент простоял зиму и хорошо осел прежде, чем на нем начнут возводить стены. Несомненно, что это было особенно важно в тех случаях, когда фундамент выводили насухо, без раствора.

Таким образом, очевидно, что цикл работ первого строительного сезона завершался закрытием фундамента вымосткой, а кладку стен начинали уже во втором строительном сезоне. Конечно, количество изученных памятников еще не настолько велико, чтобы позволить распространить этот вывод на все древнерусские постройки; быть может, это не было всеобщим правилом, и в отдельных случаях кладку стен начинали сразу же после укладки фундамента.

Сколько же сезонов занимало строительство храма? Письменные источники дают достаточно точный ответ. Десятинную церковь строили, судя по летописи, 8 лет. Но это была первая каменно-кирпичная постройка Киева; очевидно, что ее строительство не могло вестись такими темпами, как при налаженном строительном производстве. Действительно, в XI в. сроки строительства становятся более короткими. По расчетам, основанным на изучении конструкции и кладок, киевский Софийский собор возвели за 5 лет, не считая года закладки фундамента, т. е. всего за 6 лет¹⁴. За такой же срок возвели Софийский собор в Новгороде (1045–1050 гг.). Софийские соборы были грандиозными зданиями, значительно превосходящими рядовые храмы; обычно же строительство храма не превышало 5 лет. Собор киевского Михайловского монастыря был заложен в 1108 г., а в 1113 г. в нем уже был погребен его заказчик; следовательно, строительство было закончено еще до этого. О строительстве Успенского собора киевского Печерского монастыря в летописи сказано, что оно было завершено «на третье лето», не считая года закладки фундамента, т. е. всего за 4 строительных сезона¹⁵.

В течение всего домонгольского периода для строительства крупной церкви нормальным был такой же срок — 4–5 лет. Так, по 5 лет строили церкви Рождественского монастыря во Владимире (1192–1196 гг.), Бориса и Глеба в Ростове (1214–1218 гг.), Богородицы Пирогощей в Киеве (1131–1136 гг.). Пять лет строили собор в Юрьеве-Польском (1230–1234 гг.), хотя в этом случае в первый год, кроме того, «рушили» древнюю церковь, на месте которой ставили новую.

Достаточно часто храмы строили не 5, а всего 4 года. Так, церковь Федоровского монастыря в Киеве была заложена в 1129 г., а в 1133 г. в уже законченном храме был похоронен ее заказчик — князь Мстислав Владимирович. За 4 года построили собор в Суздале (1222–1225 гг.). Иногда строительство шло еще быстрее: Успенский собор (1158–1160 гг.) и собор Княгинина монастыря (1200–1202 гг.) во Владимире возвели за 3 года. Успенский собор в Ростове строили всего 2 года, но здесь летописец счел нужным специально отметить, что «бе церковь основана мала» (1161–1162 гг.). В «Житии» Евфросиньи Полоцкой указано, что Спасская церковь Евфросиньева монастыря была построена за 30 недель¹⁶. Впрочем,

неясно, указан ли здесь календарный срок строительства или только время проведения работ, т. е. 2 строительных сезона.

Гораздо реже удается получить археологические данные, свидетельствующие о сроках строительства. В одном случае ответ на этот вопрос дали раскопки в Смоленске: стратиграфические наблюдения у апсидной части церкви на Воскресенской горе выявили прослойки, связанные с тремя строительными сезонами¹⁷. Очень вероятно, что эти прослойки отвечают только постройке стен, тогда как последний строительный сезон, во время которого выводили своды, мог не дать известковых прослоек снаружи здания. В таком случае возведение здания должно было занять 4 строительных сезона, а вместе с устройством фундамента — 5 лет.

Очень существенная эволюция сроков строительства прослеживается в Новгороде. В первой половине XII в. здесь строили с такой же скоростью, как в других городах. Церковь Ивана на Опоках возвели за 4 года (1127–1130 гг.), а собор Антониева монастыря за 3 или 4 года (1116 или 1117–1119 гг.). Однако во второй половине XII в. здесь стали строить быстрее. Небольшие размеры храмов и их упрощенные формы позволили возводить церкви за 2 сезона, а еще чаще — за 1 строительный сезон. Так, за 2 сезона построили церковь Успения в Аркажах (1188–1189 гг.) и церковь Воскресения (1195–1196 гг.). При этом церковь Воскресения — единственный новгородский памятник второй половины XII в., закладка которого была произведена осенью: «...той же осени заложил церковь...». Но все же в первый строительный сезон здесь успели не только уложить фундамент, но «и възделаша до двърии». Все церкви, возведенные за один сезон, естественно, были заложены в начале сезона — в апреле, мае, начале июня. Таковы надвратная церковь в детинце (заложена 4 мая 1195 г.), церковь Кирилла (апрель 1196 г.), церковь Спаса-Нередицы (8 июня 1198 г.). Строительство каждой из этих церквей продолжалось около 3 месяцев. Еще быстрее закончили постройку церкви Спаса в Старой Руссе — с 21 мая 1198 г. до 31 июля этого же года, т. е. за 72 календарных дня. Учитывая наличие воскресных и праздничных дней, в действительности, конечно, рабочих дней было меньше. В одном случае летопись дает даже точный подсчет: церковь Благовещения на Мячине начали строить 21 мая 1179 г. и закончили 25 августа, т. е. через 97 дней; однако в летописи отмечено «а всего дела церковьнаго здания днии 70». Скорость строительства, заставлявшая сразу же после укладки фундамента начинать возведение стен, была одной из причин, почему в Новгороде, в отличие от Смоленска, Полоцка и других городов, не перешли на безрастворные фундаменты.

После завершения строительных работ начинали внутреннюю отделку храмов, прежде всего их роспись. Если была возможность, роспись проводили в следующем строительном сезоне, т. е. сразу же после окончания строительства. Так, строительство Успенского собора во Владимире было закончено в 1160 г., а в 1161 г. «почата бысть писати ... а кончана августа в 30». Церковь Спаса-Нередицы в Новгороде окончили строить в 1198 г., а уже в следующем году «испъсаша церковь...». Точно так же была закончена и на следующий год расписана церковь Спаса в Старой Руссе. В 1195 г. была построена церковь на воротах новгородского детинца, а в 1196 г. она была расписана. Однако, по-видимому, так делать удавалось не всегда, и иногда после завершения строительства роспись начинали лишь через несколько лет. Порой разрыв между завершением строительства и

росписью храма бывал довольно значительным, а иной раз церковь так и оставалась без живописного убранства. Примеры церквей, в которых так и не была исполнена фресковая роспись интерьера, достаточно многочисленны.

Судя по летописям, роспись, особенно в небольших храмах, выполняли за один сезон. В более крупных храмах исполнение фресковой росписи, очевидно, могло затягиваться. Впрочем, и позднее, в XVI–XVII вв. фресковые росписи довольно крупных храмов обычно выполняли за один сезон¹⁸.

Таковы основные данные, имеющиеся о датах закладки и сроках строительства древнерусских храмов.

Таблица

№	Наименование храма	Азимут храма	Магнитное склонение	Истинный азимут	Широта	Склонение солнца	Дни (современные)	Дни (древние)
1	Киев. Ц-вь Михаила в Выдубицком монастыре	90	+4	94	50 1/2	–3	13 марта 1 окт.	6 марта 24 сент.
2	Переяславль. Ц-вь Андрея у ворот	61	+4	65	50	+15	1 мая 13 авг.	24 апр. 6 авг.
3	Переяславль. Ц-вь под Успенской церковью	65	+4	69	50	+12	22 апр. 22 авг.	15 апр. 15 авг.
4	Переяславль. Спасская ц-вь (апсида)	62	+4	66	50	+14	28 апр. 16 авг.	21 апр. 9 авг.
5	Чернигов. Спасский собор	60	+4	64	51 1/2	+ 15	1 мая 13 авг.	24 апр. 6 авг.
6	Старая Рязань. Успенская ц-вь	69	+8	77	54	+7	8 апр. 5 сент.	1 апр. 29 авг.
7	Владимир. Успенский собор	53	+9	62	56	+14	28 апр. 16 авг.	21 апр. 9 авг.
8	Боголюбиво. Собор	80	+9	89	56	0	21 марта 23 сент.	14 марта 16 сент.
9	Новгород. Ц-вь Ивана на Опоках	104	+6	110	59	–11	20 февр. 22 окт.	13 февр. 15 окт.
10	Новгород. Пятницкая ц-вь	102	+6	108	59	–10	23 февр. 20 окт.	16 февр. 13 окт.

11	Новгород. Ц-вь Петра и Павла на Синичьей горе	115	+6	121	59	-16	5 февр. 7 ноябр.	29 янв. 31 окт.
12	Новгород. Ц-вь Благовещения на Мячине	92	+6	98	59	-5	8 марта 6 окт.	1 марта 29 сент.
13	Новгород. Ц-вь Благовещения на Городище	80	+6	86	59	+1	24 марта 21 сент.	17 марта 14 сент.
14	Новгород. Ц-вь Спаса- Нередицы	57	+6	63	59	+13	25 апр. 19 авг.	18 апр. 12 авг.
15	Смоленск. Борисо- глебский собор Смядынского монастыря	68	+6	74	55	+8	11 апр. 3 сент.	4 апр. 27 авг.
16	Смоленск. Ц-вь Василия на Смядыни	56	+6	62	55	+15	1 мая 13 авг.	24 апр. 6 авг.
17	Смоленск. Спасская ц-вь в Чернушках	63	+6	66	55	+11	19 апр. 25 авг.	12 апр. 18 авг.
18	Смоленск. Ц-вь арханг. Михаила	77	+6	83	55	+3	29 марта 16 сент.	22 марта 9 сент.
19	Смоленск. Ц-вь Ивана Богослова	87	+6	93	55	-2	16 марта 29 сент.	9 марта 22 сент.
20	Смоленск. Ц-вь у устья р. Чуриловки	99	+6	105	55	-9	26 февр. 17 окт.	19 февр. 10 окт.
21	Перемышль. Ц-вь Иоанна	54	+1	55	50	+21	26 мая 19 июля	19 мая 12 июля

¹ Источники, где указаны даты постройки храмов, см.: *Раннопорт П.А.* Русское зодчество X–XIII вв. Каталог памятников. — Л., 1982.

² Такая ориентация обосновывалась догматически: «молиться на восток предано от святых апостолов и означает следующее. Это потому что мысленное солнце правды Христос ... явился на земле в тех странах, где восходит солнце чувственное...». Типикон. относящийся, по-видимому, к XII в. См.: *Красносельцев П.Ф.* О древних литургических толкованиях // *Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете.* — Одесса, 1894. — Т. 4. — С. 242.

³ Символически это положение обосновывал, например, Гонорий Отенский в сочинении, написанном в первой четверти XII в. См.: *Harvey J. The Mediaeval Architect.* — London, 1972. — P. 226.

⁴ *Раппопорт П.А.* Ориентация древнерусских церквей // КСИА. — 1974. Вып. 139. — С. 43. В расчетах, приведенных в этой статье, поправка на магнитное склонение не вводилась.

⁵ Угол склонения определяется по таблица азимута видимого восхода и захода верхнего края солнца, имеющимся в мореходных таблицах (например, Мореходные таблицы 1943 г. Изд. Гидрографич. упр. ВМС, 1949. — Табл. 28 и 29). Даты определяются по таблицам Эфемериды солнца (Астрономический ежегодник СССР на 1970 г. — Л., 1967).

⁶ Например, при начале строительства Успенского собора киевского Печерского монастыря в 1073 г. князь «своима рукама нача ровь копати». Патерик киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 7.

⁷ Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. — СПб., 1856. Т. 2. — С. 150.

⁸ *Гаряев Р.М.* К вопросу об ориентации русских церквей // КСИА. — 1978. Вып. 155. — С. 42. По-видимому, такая же картина имела место и на Западе. Средневековые церкви там также ориентировали, как правило, на восход солнца, но отмечены и многочисленные исключения. Так, например, древнейшая церковь города Вены (церковь св. Рупрехта) оказалась ориентированной не по солнцу, а строго параллельно расположенной рядом стене древнеримской крепости. См.: *Firmeis M., Ladenbauer — Orel H.* Studien zur Orientierung mittelalterlicher Kirchen // *Mitteilungen der Österreichischen Arbeitsgemeinschaft für Ur-und Frühgeschichte Wien.* — 1978. Bd. 28. — S. 7.

⁹ Так, в Уставе XII в. говорится: «Аще будеть церкви новопоставлена то вечер или заутра отпети ей канун во имя той церкви...». См.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. — М., 1904. Т. 1. 2-я половина тома. — С. 460, 542. § 98.

¹⁰ Докладная записка о неудачном ходе строения церкви Вознесения ... в смоленском Вознесенском девичьем монастыре. 5 октября 1695 г. // Смоленские епархиальные ведомости, 1883. № 1. — С. 21.

¹¹ *Ильин М.А.* К истории русского каменного зодчества конца XVII в. // Научные доклады высшей школы. Исторические записки. — 1958. № 2. — С. 4.

¹² *Рошефор Н.И.* Иллюстрированное урочное положение. — Пгр., 1916. — С. 13.

¹³ Павел Алеппский, приезжавший в Россию в середине XVII в., отметил, что здесь «каменщики могут стротить не более шести месяцев в году, с половины апреля, как растает лед, до конца октября». Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. — М., 1898. Вып. 3. — С. 33.

¹⁴ *Логвин Г.Н.* Новые наблюдения в Софии Киевской // Культура средневековой Руси. — Л., 1974. — С. 160.

¹⁵ Повесть временных лет. — М.; Л., 1950. — С. 130 (1075 г.).

¹⁶ *Воронин Н.Н.* У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств 1952. — М., 1952. — С. 263.

¹⁷ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л., 1979. — С. 252.

¹⁸ См., например, *Федьшин Н.И.* О датировке росписи собора Рождества Богородицы Феррапонтова монастыря // Реставрация, исследования и хранение музейных художественных ценностей. Научный реферативный сборник. — М., 1982. Вып. 2. — С. 9. По сербским данным XVI–XVII вв., мастер писал около 6–7 кв. м. См.: *Winfield D. C.* Middle and Later Byzantine wall painting methods // *Dumbarton Oaks papers.* — 1968. № 22. — P. 132.

III

ШАТРОВЫЕ ХРАМЫ XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.

Очерк хронологии русского шатрового зодчества*

История русского каменного шатрового зодчества представляет собой поразительную по яркости и своеобразию картину. Появившись в первой половине XVI в., каменные шатровые храмы продолжали строиться лишь немногим более столетия и уже в середине XVII в. подверглись патриаршему запрету. Но несмотря на сравнительно кратковременный период развития шатровое зодчество обогатило русское искусство подлинными шедеврами, выделяющимися совершенством своих форм и яркостью образа даже среди лучших произведений русской архитектуры.

Несмотря на то, что эти памятники уже издавна привлекали внимание исследователей, история развития русского шатрового зодчества изучена еще недостаточно. Наибольший интерес вызывало происхождение каменных шатровых памятников. Впервые решение этой проблемы дал еще Забелин, отметивший несомненную зависимость каменных шатров от народного деревянного зодчества¹. Отдельные попытки установить зависимость шатровых памятников от западноевропейской архитектуры оказались совершенно неубедительными², и в настоящее время происхождение каменных шатровых памятников от народных форм деревянного зодчества уже не вызывает сомнений³.

Значительно менее разработан вопрос о дальнейшей судьбе шатрового зодчества. Правда, еще Л.В. Даль, а за ним Н.В. Султанов и другие исследователи установили в общих чертах время, когда церковные власти запретили дальнейшее строительство шатровых церквей⁴. Однако произошел ли при этом внезапный перелом в строительстве или же еще раньше начался упадок шатрового зодчества и вытеснение его другими архитектурными типами, — до сих пор еще не выяснено.

Некоторые исследователи считают, что в конце XVI в. в развитии русского зодчества происходит поворот, выдвинувший на первое место старые архитектурные формы взамен шатров; таким образом, именно этот период и является временем, когда начинается упадок каменного шатрового зодчества⁵.

Несомненно, что правильное решение этого вопроса может быть получено только установлением хронологической последовательности строительства шатровых памятников. Между тем значительная часть шатровых церквей до сего времени не изучена, и датировка их во многих случаях даже приблизительно не установлена. В литературе до сих пор не было попыток изучить последовательность строительства церквей шатрового типа хотя бы по известным датированным

* КСИИМК. — 1949. Вып. 30.

памятникам. Поэтому хронологический обзор каменных шатровых памятников совершенно необходим для дальнейшего изучения этого замечательного явления в истории русской архитектуры.

Вопрос о ранних шатровых памятниках еще мало разработан. Имеются указания на то, что в каменном гражданском зодчестве шатры применялись уже в XV в.⁶ В первой половине XVI в. появляются и каменные шатровые церкви. Существует предположение, что шатровыми были церкви в Спасо-Каменном и Песношском монастырях, а также Никольская церковь в Ивангороде⁷. Однако это предположение не может еще считаться полностью доказанным. Более достоверным памятником является Покровская церковь Александровской слободы, хотя датировка ее первой половиной или началом XVI в. еще требует подтверждения. Ранее принятая датировка этого памятника основывалась на том, что в одном сборнике XVI в. под 1513 г. было записано: «В новом селе Александровском освящена бысть церковь Покров святяга богородицы, тогда же князь великий и во двор вшел»⁸. В настоящее время некоторые исследователи считают это указание относящимся не к шатровой Покровской церкви, а к Троицкому собору Александровской слободы, ранее носившему название Покровского⁹. Обследование Покровской церкви показало, что сомкнутый свод под ее шатром оказался более поздним, а после его разборки в самом шатре были обнаружены фрески, судя по стилю относящиеся к началу XVI в.¹⁰ Памятник этот требует еще дальнейшего изучения и пока не может считаться точно датированным.

Построенные в первой половине XVI в. церкви Григория Армянского в Хутынском монастыре и Иоанна Предтечи в с. Дьяково являются типологически совершенно иными — столпообразными церквами, поэтому, несмотря на большое композиционное сходство и несомненную идейную близость, они не должны рассматриваться как собственно шатровые памятники¹¹.

Первым точно датированным памятником шатрового зодчества является церковь Вознесения в с. Коломенском, построенная в 1530–1532 гг. Церковь эта была освящена 3 сентября 1532 г., причем освящение было отмечено летописцем как крупное событие: «Свершена бысть в Коломенском церковь камена Възнесение господа бога и спаса нашего Иисуса Христа; бе же церковь та велми чюдна высокою и красотою и светлостью: такова не бывали преже сего в Руси»¹².

Следующая известная нам датированная шатровая церковь была построена только двадцать лет спустя, в 1552 г. Это — Успенская церковь Брусенского монастыря в Коломне, дата которой отмечена в сохранившейся каменной надписи¹³.

Еще через пять лет, в 1557 г., была построена Сергиевская церковь Богоявленского монастыря в Московском кремле¹⁴. В начале XIX в. эта церковь была уничтожена, но сохранился ее рисунок, сделанный в XVII в., довольно реалистически передающий ее формы¹⁵.

Никитская церковь в Елизарове (близ Переяславля-Залесского) была построена воеводой Алексеем Басмановым, и «над жертвенником» в ней имелась надпись с именами людей, погибших под Казанью, с завещанием их помянуть¹⁶. Очевидно, постройка этой церкви должна была быть завершена вскоре после взятия Казани, т. е. еще в 50-х или в начале 60-х гг. XVI в.

Во второй половине 50-х гг. XVI в. в честь Казанской победы строится памятник, в значительной степени определивший собой весь дальнейший процесс

развития шатрового зодчества, — церковь Покрова на Рву в Москве, иначе называемая собором Василия Блаженного¹⁷. Строительство церкви, начатое, видимо, в 1555 г., было закончено в 1559 г.: «В лето 7068 месяца октября в 1 день, освящена бысть церковь Макарием митрополитом всея Руси, со множеством священного собора, иже поставлена премудро и дивно разные церкви на едином основании, надо рвом близь Фроловских ворот...»¹⁸.

Несколько позже, в 1558–1561 гг., была построена церковь Бориса и Глеба в Старице. В 1803 г. она была уничтожена, но перед этим был сделан ее схематический обмер и тогда же была записана изразцовая надпись под ее карнизом, дающая точную датировку памятника¹⁹.

Две шатровые церкви — Алексеева митрополита и Покровская — существовали в Солотчинском монастыре близ Рязани. Обе они уже давно уничтожены, причем Алексеевская церковь известна нам по сохранившимся изображениям, а Покровская — лишь по кратким упоминаниям. Церкви эти были построены по завещанию коломенского епископа Феодосия (умершего в 1560 г.), как это видно из записи в приходо-расходной книге монастыря²⁰. Обе эти церкви построены, вероятно, в начале 60-х гг. XVI в.²¹ Несколько менее определена датировка Козьмодемьянской церкви в Муроме, сохранившейся в полуразрушенном виде до настоящего времени. При разборке престола в этой церкви были обнаружены древние антиминсы, относящиеся к 1541, 1565 и 1618 гг. Сопоставление этих дат с историческими событиями, а также анализ форм самого памятника делают наиболее правдоподобным вывод, что антиминс 1541 г. принадлежал еще деревянной церкви, а каменная церковь была построена в 50–60-х гг. и освящена в 1565 г.²²

К 60-м же годам (вероятнее всего, к 1565 г.) относится постройка церкви-колокольни в Александровской слободе²³.

Еще позже была построена в Рязани церковь Николая Чудотворца, по прозвищу «Долгошея», о которой в описи 1568 г. сказано, что она еще «не доделана»²⁴. Церковь известна нам по сохранившимся фотографиям.

В 1570 г. была построена Введенская церковь трапезной Успенского монастыря в Старице, сооруженная Иваном Грозным в память смерти сына²⁵. Постройкой этого памятника заканчивается первый период строительства шатровых церквей. Шатровых памятников 70-х годов XVI в. нам совершенно не известно; первые шатровые церкви, построенные после этого перерыва, относятся уже к середине 80-х годов. Наличие такого перерыва в шатровом строительстве объясняется, по видимому, не какими-либо идеологическими причинами, а исключительно экономическими трудностями, связанными с «кризисом» 70–80-х годов, когда строительные возможности резко уменьшились. В это время не строились не только шатровые церкви, но и вообще почти совершенно прекратилось монументальнее каменное строительство во всей России. С середины же 80-х годов начинается некоторое оживление каменного строительства и одновременно с этим возобновляется строительство и шатровых памятников.

Очевидно, к 1584 г. относится постройка церкви Петра митрополита в Переяславле-Залесском. В церкви еще в XIX в. хранились два древних антиминса, относившихся к 1584 и 1599 гг.²⁶ Можно предполагать, что первый антиминс относится ко времени постройки, а второй указывает какую-то перестройку или ремонт церкви. Местная традиция также относилась к постройке этой церкви

ко времени Ивана Грозного. Через несколько лет после этого была построена Преображенская церковь в с. Спасском (Тушино). Первоначально эта церковь называлась во имя Андрея Стратилата и упомянута в описи 1584–1586 гг.: «...да церковь камена святого мученика Ондreja Стратилата, ставят ново, не доделана». В конце XVII в. соседняя церковь Спаса-Преображения была уничтожена, и ее престол был перенесен в шатровую Андреевскую церковь, которая в связи с этим была переименована в Спасскую²⁷. Церковь эта в настоящее время уже не существует, но сохранились ее изображения и чертежи.

В 90-х гг. XVI в. количество шатровых церквей несколько увеличивается. В 1592 г. «царем и великим князем Тверским» Симеоном Бекбулатавичем была построена церковь Смоленской богоматери в с. Кушалино²⁸. К тому же году относится постройка Богоявленной церкви в вотчине Бориса Годунова — Красном Селе. Правда, документально эта дата не удостоверена, но она была записана в клировых ведомостях церкви и полностью подтверждается всеми историческими данными²⁹.

Георгиевская церковь трапезной Владычного монастыря в Серпухове также не имеет никаких прямых данных для ее датировки, но связь событий 1598 г. (когда войско Годунова стояло в Серпухове для отражения татар) с историей монастыря позволяет предположить, что церковь была построена непосредственно после этих событий, т. е. в 1599 г. Это подтверждается также идентичностью строительной техники и близостью архитектурных форм Георгиевской церкви с надвратной церковью того же монастыря, относительно которой эта дата документально засвидетельствована³⁰. К 1600 г. относится постройка Никольской церкви б. Покровского монастыря в Балахне. Относительно этой церкви мы также не имеем документального подтверждения даты ее постройки, но в нескольких сочинениях авторы, основываясь, видимо, на церковных летописях (в настоящее время утерянных), называют дату — 1600 г.³¹ Эта дата подтверждается еще рядом косвенных данных.

Завершает серию шатровых церквей XVI в. замечательная Борисоглебская церковь в Борисове-Городке. Церковь эта уничтожена в начале XIX в., однако сохранилось несколько ее описаний, рисунки и даже чертежи. Освящение церкви было произведено в 1603 г. в присутствии самого царя Бориса и его семьи³².

Бурные события «Смуты» более чем на десятилетие полностью приостановили всякое каменное строительство в России. Только в 20-х годах XVII в. вновь начинается некоторое оживление строительства, и начинается новый период в развитии шатрового зодчества.

В процессе своего развития шатровое зодчество претерпело значительные изменения, как типологические, так и стилистические. Четкое разделение на периоды, отграниченные перерывами в строительстве, позволяет отчетливо определить особенности шатровых памятников на различных этапах их истории.

Во всех шатровых памятниках XVI в. основой композиции является шатер, который подчиняет себе всю постройку; создавая динамику масс, устремленную кверху, он обеспечивает исключительное единство всей композиции здания. Несмотря на это памятники первого периода (т. е. 50–60-х гг. XVI в.) отличаются очень большим разнообразием композиционных приемов. Наряду с одношатровыми строятся и такие памятники, где вокруг центрального шатра расположены

завершенные главами «столпы» (собор Василия Блаженного) или небольшие боковые шатры (церковь Бориса и Глеба в Старице). Особенно разнообразны планы шатровых церквей первого периода — здесь встречаются и квадратные постройки с 1 или 3 абсидами, и постройки восьмиугольные, и крестообразные. Декоративное оформление этих церквей обычно включает очень сочную профилировку, дающую сильную игру светотени и создающую общее живописное впечатление.

Шатровые памятники второго периода (80–90-е гг. XVI в.) отличаются гораздо большей стандартностью³³. Единство композиции в них становится еще более строгим, и боковые шатры уже совершенно не применяются, а боковые главы (в Красном Селе и в Кушалине) имеют очень незначительный размер. Планы подавляющего большинства церквей этого периода имеют один и тот же тип — квадрат с тремя абсидами. Декоративное их убранство отличается очень малой рельефностью профилировки и графичностью. Завершение основной части здания — четверика — почти во всех шатровых храмах этой поры, в отличие от более ранних памятников, имеет традиционную форму трех закомар, хотя в шатровых постройках закомары являются часто декоративным мотивом, так как не отвечают внутренней структуре здания. В этом приеме нельзя не видеть попытки вернуться к традиционной схеме оформления крестовокупольных церквей. Наконец, в шатровых памятниках второго периода появляется своеобразный прием убранства основания шатра одним рядом маленьких кокошников.

Выяснение основных архитектурных особенностей шатровых памятников 1 и 2 группы дает возможность ориентировочно датировать еще несколько шатровых церквей, относительно времени постройки которых никаких данных не имеется.

Так, несомненно, к 50–60-м гг. XVI в. относится постройка Воскресенской церкви в с. Гордня, упоминаемой в документах не ранее 1577 г.³⁴ Как плановое решение, так и стилистические особенности определяют эту церковь как один из ранних памятников шатрового зодчества. К тому же раннему периоду, возможно, относится и Преображенская церковь в с. Остров, относительно которой письменные свидетельства имеются только с XVII в. Исследование этого памятника показало, что его нижняя часть относится к еще более раннему времени, возможно, к самому началу XVI в.³⁵

В писцовой книге 1577 г. впервые упоминается Ильинская церковь в с. Прусы³⁶. Сам памятник был значительно переделан в XVII в., однако некоторые особенности сближают его с шатровыми памятниками 50–60-х гг. Характерной особенностью этой церкви является отсутствие восьмерика под шатром. Подобный пример постановки шатра непосредственно на четверике является очень редким и встречается лишь в ранних шатровых памятниках — в рязанской церкви Николая Долгоша и церкви Брусенского монастыря, которая особенно близка к церкви в Пруссах не только общей схемой композиции, но и такой деталью плана, как срезанные углы основного помещения внутри церкви³⁷. К тому же типу церквей с шатрами, непосредственно расположенными на четверике, относится и церковь Евфимия Великого в Кирилло-Белозерском монастыре; поэтому, несомненно, правильно, что Ф. Горностаев отнес этот памятник к середине XVI в.³⁸

Преображенская церковь в с. Спасском на р. Угре впервые упоминается в писцовой книге 1626 г.,³⁹ но всеми своими архитектурными формами и особенно

стилистическим характером эта церковь теснейшим образом связана с шатровыми памятниками второй группы, т. е. конца XVI в. Не менее определенно на основании стилистического характера можно отнести к этому же времени и шатровые церкви в Лютиковом и Болдином монастырях. Эта датировка косвенно подтверждается также и историческими событиями, связанными с жизнью обоих этих монастырей, достигших своего расцвета к концу XVI в. и запустевших после «Смуты»⁴⁰. Менее определенно можно датировать Рождественскую церковь в с. Беседы и Успенскую церковь Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Несомненно только, что оба эти памятника относятся к XVI, а не к XVII в.⁴¹

Шатровых памятников, существовавших в XVI в., было значительно больше, чем это нам известно в настоящее время. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в писцовых книгах неоднократно встречаются указания на шатровые каменные церкви, до нас не дошедшие. Так, например, в писцовой книге гор. Можайска 1595–1598 гг. при описании Лужецкого монастыря перечислено: «...да на монастыре ж церковь Введение преч. богородицы да предел Федора Стратилата с трапезою, камена, вверх, трапеза и перед трапезою паперть подписана стеновым письмом»⁴². Несомненно поэтому, что шатровые церкви, которые мы имеем возможность датировать, являются лишь очень небольшой частью из общего числа этих церквей, построенных в течение XVI в. Однако хронологический обзор даже этих памятников все же отражает в известной степени действительный процесс развития и интенсивность шатрового строительства в различные периоды XVI в. (рис. 1).

Несмотря на стилистические различия между шатровыми памятниками 1 и 2 группы, все шатровое зодчество XVI в. объединяется, однако, тем, что архитектурный образ шатровой церкви со времени возникновения этого типа и до первых лет XVII в. в основном остается неизменным. Шатровые храмы XVI в. — не только культовые сооружения, но почти гражданские «столпы» — памятники, теснейшим образом связанные с идеями становления централизованного Русского государства, с идеями мощи и величия Руси⁴³.

После бурных событий «Смуты», в 20-х гг. XVII в., вместе с общим оживлением каменного строительства в России, вновь начинается и строительство шатровых церквей. Некоторые шатровые церкви XVII в. сохраняют основную композиционную схему, характерную для шатровых памятников XVI в., т. е. наличие лишь одного шатра. К таким памятникам XVII в. относятся Архангельский собор в Нижнем Новгороде, церкви в Медведкове и в Вешняках, надвратная церковь нижегородского Печорского монастыря, а также шатровые церкви в Троице-Сергиевой лавре, в Сийском и Ферапонтове монастырях⁴⁴. К тому же типу одношатровых церквей относились ныне не существующие московские памятники: Преображенская

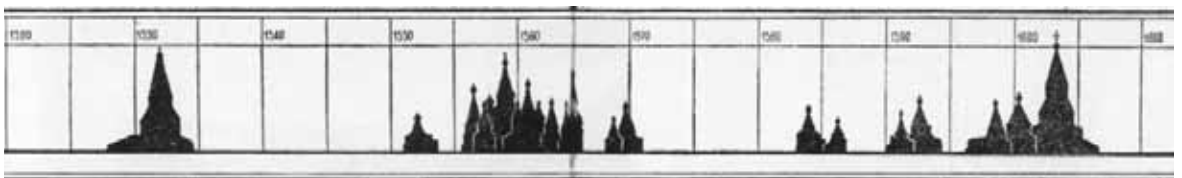

Рис. 1. Схема хронологического распределения памятников шатрового зодчества

церковь «что в Копье», Ирнинская церковь при доме Нарышкина, а также Гостинодворская церковь в Казани⁴⁵. Последними памятниками этого типа, по-видимому, являлись Успенская церковь в Нижегородском Печорском монастыре (1648 г.)⁴⁶, надвратная церковь Троицкого монастыря в Муроме (1648 г.)⁴⁷ и Троицкая церковь в Саввино-Сторожевском монастыре (1652 г.)⁴⁸.

Очень характерно, что в этих последних шатровых церквях шатры имеют уже настолько небольшие размеры по сравнению со всем объемом здания, что являются по существу не центром композиции, а лишь декоративным завершением. Таким образом, к середине XVII в. схема шатровой композиции, которая так ярко расцвела в зодчестве XVI в., продолжала развиваться уже на совершенно иной стилистической основе и привела к полному перерождению этой композиции при сохранении, однако, центрального шатра как иконографической формы.

Наряду с этими памятниками в XVII в. появляются и другие, в которых по сторонам центрального шатра имеются еще несколько боковых, причем, в отличие от Борисоглебской церкви в Старице, в этих храмах боковые шатры настолько велики или же так далеко отодвинуты от центрального, что совершенно разбивают этим единство композиции. К подобному типу относятся так называемая Дивная церковь в Угличе и церковь в Троицком-Голенищеве⁴⁹.

Параллельно с этим в XVII в. строятся и такие шатровые церкви, в которых два или три декоративных шатра одинакового размера расположены над сомкнутым сводом основного помещения церкви, имеющего удлиненную с севера на юг форму. В XVI в. такие постройки совершенно не встречаются; первые известные нам подобные памятники относятся к 20–30-м гг. XVII в. Одним из наиболее ранних образцов таких церквей являлась двухшатровая церковь в Алексеевской монастыре в Москве, законченная строительством в 1634 г.⁵⁰ Постепенно число подобных двух- и трехшатровых церквей значительно увеличивается, и их становится даже больше, чем одношатровых памятников⁵¹.

Не может быть никакого сомнения в том, что тип двух- и трехшатровых церквей также теснейшим образом связан своим происхождением с формами деревянного народного зодчества. В XVI в. (а возможно, и значительно раньше) подобный тип покрытия часто встречался над воротами; так, например, проездные ворота московского Белого города, как это видно на старинных изображениях, имели завершение в виде нескольких, очевидно, деревянных, шатров. То, что шатры часто употреблялись и над крыльцами, видно хотя бы из писцовых книг, где неоднократно встречаются такие описания, как, например: «Крыльцо красное, три верхи шатровые»⁵². Можно думать, что каменные надвратные церкви такого типа, как двухшатровая церковь Ферапонтова монастыря, очень близко передают широко до этого распространенные формы деревянной архитектуры⁵³.

Двух- и трехшатровые церкви продолжали строиться в довольно значительном количестве до самой середины XVII в. Так, например, в 1652 г. были закончены церковь Ивана Предтечи в Казани и Путинковская церковь в Москве⁵⁴. Однако эти памятники, видимо, были уже последними шатровыми церквями, так как в 50-х гг. XVII в. строительство церквей, увенчанных шатрами, было запрещено.

Первая храмозданная грамота, в которой указывается, чтобы главы на церкви «были круглые, а не островерхие», известна от 1656 г. и дана патриархом Никоном⁵⁵. После этого подобные грамоты известны в большом количестве до

самого начала XVIII в., причем текст их становится почти стандартным: «...а что-бы верх на той церкви был не шатровый».

О причинах запрета шатров высказывалось много различных предположений, но совершенно несомненно только, что это запрещение связано с рядом других «очистительных» преобразовали Никона. Стремление приблизить русские церковные обряды и богослужебные книги к греческим, усиление влияния украинской культуры, демонстративный пересмотр церковной политики XVI в., нашедший себе отражение в ревизии решений «Стоглавого собора» и в торжественном перенесении в Москву мощей митрополита Филиппа, — вот та идеологическая обстановка, анализ которой может дать объяснение запрету строительства шатровых церквей.

Замечательно, что в последних шатровых памятниках сами шатры имеют уже совсем маленькие размеры и по существу являются лишь декоративной деталью, завершающей постройку. Сравнение этих маленьких и как бы «игрушечных» шатров с шатрами XVI в., представлявшими собой чисто конструктивную форму покрытия здания и определявшими всю его композицию, ясно показывает, какие существенные изменения произошли в шатровом зодчестве за эти сто лет.

По-видимому, несмотря на запрет отдельные случаи постройки шатровых церквей в виде редких исключений все же имели место. Так, например, вероятно, во второй половине XVII в. была построена церковь в Александровской пустыни с тремя крохотными шатрами⁵⁶.

Несомненно, что патриарший запрет действительно прервал развитие шатрового зодчества. Об этом достаточно красноречиво говорит довольно значительное число шатровых церквей, построенных в 40-х гг. XVII в., и почти полное их отсутствие после 1652 г. Несомненно, однако, и то, что эти шатровые памятники середины XVII в. имели уже очень мало общего с шатровыми памятниками эпохи Ивана Грозного. Как в отношении композиции и стиля, так и самим своим архитектурным образом эти памятники XVII в. представляют собой принципиально иную, новую группу архитектурных памятников, связанную с шатровым зодчеством XVI в. главным образом чисто иконографической формой — наличием шатров.

В народном деревянном зодчестве, особенно на окраинах Руси, где патриаршие запреты не играли такой решающей роли, шатровые композиции продолжали плодотворно развиваться и после середины XVII в. Замечательно, что стройные шатры деревянных церквей русского Севера, построенных в XVII и даже в XVIII вв., часто во многом переключаются с величественными каменными шатровыми памятниками XVI в.

В каменном зодчестве шатры продолжают употребляться только как покрытие гражданских построек, часовен и колоколен, т. е. тех зданий, где это не противоречило каноническим церковным правилам. Были отдельные попытки введения шатровых приделов в общую композицию с пятикупольным храмом⁵⁷, однако широкое распространение получили только шатровые колокольни, ставшие одной из наиболее характерных особенностей русского зодчества второй половины XVII в.

В самом конце XVII в. неожиданно вновь встречаются два шатровых памятника — это церковь в Петровском на Москва-реке, построенная в 1685 г.,⁵⁸ и церковь

в с. Аннино близ гор. Рузы, построенная в 1690 г.⁵⁹ Высокие очень стройные шатры этих церквей как бы воскрешают традиции XVI в., а треугольные кокошники, проходящие у основания шатров, указывают на несомненную связь с деревянным зодчеством⁶⁰. Однако оба эти памятника в развитии русской архитектуры являются лишь случайным эпизодом, так как каменное шатровое зодчество к этому времени было уже пройденным этапом.

¹ *Забелин И.Е.* Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. — М., 1900. — С. 108; см. также: *Арицховский А. В.* Забелин-археолог // Историко-археологический сборник. — М., 1948. — С. 10.

² *Некрасов А.И.* Проблема происхождения древнерусских столпообразных храмов // Труды кабинета истории материальной культуры I МГУ. Т V. — М., 1930. — С. 45.

³ *Ильин М.А.* Русское зодчество XVI столетия // КСИИМК. — 1946. Вып. XIII. — С.167–171; *Воронин Н.Н.* Памятники русской архитектуры и их охрана. — М., 1944. — С. 32; *Рязнин М.М.* Русская архитектура. — М., 1947. — С. 34; *Лихачев Д.С.* Культура Руси эпохи образования русского национального государства. — Л., 1946. — С. 119.

⁴ *Султанов Н.В.* Русские шатровые церкви и их соотношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям // Труды V Археологического съезда. — М., 1887. — С. 230–244.

⁵ *Некрасов А.И.* Очерки по истории древнерусского зодчества. — М., 1936. — С. 289; *Ильин М.А.* Указ. соч. — С. 169.

⁶ *Ильин М.А.* Из истории гражданского зодчества ранней Москвы // КСИИМК. Вып. XIV. — М.; Л., 1947. — С. 90.

⁷ *Некрасов А.И.* Проблема происхождения... — С. 35–38.

⁸ Леонид. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского монастыря в гор. Александрове. — СПб., 1884. — С. 5.

⁹ Доклад М.К. Каргера в ГАИМК в 1925 г.; Малицкий Н.В. К вопросу о датировке Тверских врат Александровской слободы // Известия ГАИМК. 1927. Т. V; *Воронин Н., Ильин М.* Древнее Подмосковье. М., 1947. С. 38.

¹⁰ *Некрасов А.И.* Указ. соч. С. 21.

¹¹ *Воронин Н.Н.* Хутынский столп // СА. 1946. Вып. 8. С.300–305.

¹² ПСРЛ. Т. XIII. С. 62.

¹³ Текст этой надписи: «Лета 7060-го поставлена бысть сия церковь Успения пресвятыя богородицы при благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче и при епископе коломенском Феодосии». Впрочем, полной уверенности, что данная плита с надписью первоначально относилась именно к этой шатровой церкви, не имеется.

¹⁴ *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергей Радонежский. М., 1909. С. 339.

¹⁵ Рисунок опубликован у И. Грабаря (История русского искусства. Т. II. М., 1910. С. 71). Очень схематичные изображения этой же церкви имеются на планах Москвы нач. XVII в. (см., например, *Бартенев С.П.* Московский кремль в старину и теперь. М., 1912. Т. I. С. 36, 46, 58, 263).

¹⁶ ИАК. 1908. Вып. 26. С. 86; *Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. II. С. 147.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XXI. С. 651.

¹⁸ Там же. С. 674.

¹⁹ Труды II Областного тверского археологического съезда. Отд. 2. Тверь, 1906. С. 460.

²⁰ Македоний. Солотчинский монастырь. Рязань, 1886. С. 24.

²¹ Публикация этих памятников подготовлена автором к печати.

²² *Воронин Н.Н.* К истории русского зодчества XVI в. // Бюро по делам аспирантов ГАИМК. 1. Л., 1929. С. 88. За более раннюю датировку высказывается только Монгайт (*Монгайт А.Л.* Муром. М., 1947. С. 11).

- ²³ Леонид. Указ. соч., С. 80-82; *Воронин Н., Ильин М.* Древнее Подмоскowie. М., 1947. С. 40.
- ²⁴ *Диттель И.Ф.* Святыня, древности и достопримечательности гор. Рязани // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Отд. 1. С. 130.
- ²⁵ *Арсений.* Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь. 1896. С. 10–11.
- ²⁶ *Ильинский П.В.* Петромитрополитская церковь в гор. Переставле-Залесском // Труды Владимирской Ученой архивной комиссии. Кн. VI. Владимир, 1904. С.95.
- ²⁷ *Есиков Г.* Тушинский вор // Русские достопримечательности. Изд. Мартынова. Т. I. Разд. IX. М., 1877; *Токмаков И.Ф.* Село Спас-Тушино. М., 1905.
- ²⁸ *Чижов С.С.* Памятник шатровой архитектуры конца XVI в. // Ежегодник Музея архитектуры. Т. 1. М., 1937. С. 149.
- ²⁹ *Некрасов А.И.* Костромской край в истории древне-русского искусства // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXX (Третий исторический сборник). С. 99 и 103; *Грaбарь И.* История русского искусства. Т. II. М., 1910. С. 96.
- ³⁰ *Рождественский В.А.* Историческое описание Серпуховского Владычного монастыря. М., 1866. С. 127.
- ³¹ Волга от Твери до Астрахани. Изд. Об-ва «Самолет». СПб., 1862. С. 151; Ф. Рерберг. Балахна // Светильник. № 9–12. 1915. С. 10.
- ³² *Раппопорт П.* Годуновская церковь в Борисове-Городке // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 66-69.
- ³³ *Раппопорт П.* Русское шатровое зодчество конца XVI в. // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С.139–142.
- ³⁴ Писцовые книги XVI в. Отд. 1. СПб., 1872. С. 384.
- ³⁵ *Некрасов А.И.* Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1936. С. 269.
- ³⁶ Писцовые книги XVI в. Отд. 1. С. 492, а также упоминание на С. 297.
- ³⁷ Судя по писцовой книге 1577 г., с. Пруссы принадлежало Коломенскому епископу. Ильинская церковь называлась «архиерейской» – см. Метрика № 3651 (Архив ИИИМК). Быть может, она была построена тем же коломенским епископом Феодосием, с именем которого связана и постройка церкви в Брусенском монастыре.
- ³⁸ *Грaбарь И.* История русского искусства. Т. II. М., 1910. С. 73. Существует более поздняя датировка этого памятника – 1653 г. (Амвросий. Описание Кириллова-Белозерского монастыря. СПб., 1811). Однако вероятнее, что эта дата относится не к постройке, а к ремонту или перестройке церкви.
- ³⁹ *Кашкарев В.М.* Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии // Калужская старина. Т. III. Ч. 3. С. 13.
- ⁴⁰ *Леонид.* Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря // Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. С. 296.
- ⁴¹ Подмосковная старина. Изд. А. Мартынова. М., 1889. С. 47; Варганов А. Суздаль. М., 1944. С. 26.
- ⁴² Писцовые книги XVI в. Ч. I. Отд. 1. С. 612.
- ⁴³ *Воронин Н.Н.* Древнерусские города. М. – Л., 1945. С. 91–92; *Раппопорт П.А.* Русское шатровое зодчество конца XVI в. // КСИИМК. Вып. XXV. С. 139–142.
- ⁴⁴ Собор Михаила Архангела в Нижнем-Новгороде построен в верхней, т. е. шатровой, части в 1624–1631 гг. (Нижегородские епархиальные ведомости, 1888, № 4, 5 и 6). Церковь в Медведкове построена после 1624 г., когда она упомянута в писцовой книге как деревянная (ЧОИДР. 1886. Кн. 1. С. 11), но до 1646 г. (Подмосковная старина. Изд. А. Мартынова. М., 1889. С. 9). Церковь в Вешняках построена в 1644 г. (Барсуков А. Род. Шереметьевых. СПб., 1883. Кн. 3. С. 274). Надвратная Евфимиевская церковь Нижегородского Печерского монастыря построена 1645 г. (ИАК. 1916. Вып. 61. С. 142, а также ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 37). Церковь Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевской лавре относится к 1635 – 1637 гг. (Суслов В. Памятники древне-русского зодчества. СПб., 1898. Вып. 3); Благовещенская церковь при трапезной в Антониевом-Сийском монастыре – к 1638–1644 гг. (ЧОИДР. 1878.

Кн. 3. С. 17), а церковь Мартириана в Ферапонтовом монастыре — к 1640–1641 гг. (ИАК. Вып. 28. С. 152).

⁴⁵ Церковь Преображения «что в Копье» на Неглинной была построена, по-видимому, в 1623 г. (*Мартынов А.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Тетрадь 10). Церковь Ирины при доме Нарышкина, судя по стилистическим признакам, относится к первой половине XVII в. (*Красовский М.* Очерк истории московского периода древнерусского зодчества. М., 1911. С. 194). Гостинодворская церковь в Казани была построена, вероятно, в 1634 г. (Памятники древнего русского зодчества, СПб., 1908. Вып. I. С. 30).

⁴⁶ ИАК. Вып. 16. стр. 142; ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 37.

⁴⁷ *Суслов В.* Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1898. Вып. IV.

⁴⁸ *Смирнов С.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1877. С. 51.

⁴⁹ Успенская Дивная церковь в Угличе построена в 1628 г. (Архив ИИМК. Дело 1902 г., № 196). Троицкая церковь в Троице-Голенищеве построена в 1644 г. (*Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквях и селах XVII–XVIII вв. // Загородская десятина. Вып. 3. М., 1886. С. 302.).

⁵⁰ *Токмаков И.* Историческое и археологическое описание Московского Алексеевского монастыря. М., 1889. стр. 16. В «Материалах для археологического словаря» (Древности. Т. I. М., 1865, стр. 37) упомянуты имена строителей — Онтипа Константинова и Трефида Шарутина. По чертежу этого же «каменных дел подмастерья» Константинова (Антипа или Антона?) в 1644 г. была построена упомянутая выше церковь в Троицком-Голенищеве. Многие архитектурные формы и детали обеих этих церквей почти точно совпадают.

⁵¹ Некоторые подобные памятники приведены у Даля (Зодчий. 1874. С. 139) и Красовского (*Красовский М.* Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911. С. 217–220). В данной работе мы не приводим перечня памятников этого типа.

⁵² Из писцовой книги гор. Коломны 1577–1578 гг. Писцовые книги XVI в. Ч. I. Отд. 1. С. 305.

⁵³ Надвратная церковь Ферапонтова монастыря построена в 1649 г. (Известия ГАИМК. Т. II. С. 266).

⁵⁴ Церковь Ивана Предтечи в Казани была построена в 1649–1652 гг. (*Суслов В.* Памятники древнего русского зодчества. Вып. VII. СПб., 1901). В те же годы была построена и церковь Рождества на Путинках (Путеводитель по Москве под ред. И.П. Машкова. М., 1913. С. LXXXVII; *Забелин И.Е.* Построение первой на Руси церкви в честь Неопалимой Купины // Археол. известия и заметки. 1893. № 1).

⁵⁵ *Барсуков А.* Род Шереметьевых. СПб., 1884. Кн. 4. С. 242.

⁵⁶ Архив ИИМК. Дело № 197. 1904. Датировка церкви основана на том, что в ней в 1678 г. был похоронен вкладчик, который «поставил» эту церковь. См. также: ИАК. 1908. Вып. 26. С. 144. Часто датируют 1665 г. церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле в Москве. Однако эта церковь была, по-видимому, построена в 1652 г., и ее более поздняя датировка основана на опечатке в «Указателе» Александровского (Александровский М. Указатель московских церквей. М., 1915. С. 14).

⁵⁷ Такова, например, композиция церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650). Подобная композиция в соборе Авраамиева монастыря в Ростове, быть может, относится даже к XVI в., однако памятник этот еще недостаточно изучен и датировка его отдельных частей неясна.

⁵⁸ Памятники усадебного искусства. Т. I. Московский уезд. М., 1928. С. 68, а также: ЧОИДР. 1892. Т. I. Вып. 1. С. 18.

⁵⁹ *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 1. Ружская десятина. М., 1881. С. 77–78.

⁶⁰ Поразительная близость архитектурных форм этих памятников позволяет предполагать, что их строил один и тот же зодчий. Это тем более вероятно, что как с. Петровское, так и Аннино в 80-х гг. XVII в. принадлежали одному владельцу — боярину И.М. Милославскому. Быть может, в данном случае употребление шатровой формы было в какой-то степени связано с идеологией раскола и оппозицией к официальным церковным властям.

Зодчий Бориса Годунова*

Исследование Борисова городка, одного из наиболее замечательных архитектурных ансамблей Древней Руси, началось сравнительно недавно¹. Построенный на рубеже XVI и XVII вв., этот памятник был полностью разобран в начале XIX в. и за прошедшие с тех пор полтора столетия оказался настолько забытым, что его пришлось заново «открывать». Сопоставление обнаруженных чертежей и описаний с сохранившимися следами фундаментов уничтоженных сооружений позволило не только представить в общих чертах состав архитектурного комплекса, но и дать его графическую реконструкцию. К сожалению, все известные до сих пор графические материалы о Борисове городке отличались неточностью и схематичностью. Естественно поэтому, что и реконструкция архитектурных сооружений, в первую очередь, великолепной шатровой церкви, могла быть также только схематичной. Найденный в 1963 г. в Государственном Эрмитаже комплект чертежей Борисова городка позволил во многом уточнить наши представления о крепости и шатровой церкви². Эрмитажные чертежи отличаются гораздо большей точностью и достоверностью, чем все ранее известные изображения. В особенности много важных деталей дают эти чертежи для восстановления форм Борисоглебской церкви (рис. 1 и 2).

Южный фасад Борисоглебской церкви на эрмитажном чертеже показан имеющим высоту почти 35 сажень без креста, т. е. около 74 м. Такую же высоту с очень незначительными колебаниями дают и остальные изображения и документы XVII и XVIII вв. Однако при совпадении общего размера по высоте эрмитажный чертеж позволяет несколько уточнить пропорции здания. Так, высота галереи и четверика церкви оказались несколько большими, а высота шатра несколько меньшей, чем это представлялось ранее. Восьмерик и шатер церкви на эрмитажном чертеже изображены с целым рядом явных ошибок и неувязок. По-видимому, исполнивший этот чертеж архитекторский помощник Григорий Хорьков верхнюю часть церкви не обмерил, а нарисовал «на глаз», а затем этот несовершенный рисунок присоединил к чертежу нижней части церкви, которая была им достаточно добросовестно обмерена.

Все детали двухъярусной галереи и четверика не вызывают сомнений в достоверности и точности их изображения. Поэтому, если верхняя часть здания церкви может быть реконструирована со значительной долей условности, то нижняя ее часть нам уже известна как реальное сооружение, позволяющее судить не только о композиции, но и о деталях.

* Культура Древней Руси. — М., 1966.

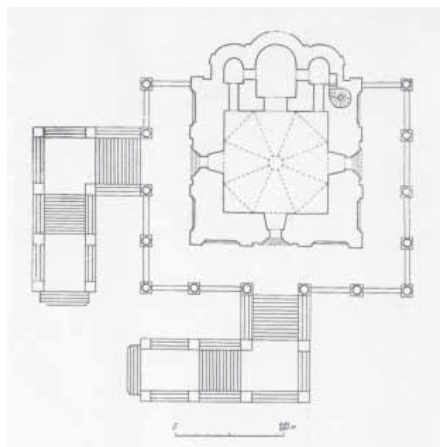

Рис. 2. План церкви Бориса и Глеба.
Реконструкция

Рис. 1. Церковь Бориса и Глеба.
Реконструкция

Находка эрмитажных чертежей позволила сделать существенный шаг в реконструкции архитектурных форм Борисоглебской церкви, выявила целый ряд особенностей этого здания, которые проявляются не только в общей схеме композиции, но и в очень своеобразной стилистической манере и во множестве совершенно индивидуальных форм и деталей. Мы имеем уже сейчас все основания судить о ярком творческом почерке зодчего, создавшего Борисов городок. Более того, появилась возможность определить, какие другие сооружения принадлежат тому же мастеру.

Прежде всего совершенно несомненно, что именно этот зодчий строил церковь в с. Вяземы³. Об этом свидетельствует большое количество совпадений, которые совершенно невозможно объяснить одной только стилистической близостью. Совпадения эти иногда настолько разительны, что отдельные части здания здесь попросту идентичны. Так, двухъярусные галереи церкви Борисова городка и церкви в Вяземах полностью совпадают. При этом совпадают здесь даже такие необычные детали, как деление пилястр первого яруса галереи горизонтальным карнизом на две филенки, а также вертикальные вставки с филенками, проходящие по оси столбов между арками второго яруса. Вообще, если бы не несколько иные пропорции да наличие раскреповок, отличить галерею, изображенную на чертеже Г. Хорькова, от галереи в Вяземах было бы невозможно.

Сходство между церквями Борисова городка и Вязем не ограничивается галереей. Филенки на лопатках четверика, форма порталов и окон, завершающий четверик карниз классического типа в этих памятниках также полностью совпадают.

Наконец, много общего имеется и в разбивке плана. Размер внутреннего помещения этих церквей совершенно одинаков — 4,5 сажени. Одинаковы и пропорции

плана. Если мысленно убрать столбы Вяземской церкви и отодвинуть стенку алтарной преграды так, чтобы освободить квадратное пространство, то интерьеры также будут тождественны. Огромная высота здания Борисоглебской церкви заставила зодчего утолстить стены более чем вдвое, но толщина стенок апсид осталась той же. Из-за большой толщины стен боковые окна Борисоглебской церкви оказались расположенными не по оси боковых членений, как в Вяземах, а несколько сдвинутыми к середине.

Рядом с церковью в Вяземах стоит небольшая двухъярусная трехпролетная звонница⁴. Судя по архитектурным формам, она построена тем же зодчим, который строил церковь⁵. Звонница очень своеобразна и не имеет себе подобных в московском зодчестве. Совершенно такая же звонница стояла и рядом с Борисоглебской церковью Борисова городка. Она упомянута в «Описи 1664 г.» и изображена на рисунке XVII в.⁶ Так же, как в Борисове городке, в Вяземах имелись фруктовый сад и искусственное озеро с большой плотиной⁷.

Помимо ансамбля в Вяземах руке того же зодчего принадлежит собор Рождества Богородицы в Боровском Пафнутьеве монастыре⁸. Поразительное сходство этого собора с церковью в Вяземах отмечали многие исследователи⁹. Здесь почти полностью совпадают общая схема композиции, пропорции, характер убранства. Особенно близки обработка барабанов глав, портала, характер карниза, проходящего в основании закомар. Правда, Боровский собор значительно скромнее по отделке, чем церковь в Вяземах; кроме того, он не имеет галереи. Лопатки собора гладкие, без филенок, но зато филенки украшают поля стены между лопатками.

Еще одна постройка, созданная, видимо, тем же зодчим, — церковь в с. Хорошево. М.А. Ильин в свое время убедительно доказал, что близость форм Хорошевской и Вяземской церквей могут быть объяснены только тем, что обе они построены одним мастером¹⁰.

Таким образом, нам известны четыре сооружения, возведенные одним архитектором. Можно установить даже последовательность, в какой они были созданы. Самой поздней постройкой является Борисов городок. Церковь городка была освящена в 1603 г.¹¹ Хотя она и не была внутри расписана, но строительство такого огромного здания должно было занять, по-видимому, не менее 4–5 лет. Таким образом, начало строительства, очевидно, относится еще ко времени до воцарения Годунова.

Это следует также из записи в Пискаревском летописце, где указано: «Да в Вере́йском уезде в селе Борисове на городище по челобитью же боярина Бориса Федоровича Годунова зделан храм камен»¹². Церковь в с. Вяземы была построена несколько раньше. Судя по клировой ведомости, она была освящена в 1600 г.¹³ Однако до этого церковь была расписана. Следовательно, строительные работы должны были быть закончены за 1–2 года до этого. Таким образом, выясняется, что строительство церкви в Вяземах было закончено как раз тогда, когда началось строительство Борисова городка. Вяземы были царской резиденцией, но современники отмечали, что этот архитектурный комплекс принадлежал Годунову еще до его воцарения¹⁴.

Церковь в Хорошево была построена еще раньше, чем Вяземская. Во всяком случае в 1598 г. она уже существовала, так как именно в это время в нее был сделан вклад царевичем Федором Борисовичем¹⁵. Видимо, еще раньше был построен

собор Пафнутьева монастыря. К главному зданию этого собора с северо-востока примыкает придел св. Ирины, возведенный, по-видимому, одновременно с самим собором. В кладку придела вложена каменная плитка с надписью о погребении в 1599 г. дядьки царя Федора боярина Клешина. На этом основании некоторые исследователи относили завершение строительства собора к 1599 г. Но каменная плита легко могла быть вложена в стену придела значительно позже постройки здания и поэтому не может служить основанием для датировки. Гораздо более вероятно, что постройка ирининского придела исполнена тогда, когда Ирина Годунова была еще царицей, а не инокиней Александрой, т. е. до января 1598 г. По-видимому, строительство собора было закончено до 1596 г., так как в этом году царь Федор пожертвовал сюда богатые ризы¹⁶. Косвенным свидетельством того, что собор Пафнутьева монастыря был построен даже раньше, чем церковь в Хорошеве, скорее в 80-х, чем в 90-х гг. XVI в., является то обстоятельство, что в «Пискаревском летописце» строительство этого собора отмечено значительно ранее, чем церквей в Хорошеве, Вяземах, Борисове, — почти в самом начале перечня сооружений, созданных в царствование Федора.

Какие еще постройки могут быть приписаны тому же зодчему?

Прежде всего, что строил этот зодчий в Борисове городке — только церковь или весь ансамбль, т. е. церковь и крепость? Очень своеобразные и декоративные формы крепости свидетельствуют о ее парадном, дворцовом, а не только военном назначении. На лопатках одной из башен крепости, судя по чертежу Г. Хорькова, имелись филенки, совершенно так же, как на Борисоглебской церкви. Очень вероятно, что как церковь, так и крепость строил один и тот же зодчий. Характерной особенностью крепостных башен Борисова городка является деление каждого фасада башни тремя лопатками на два поля, так что одна лопатка проходит по оси фасада. Замечательно, что этот своеобразный прием можно видеть и на башнях Боровского Пафнутьева монастыря¹⁷.

Было высказано предположение, что церковь в Красном Селе была построена тем же мастером, что Борисов городок¹⁸. С этим вряд ли можно согласиться: стилистически церковь в Красном Селе имеет мало общего с Борисоглебской. Сходство между ними действительно имеется, но оно ограничивается лишь общим композиционным приемом и типологическими особенностями. Гораздо ближе к церкви Борисова городка верхняя часть колокольни Ивана Великого в Московском Кремле; здесь имеется явная стилистическая близость. Однако этого все же недостаточно, чтобы сделать вывод о принадлежности их одному зодчему.

Итак, перед нами вырисовывается фигура выдающегося зодчего, работавшего в конце XVI в. Мы можем даже проследить, как развивалось его творчество, поскольку известны четыре сооружения, возведенные им одно за другим. Что общего между этими четырьмя постройками и каковы отличительные особенности почерка этого мастера? Прежде всего необходимо отметить, что все исследователи, писавшие о церквях в Вяземах, Хорошеве и Боровском монастыре, единодушно отмечали наличие в них большого количества итальянских архитектурных форм. Эти итальянские мотивы играют такую существенную роль в декоре указанных церквей, что М. Красовский даже считал строителя Вяземской церкви итальянцем¹⁹. Однако для такого утверждения нет достаточно убедительных данных. Все итальянские элементы, присутствующие в постройках этого мастера, не

выходят за рамки того, что уже было внесено в русскую архитектуру строителем Архангельского собора в Московском Кремле Алевизом Новым. Более того, эти формы использованы зодчим конца XVI в. в значительно переработанном виде, весьма далеком от классических итальянских образцов. При этом в более ранних постройках (собор Боровского монастыря) зодчий использовал меньшее количество итальянских форм, чем в постройках более поздних (Вяземы, Борисов городок), т. е. количество итальянских элементов в его творчестве не уменьшалось со временем, а наоборот, возрастало. Это дает основания утверждать, что строитель Борисова городка находился под огромным влиянием архитектуры Архангельского собора, но сам был не итальянцем, а русским.

Можно отметить, что ранние постройки этого зодчего скромнее по декоративному убранству, а поздние — пышнее. Но это явление, видимо, следует отнести за счет заказа, а не эволюции вкусов самого мастера. Монастырская церковь, конечно, и должна была быть более скромной, чем церковь царской резиденции. Поэтому в Вяземах, по сравнению с собором Боровского монастыря, введен мотив второго яруса декоративных арок на фасадах и добавлена двухъярусная галерея. В Борисове городке зодчий все декоративные элементы подчинил основной идее динамики шатровой композиции, и поэтому галерея здесь исполнена в несколько иных пропорциях, — более стройная и с раскреповкой карниза. На фасадах четверика церкви Борисова городка подчеркнуты вертикальные членения и отброшен второй ярус декоративных арок, который противоречил бы вертикальной устремленности всей композиции. Вместо этого для обогащения фасадов филенки на лопатках (как в Хорошеве и Вяземах) дополнены здесь филенками на полях стены между лопатками (как в Боровском монастыре).

Анализ стилистических особенностей произведений этого зодчего показывает, что его творчество развивалось в сторону подчеркнутой, отточенной графичности. Все его постройки очень далеки от пластических решений архитектурных сооружений эпохи Грозного.

Плоскостность фасадов, мелкая и суховатая профилировка, виртуозная графическая прорисовка декоративных элементов — вот основные особенности его творчества, наиболее ярко проявившиеся в последних постройках — Вяземах и Борисове городке.

Положение, которое занимал строитель Борисова городка, не вызывает сомнений: он был мастером, близким к царю Борису. Все его произведения были созданы по заказу Бориса Годунова — сперва правителя, а затем царя. Но огромное влияние, которое этот мастер оказал на все русское зодчество конца XVI в., определяется не столько официальным положением, которое он занимал, сколько его огромным талантом. Основные особенности его почерка — суховатая графичность, тонкая и почти не дающая теней профилировка, широкое применение филенок — нашли отражение в творчестве большинства зодчих — его современников. Последние отзвуки этого влияния можно увидеть уже в 20-х гг. XVI в., например в церкви с. Рубцова.

До сих пор было известно лишь одно имя зодчего конца XVI в. — это Федор Савельевич Конь²⁰. Теперь выясняется, что одновременно с Конем работал второй, еще более яркий русский архитектор. Федор Конь был в основном мастер-горододелец, т. е. военный инженер. Строитель Борисова городка был прежде

всего зодчий-художник; его произведения относятся к лучшим образцам древнерусского зодчества, а его творчество определило собой целый этап в развитии русской архитектуры.

К сожалению, имя этого замечательного архитектора пока остается неизвестным и называть его приходится условно — зодчим Бориса Годунова.

¹ *Раппопорт П.А.* Годуновская церковь в Борисове городке // КСИИМК. — 18. 1947. — С. 66; *Он же.* Русское шатровое зодчество конца XVI века. МИА. — № 12. 1949. — С. 272; *Он же.* Борисов городок. МИА. — № 44. 1955. — С. 59.

² *Раппопорт П.А.* Новые материалы о Борисове городке (в печати).

³ Чертежи церкви в с. Вяземы, см.: *Сулов В.В.* Памятники древнего русского зодчества. Вып. 2. — СПб., 1896; *Красовский М.* Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества. — М., 1911. — С. 252.

⁴ Чертежи звонницы см.: *Сулов В.* Указ. соч. — Л. 3; Технические данные о звоннице см.: *Гендель Э.* Выпрямление древней звонницы в Вяземах // Архитектура СССР. — 1966. № 12. — С. 46.

⁵ «...Колокольница в селе Вяземах представляет самостоятельную композицию, в которой чувствуется опытная рука хорошего мастера, прекрасно чувствовавшего строгость пропорций...» (*Красовский М.* Указ. соч. — С. 226).

⁶ *Раппопорт П.А.* Борисов городок. — С. 62 и 65. Существовал и третий экземпляр такой же звонницы — в Москве у кремлевской стены. В «Описи 1664 г.» прямо указано, что звонница Борисова городка построенная «против Троицкой колокольни, что на рву».

⁷ *Шереметьев П.* Вяземы. — Пг., 1916. — С. 21; *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 3. — М., 1886. — С. 197.

⁸ Чертежи собора Боровского Пафнутьева монастыря см.: *Преображенский М.Т.* Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. — СПб., 1891. — Л. III и IV.

⁹ Там же. — С. 45; *Машков И.* Доклад об исследовании собора Боровского монастыря // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников. Т. IV. — М., 1912. — С. 308; История русского искусства (под ред. И. Э. Грабаря). — Т. II. М. — С. 107 (текст этого раздела написан Ф. Горностаевым).

¹⁰ *Ильин М.А.* Усадьбы Годуновых // Сборник общества изучения русского усадьбы. Вып. 5–6. — М. 1928. — С. 37.

¹¹ Труды Вятской губернской ученой архивной комиссии. 1904. — Вып. 2. Отд. II. — С. 27.

¹² Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. II. — М., 1955. — С. 100. Данная заметка вписана последней в списке построек, возведенных при царе Федоре. В известной степени это свидетельствует о том, что строительство началось незадолго до смерти царя Федора, последовавшей в 1598 г. Указание, что церковь расположена «на Городище», свидетельствует о времени, когда был написан этот текст, — первой половине XVII в. В это время острог Борисова городка, опустевший после «литовского разоренья», действительно представлял собой городище.

¹³ *Шереметьев П.* Указ. соч. — С. 6; «Метрика церкви». Архив ЛОИА. Ф. 1. № 234 за 1910 г.

¹⁴ «Путешествие Какаша и Тектандера» // ЧОИДР. — 1896. Кн. 2. III. — С. 15.

¹⁵ *Ильин М.А.* Указ. соч. — С. 34.

¹⁶ *Зерцалов В.* Материалы для исторического описания Боровского Пафнутьева монастыря // Калужские губернские ведомости. 1860. № 51, часть неофициальная.

¹⁷ *Машков И.* Крепостные сооружения Боровского Пафнутьева монастыря // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников. Т. IV. — М., 1912. — С. 313.

¹⁸ *Шевелев И.Ш.* Геометрическая гармония. — Кострома. 1963. — С. 50. Прим. 1.

¹⁹ *Красовский М.* Указ. соч. — С. 257.

²⁰ Наиболее полную сводку сведений об этом зодчем см.: *Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь. — М., 1964.

IV
IN MEMORIAM

Жизнь ученого в условиях несвободы

Эта статья (ее первый вариант) была написана в 1989 г., вскоре после смерти П.А. Раппопорта, когда особенно остро ощущалась потеря — и в человеческом, и в научном отношениях. Она так и не была опубликована: газете «Советская культура» и нескольким другим печатным органам она не показалась заслуживающей внимания, несмотря на рекомендацию академика Д.С. Лихачева: «Я очень обеспокоен судьбой нашей архитектурной археологии. Громадной фигурой в прошлом был Николай Николаевич Воронин, которому мы обязаны сохранением Владимира, Суздаля и Ростова Великого. После смерти Н.Н. Воронина этой областью, сейчас чрезвычайно актуальной, занимался Павел Александрович Раппопорт — ученик Н.Н. Воронина, автор многих работ по древнерусской архитектуре... Эта статья, которая представляется мне очень важной, — принципиальный разговор о судьбе школы в науке, о необходимости преемственности в архитектурной археологии».

Те, кто работал рядом с Павлом Александровичем Раппопортом, постоянно ощущали себя участниками реального процесса развития науки, когда из мозаики отдельных наблюдений, находок и данных складывается достоверное знание о древней архитектуре. И только смерть этого крупного ученого открыла, казалось бы, давно известную истину: накопление знаний, рождение на их основе новых концепций — отнюдь не самодвижущееся явление, а результат личного труда, сосредоточенной воли и ответственности конкретного человека. Эта утрата заставила по-новому осмыслить судьбу самостоятельной отрасли исторического знания — архитектурной археологии, с которой была связана вся жизнь Павла Александровича. Знания о прошлом, тем более о далеком прошлом, — пунктирны и нередко противоречивы. Чем глубже мы погружаемся в древность, тем чаще мы натываемся на «белые пятна», загадки — на осколки разбитого вдребезги.

И в то же время археология — в широком смысле — способна почти на чудеса: находить звенья разорванной цепи. Не сразу, конечно, а год за годом, десятилетие за десятилетием. Здесь особенно важны преемственность в накоплении знаний, систематичность, целеустремленность исследователя и школа: от учителя к ученику, из рук в руки.... И потому-то не случайно в послевоенные годы были достигнуты исключительные успехи в архитектурной археологии Древней Руси. Связаны они, главным образом, с двумя именами: с Н.Н. Ворониным и с П.А. Раппопортом — его учеником, сотоварищем, соавтором. Правда, истины ради надо назвать и третье имя — М.К. Каргера (1903–1976) — талантливого ученого и блестящего лектора, много сделавшего для изучения древней архитектуры

Киева и Великого Новгорода, но, как рассказывали те немногие, кто вернулся из лагерей, способствовавшего в годы Большого террора гибели многих своих коллег. Страшная и одновременно трагическая фигура. Как видно, вечный вопрос о совместимости таланта и злодейства имеет отношение и к науке о древности, лишь на первый взгляд далеко отстоящей от драм современности.

Вернемся, однако, к древности. Вот что удивительно: особые успехи в ее познании связаны главным образом с самой ранней и короткой порой отечественной культуры — домонгольской эпохой. Ныне от того времени сохранилось всего около 30 храмов, а в каталоге памятников древнерусского зодчества X–XIII вв., составленном П.А. Раппопортом, где учтены и те сооружения, которые остались бы неизвестными без археологических разысканий, их 248 (ныне их число выросло до 253-х). Многие обнаружены экспедициями самого Павла Александровича в Смоленске, Полоцке, Новгороде, Трубчевске и других городах. Но эти достижения далеко не только количественные. Сопоставление особенностей строительных приемов, решений внутреннего пространства позволило проследить трансформацию византийского наследия и пути сложения общерусского зодчества.

Рассказывать о Павле Александровиче — это значит рассказывать о безупречно честной работе, в которой напрочь исключались увлечения непроверенными гипотезами, предвзятость в отборе фактов, подгонка под заданный ответ. Потому что он был далек от «сенсационности» в своих выводах, хотя каждый полевой сезон давал новые открытия. Они постепенно складывались в логически стройную концепцию, которая, однако, получала право на жизнь лишь после сопоставления с летописными сведениями, после уточнения художественных особенностей памятников, привлечения аналогов.

Возможно ли было всегда сохранять научную принципиальность в эпоху сталинизма и застоя (а ведь именно на эти десятилетия и приходится почти вся научная жизнь Павла Александровича)? Мы помним о запрете «буржуазной лженауки» кибернетики, о разгроме ученых-генетиков.... Наверное, именно время объясняет то, что он не стал борцом, сторонился нападений и обличений, избегал полемики. Есть, наверное, печальная закономерность и в том, что ни один труд Раппопорта не был отмечен премией, а сам он не стал членом Академии наук — ученый держался в стороне от борьбы за кресла и звания, не имел высоких покровителей. Ему важнее было додумать, доисследовать, дописать, досказать... И было еще одно препятствие — антисемитизм, тот, поощряемый свыше, будничнейший, привычный, почти невидимый. Но никогда не слышали мы жалоб или сетований Павла Александровича на этого врага русской (да, именно русской!) культуры, а значит, и его личного.

Главное кредо Павла Александровича как ученого и человека — максимально возможное следование научной истине. Пусть открытие не будет осмыслено и оценено сегодня, однако если оно обнародовано, то рано или поздно преобразит наши знания, наметит новые горизонты. Потому-то он высоко оценил работу Ю.П. Спегальского о жилищах Руси IX–XIII вв. Павел Александрович писал в предисловии к посмертно публикуемому труду этого видного архитектора-реставратора, что в его интерпретации «жилые комплексы древних новгородцев, ладожан и торопчан приобрели совершенно неожиданный характер городской застройки, имея мало общего с теми привычными нам реконструкциями, которые

основываются на широком использовании этнографических параллелей — деревенских изб XIX–XX вв... Концепция Ю.П. Спечальского будит мысль, заставляя-ет новыми глазами смотреть на многие известные факты».

В первые послевоенные годы, когда люди еще дышали воздухом Победы, было важно найти созвучие в прошлом и возродить интерес к тому, что еще недавно попиралось и уничтожалось. И Павел Александрович начал свои исследования с того, что казалось наиболее самобытным в древнерусской архитектуре — с шатровых храмов. Но руководство Института истории материальной культуры в то время не согласилось с продолжением этой темы, то ли не понимая ее важности, то ли не признавая ее достойной археологии. И тогда ученый вынужденно обращается к изучению ранней истории древнерусских укреплений, темы, в которой особенно тесно увязывается археология, история и архитектура. Почти двадцать раскопочных сезонов, несколько сотен обследованных городищ, валов на громадной территории от Карельского перешейка до Карпат, и в итоге — три книги по истории русского военного зодчества (1956, 1961, 1967 гг.), в которых впервые выявлены закономерности его развития, впервые прослежена связь с эволюцией военной техники и оружия. А началу этому положили первые публикации 1944–1946 гг. по обобщению инженерного опыта Великой Отечественной войны, написанные инженер-капитаном П.А. Раппопортом, которому приходилось и строить укрепления под Ленинградом, и разминировать побережье в районе знаменитого Ораниенбаумского пятка. Так война неожиданно послужила толчком для путешествия в далекое прошлое, путешествия, которое заняло всю жизнь.

Только в середине 1970-х гг., когда Каргер перестал быть директором института, удалось наконец-то включить в официальный план изучение начального периода русского зодчества — наименее изученного и наиболее важного для понимания всей многовековой эволюции национального искусства, хотя планомерное изучение домонгольских памятников Павел Александрович начал еще в 60-х совместно с Н.Н. Ворониным — своим руководителем довоенной аспирантуры — в Смоленске, где в течение десяти полевых сезонов ими была открыта ранее неизвестная школа древнего зодчества. Я помню, как был поражен сектор славяно-финской археологии Ленинградского отделения института археологии, когда Павел Александрович попросил всего год для подготовки упомянутого выше каталога памятников X–XIII вв. (в обычных условиях на это ушло бы не менее пяти лет у целой группы специалистов). «Я готовил его всю жизнь, — объяснил ученый, — а год мне нужно, чтобы привести в порядок материалы и сделать чертежи.»

И вот последнее десятилетие, когда сделаны самые блестящие открытия: разработан метод датирования домонгольских построек по формату кирпича (раньше даты многих из них «плавали»), найдены объяснения таинственным знакам на древних кирпичах, выявлен новый — последний — период в развитии храмостроения, оборванный монгольским вторжением. На основе изучения строительств «почерков» изучена миграция артелей каменщиков и составлена своего рода «периодическая система» всей строительной деятельности на Руси вплоть до 1240-х гг., позволяющая предсказывать недостающие «элементы», т. е. в какой-то мере планировать археологические находки еще неизвестных церквей. Поразительно: о древнерусской архитектуре XI–XIII вв., ее строительной

технике мы знаем теперь больше, чем о ее прародителе — византийском зодчестве той поры, хотя на территории Турции и Греции еще стоят сотни, а в земле скрыты многие сотни памятников одной из самых великих империй средневекового мира. Однако в полной мере изучать связи зарождавшегося древнерусского зодчества с традициями столичной и провинциальной византийской архитектуры Павел Александрович не мог: для этого надо было не только видеть эти памятники своими глазами, но и заниматься их натурными исследованиями. В условиях железного занавеса это было исключено. Что говорить об исследованиях, если Раппопорт, как и его друг и коллега по сектору Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984 гг.), большой знаток древнего Закавказья и Крыма, так никогда и не побывали в Турции, Греции, странах Ближнего Востока...

Павел Александрович, как и Дмитрий Сергеевич Лихачев, обладал редким даром писать о специальных вопросах так, что это становилось доступным широкому кругу читателей. В его обобщающем труде по древнерусской архитектуре, вышедшем в 1993 г., уже после смерти ученого, дана целостная картина развития архитектуры всей древней Руси. В ней, опираясь на открытия предшествующих лет, он с первых же страниц вводит читателя в археологическую проблематику историко-архитектурной науки, показывает, что строительная деятельность — неотъемлемая часть исторического процесса. И в этом контексте роль иностранных мастеров, осуществлявших крупные замыслы русских князей, оказывается большей, чем мы представляли раньше. Однако это обстоятельство вовсе не умаляет своеобразие русского типа церковной архитектуры, сохраняющей свои черты и в тех постройках, которые возводились при участии византийских и романских зодчих. Павел Александрович решительно отказывается от еще недавно распространенного убеждения о том, что древнерусское монументальное зодчество — продолжение традиций народной деревянной архитектуры. Скорее наоборот: первые деревянные церкви, о которых, к сожалению, известно очень мало, во многом повторяли формы каменных.

При этом автор даже в этой обобщающей книге не обходит нерешенных вопросов. Как важно и сегодня помочь согражданам, заинтересованным в познании корней отечественной культуры, найти тот путь, где оставлены всякого рода предрассудки, в том числе и псевдонаучные, где нет места конъюнктуре, а критерием истинности служит лишь согласованность и обоснованность фактов! Кстати, надо бы теперь ту книгу переиздать, снабдив комментариями, отражающими открытия последнего двадцатилетия.

...Павел Александрович умел руководить, не навязывая своей воли, и лишь собственным авторитетом объединял ученых Ленинграда и Москвы, Киева и Минска. Никто из академического руководства не побеспокоился в свое время о преемственности. У Павла Александровича не было аспирантуры (только отдельные аспиранты из других городов и учреждений). Он много лет руководил археологической экспедицией, в нескольких отрядах которой фактически сформировалась научная школа, но она, к сожалению, не обрела организационную форму. Попытки создать ее разбивались о бюрократические преграды, хотя сам Павел Александрович был человеком открытым: он с радостью делился идеями, помогал, консультировал каждого, кто приходил к нему, будь то студент, готовящий курсовую работу, или известный исследователь. И еще: удивительно умел

он пробуждать в молодежи интерес к изучению древнего зодчества, казалось бы, ничего не делая для этого специально. Некоторые из его юных помощников через два-три полевых сезона навсегда связывали свою жизнь с археологией или реставрацией, даже не замечая, кто же «виновен» в таком выборе.

Перед Павлом Александровичем на его жизненном пути нередко возникала стена. Он не возмущался, не обличал, не пытался ее проломить. Он отступал, а затем шел в обход, но лишь таким путем, который позволял заниматься любимым делом и оставаться самим собой. Когда на археологической конференции в Эрмитажном театре его интереснейший доклад о переломном этапе в развитии зодчества на рубеже XII–XIII вв. грубо прервал председательствовавший академик Рыбаков, Павел Александрович молча сложил листки и под аплодисменты зала — явное нарушение традиции научных заседаний — спустился со сцены...

Его отличали мягкость характера, готовность к компромиссам во второстепенном, осторожность, но твердость и последовательность в главном. Наверное, именно поэтому Павел Александрович не тратил время на бесконечные заседания бессильного Общества охраны памятников и на писание призывных статей и в то же время не жалел времени на чтение публичных лекций, на которых всегда были полные залы. Не знаю, в какой степени ему было ясно, что советская власть неумолимо разрушает культуру. Мы никогда не касались этой темы, но всей своей жизнью он противостоял историческому беспам'ятству, возрождая из небытия целые пласты архитектурного наследия, показывая его единство на всем пространстве Древней Руси.

Недавно, в сентябре 1912 г., в разговоре с видным украинским историком и археологом Петром Петровичем Толочко мы, вспоминая наших «древнерусников» П.А. Раппопорта, Г.Н. Логвина, Г.М. Штендера, Ю.С. Асеева, говорили о том, что пока, слава Богу, никому не удалось поколебать их главное открытие — существование единой древнерусской этнокультурной общности, единой домонгольской архитектуры, несмотря на все перечисленные особенности. Только теснейшее научное сотрудничество России, Украины и Белоруссии может противостоять официальной пропаганде и фальсификациям истории в угоду политической конъюнктуре. Осуществимо ли это?

В нашем обществе по-прежнему нет понимания того, что история национальной культуры — это не просто собрание знаний, музейных экспонатов и объектов туристического осмотра, это — компас, позволяющий ориентироваться в мире и находить в нем свое место. Новая трактовка истоков архитектуры древнейшего памятника домонгольского зодчества — Десятиной церкви, недавно предложенная учеником Павла Александровича О.М. Иоаннисяном, — блестящее тому доказательство.

Вот почему так важно, чтобы высокий научный потенциал, достигнутый архитектурной археологией, вклад в который П.А. Раппопорта столь значителен, был сохранен и приумножен. Однако осуществимо ли это в нынешних условиях?

Наследие П.А. Раппопорта и проблемы наших дней

Прошло уже четверть века, как архитектурная археология развивается без П.А. Раппопорта, который, продолжив традиции, заложенные еще в деятельности Императорской археологической комиссии П.П. Покрышкиным, Д.В. Милеевым и К.К. Романовым, затем развитые М.К. Каргером и Н.Н. Ворониным, в 1970–1980-х гг. фактически оформил ее в самостоятельную отрасль научного знания. Как сложилась ее судьба за это время? Какие идеи исследователя получили свое дальнейшее развитие, а в чем его взгляды и положения подверглись пересмотру? Что стало с созданной им исследовательской школой, и в каких условиях приходится работать последователям Павла Александровича?

О том, насколько востребованными оказались такие работы П.А. Раппопорта, как свод памятников древнерусского зодчества X — первой половины XIII в. и монография, посвященная строительному производству Древней Руси этого периода, сразу же ставшие классикой историко-архитектурной науки, говорит хотя бы то обстоятельство, что первая из них стала образцом для своего продолжения — каталога памятников древнерусского зодчества второй половины XIII — первой трети XIV в., созданного совсем молодым исследователем И.В. Антиповым¹. Идеи и выводы второй книги, а также приводимые в ней фактические сведения, используются всеми без исключения исследователями древнерусского зодчества. Во многом именно исследование П.А. Раппопорта инспирировало блестящее изыскание американского ученого Роберта Остерхаута, рассматривающего те же вопросы на материале византийской архитектуры². Конечно же, сам Р. Остерхаут является совершенно самостоятельным серьезным и крупным исследователем, которого вряд ли следует воспринимать как последователя и, тем более, ученика П.А. Раппопорта, но очень важно то, что он не смог не оценить значения идей Павла Александровича и не использовать результатов его исследований. Во многом это стало возможным благодаря тому, что в 1995 г. книга П.А. Раппопорта «Строительное производство Древней Руси» по инициативе польского друга и коллеги Павла Александровича Анджея Поппэ была переведена на английский язык и издана в Лондоне авторитетнейшим издательством литературы, посвященной изучению средневековой культуры, «Вариорум»³. Автором предисловия английского издания стал крупнейший исследователь византийской культуры и архитектуры Сирил Манго. Высоко оценивая труды П.А. Раппопорта, он в этом предисловии написал: «Русские археологи, несмотря на их относительную изоляцию в течение прошедших семидесяти лет, добились больших успехов в исследовании своих древних памятников, чем их коллеги в области изучения византийской архитектуры»⁴.

Несмотря на то, что среди молодых последователей П.А. Раппопорта его методика использовалась иногда до механистичности буквально⁵, без учета многоаспектности исследования, что было в высшей мере свойственно самому Павлу Александровичу, тем не менее, само по себе обращение молодых ученых к методическим постулатам исследователя было весьма положительным явлением. С одной стороны, это свидетельствовало, что работы ученого спустя всего несколько лет после их публикации стали уже восприниматься молодыми исследователями как научная классика, а с другой — подтверждали востребованность его методики уже в новых условиях существования науки. Сам Павел Александрович, несомненно, приветствовал бы появление таких работ и своими советами наверняка помог бы молодым авторам преодолеть их невольные ошибки и слишком прямолинейное следование одним из положений его методики при недостаточном внимании к другим.

Вместе с тем, появившаяся в новых России, Украине и Беларуси возможность публикации любых книг независимо от их научного качества, были бы у автора деньги на издание, — привело к выходу в свет целой серии книг, жанр которых невозможно определить иным термином, кроме как «научное графоманство» (книжки и статьи Н.Н. Никитенко и связанной с ней группы деятелей⁶, целая «библиотека» откровенно спекулятивных и бездоказательных книг С.В. Заграевского о зодчестве Северо-Восточной Руси⁷ и посвященная этой же теме неподъемная, как по объему и весу напечатанного фолианта, так и по возможности воспринять выводы автора, книга С.А. Шарова-Делоне⁸), что вряд ли порадовало бы П.А. Раппопорта. Впрочем, Павел Александрович при всей своей доброжелательности отличался крайней принципиальностью во всем, что касалось науки, и умел давать отповедь такого рода писаниям, свидетельством чего являются его печатные отклики на необоснованные попытки пересмотреть датировку Софийского собора в Киеве⁹ или реконструкцию церкви Покрова на Нерли¹⁰.

Не мог бы не порадоваться Павел Александрович и тому, что исследование проблемы внешних связей архитектуры Древней Руси за последние два десятилетия продвинулось очень далеко и привело к установлению истоков таких школ древнерусского зодчества, как черниговская и владимиро-суздальская¹¹; тому, что был проведен целый цикл новых исследований белокаменных памятников Владимира, Суздаля и Ростова Великого, давших возможность существенно уточнить и дополнить данные, полученные еще в ходе исследований Н.Н. Воронина, а в чем-то и существенно скорректировать их¹²; тому, что благодаря совместным усилиям украинских и российских исследователей начался новый цикл изучения древнейших памятников русского зодчества — Десятинной церкви и комплекса гражданских построек на Киевском детинце¹³ и Спасского собора в Чернигове¹⁴ (о том, что само осуществление этой совместной работы стало возможным благодаря связям между учеными, заложенным самим П.А. Раппопортом, и авторитету его научной школы, уже говорилось выше). И пусть эти работы в чем-то скорректировали выводы Павла Александровича, а в чем-то заставили взглянуть на проблему совершенно по-новому, или, наоборот, на новом уровне вернуться к выводам исследователей, работавших задолго до него, еще в самом начале XX столетия, он по достоинству оценил бы это и наверняка сам бы использовал возможность применения результатов новых исследований для дальнейшего развития своих идей.

Порадовало бы его и дальнейшее исследование столь интересовавшего его периода в истории древнерусской архитектуры — зодчества рубежа XII и XIII вв., ведущееся в последние годы¹⁵. И даже получаемые в результате этих исследований результаты, свидетельствующие о том, что связи между разными архитектурно-строительными центрами Древней Руси и картина самих школ древнерусского зодчества этого периода оказались более многосоставными и сложными, чем это ему представлялось, отнюдь не обескуражили бы исследователя. Вспомним, что он сам вплотную подошел именно к такому пониманию процесса развития древнерусского зодчества, что нашло свое отражение в ряде статей, перепечатываемых в этом сборнике¹⁶.

Продолжается и деятельность созданной П.А. Раппопортом архитектурно-археологической экспедиции. После ухода из жизни Павла Александровича в 1988 г. экспедицию удалось сохранить. С 1989 г. начальником экспедиции стал автор этих строк, а основной базовой организацией ее формирования — Государственный Эрмитаж. В сложное с экономической точки зрения перестроечное время и еще более тяжелые первые постсоветские 1990-е гг. именно Эрмитаж, благодаря своей активной музейно-выставочной деятельности, оказался способен не только взять на себя организацию экспедиции, тем самым не только выступая в роли мецената, дающего возможность поддержать научное направление, начавшее угасать в стенах Академии наук, но и укрепить свое и без того высокое реноме как не просто культурно-просветительской организации, но и крупнейшего научного центра¹⁷. Не буду здесь подробно останавливаться на достигнутых научных результатах, ранее это было сделано мной уже дважды (один раз — в статье о деятельности архитектурно-археологической экспедиции, написанной нами еще совместно с Павлом Александровичем, затем, по разным причинам остававшейся непечатанной, и в итоге дописанной мной и опубликованной уже без П.А. Раппопорта в 1994 г.¹⁸, а второй — в статье, опубликованной в 2005 г., когда мы отмечали 30-летие созданной Павлом Александровичем экспедиции¹⁹), а выделю лишь три момента.

Первый из них связан с тем, что с конца 1990-х гг. стали восстанавливаться казалось бы утраченные после развала Советского Союза связи с украинскими исследователями (кстати, в уже упомянутой статье, дописанной мной в 1994 г., после текста, написанного еще совместно с П.А. Раппопортом, я писал об этой утрате связей как о свершившемся факте, но, к счастью, моя пессимистическая позиция была опровергнута жизнью²⁰). В 2000-х гг. это привело к созданию совместного украинско-российского исследовательского коллектива, прошедшего исследования, пожалуй, наиболее сложного памятника во всей истории архитектуры Древней Руси — Десятинной церкви, а затем продолжившего тему изучения начального периода истории древнерусского зодчества исследованиями Спасо-Преображенского собора в Чернигове. И хотя организационные проблемы, связанные не с отсутствием финансовых средств, а с необходимостью преодолевать целый лес административно-бюрократических препон, решение которых иногда возможно лишь на самом высоком государственном уровне, все же существуют, процесс совместной исследовательской деятельности набрал обороты, вовлек в свою орбиту совсем молодых исследователей и уже принес весьма ощутимые результаты в изучении самого сложного и пока еще менее всего изученного периода

в истории древнерусской архитектуры — периода ее сложения. Как уже отмечалось выше, сама возможность создания такого совместного научного коллектива была заложена еще П.А. Раппопортом, при котором сложились крепкие личные связи между исследователями Киева и Санкт-Петербурга.

Несомненно, обрадовало бы Павла Александровича и то, что методы его исследования стали активно использоваться и оказались применимыми при изучении не только древнерусского зодчества, но и памятников других эпох. В результате этого произошло значительное расширение хронологического диапазона архитектурно-археологических исследований. Начиная с конца XX столетия, представители школы архитектурной археологии обратили пристальное внимание на тематику, до сих пор не рассматривавшуюся как сколько-нибудь важную и интересную с точки зрения археологии, — изучение культурного слоя и несохранившихся зданий XVIII–XIX вв. в Санкт-Петербурге. В немалой степени это связано с начавшейся в конце 1990-х гг. подготовкой к 300-летию юбилею Санкт-Петербурга. Именно представителям этой школы — П.Е. Сорокину, В.И. Кильдюшевскому (оба — представители ИИМК РАН и ученики А.Н. Кирпичникова), О.М. Иоаннисяну и руководимому им Сектору архитектурной археологии Государственного Эрмитажа — удалось привлечь внимание научного мира и широкой общественности к Санкт-Петербургу как к объекту, достойному археологического изучения.

Исследованные в 1990–2000 гг. объекты (дворец в Екатерингофе²¹, дворец и ансамбль парка в Стрельне,²² комплекс несохранившихся дворцов ближайших сподвижников Петра I на территории дворов Эрмитажа²³, Новая Голландия, Летний сад²⁴, Петропавловская крепость²⁵) показали, что Петербург Петровского, Аннинского и Елизаветинского времени, значительно изменив на протяжении второй половины XVIII–XX вв. свой облик и утратив многие, здания, усадьбы и целые кварталы, не пропал бесследно. Археологические исследования дали возможность обнаружить хорошо сохранившийся культурный слой XVIII в. и наличие в нем оснований многих, в большинстве своем не дошедших до нас зданий, возведенных при Петре I, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, представление о которых (далеко не всегда полное) можно было получить лишь из графических (старые планы и гравюры) и письменных источников. Все эти годы Архитектурно-археологическая экспедиция работала бок о бок и в тесном сотрудничестве с Санкт-Петербургской археологической экспедицией ИИМК РАН и Северо-Западного института природного и культурного наследия, возглавляемой П.Е. Сорокиным.

Венцом археологического изучения Петербурга стало открытие и изучение П.Е. Сорокиным крепостей Ландскрона (XIII–XIV вв.) и Ниеншанц (XVII в.) на Охтинском мысу, предшествовавших основанию Санкт-Петербурга. Об исследовании этих памятников когда-то мечтал и П.А. Раппопорт. Воплотить его мечту удалось П.Е. Сорокину — исследователю кропотливому, точному и честному.

Казалось бы, дело, которому П.А. Раппопорт посвятил всю свою жизнь, получило достойное продолжение — изучение древнерусского зодчества продолжается на основе заложенных им методических приемов и методологических положений, открываются новые памятники, создано специализированное научное подразделение, продолжающее его традиции, хронологический охват

применения методов архитектурной археологии значительно расширился — наука продолжает развиваться и идти вперед. Однако в это же время происходит и обратный процесс, о котором нельзя не говорить, отмечая 100-летний юбилей ученого, фактически создавшего новое направление в науке. Происходят явления, приобретающие, к сожалению, все больший и больший размах, которые отбрасывают это направление назад ровно на столько лет, сколько было бы сейчас самому П.А. Раппопорту.

Для того чтобы понять, что происходит сейчас, и в каком кризисе в наши дни оказалась не только архитектурная археология, но и в целом археологическая наука, рассмотрим ситуацию, сложившуюся вокруг двух памятников, которые всегда интересовали Павла Александровича — Десятинной церкви в Киеве и древних крепостей Ландскрона и Ниеншанц, остатки которых находятся на территории Санкт-Петербурга.

Начнем с Десятинной церкви. Вспомним, что Павел Александрович всегда настойчиво обращался к возможности музеефицировать открытые при раскопках памятники так называемым открытым способом, когда древние руины консервировались в открытом виде с помощью различных технологий, возможности которых нельзя считать апробированными на протяжении длительного промежутка времени, либо методом строительства павильонов над руинами. Ни то, ни другое не обеспечивает дальнейшей сохранности руин. В то же время в течение уже довольно длительного времени использовался и другой способ музеефикации утраченных памятников — метод их консервации засыпкой землей с последующей трассировкой по современной поверхности плана изученных во время раскопок древних зданий. Именно такой метод лег в основу проекта археологического парка-музея «Древний Киев», выполненного в 1970-х — начале 1980-х гг. в институте «Киевпроект» архитектором А.М. Милецким при научной консультации в то время доктора исторических наук, а ныне академика и вице-президента НАНУ П.П. Толочко. И А.М. Милецкий, и П.П. Толочко, в свою очередь, неоднократно пользовались советами и консультациями Павла Александровича.

К 1982 г. большая часть этого проекта была воплощена в жизнь, подарив всем — и киевлянам, и всем приезжающим в Киев, — не только замечательный исторический парк-заповедник в самом центре города²⁶, но и возможность, прогуливаясь по нему или просто проходя через него, познавать историю древнейшей части города, с которой связаны важнейшие события становления Руси как крупного европейского государства и началась ее история как государства христианского. Напомню, что именно здесь находятся остатки древнейших оборонительных сооружений Киева, первого каменного храма на Руси — Десятинной церкви, княжеских дворцов X в. и других памятников, связанных с историей еще языческой Руси. И хотя проект предполагал охватить значительно большие территории Киева, что, к сожалению, так и не было воплощено в жизнь, долгие годы он служил прекрасным образцом того, как надо поступать с утраченными, но не исчезнувшими совсем, а сохранившимися в виде скрытых земель руин памятниками. Павел Александрович высоко оценивал его и постоянно приводил в пример в своих лекциях и выступлениях, посвященных вопросам реставрации, сохранения и музеефикации памятников архитектурной археологии. Он мечтал, что когда-нибудь нечто подобное произойдет и в Смоленске.

Как особые достоинства музеефикации памятников, да и всей территории Киевского детинца, П.А. Раппопорт отмечал то, что она была выполнена методами чисто ландшафтной архитектуры — все остатки монументальных памятников (Десятинной церкви, княжеских дворцов, языческих капищ) были тщательно законсервированы засыпкой и протрассированы сверху (на уровне современной поверхности) каменными плитами, передающими план лежащих в земле построек. Такие элементы ансамбля, как земляные валы и рвы, были не воссозданы, а сымитированы на этой же поверхности невысокими задернованными насыпями и декоративными озелененными ровиками. Такая музеефикация не только дала возможность надежно сохранить древние памятники, показав их при этом нашим современникам, не только создать в центре города замечательный парк, не вступающий в конфликт с уже иным историческим ландшафтом, но и устроить в центре крупного мегаполиса минимальными и ненавязчивыми современными средствами благоустроенную территорию, напоенную атмосферой Древней Руси.

Такой метод музеефикации позволял показывать древние здания даже там, где они выходили за границы собственно парковой зоны, например на улицах, включая и их проезжую часть. В случае необходимости проведения новых исследований древних памятников легкие каменные трассировки всегда могли быть безболезненно для памятников разобраны, а потом вновь устроены, но уже с учетом данных новых исследований. Кстати, именно такая разборка и была осуществлена в 2005 г., когда киевские и Санкт-Петербургские исследователи приступили к новым исследованиям Десятинной церкви.

Однако уже в начале XXI столетия все начало развиваться по совершенно иному сценарию. Впрочем, и сами раскопки были затеяны для того, чтобы «научно обосновать воссоздание Десятинной церкви». Мы, участники этих раскопок, надеялись, что их результаты помогут охладить «воссоздательский» пыл, ведь от древнейшего из памятников русской архитектуры, судя по предыдущим раскопкам, проводившимся еще Д.В. Милеевым в 1908–1912 гг. и М.К. Каргером в 1939 г., сохранилось очень мало — по большей части одни фундаментные рвы. Все попытки создать хотя бы графическую реконструкцию плана на уровне стен храма, погибшего еще в 1241 г. во время взятия Киева монгольским ханом Батыем, до сих пор не привели к однозначному результату. Каждый исследователь, опирающийся на результаты раскопок Д.В. Милеева и М.К. Каргера, пытаясь предложить свое прочтение первоначального облика храма, излагал свой вариант, разительно непохожий на варианты своих коллег и предшественников. Таких вариантов к нашему времени накопилось около двух десятков. Следует отметить, что исследованиями и попытками создания графической реконструкции Десятинной церкви все эти годы занимались первоклассные исследователи, которых П.А. Раппопорт очень уважал и чьи результаты активно использовал. Однако сам он не рискнул предложить свой вариант реконструкции, считая, что материалов для этого ничтожно мало, и ограничился публикацией схематичной реконструкции лишь центрального ядра храма²⁷, на самом деле представлявшего сложный комплекс объемов (галерей, нартекса, экзонартекса, атриума и соборного нефа). Естественно, что в такой ситуации сама идея о воссоздании церкви никому не могла придти в голову даже в бреду.

В то же время Павел Александрович постоянно говорил, что, если бы были проведены новые архитектурно-археологические исследования церкви, в раскопках которой, проводимых М.К. Каргером в 1939 г., он участвовал еще совсем молодым человеком после поступления в аспирантуру ИИМК, то можно было бы получить новую информацию, о самой возможности получения которой исследователи тогда еще даже не могли догадываться. Помню, как он сетовал на то, что возможность проведения новых раскопок Десятиной церкви не воспользовались в начале 1980-х гг., когда проводилась замена старой трассировки Десятиной церкви на новую, выполненную уже в рамках воплощения проекта А.М. Милецкого и П.П. Толочко.

И вот уже в XXI в. нашим киевским коллегам такая возможность представилась. Они пригласили для участия в этих раскопках нас — петербургских исследователей, и в 2005 г. мы вместе начали новые раскопки, которые продлились до 2011 г. Начиная их, мы помнили о словах П.А. Раппопорта: «В настоящее время методика архитектурно-археологических исследований уже достаточно хорошо разработана, и даже самые слабые следы разрушенных памятников при внимательном археологическом изучении теперь дают возможность получать достоверные данные для включения таких памятников в общую картину развития древнерусской архитектуры»²⁸. Этот завет исследователя давал нам уверенность, что, используя разработанную Павлом Александровичем методику, мы такие данные получим, несмотря на то, что прекрасно осознавали, что мы будем иметь дело с остатками еще более меньшими, чем даже при раскопках М.К. Каргера — ведь даже самые тщательные проводимые раскопки всегда в той или иной степени разрушают какую-то часть этих остатков²⁹.

Наша уверенность нас не обманула — тщательно, без спешки проводимые раскопки с использованием разработанной П.А. Раппопортом методики принесли результат. Казалось бы, всем хрестоматийно известный, хотя и далеко не расшифрованный, памятник дал такую информацию, которую наши предшественники извлечь из него еще не могли. Использовали мы и новейшие технологии электронных тахеометрических обмеров, однако слепо не полагались на них, а применяли лишь в качестве подосновы — первичного материала, а затем метр за метром, участок за участком проходя раскопанные части, фиксировали каждый камень и кирпич (плинфу), каждый кол и лежень в субструкциях фундаментных рвов, сверяя отметки их оснований, то есть действуя по той методике, которая в деталях была разработана П.А. Раппопортом. Новые исследования установили то, что не удавалось нашим предшественникам — последовательность проведения древними мастерами операций по разбивке плана и устройства фундаментов Десятиной церкви, то есть — сложения ее композиции. Удалось выявить и много других деталей и подробностей, которые заставили не просто существовавшим образом изменить казавшиеся незыблемыми представления о памятнике, сложившиеся после исследований М.К. Каргера, но и предложить новый, основанный уже на полученных при исследованиях 2005–2011 гг., вариант реконструкции ее плана и даже высказать предположения о его объемно-пространственной композиции³⁰.

Правда, результаты новых исследований заставили нас во многом вернуться к тем предположениям, которые после исследований Д.В. Милеева еще интуитивно

были высказаны исследователями начала XX в., а затем были опровергнуты М.К. Каргером, П.А. Раппопортом и другими учеными. Оказалось, что предположения исследователей начала XX в. о возможной базиликальности Десятинной церкви и роли традиций балканской (болгарской и греческой) архитектуры в ее создании находят теперь довольно веские подтверждения³¹. Интересно, что начатые на следующий год после окончания наших раскопок Десятинной церкви (в 2012 г.) новые исследования следующего по хронологии в истории древнерусской архитектуры памятника — Спасо-Преображенского собора в Чернигове — вновь заставили нас с нашими украинскими коллегами обратиться к исследованиям начала XX в. и вспомнить о высказывавшихся тогда догадках о возможном воздействии на сложение архитектурных форм и строительных приемов первых русских каменных храмов архитектурно-строительных традиций Малой Азии и Кавказа (Алании и Абхазии)³².

Павел Александрович, основываясь на данных М.К. Каргера, Н.В. Холостенко и других исследователей 30–70-х гг. XX в., считал, что предположения исследователей начала XX в. (Д.В. Айналов, Г.К. Лукомский, Ф.И. Шмит) о том, что первыми строителями на Руси «были мастера, приехавшие из Малой Азии, с Кавказа или с Балкан»³³, были опровергнуты исследованиями М.К. Каргера, Н.В. Холостенко, Ю.С. Асеева, Г.Н. Логвина, А.И. Комеча. Он писал о том, что первые русские мастера «принадлежали к столичной (константинопольской) школе»³⁴. То, что результаты нового изучения древнейших памятников заставляют отказаться от этой точки зрения и на новом уровне вернуться к предположениям ученых начала XX в., отнюдь не обескуражило бы П.А. Раппопорта, — будучи исследователем чрезвычайно принципиальным, он готов был согласиться и с другой точкой зрения, если признавал ее доказанной и обоснованной. Впрочем, и мы, прошедшие школу П.А. Раппопорта, не считаем свою реконструкцию Десятинной церкви и свои выводы истиной в последней инстанции, — ведь еще через несколько десятилетий уже наши ученики, которые также будут следовать научным и методическим традициям П.А. Раппопорта, пойдут еще дальше и уточнят, а, возможно, и опровергнут наши выводы. В этом и заключается смысл развития научной школы.

Но, чтобы это произошло, необходимо, чтобы были соблюдены, по крайней мере, два условия. Первое заключается в том, что научная школа не должна прекращать своего развития, и должен быть обеспечен регулярный приток кадров молодых специалистов, которым можно передавать ее исследовательские и методические традиции. Вспомним, что сам Павел Александрович был воспитан на традиции, возникшей еще на рубеже XIX и XX вв. в рамках Императорской археологической комиссии в деятельности таких исследователей, как Д.В. Милеев и П.П. Покрышкин. Эта традиция передавалась из рук от учителей к ученикам: от П.П. Покрышкина к К.К. Романову, от К.К. Романова к Н.Н. Воронину и М.К. Каргеру, от Н.Н. Воронина к П.А. Раппопорту, от него — нам. И если сейчас условие регулярного притока научных кадров обеспечено, хотя и начинает вызывать беспокойство в силу ряда чисто административных решений и общего кризисного состояния традиционно сложившихся научных центров (исследовательских институтов, высших учебных заведений, музеев и реставрационных центров), на чем мы здесь не будем останавливаться, задел, сделанный

П.А. Раппопортом, оказался настолько сильным, что, надеюсь, его хватит, по крайней мере, еще на два научных поколения.

Второе условие заключается в том, чтобы сами объекты изучения были сохранены для дальнейшего изучения. А ситуация с этим уже сейчас вызывает острую тревогу и заставляет заниматься деятельностью, ранее не характерной для исследовательской традиции научной школы П.А. Раппопорта, — экспертной и правовой. Пример с ситуацией, сложившейся после завершения исследований Десятинной церкви очень характерен. События, которые начали разворачиваться с этим уникальнейшим памятником, приняли такой оборот, с которым Павел Александрович не согласился бы никогда. А произошло вот что.

Если выводы исследователей были признаны научным сообществом и лишней раз убедили всех в том, какую огромную ценность представляют собой остатки несохранившихся архитектурных памятников, то те, кто инициировал строительство новой церкви на месте самого древнего и самого ценного из всех памятников древнерусского зодчества, поддерживаемые властными структурами, строительным бизнесом и, что, самое неприятное, Украинской Православной Церковью Московского Патриархата, предприняли настоящую атаку на памятник. Не буду здесь перечислять доводы сторонников и противников строительства новой Десятинной церкви, ограничусь здесь лишь одной цитатой, которая очень наглядно демонстрирует отношение к памятникам, к сожалению, господствующее в наше время во многих странах на постсоветском пространстве: «В принципе, если говорить о возможности воссоздания этого храма, то она существует, так как храмы в то время строились не так, как они обычно строятся сейчас — как плод фантазии художника или архитектора. А тогда храмы имели четкие пропорции. И существует множество аналогий того периода, поэтому с точностью до 90% можно воссоздать внешний вид этого храма, тем более что главная ценность его не в том, насколько точно он будет передавать архитектуру или внешний вид храма, а в том, что это будет место для молитвы и совершения богослужений»³⁵.

Ситуация, сложившаяся вокруг Десятинной церкви, сплотила не только всех украинских исследователей, но и оказалась катализатором совместных действий украинских и российских специалистов. Более того, она вызвала массовые протесты общественности в Киеве. Приведу здесь еще одну цитату: «Против строительства нового храма на фундаменте Десятинной церкви говорит многое. И в первую очередь — наша память. Но кому сейчас она нужна — память? Сегодняшним днем живем. Что было до нас — никому уже не ведомо и не интересно, ибо давно следы древние сокрыты новыми стройками»³⁶. Эти слова взяты из блога одной киевлянки — человека, отнюдь не занимающегося профессионально ни археологией, ни реставрацией, ни охраной памятников, но, безусловно, честного.

Благодаря совместным экспертным усилиям украинских и российских ученых и поддержке широких кругов общественности безумная идея «воссоздания» Десятинной церкви была заменена другой — строительства откровенно нового современного храма, но на том же месте. Был даже проведен конкурс проектов, не выявивший победителя и завершившийся очередным скандалом³⁷. В связи с тем, что ученые продолжали предпринимать активные действия в защиту памятника, а общественность не прекращала активные протестные действия, эта не

менее безумная идея, воплощение которой безвозвратно погубило бы бесценные остатки древнейшего храма Руси, как казалось в конце 2011 г., была заморожена. Однако уже в 2012 г. на смену ей была запущена другая — создания «Музея Десятинной церкви» с открытой консервацией ее раскопанных остатков, которые должны оказаться перекрытыми бетонной плитой для подземного экспонирования. При этом совершенно не учитывается, что подобный метод «музеефикации» не сохраняет древние руины, которые, оказавшись вне консервирующей среды в виде надежно сохраняющего их грунта, начинают активно разрушаться. И уже совершенно очевидно (впрочем, это и не скрывается), что перекрывающая древние руины плита должна стать основанием все для того же строительства новой Десятинной церкви. Эта ситуация вызвала раскол среди украинских архитекторов³⁸, а археологам и реставраторам Украины и России пришлось заняться экспертной деятельностью, отстаивая права памятника. Но урок, преподанный нам П.А. Раппопортом в Смоленске во время раскопок Троицкого монастыря на Кловке, не прошел даром для его последователей, и мы продолжаем бороться за права и сохранность памятников, используя те знания, и те методические подходы, которыми он нас вооружил.

Теперь о крепостях Ландскрона и Ниеншанц на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге. Открывшие их раскопки П.Е. Сорокина проводились в рамках охранных исследований на территории, отведенной под строительство весьма влиятельному инвестору, входящему в число тех, кого власти в современных условиях именуют «стратегическими инвесторами». Однако это обнаружение остатков крепостей XIV и XVII вв. вскоре стало угрожать самой возможности строительства на данной территории. Ныне действующее российское законодательство предписывает в таких случаях немедленно («с момента обнаружения» — *термин из Федерального закона об охране объектов культурного наследия*) признать обнаруженные объекты выявленными памятниками истории и культуры, организовать историко-культурную экспертизу, на основании которой выявленные объекты должны быть внесены в единый государственный реестр памятников и тем самым получить надежную государственную охрану. Этим же законом предписывается обязательное внесение поправок в проект хозяйственного использования таких мест, вплоть до отказа от осуществления проекта. Но, начиная с 2009 г., все попытки П.Е. Сорокина добиться от властей исполнения их прямых обязанностей ни к чему до сих пор не привели. Более того, в 2010 г. он вообще был отстранен от раскопок на этом объекте, а исследования памятника были переданы структуре, специально созданной в ИИМК для проведения охранных исследований.

С этого момента в профессиональной среде археологов произошел раскол. Одни из них поддержали П.Е. Сорокина и сам памятник и стали оспаривать в судах действия (а вернее, бездействие) государственных органов, защищая тем самым права самого памятника. Другие (а среди них, к удивлению и несчастью, оказалось и официальное руководство известнейших академических учреждений) встали на сторону инвесторов, защищая для себя возможность заниматься приносящей доход производственной деятельностью, не свойственной академическим учреждениям, но навязанной им и, что самое удивительное, с охотой воспринятой ими в ущерб занятиям чисто научными проблемами. Вдумчивый и честный исследователь оказался ненужным, героями стали «эффективные

менеджеры», больше пекущиеся о выполнении объемов проведенных работ, чем о самой сущности исследуемых памятников, и профессионально подготовленные с точки зрения непосредственного выполнения полевых работ, то есть ремесла, но не заботящиеся об историко-культурной интерпретации раскапываемого ими памятника. Им важно выполнить объем, не продешевить и вовремя, согласно контракту с заказчиком, сдать площадку под застройку, освободив ее от «обременяющих руин» древних сооружений. Да и само понятие «памятник» для них не существует, оно уже полностью подменено бесстрастным понятием «объект», а деятельность по их раскопкам, продолжая именоваться работами по проведению исследований, теперь уже совершенно официально определяется чудовищным термином «археологическое сопровождение строительства».

Авторитетнейший научный институт стал превращаться в придаток строительного бизнеса, обеспечивающий возможность его активного внедрения на территории, где его деятельность либо должна быть строго ограничена, либо вообще не допустима, а главным показателем его научной деятельности стало не развитие идей, а эффективность, определяемая количеством и объемом заключенных и выполненных контрактов.

Естественно, что таких «исследователей» интересуют не научные историко-культурные проблемы, не права памятников, а интересы инвесторов, от которых они полностью зависят. Основным «научным» постулатом этой так называемой охранно-археологической деятельности является тезис: «территория памятника, который мы раскапываем, все равно предназначена под застройку, поэтому его можно спасти только одним способом — уничтожить его самим, получив научную информацию»³⁹. Более циничную и кощунственную позицию трудно себе представить.

А вот еще несколько выдержек из заявлений этих горе-ученых: «археологи не отвечают за судьбу памятников»⁴⁰; «любой археолог, независимо от его специализации, может раскапывать любые памятники»⁴¹; кроме того, часто можно услышать, что с рулетками теперь по раскопу никто не бегаёт, а пользуются точными электронными приборами, которые позволяют «экономить время и получать более точные данные и, как следствие, ускорить процесс в разы»⁴², и в результате «выдается полевой чертеж, не сделанный от руки, а гораздо более точный, потому что, все-таки, человеческий глаз — это глаз, а техника — это техника. Выдается чертеж готовый. Скорость повышается примерно в 8–10 раз. И именно это позволило нам так быстро раскопать»⁴³. И это уже с гордостью подается, как разработка «новой методики», совершившей революцию в науке.

Как тут снова не вспомнить уже рассказанную выше историю о решении П.А. Раппопорта не раскапывать полностью руины Троицкого собора на Кловке — для того, чтобы сохранить памятник для следующих поколений; как не напомнить ретивым и «эффективным» специалистам по «археологическому сопровождению строительного бизнеса» и сохранению «методом полной разборки» о нормах и требованиях методики фиксации архитектурно-археологических памятников, которые, кстати, не отменялись и вошли в уже новые нормативные документы. Кстати, сам Павел Александрович никогда не отрицал возможностей любых инструментальных методов фиксации и умело пользовался ими, но убедительно показал, что они имеют лишь вспомогательное значение, а истинное

понимание памятника может обеспечить не инструмент, каким бы точным он ни был, а именно специалист, заинтересованный в судьбе памятника, умеющий вписать его в историко-культурный контекст, и что «раскопки памятников архитектуры могут правильно проведены лишь в том случае, если они целеустремленно задуманы как специальное историко-архитектурное исследование»⁴⁴. В связи с этим особенно кощунственной оказывается цель, поставленная перед «археологическими сопровождающими» строителей перед проведением раскопок одного из самых загадочных памятников Санкт-Петербурга — основания спроектированной гениальным зодчим В.В. Растрелли, но так никогда и не построенной колокольни Смольного монастыря.

Официальное название этого «исследовательского» проекта, к которому были привлечены «сопроводители» из ИИМК, звучало так: «Исследование возможности завершения создания ансамбля Смольного монастыря с учетом его первоначального исторического облика» (!!!)⁴⁵. О какой целенаправленности этих раскопок как историко-архитектурного исследования могла идти речь, если самим уставом организации, выступившей заказчиком этих «исследований» — Фонда инвестиционных строительных проектов г. Санкт-Петербурга, — оговаривается, что основной целью его деятельности является «оказание содействия в развитии строительного комплекса путем привлечения российских и иностранных инвестиций в строительство, реконструкцию и реставрацию на территории отдельных зданий и комплексов застройки», и «на выявление и изучение памятников истории и культуры» средства фонда «не могут быть направлены»⁴⁶, а вот на «проработку вопроса о принципиальной возможности строительства» по гениальному, но никогда не осуществленному проекту никогда не существовавшей колокольни немалые средства вполне могли быть и были выделены. Единственным их «научным» результатом стали две совершенно беспомощные с историко-архитектурной точки зрения и с позиций архитектурной археологии, в том виде, как ее понимал П.А. Раппопорт, наспех слепленные статьи в форме технического отчета-рапорта перед заказчиком⁴⁷.

Таким образом, мы видим, что совершенно забыт и отброшен методический завет П.А. Раппопорта о том, что экспедиция, занимающаяся изучением памятников архитектуры, не должна представлять собой «механическое соединение разнородных специалистов»⁴⁸. «Иногда считают, что раскопки памятников архитектуры может проводить любой археолог, если в экспедиции имеется архитектор для проведения обмеров», — писал П.А. Раппопорт. Каким образом сочетать с этим громогласные заявления о том, что «любой археолог, независимо от его специализации, может раскапывать любые памятники»? Заказчик ведь платит не за какую-то там науку, а за оказанную услугу. А еще лучше — если это будет сделано быстро и не будет задерживать священную особу застройщика.

А вот что говорят о своем понимании точности фиксации «эффективные менеджеры» от археологии: «...благодаря заказчику ОДЦ «Охта», выделившему средства на необходимое оборудование, работы продвигаются в несколько раз быстрее обычных графиков», и далее: «Благодаря такой обеспеченности мы на сегодня разработали новую систему фиксации, позволяющую с использованием графической съемки и определенных методик экономить время и получать более точные данные и, как следствие, ускорить процесс в разы»⁴⁹. А уж об

объемах — так совсем с придыханием и восторгом: «Площадь археологических раскопок, проводящихся на территории предполагаемого строительства, составляет 15,5 тыс. кв. м... Это единственные на территории России раскопки, проводимые в таких грандиозных масштабах», — сообщила журналистам руководитель исследований старший научный сотрудник Института изучения материальной культуры РАН Наталья Соловьева⁵⁰. Самое тревожное и печальное, что это сказано старшим научным сотрудником, а теперь уже и заместителем директора ИИМК, стены которого еще помнят Павла Александровича, и то, что он говорил в своих выступлениях, и о чем писал в своих работах: «Археологические методические требования, даже если они несколько видоизменены в связи с применением их к архитектурному объекту, достаточно знакомы археологам, и поэтому случаи нарушения этих требований обычно бывают связаны либо просто с *низкой квалификацией руководителя раскопок*, либо с *неоправданной поспешностью в проведении работ*» (курсив мой. — О.И.)⁵¹.

О том, что специфические требования архитектурно-археологического исследования «недостаточно учитывают даже квалифицированные археологи, имеющие большой археологический опыт», Павел Александрович писал еще в 1973 г., то есть сорок лет назад. Затем в течение этих сорока прошедших с того времени лет сам исследователь, его коллеги, ученики и последователи планомерно внедряли его методические советы в жизнь. Это и привело к тем блестящим результатам в науке, о которых уже говорилось выше. Теперь же, сорок лет спустя, оказывается, что все это «устарело, не нужно, и работать нужно по-другому», иначе «неэффективно» получается. Вот так. Вместо движения вперед — откат почти на полвека назад. Очевидно, в этом направлении можно двигаться и дальше, и тогда уже не только архитектурная археология, а и археология в целом приобретет совершенно иной уровень профессионализма: из профессии, направленной на изучение древностей, она сама может постареть настолько, что рискует превратиться в одну из древнейших.

Впрочем, далеко не все разделяют этот «менеджерский» восторг. Я уже упоминал о совсем молодых коллегах, нашедших в себе мужество сознаться в «головокружении от успехов» при использовании новейших технологий. В позорной «рейдерски-штрейкбрехерской» истории с продолжением исследований Ландскроны и Ниеншанца «методом полной разборки» отказался принимать участие Отдел славяно-финской археологии ИИМК — родное научное подразделение П.А. Раппопорта: совершенно четко обозначили свою непоколебимую позицию по отношению к уничтожению древних крепостей большинство его сотрудников и, прежде всего, его руководитель — давний, еще с 1950-х гг., коллега Павла Александровича Анатолий Николаевич Кирпичников. В этом плане очень показательны слова еще одного сотрудника Отдела славяно-финской археологии — С.В. Белецкого, произнесенные им в его выступлении на заседании в ИИМК 13 января 2010 г. На заседании рассматривались непростые проблемы судьбы исследований, да и самих памятников, на Охтинском мысу Санкт-Петербурга, и форма его проведения была определена как открытый Ученый совет и Совещение при дирекции. С.В. Белецкий сформулировал задачу археологических исследований, как он ее понимает, — исследуя памятник, не навредить ему, и далее произнес слова, которые не могу не процитировать. Привожу их по

расшифровке фонограммы этого заседания: «При новостроечных работах есть два подхода: 1. Добросовестно вести работы, настаивая на сохранении того, что можно сохранить. 2. Копать под снос, ставя во главу угла интересы застройщика и обеспечивая тем самым перспективу последующих отношений с потенциальными заказчиками. Последний подход стал доминирующим в деятельности не только органов архитектурного надзора, но и академических учреждений, а это ни в коей мере не соответствует их статусу и интересам».

В связи со всем, что было изложено выше, не удивительно, что в деятельности научной школы архитектурно-археологических исследований, признанным лидером которой был П.А. Раппопорт, в последние полтора десятилетия намечилось и актуализировалось еще одно направление деятельности, которое при жизни П.А. Раппопорта (да и позднее — вплоть до начала XXI в.) не было актуальным, — занятия правовыми вопросами защиты культурного наследия.

Активное хозяйственное освоение исторических территорий, характерное для начала XXI в., заставило исследователей овладевать навыками не только в области архитектурно-реставрационного проектирования, инженерных и других реставрационных специальностей, но и юридическими нормами, участвовать в разработке законодательных и нормативных актов, заниматься экспертной и судебно-экспертной работой. При этом нельзя не отметить, что такого рода деятельность не стала чем-то неожиданным для научного направления, которое мы теперь называем школой архитектурной археологии. Эта деятельность была характерна для архитектурно-археологической науки уже тогда, когда она еще только формировалась в конце XIX — начале XX в. в рамках Императорской археологической комиссии, которая занималась не только организацией исследований памятников и их изучением, но и разработкой и экспертизой проектов их реставрации и консервации, и выполняла функции государственного органа охраны памятников. Сконцентрировавшись в 1930–1980-х гг. на чисто исследовательском направлении деятельности, ученые, связанные со школой, в начале XXI в. вновь оказались активно вовлеченными в правовую деятельность по охране памятников.

В результате это привело к принятию в 2008 г. важного законодательного акта — «Закона Санкт-Петербурга о границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон», в котором впервые за всю историю города были установлены режимы охраны культурного слоя и объектов археологического наследия на его территории. Разработка этого законодательного акта велась при активном участии последователей П.А. Раппопорта — О.М. Иоаннисяна и П.Е. Сорокина. К сожалению, дальнейшая практика показала, что исполнение этого закона почти все время сталкивается с постоянными случаями его игнорирования не только застройщиками, но и государственными органами охраны памятников, обязанными по роду своей деятельности охранять памятники, а не допускать их целенаправленного и последовательного разрушения.

Сложившаяся сегодня ситуация послужила для многих археологов толчком к активной деятельности, направленной на отстаивание памятников культурного наследия. К сожалению, в борьбе за права памятников и гарантированные конституцией права граждан на доступ к культурному наследию по разные стороны

баррикад оказались не только исследователи и представители бизнеса и власти, но и сами археологи. Показательно, что именно последователи П.А. Раппопорта — П.Е. Сорокин, А.Н. Кирпичников, О.М. Иоаннисян, Ю.М. Лесман, С.В. Белецкий вместе с археологом-депутатом А.А. Ковалевым оказались наиболее последовательными защитниками культурного наследия. Таким образом, в сферу профессиональной деятельности последователей Павла Александровича вошли разработка положений законодательных и нормативных актов по охране культурного наследия, разработка охранных зон и режимов охраны памятников зодчества, их археологизированных остатков, экспертная и судебно-экспертная деятельность в области охраны архитектурного и археологического наследия.

Сам Павел Александрович, прекрасно разбираясь в вопросах, связанных с охраной памятников, стоял несколько в стороне от такого рода деятельности. Так было, во-первых, потому, что к его мнению, если к нему обращались с вопросами на эту тему, всегда прислушивались, и у него не было необходимости входить в советы и комиссии, профессионально занимавшиеся разработкой этих проблем, и, во-вторых, потому, что он считал такого рода деятельность «административной», требующей огромной траты энергии и времени, которые с гораздо большей плодотворностью можно было употребить на занятия научной работой. Но это не значит, что по всем этим вопросам у него не было своего принципиального мнения, которое очень высоко оценивалось в профессиональной среде. Всем известная доброжелательность П.А. Раппопорта отнюдь не означала, что он соглашался с тем, что считал неправильным, причем не только в вопросах чисто научных. Более того, всегда безупречная и всесторонне выверенная научная обоснованность выводов П.А. Раппопорта по вопросам реставрации и сохранения памятников в свое время помогла избежать многих реставрационных ошибок и принятия целого ряда решений, которые могли бы нанести вред культурному наследию. Сейчас, когда ситуация очень сильно изменилась, и мнения ученых чаще всего просто игнорируются, а иногда и откровенно «организуются» заинтересованными лицами, Павла Александровича всем нам очень не хватает. Уверен, что его исключительная научная честность, принципиальность и огромный исследовательский опыт не оставили бы его в стороне от решения проблем, связанных с охраной памятников. Не приходится сомневаться в том, какую сторону он принял бы в той борьбе за памятники, которая в наше время все больше и больше приобретает характер правозащитной деятельности. Глубокая принципиальность П.А. Раппопорта как исследователя в наши дни приобрела бы и еще одно свойство — сейчас она бы воспринималась и как активная гражданская позиция ученого.

¹ *Антюнов И.В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. Каталог памятников. — СПб., 2000.

² *Oustrerhout R.* Master Builders of Byzantium. Princeton, New Jersey, 1999. В 2005 г. совместными усилиями российских и украинских исследователей книга Р. Остерхаута была издана в русском переводе: *Остерхаут Р.* Византийские строители. — Киев; Москва, 2005.

³ *Rappoport P.A.* Building the Churches of Kievan Russia. — London, 1995.

⁴ *Mango C.* Foreword // *Rappoport P.A.* Building the Churches of Kievan Russia. — London, 1995. — P. XIV.

⁵ Примером этого является интересное по полноте рассмотрения памятников, но довольно однобокое по анализу материала исследование Н.В. Новоселова, посвященное новгородскому зодчеству XII в., что, впрочем, легко может быть отнесено на счет неопытности молодого автора (См.: *Новоселов Н.В.* От Благовещения до Благовещения: Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. — СПб., 2002).

⁶ *Корниенко В.В.* Памятники эпиграфики юго-восточного фасада северной лестничной башни Софии Киевской в контексте ее сооружения // Архитектурное наследство. — Вып. 50. — М., 2009. — С. 102–106; он же. Найдавніше датоване графіті Софії Київської: нова знахідка // Софійські читання. — Вип. 4. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь» (Київ, 25 – 26 жовтня 2007 р.). — Київ, 2009. — С. 444–445; он же. Графіті в арках другого ярусу центральної апсиди Софії Київської: деякі підсумки дослідження // Софійські читання. — Вип. 4. — Київ, 2009. — С. 387–396; он же. Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). — Ч. I. — Київ, 2010; *Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Древнейшие датированные граффити Софии Киевской // Архитектурное наследство. — Вып. 51. — М., 2009. — С. 5–13; они же. Эсхатологический календарь в граффити на фресках Софии Киевской // ТГЭ. — Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. — СПб., 2010. — С. 18–34; *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. — Киев, 1999; То же. 2-е изд. Киев, 2003; она же. Свята Софія Київська: історія в мистецтві. — Київ, 2003; Семья основателя Софии Киевской на княжеском портрете в ее центральном нефі // Софійські читання. — Вип. 4. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь» (Київ, 25– 6 жовтня 2007 р.). — Київ, 2009. — С. 63–79; *Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Найдавніші датовані графіті Софії Київської // Праці Центру пам'яткознавства НАН України. — Вип. 12. — Київ, 2007. — С. 244–260; они же. Есхатологічні дати в графіті на фресках Софії Київської як історичне джерело // Архіви України. — № 6. — Київ, 2009. — С. 51–56.

⁷ *Заграевский С.* Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. — М., 2002; он же. О раннем послемонгольском зодчестве Северо-Восточной Руси. — М., 2003; он же. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. — М., 2003; он же. Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника. — М., 2008; он же. Вопросы архитектурной истории и реконструкции Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. — М., 2008.

⁸ *Шаров-Делоне С.А.* Люди и камни Северо-Восточной Руси. XII век. — М., 2007.

⁹ *Раппопорт П.А.* К вопросу о строительстве Софийского собора // Строительство и архитектура (Киев). — 1988, № 3. — С. 25–26.

¹⁰ *Раппопорт П.А.* Еще раз о галереях церкви Покрова на Нерли // Архитектура СССР. — 1984, № 1. — С. 106.

¹¹ *Иоаннисян О.М.* Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши / «Acta Archaeologica Carpatica», XXVII. — Kraków, 1988. — С. 185–218; он же. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. — М., 2005. — С. 31–70; он же. К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории. — М., 2007. — С. 277–315; он же. О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // Ruthenica, Т. VI. — Київ, 2007. — С. 134–188.

¹² *Иоаннисян О.М., Леонтьев А.В., Зыков П.Л., Торшин Е.Н.* Памятники древнерусского зодчества XII–XIII вв. в Ростове Великом // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 5. История и культура средневековых славян. — М., 1999. — С. 252–263; *Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М., Торшин Е.Н.* Исследование памятников Владимиро-Суздальской архитектуры XII–XIII вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство. — СПб., 1999. — С. 62–65; *Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Жервэ А.В., Глазов В.П., Карайчева Н.М.*

Архитектурно-археологические исследования Рождественского собора во Владимире // Отчетная археологическая сессия за 1999 год: Тезисы докладов. — СПб., 2000. — С. 53–57; Глазов В.П., Иоаннисян О.М., Жервэ А.В. Исследования во Владимире и Юрьеве-Польском // Отчетная археологическая сессия за 2000 год: Тезисы докладов. — СПб., 2001. — С. 58; Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М. Исследования Дмитриевского собора во Владимире // Государственный Эрмитаж. Археологические экспедиции за 2004 год. — СПб., 2005. — С. 27–41.

¹³ Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2008 рр. // ДньБслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочко. — Київ, 2008. — С. 191–213; Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М. О новых раскопках Десятинной церкви (2005–2007 гг.) // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. I. — М., 2008. — С. 12–19; Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М. Десятинная церковь в Киеве: «старый взгляд» в новом освещении (предварительные результаты исследований 2005–2007 гг.) // Archeologia abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. — М., 2009. — С. 179–202; Іоаннісян О.М., Елшин Д.Д., Зыков П.Л., Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар А.В., Лукомский Ю.В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. — СПб., 2009. — С. 330–366; Іоаннісян О.М., Івакін Г.Ю. О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. — СПб., 2010. — С. 492–518; Івакін Г., Іоаннісян О. Мурована архітектура // Історія українського мистецтва у п'яти томах. — Т. 2. Мистецтво середніх віків. — Київ, 2010. — С. 457–524; Івакін Г., Іоаннісян О. Строителите на Десятьчната църква в Киев. Балканската следа (по данни от разкопките през 2005–2009) // Отражения на врата: Християнска архитектура и изкуства IV–XV вв. — Варна-Бяла, 2010. — С. 37–40; Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М., Елшин Д.Д. Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008–2009 годах // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LIII. — СПб., 2010. — С. 377–390; Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М., Йолишин Д.Д., Лукомський Ю.В. Дослідження Десятинної церкви в Києві у 2007–2008 рр. // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. — Київ; Чернігів, 2012. — С. 130–138; Іоаннісян О.М., Елшин Д.Д., Івакін Г.Ю. Археологические исследования пилона у западного фасада Десятинной церкви в Киеве в 2009–2010 гг. // Первые каменные храмы Древней Руси. — СПб., 2012. — С. 125–135; Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М., Йолишин Д.Д. Архитектурно-археологичні дослідження церкви Богородиці Десятинної в Києві у 2008–2011 рр. // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної Академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. — Київ, 2013. — С. 77–84.

¹⁴ Черненко О.Є., Іоаннісян О.М., Новик Т.Г. Чернігівський Спасо-Преображенський собор у світлі останніх археологічних досліджень // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної Академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. — Київ, 2013. — С. 321–329.

¹⁵ Торшин Е.Н. К вопросу о производстве плинфы в Северо-Восточной Руси (По материалам раскопок церкви Бориса и Глеба в г. Ростове). / История и культура Ростовской земли. 1993. — Ростов, 1994. — С.183–187; он же. К вопросу о развитии смоленского зодчества в конце XII – начале XIII века // Архитектурные тетради. — Вып. 1. — СПб., 1994. — С. 301–308; он же. К вопросу о происхождении архитектурных форм церкви Василия в Овруче и собора Апостолов в Белгороде // Проблемы изучения древнерусского зодчества. — СПб., 1996. — С. 54–57; он же. Церковь Параскевы-Пятницы в Чернигове и древнерусское зодчество рубежа XII–XIII вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство. — СПб., 1999. — С. 55–59; он же. Полоцкие строители в Новгороде и Смоленске // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XXXIV. Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. — СПб., 2007. — С. 74–88; он же. Церковь Спаса Евфросиньева монастыря в

Полоцке: архитектурные связи // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. — СПб., 2010. — С. 457–469.

¹⁶ *Раппопорт П.А.* О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в. — С. 3–35; *Раппопорт П.А., Иоаннисян О.М.* О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Студеница и византијска уметност око 1200. године/Научни скупови Српске академије наука и уметности, кн.XLI, Одељење историјских наука, кн.11. Београд, 1988, — С. 287–294.

¹⁷ Нельзя не сказать о том, что в эти непростые годы, когда полевая деятельность была практически свернута как в Академии, так и в высших учебных заведениях (и Санкт-Петербургский государственный университет не был исключением), Эрмитажу удалось сохранить все свои экспедиции (более 20).

¹⁸ *Раппопорт П.А., Иоаннисян О.М.* Деятельность Архитектурно-археологической экспедиции // Архитектурные тетради. — Вып.1. — СПб., 1994. — С. 272–290.

¹⁹ *Иоаннисян О.М.* 30 лет деятельности Архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // «Зодчий. 21 век». — 2006, № 1 (21). — С. 68–75.

²⁰ *Раппопорт П.А., Иоаннисян О.М.* Деятельность Архитектурно-археологической экспедиции // Архитектурные тетради, вып.1. — СПб., 1994. — С. 282.

²¹ *Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кищук А.А.* Екатеринбург. — СПб., 2004.

²² *Иоаннисян О.М.* Архитектурно-археологическая фиксация стратиграфии кирпичной кладки наземных конструкций Константиновского дворца // Реконструкция Константиновского дворца. — СПб., 2003. — С. 107–114; *Иоаннисян О.М., Зыков П.Л.* Археологические раскопки на земляных террасах Константиновского дворца // Реконструкция Константиновского дворца. — СПб., 2003. — С. 96–106.

²³ *Иоаннисян О.М., Лесман Ю.М., Торшин Е.Н.* Археологические исследования Архитектурно-археологической экспедиции на Адмиралтейском острове Санкт-Петербурга в 1999–2006 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LX. Проблемы охраны, исследования и реставрации памятников культуры. — СПб., 2012. — С. 17–54.

²⁴ *Сорокин П.Е., Новоселов Н.В.* Новые археологические раскопки в Летнем саду // Реликвия. — 2010, № 23. — С. 52–57.

²⁵ *Андреева О.В., Иоаннисян О.М., Сорокин П.Е.* Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в 2006–2007 гг. Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. — Вып. 3. — СПб., 2009. — С. 242–267; *Александров С.А., Андреева О.В., Боковенко Н.А., Иоаннисян О.М., Кильдюшевский В.И., Сорокин П.Е.* Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: к 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. — Т. I. — М., 2010. — С. 31–42.

²⁶ В 1989 г. проект и результаты его воплощения были опубликованы в виде отдельной монографии (см.: *Милецкий А.М., Толочко П.П.* Парк-музей «Древний Киев». — Киев, 1989).

²⁷ *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. — СПб., 1993. — С. 31.

²⁸ Там же, С. 19.

²⁹ Там же.

³⁰ *Зыков П.Л.* Материалы к реконструкции Десятинной церкви в Киеве на основании археологических исследований // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LXV. Первые каменные храмы Древней Руси. — СПб., 2012. — С. 136–161.

³¹ *Иоаннисян О.М., Ивакин Г.Ю.* О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы // Византия в контексте мировой культуры // ТГЭ, т. LI. — СПб., 2010. — С. 492–518; *Иоаннисян О.М.* О роли архитектуры Первого Болгарского царства в становлении древнерусского зодчества (конец X в.) // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LVII. Балканский сборник. — СПб., 2011. — С. 31–76.

³² *Черненко О.Е., Иоаннисян О.М., Новик Т.Г.* Чернігівський Спасо-Преображенський собор у світлі останніх археологічних досліджень // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць

на пошану дійсного члена Національної Академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. — Київ, 2013. — С. 326–328.

³³ *Раннопорт П.А.* Древнерусская архитектура. — СПб., 1993. — С. 23.

³⁴ Там же.

³⁵ Из интервью Секретаря Священного Синода УПЦ КП епископа Васильковскового Евстратия // www.portal-credo.ru/site/?act=authority&id=1647.

³⁶ <http://risu.org.ua/ua/index/blog/~%D0%A2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%B%D0%B0%2C+%D0%A3%D0%9F%D0%A6+%D0%9A%D0%9F>.

³⁷ <http://www.istpravda.com.ua/short/2011/05/17/38825/>.

³⁸ *Журавлева В.* Союз архитекторов: проект воссоздания Десятиной церкви — это обман общественности и дискредитация НСАУ // http://betv.com.ua/ivent/nsau_desjatynna/

³⁹ Привожу весьма характерное высказывание на эту тему, содержащееся в письме руководства ОДЦ «Охта-Центр», выступавшего заказчиком охранных раскопок на территории крепостей Ландскрона и Ниеншанц, направленного на имя А.В. Кивовского, руководившего в 2010 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия: «...просим Вас согласовать ИИМК РАН дальнейшие мероприятия по сохранению выявленного объекта археологического наследия "Карлов бастион", методом полной разборки с целью изучения неолитического культурного слоя» (выделено мной. — *О.И.*).

⁴⁰ <http://www.spbae.ru/infraskop2010.htm>.

⁴¹ Там же.

⁴² <http://www.vppress.ru/stories/na-meste-nienschanca-nahodyat-rybolovnye-seti-i-zolotyepersni-8404>.

⁴³ Из интервью руководителя ГОА ИИМК (ныне — зам. дир. ИИМК) Н.Ф. Соловьевой радиостанции «Эхо Москвы». <http://durnowo.livejournal.com/112884.html>

⁴⁴ *Раннопорт П.А.* О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — 1973, вып. 135. — С. 22 (Статья перепечатывается в настоящем сборнике).

⁴⁵ Сайт Фонда инвестиционных строительных проектов г. Санкт-Петербурга (ФИСП) / http://www.fisp.spb.ru/r/smolny_gen_info/

⁴⁶ Там же / http://www.fisp.spb.ru/r/ifpk_projects/

⁴⁷ *Липатов В.А., Гарбуз И.А., Гордилов А.Ю., Мурашкин А.И., Садыков Т.Р., Соловьева Н.Ф.* Колокольня Смольного монастыря // Охранная археология. — Бюллетень № 1. — СПб., 2010. — С. 147–150; *Липатов В.А., Гарбуз И.А., Соловьева Н.Ф.* Исследование основания колокольни Смольного монастыря // Охранная археология. — Бюллетень № 2. — СПб., 2011. — С. 135–144.

⁴⁸ *Раннопорт П.А.* О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1973, вып. 135 — С. 22.

⁴⁹ Из интервью заместителя начальника Охтинской экспедиции ИИМК при руководстве ей Н.Ф. Соловьевой А. Суворова, данному корреспонденту газеты «Вечерний Петербург» И. Панкратовой // «Вечерний Петербург» от 26 августа 2010 г.

⁵⁰ *Панкратова И.* На месте Ниеншанца находят рыболовные сети и золотые перстни // «Вечерний Петербург» от 26 августа 2010 г.

⁵¹ *Раннопорт П.А.* О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1973, вып. 135 — С. 19.

Заново перебирая в памяти...

По научным трудам невозможно представить реальный облик автора. Можно вообразить, но воображение чаще всего подводит. Задолго до личного знакомства мне довелось узнать Павла Александровича по его исследованиям о шатровой архитектуре XVI в. и военному зодчеству X–XV вв. Особенно большое впечатление произвел на меня монументальный трехтомник по истории оборонного зодчества, за которым возникал образ долговременного, многотрудного исследовательского усилия. Соответственно, монументализировался и облик самого автора, рисовавшийся в академически-величественных формах.

Реальность полностью опровергла воображаемый образ: ничего академического, внешнего, показного в нем не было. Спокойная интеллигентная манера разговора, доброжелательный тон, уравновешенность, словно позаимствованная от предмета, которым он занимался, — от архитектуры. Я ни разу не видел Павла Александровича рассерженным, резко, тем более агрессивно реагирующим на какие-то события. Критические замечания звучали в его устах неизбежно, не задевали личность собеседника, напротив, побуждая его к размышлению на обсуждаемую тему. В этом мне довелось убеждаться неоднократно: при сдаче кандидатского экзамена, где мне выпал вопрос о шатровом зодчестве, на защите диссертации и при обсуждении докладов на различных конференциях. Будучи моим оппонентом по диссертации, за несколько дней до защиты, вероятно, заботясь о том, чтобы сделанные им замечания не задели меня и были правильно поняты, Павел Александрович счел необходимым предупредить: «Вам есть, что сказать, и я даю Вам эту возможность. Беззубый отзыв — не лучшая аттестация оппонента». Мне очень крепко запомнилась эта фраза, я ее теперь называю «правилом Раппопорта».

Судьба распорядилась так, что сложение Павла Александровича как ученого неразрывно связано с именами выдающихся исследователей древнерусского зодчества 40–60-х гг. XX в. — Н.Н. Воронина и М.К. Каргера. Н.Н. Воронин был научным руководителем Павла Александровича, а М.К. Каргер возглавлял сектор, в котором Павел Александрович работал. Оба в исследовательской деятельности утверждали историзм как метод изучения архитектуры, большое внимание уделяли технико-технологической стороне каменного строительства. Каждый из них выступал в роли историка, искусствоведа и археолога одновременно. Павел Александрович продолжил эту линию в изучении архитектуры, ввел в научный оборот большое число новых памятников древнего зодчества. Но главная его заслуга состоит в том, что он вывел науку о древнерусском зодчестве на качественно

более высокий уровень, наметил новые подходы к памятнику, усовершенствовал методику его исследования и утвердил архитектурную археологию как особую научную дисциплину.

Особенности научного творчества Павла Александровича рельефно выделяются при сопоставлении с деятельностью его замечательных коллег-современников, таких же, как и он, историков архитектуры — А.И. Комеча и Г.М. Штендера. Это, конечно, особая тема. Отмечу лишь, что уникальный дар А.И. Комеча позволял ему проникать в сокровенную суть архитектуры и ее художественного языка, способного улавливать тончайшие связи между материальной формой и отраженным в ней духовным содержанием. Г.М. Штендер как реставратор был изначально связан с материально-технической стороной архитектуры, и его талант проявился прежде всего в поразительной способности по следам исчезнувших форм и конструкций прочитывать первоначальный замысел строителей, технические приемы мастеров прошлого. Полнота понимания истории архитектуры, рассмотренная с таких одинаково важных, но по сути противоположных позиций, конечно, только выигрывала.

Методические принципы, которыми руководствовался Павел Александрович при исследовании архитектуры, выглядят простыми и общедоступными. «Изучение древних памятников зодчества, — писал он, — необходимо проводить во всем многообразии его связей и проявлений, в неразрывном сочетании собственно архитектурного аспекта с историко-археологическим и искусствоведческим». И еще одно: древняя постройка для Павла Александровича — это памятник «одновременно искусства и строительной техники». Такие постулаты, глубоко продуманные и ясно сформулированные, кажутся очевидными только на первый взгляд и только после того, как они выявлены и провозглашены. Применение их на практике — дело совсем непростое.

Павел Александрович всегда исходил из фактов, но не был фактографом. У него был дар систематизатора и замечательная способность обобщать факты, но только после извлечения из них необходимой информации. Примерами такого подхода могут служить «Зодчество Смоленска XII–XIII веков» (Л., 1979), «Русская архитектура X–XIII веков. Каталог памятников» (Л., 1982), «Древнерусская архитектура» (СПб., 1993), «Строительное производство Древней Руси X–XIII веков» (СПб., 1994). Восхождение к воссозданию картины историко-художественного целого начинается у Павла Александровича с архитектурно-археологического факта, испытанного на функциональную и социально-значимую достоверность.

Образцов сопряжения технико-технологической стороны строительства с искусством архитектуры в работах Павла Александровича множество. Факт появления брускового кирпича и его датировка в киевских и переяславских постройках рассматривается в контексте развития зодчества рубежа XII и XIII вв. и на фоне внешних контактов Руси. Оценка технических особенностей одинаковых по назначению, но разных по формату материалов — плинфы и брускового кирпича, — исключает их одновременное применение в возводимом здании. Строительный раствор оказывается существенным компонентом для понимания особенностей организации строительного производства и для историко-художественной оценки памятника. То же и с плинфой, материалом, казалось бы, малополезным для

решения историко-архитектурных проблем. Но Павел Александрович на материале смоленского зодчества нашел такой неожиданный, можно сказать, остроумный, способ извлечения информации из плинфы, который позволил использовать ее для датировки памятников и воссоздания картины хронологически последовательного каменного строительства в Смоленске домонгольской поры.

Для Павла Александровича не подлежала сомнению связь архитектуры с социальной жизнью. Конкретизируя это положение применительно к реалиям Древней Руси, исследователь, обобщая опыт изучения письменных источников и археологических данных, приходит к важной концепции развития домонгольской архитектуры: строительные артели зависели в основном от княжеской власти, и их передвижение по территории страны было связано с выполнением княжеских заказов; таким образом, в основном тип здания определял заказчик, а стилистику — зодчие.

Практиковавшийся Павлом Александровичем комплексный подход к искусству архитектуры позволил ему дать убедительную схему периодизации зодчества X–XIII вв. с учетом результатов всех современных историко-архитектурных и археологических разработок. Каждый из трех выделенных периодов получил в значительной степени новое содержательное наполнение. Особое внимание Павел Александрович уделял зодчеству конца XII – начала XIII вв. «Собирание» памятников башнеобразного типа началось еще предшественниками Павла Александровича, но именно ему довелось показать процесс формирования этого типа построек и результат его развития как закономерность.

По образованию Павел Александрович был архитектором, и это, несомненно, сказалось на его суждениях не только о целиком сохранившихся памятниках, но и о постройках, дошедших до нас лишь в виде фундаментов и нижних частей стен. Отсюда, надо полагать, его стремление видеть археологические остатки зданий в исторической и художественной перспективе. Художественно-образное своеобразие памятника древнерусской архитектуры постоянно поверялась чтением лекционных курсов по всеобщей истории архитектуры в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Вышедшая уже после кончины Павла Александровича его книга «Древнерусская архитектура» интересна не только специалистам, но по существу является добротным учебником для студентов гуманитарных вузов. В этой книге отразились лучшие качества, свойственные трудам Павла Александровича: ясность мышления, стройный план, лаконизм изложения, взвешенные оценки — и все это на основе богатейшего исследовательского опыта замечательного ученого и человека.

Иногда, глядя со стороны, я находил Павла Александровича каким-то особому задумчивым и молчаливым. Теперь, через много лет после его кончины, мне стало казаться, что эта черта была свойственна многим его сверстникам, прошедшим войну. Почти все они не любили вспоминать о ней, а мирный труд, любимая работа воспринимались как счастливый жребий. «Стосковались по работе руки», — пел в первые послевоенные годы знаменитый Георг Отс. И эти слова точно, на мой взгляд, характеризуют поколение вернувшихся с войны фронтовиков. Не могу отделаться от мысли, что энергия жизнелюбия и трудолюбия, свойственная Павлу Александровичу, своим источником имела тяжкий опыт военных лет. Должен оговориться, что это мое сугубо субъективное понимание и

объяснение лишь одной черточки сложной личности, органично сочетавшей природный характер и жизненный опыт, которые придавали неповторимую окраску всей исследовательской деятельности ученого.

Павел Александрович был чужд всякой авторитарности, никогда не изображал мэтра, его советы были лишены назидательности. В 1977 г. я вел раскопки в Полоцке. Павел Александрович заранее предупредил меня о своем посещении. С интересом и не без тревоги я ожидал критических замечаний, настоятельных указаний и пр. Ничего подобного не произошло. Павел Александрович осмотрел раскоп, внимательно выслушал мои пояснения, сказал несколько одобрительных слов и, пожелав дальнейших успехов, уехал. В моей памяти навсегда отложился образец деликатности, качества редкого и завидного.

Обсуждая с коллегами тот или иной вопрос, Павел Александрович не предвосхищал ответа на него, не скрывал собственных затруднений, легко признавался в непонимании или незнании каких-то аспектов обсуждаемой темы. Однажды Г.М. Штендер делал доклад о реконструкции важного конструктивного узла по следам, обнаруженным при зондировании здания (не помню какого). Следить за ходом рассуждения докладчика было непросто. «Не понимаю, — поделился я с Павлом Александровичем своим недоумением после доклада, — как Григорий Михайлович свел выявленные им факты в такую цельную систему». И слышу в ответ: «Я тоже не понимаю». Это меня, признаться, несколько успокоило.

Его радовали успехи молодых коллег, в том числе студентов, проявлявших интерес к древнерусской архитектуре. Как-то я пригласил Павла Александровича сделать доклад в древнерусском семинаре на Кафедре истории искусства. После доклада студенты «атаковали» Павла Александровича множеством вопросов. На каждый вопрос Павел Александрович отвечал терпеливо, с поразительной обстоятельностью. Когда студенты разошлись, он сказал мне с нескрываемым удовольствием: «Подумать только, ни одного глупого вопроса!»

С чувством юмора у Павла Александровича тоже было все в порядке. Мне запомнился (в передаче О.М. Иоаннисяна) рассказ Павла Александровича о подростке, который взялся быть его проводником до какого-то места, интересного в археологическом отношении. Дело было в Галицкой земле. Шли, разговаривали, хлопец, между прочим, поведал, что здесь неподалеку живет мавка, по местным поверьям, девушка-утопленница, превратившаяся в русалку. На вопрос, как эта мавка выглядит, парень уверенно пояснил, что выглядит, как самая обычная дивчина. Пошли дальше. Вдруг проводник остановился и дальше идти решительно отказался — где-то здесь и живет мавка. «Как же ты ее узнаешь?» — поинтересовался Павел Александрович. «Что ж я мавку от дивчины отличить не могу?!» — обидчиво отозвался хлопец.

На юбилейном вечере в адрес Павла Александровича было сказано много добрых слов. Тепло и, как всегда, весомо говорил А.И. Комеч, сердечно поздравлял А.Н. Кирпичников и другие сотрудники ЛОИА. Запомнился неожиданный тост, предложенный Вас. А. Булкиным: «Павел Александрович! Из нашей библиотеки воруют Ваши книги. Наше пожелание: пишите и далее книги, которые достойны не только восхищения, но и похищения».

Перед очередным разездом на раскопки обмениваемся рукопожатием, добрыми пожеланиями. Павел Александрович — тревожно и радостно: «Что-то

будет!». И было в этой взволнованной фразе ни с чем не сравнимое ожидание творческого поиска, манящего своей непредсказуемостью.

Когда вспоминаешь таких людей, как Павел Александрович Раппопорт, в памяти вновь и вновь оживают строки поэта:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

Несколько слов о Павле Александровиче

2013 год дает добрый повод вспомнить об удивительном человеке и выдающемся ученом, историке архитектуры и археологе Павле Александровиче Раппопорте. Это его столетний юбилей. Он родился в тот предвоенный 1913 год, с которым принято сравнивать разные статистические показатели, как с годом высочайшего общественного и экономического взлета нашего государства за всю его историю. Такое обстоятельство весьма символично, ведь и нынешний юбиляр стал для его современников своего рода эталоном, оказавшимся ближе к нам на целую эпоху и все время дающим повод многое сверять именно с ним.

Почему так? Потому что он воспитал в себе ту ответственность, которую подавляющее большинство утратило в советский период. Если его характеризовать одним словом, то, может быть, это прозвучит несколько парадоксально, но он — редчайший пример по-настоящему неленивого человека...

Моя первая встреча с Павлом Александровичем произошла около отдела кадров Института археологии, куда меня, тогда школьника, только перешедшего в среднюю художественную школу, за ручку привела мама, чтобы устроить в археологическую экспедицию. Не зная еще своего будущего наставника, я почувствовал в нем удивительно благожелательного человека, что проявлялось даже в его по-особому мягкой манере говорить. Он проводил нас многозначным и, как оказалось, перспективным напутствием: «"СХШ-тики" нам нужны...». Однако первые мои, неархитектурные пока, экспедиции прошли под водительством других очень хороших археологов, но сейчас речь не о них.

Следующая встреча с П.А. Раппопортом — это встреча студента второго семестра первого курса архитектурного факультета Академии художеств (поступил в 1979 г.) с самым, как мне тогда виделось, интересным педагогом. Лекционные курсы «Архитектура средних веков», «Древнерусская архитектура» и «Архитектура народов СССР» стали праздником среди студенческих будней (при том, что в целом с начала обучения студента-архитектора жестко вводили в состояние постоянной перегрузки). Поражало то, как емко можно использовать время академической «пары», без лишних слов, даже с экономией секунд на перестановку слайдов — это должен был мгновенно сделать лаборант по характерному стуку указкой в пол. Не имея большой любви к записям на лекциях, в данном случае я был просто счастлив оттого, что в этом не было никакой особой необходимости — так здорово все укладывалось, как по полочкам, а в начале следующего занятия Павел Александрович давал кратчайшее конспективное повторение прошедшей лекции. Возникал запечатленный в словах и красиво скомпонованных слайдах

целый мир дивной красоты, мир связей социальной истории с историей создания памятников, в которых раскрывалась логика взаимодействия их строительно-технической стороны с их обликом и значением. Само собой разумеется, что приходилось поражаться эрудиции педагога, но об этом некогда было думать, потому что надо было торопиться успевать за непрерывным логическим ходом рассказа. Стало понятно, что более интересного на факультете предмета, чем история архитектуры, просто не может быть. При всем этом удивительно легко и интересно было сдавать ему экзамены — разве такое бывает?

Ближе к каникулам к нам пришли сотрудники П.А. Раппопорта по работе его знаменитой Архитектурно-археологической экспедиции, Л.Н. Большаков (будущий отец Лев), О.М. Иоаннисян и А.А. Пескова, и пригласили желающих студентов принять участие в каком-нибудь из ее отрядов. Так начался следующий этап — поездки в экспедиции, теперь уже только архитектурно-археологические. Приятно осознавать, что даже скромный труд студента — то копателя, то чертежника — вносил некоторый вклад в закрытие «белых пятен» в области древнерусского зодчества. Особо это касалось западнорусских земель, искусственно потерявших связь с остальной Русью на шестьсот лет: именно в Галиции мне и довелось провести первые два сезона — в отряде Олега Михайловича Иоаннисяна. Коэффициент полезного действия отряда всегда был велик, но при приездах Павла Александровича он, конечно, еще увеличивался — так действовал на всех сам факт присутствия, а кроме этого факта было множество интереснейших рассказов и точных советов.

Сподвижники Раппопорта, руководившие отрядами, во всем продолжали традиции главного начальника и наставника. Были и другие экспедиции, но непосредственно с Раппопортом удалось мне еще побывать во Владимире Волынском (с отрядом Анны Анисимовны Песковой), а еще несколько раньше — в Витебске, Чернигове, Новгороде Северском. В последнем случае посчастливилось принять практическое «земляное» участие в открытии Павлом Александровичем неожиданной на Руси триконховой формы Спасского храма (отрядом в этот раз руководил Л.Н. Большаков). Как прекрасно, что тогда не было вновь образованных «феодалных» границ на землях-наследницах Древней Руси, и на ее карте архитектурные «белые пятна» практически пропали! Благодаря Раппопорту восприятие мною, а теперь и моими (уже) учениками, древнерусской архитектуры — это понимание единой живой картины развития, формирующейся по своим внутренним интереснейшим законам. А другие законы — законы оставления ею своих исторических следов — помогают нам сегодня извлечь эти сведения из таких вещей, как одни только оставшиеся фундаментные рвы, профили кирпичной кладки лопаток, отдельные детали и т. п....

В полевых условиях люди, естественно, лучше раскрываются, и участники экспедиций могли бы друг о друге много всего сказать. Но только не о Павле Александровиче, потому что имя это всегда произносилось, и очень искренне, с особым пиететом и трепетом. Тем не менее и тут есть кое-что курьезное. Говорилось так, что никто никогда не слышал от Павла Александровича ни одного по-настоящему резкого слова. Но рассказывали, что было одно исключение из этого непреложного правила: когда некто, местный любитель выпить, разрушил тщательно сколоченное деревянное место общего пользования для членов отряда

(надо сказать, не характерное для той местности), а начальник экспедиции, квартировавший в соседней хате, рано утром, как всегда пунктуально, пришел в лагерь (обычно его движение по лагерю сразу пробуждало самых заспанных юных археологов), его впервые увидели гневным. Но гнев интеллигентного человека мог выразиться только в таких словах: «Этот... *нехороший человек*... сломал наше строение!» И считалось, что это был первый и последний случай гнева добрейшего, всеми любимейшего, хотя, когда действительно бывало необходимо, конечно, и строгого, и требовательного, Павла Александровича.

Экспедиции — это тоже процесс обучения, но особо интенсивным он мог стать для того, кто высказался о своем желании научиться исследовательской работе. Среди таких редких счастливицков мне и довелось оказаться. Павел Александрович предложил мне один из возможных вариантов будущей диссертационной темы, но весьма благосклонно отнесся к «инициативе снизу», нацеленной на совсем другую проблематику. Таким образом, вместо возможного осмысления общих тенденций причерноморских ранних византийских памятников я направился к тому, что теперь называется сакральной топографией древнерусских городов. Интересно, что самым первым упражнением для будущего историка архитектуры Раппопорт предлагал составление хронологической таблицы античной и средневековой истории с параллельным размещением в ней разных регионов и разных тем, главной из которых становилась историко-архитектурная цепочка.

Очень тепло вспоминаются моменты посещения научного руководителя в его замечательной квартире, с ее давними традициями, на 2-й Советской улице. В первой, просторной комнате, обращенной в сторону улицы, где Павел Александрович работал, он обычно и беседовал со своими учениками. Помимо приятной и уютной, в то же время деловой атмосферы в памяти остается удивительная возможность не только впитывать информацию, нужную для дела, но и поражаться тому, насколько конструктивно, четко и результативно мыслил этот человек и как этим еще и вдохновлял нас на неленивое бытие. Получался такой вот глоток свежего воздуха. И вскользь, но это тоже очень важно: дома-то и становилось очевидным, что сей ученый муж с мировым именем, получающий от тиски своих изданий из Германии и письма от не менее известного коллеги из Англии, — это еще и нежно любящий супруг, и ответственный отец, и добрый дедушка двух чудесных внучек — Ани и Ксении. Каждый член этой семьи был как-то по-особенному чрезвычайно симпатичен — и супруга, и сын с невесткой, и, конечно, внучки. Но на особом положении как бы хозяйки в квартире была... очень эффектная кошка (кажется, ее должны были звать Алисой), то есть, конечно, это она сама так осознавала свое положение, а реальные хозяева как люди добрейшие ей в этом не препятствовали. Семья, конечно, не только кровно, но и профессионально была родственна своими внутренними связями: супруга Евгения Григорьевна — реставратор, сын Александр Павлович — архитектор. Одним из кульминационных моментов присутствия в этом чудном доме бывало проникновение в деловую обстановку комнаты настоящей хозяйки, Евгении Григорьевны, с горой аппетитных, но не расслабляющих, а бодрящих, фруктов...

Вообще надо сказать, что не только спланированные визиты домой или в Институт археологии, но даже простая мимолетная случайная встреча с Павлом

Александровичем на набережной или в Академии — это всегда радостный и поднимающий в конце концов к деятельности импульс.

Неплохо аспиранту повторить праздничные студенческие ощущения присутствия на лекциях любимого педагога, но уже не только с информационными, но и с методологическими целями. Так получилось, что Павел Александрович предложил мне выбрать две темы из его курсов и подготовить их для самостоятельного прочтения в качестве тренировки. Конечно, он позволил выбрать самые, как мне казалось, эффектные темы: русское зодчество конца XII — начала XIII вв. и архитектуру Армении... Но речь идет о событиях 1988 г., и так Богу было угодно, что праздник превратился в печаль: не две темы, а все три курса сразу были прочитаны аспирантом вместо великого наставника, которого осенью уже не было в живых...

Это не просто трагично, что уходит замечательный человек. В каком-то смысле завершилась эпоха. Хотя, конечно, ученики продолжили его дело, а его книги дают возможность и всем, кто его не знал лично, прикоснуться к историко-архитектурному сокровищу. Но для меня еще было бы страшно обидно, если вместо Павла Александровича руководителем работы над диссертацией насильно дали бы кого-то другого. И произошло настоящее чудо: истек ведь только один из трех аспирантских годов (год больше архивно-библиотечный, с несколькими статьями), и то истек не полностью, но кафедра благосклонно разрешила мне сохранить как руководителя П.А. Раппопорта, уже отошедшего в иной мир. А сам Павел Александрович в тот год, в июне, незадолго до его семидесятипятилетия, успел не менее благосклонно и даже радостно отнестись к весьма дерзкому в ту, еще советскую, пору поступку аспиранта — принять приглашение преподавать церковную археологию в Духовной Академии. Символично и приятно, что одним из оппонентов при защите моей кандидатской стал О.М. Иоаннисян, один из самых последовательных и результативных учеников и продолжателей дела Раппопорта. Иными словами, и после смерти Павел Александрович долгое время оставался с нами.

Всегда приятно видеть и слышать реакцию самых разных специалистов в архитектурно-художественной, исторической или собственно археологической сферах на только одно упоминание имени П.А. Раппопорта. Столь глубокий профессиональный след оставил он не только в науке в целом, но и в отношении к нему людей, может быть, хоть раз с ним соприкасавшихся. Все это чувствовалось и на траурной церемонии прощания в Институте археологии. В тот год Павел Александрович отдыхал и лечился под Москвой, и почил там, вне дома, поэтому сюда, на родные Невские берега, была доставлена для захоронения урна с прахом. И прощальные слова в Институте были сказаны не у гроба, как это обычно бывает. В этом тоже есть что-то необычное, говорящее не столько о его смерти, сколько о продолжающемся присутствии его с нами.

Но надо еще хоть чуточку сказать о Павле Александровиче именно как о выдающемся ученом. Знаменитый раппопортовский «Свод памятников древнерусского домонгольского зодчества» насчитывает более двухсот наименований (233). Откуда они? До революции знали около тридцати целых и столько же разрушенных храмов. Археология XX в. сильно изменила картину нашего знания о Древней Руси. Конечно, следует вспомнить и таких исследователей,

как Н.Н. Воронин, с которым так плодотворно работал Павел Александрович, М.К. Каргер, А.Н. Кирпичников, Г.М. Штендер, М.В. Малевская и многих других, но все-таки своего рода апофеозом архитектурно-археологической работы советского времени надо назвать именно Экспедицию П.А. Раппопорта. Сколько мы теперь знаем нюансов о строительстве производств на Руси, об организации и передвижении по городам строительных артелей! А как гениально просто можно датировать постройку по формату кирпича или идентифицировать храм по направлению его оси «запад – восток», которая проводилась на восход солнца в день закладки! А ведь начинал Павел Александрович с более поздней архитектуры — с памятников шатрового зодчества. Но его книги обобщили историко-архитектурные знания, а лекции — просто до необъятных просторов раскрыли эрудицию Раппопорта — педагога и ученого в одном лице.

Архитектурная археология весьма отличается от исследований культурного слоя или погребений. В отличие от них, ей больше присуща «пространственность», чем «предметность», то есть и предметы важны, но только как часть того целого, которое открывается в процессе раскопок. Конечно, и для археологов, скажем, изучающих погребальные обряды, тоже важно это целое, но все-таки архитектурная археология имеет свои значительные особенности. Так вот методология проведения архитектурно-археологических работ, не только идеально «отшлифованная» на практике, но и письменно зафиксированная, это тоже одна из огромных заслуг Раппопорта.

Нельзя не сказать и о том, что Павел Александрович учил нас отличать корректную реставрацию (такую, как, например, проводил П.Д. Барановский) от некорректной (такой, как в новых «Золотых воротах» Киева). Это ведь вообще очень важный вопрос — дальнейшая судьба архитектурно-археологического памятника после его обследования, ведь порой корректной может быть только графическая или макетная реконструкция, но судьбу самого памятника все равно надо как-то решать. Как тут не вспомнить наисложнейшее положение, возникшее уже в новом столетии с Десятинной церковью... Очень сегодня не хватает присутствия с нами Павла Александровича. Не хватает и той интенсивности, с которой четверть века назад велось профессиональное изучение древнерусских памятников.

И еще мне хотелось бы к этому добавить два слова с позиции представителя Церкви, каковым мне довелось стать не без архитектурно-художественного багажа. Павел Александрович интуитивно чувствовал необходимость связи разных научных сфер, которые в советское время были искусственно разобщены. И так получилось, что некоторые из них он вновь связал в своей научной деятельности. А еще так получилось, что, будучи человеком светским и будучи чрезвычайно добросовестным ученым, он фактически внес величайший вклад в воссоздание церковной науки об архитектуре и искусстве, той науки, которая зародилась в XIX столетии, а после революции на долгое время растворилась во множестве смежных дисциплин. Церковная археология вновь жива. Что же касается общих закономерностей сложения форм христианского зодчества — интересно, что Павел Александрович доброжелательно полемизировал со своим коллегой А.Л. Якобсоном, весьма тщательно и результативно собиравшим эти интересные явления, а интерпретировавшим их несколько по-марксистски. Но не

социально-экономическим, а прежде всего внутренним закономерностям зодчества отдавал предпочтение П.А. Раппопорт. Как это удивительно соотносится с тем видением, которое может быть и богословски обосновано: наднациональное христианское зодчество раскрывает потенциал национальных культур, формирует неповторимые региональные явления и стимулирует личностную творческую активность многих и многих мастеров.

В контексте формирования пространственного ритма храмового интерьера (о чем говорил А.И. Кочет) и в градостроительном контексте возникает совершенно особая среда, провоцирующая и вертикализацию церквей, и обретение ими большего изящества, что обязательно найдет и конструктивное обоснование, ибо такое зодчество должно быть тектоничным. Вот это и многое другое сейчас было бы очень трудно сформулировать, если бы не точные и научно честнейшие наблюдения П.А. Раппопорта, с одной стороны, и его научная интуиция — с другой.

Наверное, эпоха, которая началась в 1988 г., в год празднования тысячелетия Крещения Руси, вобрала в себя очень многое из предшествующих лет. И нынешнее возрождение храмового строительства, пусть пока еще не безупречное по своим результатам, но все-таки имеющее в себе некую динамику, не могло не опереться на архитектурно-археологическое основание, которое создано эпохой Павла Александровича Раппопорта.

Архитекторы, реставраторы, археологи и искусствоведы всегда будут иметь в качестве научного ориентира этого скромнейшего и удивительнейшего человека! Мы все, кто его знал, должны делиться с молодежью нашим уникальным опытом. Конечно, о нем следовало бы написать серьезную монографию, такую дивную тему можно предлагать аспирантам. Что тут еще можно сказать...

Встреча с учителем

...1975 год... раскопки во Владимире Волынском, первая встреча с Павлом Александровичем. Сразу ясно — будет интересно, как будто он позволяет участвовать вместе с ним в большом увлекательном путешествии... Так и было, но подарок судьбы оказался более щедрым: возможность общаться с ним самим, удивительно гармоничным человеком.

С Павлом Александровичем всегда было лучше, чем без него, — так скажет множество людей, кому посчастливилось быть в его экспедиции. И, конечно, кто же мог отказаться от того, чтобы снова и снова с ним встретиться. Все, кто принимал участие в его работе, любили ее и испытывали от этих разысканий радостное предчувствие открытий, потому что сам Павел Александрович был чрезвычайно увлечен своим делом. Результат достигался как будто бы и без напряжения, хотя срок экспедиции короток, и не все достаточно умелые, обстоятельства могли и не благоприятствовать, но никогда не слышно было — не то что окрика, а даже недовольного замечания. Все компенсировали его доброжелательность, трезвое понимание возможностей каждого и собственная строгая сосредоточенность на самой работе. Никто не был безразличен к делу, оно было по-настоящему общим. Отсюда и приподнятое настроение, можно сказать трудовой задор.

Удивительно, как для людей совершенно разных профессий и степени образованности архитектурная археология становилась близким предметом. Не только потому, что собственными руками осуществлялась, но и потому, что Павел Александрович рассказывал о своей науке так, как только большой знаток может представить историческую картину, — профессионально безупречно и в то же время ярко и понятно всем. Этих вечерних бесед ждали как удовольствия, а между тем это был и прекрасный педагогический ход: мы становились заинтересованными в предмете не просто как копатели, но как исследователи.

Обыкновенно это были рассказы о строительстве того или иного храма, о возникновении новой архитектурной идеи. Получался не доклад и даже не научно-популярный очерк, а детективная история. Зная подробно конкретные события в истории княжеств, интересы и характеры князей, перипетии династических браков, Павел Александрович выстраивал рассказ так, что все неожиданно и в то же время закономерно приводило к единственно верному результату. А результатом был храм, который мы раскапывали. Получалось, что и мы Шерлоки Холмсы.

Экспедиции проходили в славных русских городах, поэтому Павел Александрович не жалел времени на экскурсии; он был, конечно, великий культуртрегер. В этом отличие настоящего ученого — он не просто исследует культуру,

но многих приобщает к ней. И еще одним даром обладал этот человек: те, кто вокруг него собирались, становились друзьями. Мы и теперь, кто бы чем ни занимался, остаемся родственными, как бы посвященными в некое братство. Не только есть, о чем вспомнить, всем, кто много лет тому назад вместе работал в архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА, но между нами остается дружеское внимание друг к другу. Такое возможно только тогда, когда есть тот, кто всех собрал и каждому одинаково дорог; он был и остается — Павел Александрович.

В экспедиции Павла Александровича мне пришлось пережить духовный переворот, ни с чем не сравнимую радость: будучи сознательно неверующим, я вдруг узнал с совершенной достоверностью, что Бог есть, и этот факт меня впрямую касается. Другой смысл приобрела для меня научная тема, заданная мне Павлом Александровичем: «Исходные принципы формирования архитектуры храма». Она и по сию пору мне интересна, но пересилило желание служить Церкви, и я вижу в этом не уход от того пути, который начался со встречи во Владимире Вольнском, а прямое его продолжение.

Бесценны уроки Павла Александровича; они тем более важны, что преподаваны не поучением, а примером. Во-первых, исключительная точность в работе: все факты взвешивались и собирались в целое, никакие натяжки не допускались. Историческая эрудиция и археологическая зоркость сочетались чрезвычайно продуктивно. Каждое частное наблюдение находило свое место в общей картине, и по результатам летнего сезона обобщающая статья появлялась еще до окончания года. Такой труд лучше всего характеризуется коротко: ответственное служение. Есть ли что-либо более нужное, чем это качество, теперь все более редкое.

Во-вторых, дар просветительства. Ему доставляло радость делиться знаниями, и скольких же людей он этим обогатил. Источником этого был духовный дар, особенно драгоценный — интерес к человеку. Для очень многих его искренняя чуткость была жизненно важной. Сотрудничество, вернее сотворчество, воодушевляло каждого, кто участвовал в его работе независимо от доли участия. Не могу иначе назвать это качество, чем аристократизм, — почтительное уважение даже к малому результату ученика.

И еще одно редкое качество, которому хотелось бы научиться: Павел Александрович никогда не высказывал недоброжелательства к кому бы то ни было, никого не осуждал, — редкий и драгоценный пример человеческого достоинства.

Есть поучение преп. Серафима Саровского о том, как послужить другим, ближним и дальним: «Стяжи мир в душе, и вокруг тебя спасутся тысячи». Эти слова нетрудно повторить, но содержать душу в мире очень нелегко. Мы бы не знали, возможно ли это вообще, если бы не встреча с Павлом Александровичем.

Многажды приходится мне вспоминать Павла Александровича вслух, когда надо бывает живым примером показать, как достоин может быть человек, а про себя помню о нем постоянно, как бы прислушиваясь к камертону.

Вспоминая Павла Александровича

Писать о Павле Александровиче и легко, и трудно. Легко — потому что образ его, как живой, стоит перед глазами. Вижу его движения, слышу его речь, словно расстался с ним только вчера, с намерением встретиться завтра. Трудно — потому что создание словесного портрета так же непросто, как создание портрета живописного и даже фотографического. И тем труднее писать, чем дороже тебе тот, о ком вспоминаешь. Мои отношения с П.А. Раппопортом претерпели в своем развитии три этапа, поэтому и рассказывать лучше по порядку — как это происходило.

Первое появление Павла Александровича перед нашим курсом в середине 1960-х гг. — на архитектурном факультете Института имени И.Е. Репина (Академии художеств) — в качестве преподавателя истории средневековой архитектуры России и Западной Европы поначалу не вызвало особенного энтузиазма. Мы были избалованы лекциями Игоря Александровича Бартенева, читавшего историю античного зодчества в яркой, артистической манере. Вся фигура Бартенева (крупная, импозантная), его способность непринужденно общаться с аудиторией, с ходу подбирать стеклянные диапозитивы, дававшие, хотя и черно-белое, но громадное и необыкновенно четкое изображение на всю стену, а если не находился диапозитив, сходу нарисовать мелом на доске Темпьетто Браманте или виллу Ротонда Палладио, план Парижа или Лондона, — зачаровывали, как и его голос, мощный, полный модуляций и организованный продуманным ритмом речи. А невысокий подтянутый, деловито собранный Раппопорт, с глуховатым голосом и спокойной, сдержанной манерой повествования, несколько проигрывал на этом фоне. Правда, восхищали слайды, хоть и не такие громадные, как старинные пластинки, но зато часто цветные, снятые самим Павлом Александровичем в его путешествиях.

Надо отдать должное — лекции П.А. Раппопорта были построены виртуозно и как правило оканчивались «на самом интересном месте». К примеру, рассказывая о церкви Покрова-на-Нерли, он обратил наше внимание на дверь, прорезавшую фасад как бы «на втором этаже» здания. «Вела она на хоры, — объяснил Павел Александрович, — но как же попадали на такую высоту? Об этом поговорим на следующей лекции.» Кое-то из нас знал, что первоначально храм был окружен каменной галереей, включавшей и лестничную башню, по которой поднимались на гульбище. Туда и выходила эта дверь. В XIX в. реставраторы галерею сломали вместе с башней, ошибочно посчитав их поздними пристройками, а дверь, ведущая в никуда, осталась. И все равно такой детективный способ построения занятий вызывал восхищение.

Позднее я узнал, что Павел Александрович был любителем и знатоком детективного жанра; во время отдыха читал в подлиннике английские детективы и мне рекомендовал брать с собой в отпуск такое чтение. Больше того, забегая вперед, расскажу, что и в изложении любой научной работы, по его мнению, следовало придерживаться принципа классического детектива: в начале обрисовывается нерешенная проблема, которая должна вызвать интерес у читателя, затем в воспроизводимом автором процессе исследования находятся пути ее решения, и, наконец, в заключительном разделе результат предстает перед читателем с предельной ясностью. Поэтому Раппопорта просто бесили новые требования ВАКа¹ для удобства рецензентов размещать результаты диссертационного исследования в самом начале текста, во введении. «После этого и читать работу нет никакого смысла, — все известно наперед!» — возмущался Павел Александрович.

Однако вернемся в академическую аудиторию. Постепенно лекции его все больше захватывали, тем более что и материал становился все интереснее. В западноевропейском курсе пошла готика, которая всегда покоряет воображение архитекторов, особенно в те периоды, когда тектоника и «правда формы» в почете (именно таковы были 60-е гг. прошлого века). И все это, повторяю, — с цветными слайдами, мастерски снятыми Павлом Александровичем. Столь же воодушевляла и архитектура средневековой Руси, тем более, что в каникулы я и сам старался ездить в Москву, во Псков, во Владимир и Суздаль. Поэтому Павел Александрович иногда просил во время каникулярных «экспедиций» делать для него дубли слайдов при фотосъемке интересных памятников, в особенности во Пскове, куда я ездил несколько раз. В обмен он делился своими диапозитивами.

Избрав профессию архитектора-реставратора, я стал исправно посещать заседания Комиссии истории, охраны и реставрации памятников архитектуры в Доме архитектора. Со временем комиссия была расширена и разделена на секции. И вот как-то раз ко мне подошел Павел Александрович и в своей скромной, вроде словно бы даже застенчивой манере предложил мне стать секретарем секции истории архитектуры, которую он возглавлял. Конечно, я был польщен доверием и с радостью взвалил на себя эту, фактически каждодневную, работу — рассылку приглашений, ведение протоколов, их редактирование и оформление. И все равно, на этом новом этапе нашего общения с Павлом Александровичем я из-за своей застенчивости не мог в полной мере сблизиться с ним. И лишь однажды, набравшись смелости, завел с ним разговор о том, что с детства увлекался археологией (по книжкам, разумеется), а вот несмотря на многие годы знакомства с ним так ни разу и не решился попроситься к нему в партию, хотя Павел Александрович каждое лето уезжал на археологические исследования памятников древнерусской архитектуры, куда вместе с ним отправлялось множество любителей. Конечно, «поезд ушел», теперь я был уже профессиональный реставратор, обремененный своими «объектами», и поздно было строить карьеру археолога. «Почему же, — горячо возразил Павел Александрович, — идите ко мне в аспирантуру, в Институт археологии!»

Но вот беда, ко времени этого разговора я уже был приглашен на преподавательскую работу в ЛИСИ². Метаться туда-сюда казалось неудобно. Чувство досады явственно отразилось на лице Павла Александровича — он, несомненно, был

обижен тем, что я отверг такое «царское» предложение. Тем не менее после того разговора он пригласил меня посетить заседания сектора славяно-финской археологии в Институте археологии Академии наук, где было основное место службы П.А. Раппопорта и главное поле его научной деятельности. Там за многие годы я получил массу знаний, впечатлений и замечательных знакомств, помимо того, что это было бесценной школой научной работы. Чрезвычайно интересны были выступления Павла Александровича — как с собственными исследованиями, так и в процессе обсуждения сообщений других докладчиков.

Время шло. И вдруг в ЛИСИ над моей головой стали сгущаться тучи, надо было спастись. Попытался поступить в аспирантуру в *Alma mater* — в Академию художеств. На архитектурном факультете меня приняли с распростертыми объятиями. Игорь Иванович Фомин, возглавлявший кафедру архитектурного проектирования, назвал кандидатуру П.А. Раппопорта в качестве моего научного руководителя. Сначала он, кажется, предложил мне самому обратиться к Павлу Александровичу и, услышав, что я не решаюсь, страшно удивился: «Как, Миша, ведь Вы же его любимый ученик! Ну ладно, я сам ему позволю, он, конечно, не откажется».

И вот Игорь Иванович сообщает мне по телефону, что Раппопорт не возражает. И вновь Павел Александрович проявил свою скромность. Мне он сказал, что не является специалистом в архитектуре конца XVII — начала XVIII в., которой посвящена была тема моей работы. Подразумевалось, что он занимается преимущественно домонгольским зодчеством Древней Руси. Но ведь его кандидатская диссертация была о годинском времени! Да и лекции, которые он нам читал, его книги, опубликованные несколько позднее, свидетельствовали о глубоком понимании процессов, происходивших в русской архитектуре на рубеже этих веков. Но из уважения к Игорю Ивановичу Павел Александрович согласился быть моим руководителем — так сказать, в методическом плане.

Однако судьба приготовила новое испытание: когда все документы для поступления в аспирантуру были сданы, и я ждал зачисления, вдруг выяснилось, что вакансию у факультета отобрали (на другом факультете нужно было кого-то устроить «по блату»). Крушение надежды на спасение...

Отчаянная попытка — поступить в аспирантуру в том же ЛИСИ — с неожиданной легкостью удалась. На кафедре истории и теории архитектуры с радостью сообщили, что научный руководитель у меня уже есть — П.А. Раппопорт. Однако заведующий кафедрой, Юрий Сергеевич Ушаков, скривился, и это оказалось неожиданным, ведь он всегда воздавал всяческие почести Павлу Александровичу. На этот же раз он заявил, что тот может быть моим руководителем только в случае, если кафедра назначит мне еще одного — своего. Стало ясно, что в обстановке царившего в ту пору «казенного» антисемитизма³ не котируются ни степени, ни звания, ни заслуги, ни человеческие качества, а только графа в паспорте. Так у меня появились сразу два научных руководителя — случай почти небывалый в аспирантском обиходе: второй, «местный», — профессор Александр Михайлович Соколов, человек необычайно интересный, более тесное общение с которым стало незабываемым опытом, так что я-то в этом не проиграл. Что же касается Павла Александровича, то он испытал понятное унижение, но не отказался от руководства. И это для меня был великий урок порядочности в насквозь лживом и

омерзительном обществе. Впрочем, он ни разу не переступил порога ЛИСИ — все канцелярские и финансовые дела он препоручал мне.

И вот тут начался совсем новый этап нашего общения — я стал приходить к нему домой. Первым делом Павел Александрович потребовал написать развернутый план: «Он может сто раз измениться, но все равно для начала план необходим». Эта и многие другие рекомендации П.А. Раппопорта мне пригодились не только в моей научной работе, но и в дальнейшей педагогической, когда не один десяток лет я руководил написанием курсовых и дипломов.

В то же время я был несколько разочарован излишней доброжелательностью Павла Александровича, привыкнув к взаимным суровым критическим разборам текстов, которые мы практиковали с друзьями. Он же все больше хвалил, говорил, что читал с интересом. Ругать не любил, в крайнем случае, делал это с исключительным тактом. Когда я пришел за вердиктом по поводу вступительного раздела, услышал, что текст очень интересный, и Евгения Григорьевна⁴ прочитала с удовольствием, но удивилась, что «все это не имеет никакого отношения к Мишиной теме»... Замечания, конечно, бывали, но предельно конкретные и в небольшом количестве. Тут выручало наличие второго руководителя, тоже чрезвычайно деликатного, но хотя бы удваивавшего критику.

В ту пору не было персональных компьютеров, никто и мечтать не мог о возможности появления таких удивительных вещей, как «электронный редактор». Печатали на машинке. Слава богу, что я к тому времени выучился сочинять прямо в печатном виде. Ошибки «забывали» или замазывали корректировочными белилами. Ну, а композицию приходилось поправлять с помощью ножниц и клея. Как-то раз, прочитав очередной мой текст, Павел Александрович попенял на то, что «очень интересные» вещи излагаются в невообразимом беспорядке, и в педагогических целях продемонстрировал свою статью, лежавшую у него на письменном столе. Зрелище было действительно впечатляющее — я увидел страницы, слепленные из множества узких полосок машинописного набора, многократно переклеенных для достижения требуемой логики и связности изложения. Урок был наглядным.

При безграничном такте и доброжелательности Павла Александровича, в вопросах научной добросовестности и человеческой порядочности он был непреклонен и тверд. Однажды в одном архитектурном сборнике меня заинтересовала реконструкция первоначального облика церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи в Дьякове. Бросился звонить П.А. Раппопорту. Услышав от меня фамилию автора публикации, Павел Александрович заявил категорично: «Миша, прошу Вас, никогда не упоминайте при мне имени этого человека, он не имеет к науке никакого отношения!» И своим ученикам в Институте археологии он советовал не включать в историографические обзоры работы авторов с запятнанной репутацией.

Другой случай. Как-то раз на конференции, проходившей на историческом факультете в университете, я сидел рядом с Мариной Викторовной Иогансен, моей давней наставницей в историко-архивной работе. Среди прочих было сообщение Юрия Михайловича Денисова, который в те годы увлекался всякими геометрическими построениями, пропорциональными схемами и т. п. На этот раз он утверждал, что планировка петровского Петербурга подчинена такого рода связям,

в частности, на основе «египетского треугольника», что она пронизана масонской символикой, а в плане расположения крепости на излучине Невы даже прочитывается образ Преображенского знамени или что-то в этом роде. Я воспринял это в качестве забавы маститого ученого, но Марина Викторовна в перерыве ходила по длинному коридору истфака, пунцовая от негодования, и возмущенно доказывала мне недопустимость подобных вещей. Посетив Павла Александровича, я подробно изложил всю эту историю, несколько в шутливой форме, но, вопреки ожиданиям, он не повеселился вместе со мной, а серьезным и тоже негодующим тоном решительно поддержал Марину Викторовну. Его отповедь, напоминавшая известный монолог Сальери («мне не смешно, когда маляр бездарный мне пачкает Мадонну Рафаэля»), прозвучала тем более весомо, что сам-то П.А. Раппопорт, в отличие от пушкинского персонажа, в науке был скорее Моцарт.

Вообще-то Павел Александрович обладал тонким и весьма своеобразным чувством юмора. Как-то раз, вернувшись из Москвы, переполненный впечатлениями от общения со всевозможными замечательными людьми, я позвонил Павлу Александровичу и со свойственной мне горячностью стал рассказывать, в частности, о совершенно ренессансном облике, который, как сообщили мне московские специалисты, когда-то имел кремлевский дворец его любимого Бориса Годунова. Терпеливо выслушав меня, он совершенно серьезным тоном сказал: «А знаете, Миша, на самом деле Ренессанс зародился в России и только потом, под нашим влиянием, развился в Италии. — Сделав паузу на время моего оторопелого молчания (разговор шел по телефону, и я не мог видеть выражение его лица), он решительно завершил: — Послушайте, Миша, дураков много, и в Москве в том числе!»

Последние десятилетия жизни Павла Александровича мне казались особенно плодотворными в творческом отношении. Может быть, оттого, что именно в этот период я много общался с ним. Напомню, что в зрелые годы П.А. Раппопорт выполнил и опубликовал два фундаментальных исследования, по которым защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Первое — об архитектурной деятельности Бориса Годунова, второе — грандиозный труд, ставший классическим, посвященный фортификационным сооружениям средневековой России. А потом была еще большая работа по изучению древнерусского жилища. Но после этого Павел Александрович сосредоточился на архитектурно-археологическом изучении культурного зодчества домонгольского периода. Здесь он стал крупнейшим специалистом страны и мира и уже на склоне лет произвел важнейшие открытия в этой области.

Вэтой работе, как и во всей научной деятельности Павла Александровича, в полной мере проявилась широта его понимания исторической науки. Воспитанный в эпоху господства марксистской методологии, П.А. Раппопорт сумел преодолеть ее узкие рамки, впрочем, как и чисто искусствоведческий взгляд на историю архитектуры. Он рассматривал каждое явление в широком историческом контексте, понимая его как материальное свидетельство определенных обстоятельств реальной исторической ситуации, результат сотрудничества мастеров-зодчих и заказчика — в Древней Руси почти всегда князя. Поэтому огромное значение он придавал изучению обстоятельств деятельности заказчика, коллизий его политической «карьеры», перемещений (в ту пору нередких) с престола на престол, из

одного владения в другое. Именно это позволило выявить особенности «почерков» различных строительных артелей, перемещавшихся вместе с подчинившим их себе сюзереном из города в город. До этого в историко-архитектурной науке в принципе существовало представление о развитии некоей «древнерусской архитектуры», как о достаточно целостном, единообразном процессе, хотя, с другой стороны, были известны «странные» примеры появления в каком-либо городе совсем «нетипичных» построек, не желавших укладываться в логичную схему эволюции. Открытие Павлом Александровичем самого факта существования системы *разных* артелей, порой кочевавших с князем из одной вотчины в другую, объяснило природу этих явлений, выявив неоднородность процессов становления русского монументального зодчества.

Рассматривая историю архитектуры (с учетом важнейшей роли заказчика) — прежде всего как историю *деятельности* зодчих, — П.А. Раппопорт придавал особое значение изучению строительной техники, системы хранения и передачи навыков и профессионального мастерства. Он приветствовал направление исследований Т.А. Славиной, которая на материале совсем другой эпохи — Нового и Новейшего времени — также отстаивала необходимость изучения истории архитектуры как истории человеческой деятельности. Вместе с тем он проявлял в этом вопросе широту взглядов, допуская и иные подходы, что позволило ему, в частности, успешно руководить учениками вроде меня — склонными к феноменологическому (или, как теперь модно говорить, «иконографическому») анализу эволюции архитектуры.

Более того, Павел Александрович очень интересовался теми аспектами, которые, по разным причинам, оставались как бы на периферии его обширных познаний. В частности, он поощрял своих учеников (в их числе Л.Н. Большакова) в рассмотрении связи истории культового зодчества с особенностями литургии и символики богословия. Возможно, что не случайно о. Лев (Большаков), как и другой ученик Павла Александровича, архимандрит Александр (Федоров), впоследствии избрал путь духовного служения. Занимались П.А. Раппопорта и проблемы пропорциональных построений древних храмов, — только не умозрительных, как у многих фантазеров от науки, а практических, которые реально могли осуществлять зодчие на «строительной площадке». Интересовался наш учитель и интерпретациями проблемы стилевой эволюции, которой мало уделялось внимания в годы его научной молодости, увлекшись на склоне лет даже идеями математика С.Ю. Маслова, который в своей теории развития художественного творчества, по саркастическому замечанию Л.М. Баткина, «подверг Вельфлина нейрофизиологической операции», объясняя смену стилей периодическими колебаниями активности левого и правого полушарий мозга (точнее, сообщества многих мозгов!).

Важной особенностью научной практики Павла Александровича была его широкая эрудиция, интерес к различным отраслям науки. В частности, он отдавал должное применению естественнонаучных знаний в исторических исследованиях. Этому способствовало, наверное, и постоянное общение с физиками и математиками, которые очень любили в те годы ездить во время каникул и отпусков с археологическими партиями. Для выявления памятников, скрытых в толще земли, стали применять геофизическое оборудование и даже опыт «лозоходцев»,

получивший в ту пору биофизическое обоснование. Павел Александрович широко внедрял методы прикладной математики, любил чертить таблицы и графики, позволявшие выявить группировку каких-либо признаков и перемещение их во времени и пространстве. Особенно ошеломляющим было его открытие неуклонного изменения формата плинфы (строительного кирпича). Несмотря на не проясненную до конца природу этого явления⁵, само по себе оно оказалось настолько устойчивым признаком времени постройки того или иного памятника, что по размерам плинфы удалось определить примерную дату возведения некоторых из тех, которые не имели достоверной датировки по другим источникам. Более того, подобно Д.И. Менделееву, указавшему возможность открытия некоторых химических элементов, еще неизвестных науке, П.А. Раппопорт, сочетая выявленные им трассы перемещения строительных артелей, важные исторические моменты, сопровождавшиеся обычным строительством храмов, и обнаруженные лакуны в графиках деятельности той или иной артели и в системе трансформации размеров плинфы, предположил существование и даже, отчасти, местоположение еще не открытых археологами памятников, некоторые из которых позднее действительно были обнаружены его коллегами!

П.А. Раппопорт был очень организованным человеком. Это позволило ему сочетать многие стороны деятельности — и археологию, и преподавание, и работу над книгами, особенно в конце жизни. Так, огромным событием стала публикация сводного каталога всех памятников монументального зодчества домонгольского времени, сохранившихся и выявленных археологическими раскопками (1982 г.). Другая книга увидела свет уже после кончины автора — исследование строительного производства Древней Руси (1994 г.)⁶.

Однако, говоря о плодотворности последнего периода научной деятельности Павла Александровича, я имел в виду и другое. На основе своего общего курса истории зодчества средневековой Руси он написал две монографии. Обе называются «Древнерусская архитектура». Первая книга вышла в научно-популярной серии издательства «Наука» (1970 г.). Надо заметить, что *популярность* серии никогда не ставила под сомнение *научность* ее изданий. Вторая, над которой он работал в последние годы, вышла в свет уже после его смерти (1993 г.). В них четко изложены взгляды П.А. Раппопорта на эволюцию русского средневекового зодчества, которые, как было свойственно личности автора, ясны, честны и оригинальны. Мне особенно приятно читать эти книги, поскольку довелось дважды услышать лекционный курс Раппопорта «вживую».

Впервые, естественно, — в годы обучения в институте. А второй раз — по приглашению Павла Александровича — в научно-исследовательском и проектном институте «Спецпроектреставрация», где этот курс был прочитан по просьбе сотрудников, всегда поддерживавших тесные контакты с П.А. Раппопортом как с научным консультантом. Этот «второй раз» был замечателен, поскольку история средневекового русского зодчества давалась в концентрированном виде, обогащенная научными открытиями лектора, сделанными за годы, прошедшими с той ранней поры. Да и сама публика, заинтересованно-профессиональная, позволяла ему, отвлекаясь от мелочей, от необходимых в школе азбучных истин, глубже и ярче обрисовывать основные проблемы, указывать на дискуссионные и непроясненные обстоятельства, выражать личную точку зрения, опровергая иные. К тому

же и я в качестве слушателя вырос к тому времени, многое видел по-другому, с профессиональных позиций, и смог со знанием дела вести конспект услышанного и увиденного.

Хотя Павел Александрович четко выстраивал свои творческие планы на оставшиеся годы жизни, не зная при том, сколько же лет отпустят ему небеса, он в эти последние годы показал еще замечательный пример товарищества, осуществив издание фундаментального исследования своего умершего друга А.Л. Яковсона, посвященного эволюции византийского зодчества. Этот двухтомник, вышедший в очень скромном полиграфическом исполнении, воистину «томов премногих тяжелей». Бескорыстное благородство Павла Александровича проявилось здесь еще и в том, что Анатолий Леонидович работал в совсем иной научной манере, занимаясь в большей степени формально-феноменологическим анализом развития архитектуры. Тут в очередной раз сказались широта взглядов моего учителя. Руководствуясь несколько иной «парадигмой», он не только не осуждал других подходов, но и относился к ним с интересом. При этом я должен все же отметить, что в разговорах об исследованиях своего дорогого друга — и при жизни его, и при работе над публикацией — он высказывал порой даже некоторый протест против отдельных теоретических построений Яковсона. И тем не менее во имя дружбы и научной добросовестности не пожалел драгоценного времени...

Творческое долголетие П.А. Раппопорта в последние годы его жизни осуществлялось не благодаря, а вопреки его физическому здоровью. Тем в большей мере Павел Александрович показывал пример преодоления невзгод и жизненных тягот. Будучи несомненным флагманом науки, Павел Александрович выше всего ставил жизнь человеческую. Домашние ценности были на первом месте. Вспоминая те годы, его сын говорил: «Более счастливых семей, чем наша, я не встречал». В трудные для меня годы краха педагогической карьеры, когда работа валилась из рук, и я надумал жениться, Павел Александрович воскликнул: «Послушайте, Миша, — так это же самое важное. Бог с ней, с наукой!»

¹ Высшая аттестационная комиссия, которая наделена была правом окончательного приговора учёных степеней и званий.

² ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт.

³ В Академии, слава богу, эта зараза, кажется, не развилась в такой степени, как в ЛИСИ и в Ленпроекте.

⁴ Е. Г. Шейнина — жена П. А. Раппопорта, искусствовед, исследователь и реставратор средневековой монументальной живописи.

⁵ См.: *Раппопорт П.А.* Строительное производство Древней Руси: X–XIII вв. СПб., 1994. С. 36.

⁶ На самом деле книг было больше. Замечательно исследование зодчества древнего Смоленска (совместно с Н.Н. Ворониным), развязавшее многие узлы и открывшее новые пути в исследовании монументального зодчества Северо-западной Руси (1979 г.). Чрезвычайную пользу в качестве компактного итога многолетних исследований домонгольского зодчества принесла монография «Зодчество Древней Руси», предназначенная для широкого круга читателей (1986 г.). Значительное число сенсационных открытий, производивших огромное впечатление на коллег, было опубликовано в те годы в виде статей и небольших монографий в периодических изданиях и научных сборниках.

История моей семьи

Когда мне было лет шестнадцать, мы с папой нарисовали на нескольких листках схему нашего обширного родства. Кажется, это было по моей просьбе, потому что в семейных связях легко было запутаться. Родственников было много, с кем-то из них мы были близки, ходили друг к другу в гости, собирались на семейных торжествах... Эти листочки, изредка попадаясь на глаза, пролежали в ящике стола лет сорок.

Серьезный интерес к истории семьи возник у меня году в девяносто восьмом — девяносто девятом. Я вынул листки и ввел все данные в генеалогическую программу. Собрал все семейные документы и фотографии — а они в нашем доме никогда не уничтожались, — расспросил немногих остававшихся в живых сверстников родителей, стал искать в архивах, в Интернете, и так и продолжаю это делать. Собралась довольно большая база данных, но все равно крайне неполная. Конечно, многого я уже не узнаю, в том числе и ответа на следующий вопрос.

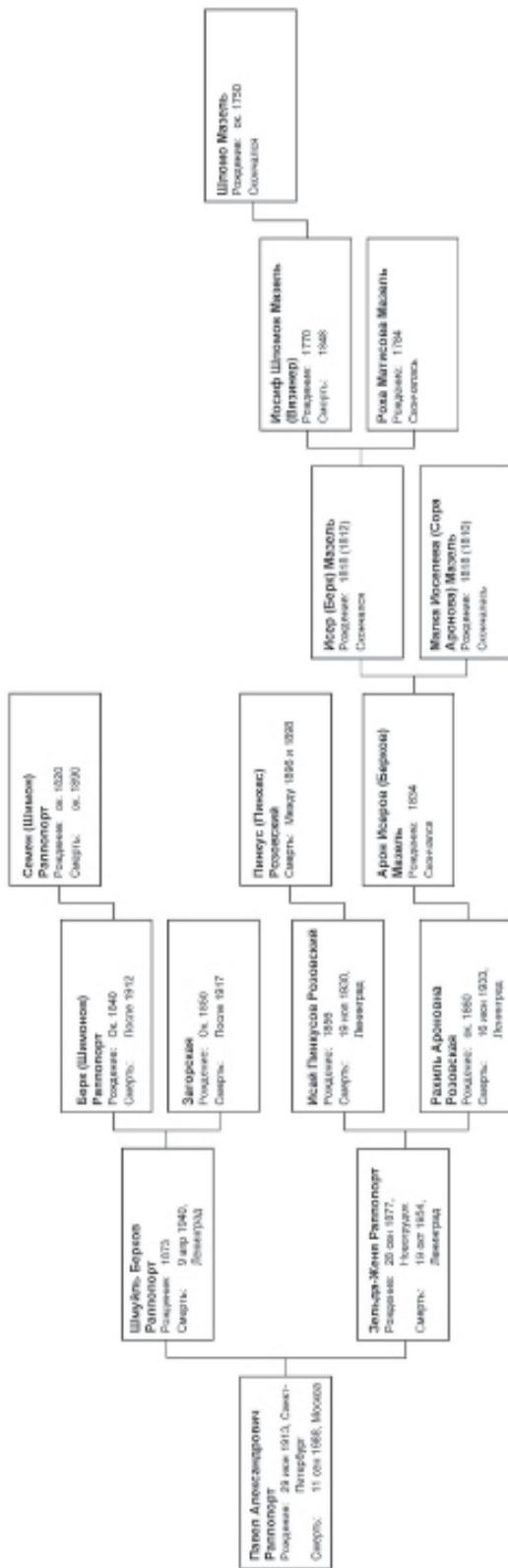
Отец занимался историей, знал, что такое генеалогия, и должен был понимать значение опросов старейших родственников. Почему он не поощрил мой юношеский интерес к семейным связям, не объяснил, что делать дальше? В конце концов он мог бы просто сказать мне: «Расспроси родственников». Я был послушным мальчиком, я так и сделал бы... Конечно, в шестидесятые — семидесятые годы еврейская генеалогия не была популярным занятием. Процветал государственный антисемитизм, проводить какие-либо розыски вне семьи было бы невозможно. Но внутри семьи можно было собрать массу сведений. А когда я сам до этого додумался, было уже поздно.

Как бы то ни было, я сейчас могу проследить свою генеалогию на разную глубину по разным линиям. Скажем, по линии Мазелей — на семь поколений, до середины XVIII в., а по линии Раппопортов — только на четыре поколения, до первой четверти XIX в.

Первого известного мне предка Раппопорта — папиного прадеда — звали, вероятно, Шимон. Это можно предположить из имени его дочери Гиндл, которую в русскоязычной среде называли Еленой Семеновной. Даты его жизни тоже определяются предположительно, из дат жизни его потомков и продолжительности жизни поколения: около 1820 — около 1890. Больше о нем ничего не известно — ни где жил, ни чем занимался. Но его фотография в конце жизни, как и фотография его жены, имя которой неизвестно, сохранилась в семье моей троюродной сестры.

У него было четыре дочери и два сына, один из которых — папин дед, — которого звали скорее всего Берк, поскольку его сын — мой дед — был Шмуиль Берков.

Предки Павла Александровича Раппопорта

Ш. Раппопорт и его жена, ок. 1890 г.

Дед родился в 1873 г. и был сыном от второго брака, поэтому дату рождения прадеда можно предположить около 1840 г. Дата смерти — не ранее 1913 г., судя по датированным фотографиям. На ком прадед был женат первым браком, не знаю; фамилия его второй жены — моей прабабушки — Загорская.

Шмуйль Берков (Александр Борисович), был мещанином г. Чашники Лепельского уезда Витебской губернии. Видимо, он там и родился, и там жили его родители. В Чашниках жила целая ветвь фамилии Раппопорт (именно в таком написании); оттуда происходил и Шлойме-Зейнвил Раппопорт (1863–1920 гг.) — писатель, этнограф, общественный деятель, известный под псевдонимом «С. Ан-ский».

Большую часть жизни дед прожил в Киеве. Там он в 1907–1913 гг. учился в киевском Художественном училище Императорской академии художеств, там же под конец жизни получил диплом архитектора. Всю жизнь он работал архитектором и инженером-строителем; правда, мне известна только одна его архитектурная работа — доходный дом Бурмистрова на Большой Дворянской, д. 5 в Санкт-Петербурге.

Дед с бабушкой поженились в 1908 г. в Петербурге. Бабушка, Зельда-Женя (Зинаида Исаевна), урожденная Розовская, была дантисткой. В 1913 г. у них родился сын — мой папа, и примерно тогда же дед разошелся с бабушкой и

Б. Раппопорт и Загорская. 1906 г.

А.Б. Паннопов. 1908 г.

вернулся в Киев. Со своей семьей он сохранил прекрасные отношения. Приезжая в Ленинград, жил в их квартире на Лермонтовском пр., папа с бабушкой тоже к нему ездили. Когда папа поступил на архитектурный факультет ЛИИКСа, дед решил тоже получить диплом и поступил на заочный в Киевский строительный институт. Они получили дипломы одновременно в 1937 г., деду было тогда 64 года! Когда на папу в том же году был написан донос, то в спасшем его от ареста отъезде в Киев, а потом в Симферополь, решающую роль, я думаю, сыграл дед.

А.Б. и З.И. Паннопов. 1908 г.

Папа рассказывал, что дед был неординарной личностью. Краснобай, центр любого общества, любимец женщин, несмотря на маленький рост, он был темпераментен и артистичен. Когда родился папа, раввин предлагал назвать ребенка хорошим еврейским именем, например Пинхасом, а дома можно звать и Павлом. Но дед ему доказал с Талмудом в руках, что еврей может назвать сына любым именем, каким пожелает, и папа был записан Павлом!

Из письма папиного однокурсника С.Д. Сухенко, жившего в Киеве и знавшего деда: «... Это был человек широко образованный, умный, дальновидный, люто не принимавший Советскую власть. Никогда не произносил "Ленинград", только "Петербург", с типичным московским акцентом. Любил хорошую шутку, всегда был оживлен, предельно вежлив и предупредителен. Говорил в стиле XIX в.: да-с, нет-с, сударыня, благодарствуйте и т.п... Его облик и речь, дикция... вызывали во мне представление о русском интеллигенте XIX в.»

Дед был по натуре коллекционером. Он собирал все: мебель, марки, боны, трубки... Начало домашней библиотеке по архитектуре и искусству положил тоже он. Коллекцию марок продолжали пополнять мы с папой. Помимо фотографий сохранились два портрета деда 1915 и 1916 гг. работы И. Рабичева, впоследствии известного театрального художника и плакатиста. Видимо, они были знакомы по киевскому Художественному училищу, где учились одновременно, несмотря на разницу в возрасте. Маленький графический портрет, на мой взгляд, шедевр.

И. Рабичев. Портрет А.Б. Паннопорт. 1916 г.

Дед говорил папе: «Пей, сколько хочешь, ты не сопьешься. Но не кури». Сам он был заядлым курильщиком. В 1939 г. он приехал в Ленинград уже тяжело больным, может быть, знал, что едет умирать. В 1940 г. он умер на руках сына и бывшей жены от скоротечной формы чахотки. Он был похоронен на Еврейском кладбище, но могилы нет: в этот участок в войну попала бомба.

Самый ранний известный мне предок отца по материнской линии — это Шломо, предположительно родившийся около 1750 г. и живший в г. Вилейка Минской губернии или в его окрестностях — местечке Илья или селе Вязынь, где жили его потомки. Один из его сыновей Иосиф (1770–1848 гг.) жил в Вязыни и поэту звался Вязинер или Вязинский. Он был выдающимся библиографом и собрал одну из лучших еврейских библиотек в России первой половины XIX в. В ней было более 5000 книг и несколько сот рукописей. Его собрание книг было широко известно, многие приезжали им пользоваться. Иосиф был очень уважаемым человеком, его называли Реб Иосиф, а писали РИВ — Реб Иосиф Вязинер, то есть он удостоился аббревиатуры, что в еврейском мире было признаком высокого авторитета и признания. Часть его коллекции — примерно треть — уцелела и находится в библиотеке Института восточных рукописей Российской академии наук.

*Сидят: жена Арона, дочь Рахиль и Арон Мазель;
стоят: Ревекка, Исая Розовский, Иосиф, Зельда-Женя и Исидор; ок. 1900 г.*

В 1804 г. «Положением о евреях», утвержденным императорским именованным указом, была введена обязательность наследственных фамилий, и Иосиф стал Мазелем. По семейной легенде, он был счастлив в детях и в делах и поэтому взял фамилию, означающую на идиш «счастье», «судьба», «звезда». По той же легенде он стал первым на свете Мазелем, и все теперешние Мазели — его потомки. Удивительно, но современные исследования еврейских фамилий этому не противоречат.

У Иосифа Мазеля было семеро сыновей, а всего, по семейной легенде, двенадцать детей; так что, видимо, было еще пять дочерей. У двоих сыновей, Исера и Берка, были сыновья по имени Арон, оба родившиеся в 1834 г. Какой именно из Аронов — Исеров или Берков — был прадедом отца, неизвестно. Но Арон Мазель, о котором я больше ничего не знаю, запечатлен около 1900 г. на фотографии вместе с женой, дочерью Рахилью и ее семьей, в том числе с моей бабушкой.

Рахиль Мазель, дочь Арона, родилась около 1860 г. Она вышла замуж за Исая Пинкусова Розовского из Новогрудка. У них было четверо детей, из которых моя бабушка — старшая. Когда бабушка обосновалась в Петербурге, ее родители тоже переехали в столицу. Исая Пинкусович умер в 1930 г., а Рахиль Ароновна в 1933 г. Они похоронены вместе на Еврейском кладбище.

Моя бабушка Зельда-Женя (Зинаида Исаевна) родилась 15(28) сентября 1877 г. в г. Новогрудок. Потом ее семья переехала в Вильно, а на зубного врача она выучилась в Варшаве. В 1905 г. она открыла домашний зубоврачебный кабинет в Санкт-Петербурге, в д. № 55, кв. 17, по Ново-Петергофскому (теперь Лермонтовскому) проспекту. Здесь она и прожила и проработала всю жизнь, да еще работала в медпункте до войны. После ухода деда из семьи бабушка больше замуж не вышла, жила с младшей сестрой Ревеккой и с сыном. У нее остались

хорошие отношения с дедом (не знаю, развелись ли они; у нее осталась фамилия Раппопорт), но вся ее жизнь сосредоточилась на папе. И Паля — так она его называла — не обманул ее ожиданий: он был образцовым сыном.

Зинаида Исаевна вместе с сестрой провела всю блокаду в Ленинграде, не теряя связи с папой, воевавшим на Ленинградском фронте. После войны папа переселился на 3-ю Советскую, к семье мамы, но бабушку навещал несколько раз в неделю. Они часто говорили по телефону, она ему писала записки, открытки и даже посылала телеграммы. Они регулярно вместе ходили в филармонию. 19 октября 1954 г. они тоже должны были идти в Большой зал. На этот вечер было назначено родительское собрание в моем классе. Обычно в школу ходила мама, но в тот день по какой-то причине пошел папа. Вместо него в филармонию отправилась тетя Ревекка, и на переходе через Невский проспект бабушку сбила машина. Бабушка похоронена на Еврейском кладбище неподалеку от могилы своих родителей.

При всех еврейских предках и при «пятом пункте» в паспорте отец не принадлежал к еврейской культуре. Его родители не были религиозны, не соблюдали еврейских обычаев, не говорили ни на иврите, ни на идиш, разве что, может быть, в ранние годы. Его детство, юность, молодость пришлись на годы советской власти. С антисемитизмом, который мог бы заставить его вспомнить о своих еврейских корнях, он столкнулся — в весьма умеренных проявлениях — уже после войны, когда ему было около сорока лет. Он был человеком абсолютно русской культуры, и в ее развитие он внес свой вклад. К той части изложенной выше истории семьи, которая была ему неизвестна, он отнесся бы, я думаю, со спокойным интересом, не более того. Может быть, в этом заключается частичный ответ на вопрос, о котором сказано в начале статьи.

Папа, Павел Александрович Раппопорт, родился 16 (29) июня 1913 г. в Санкт-Петербурге. Его отец, как уже сказано, жил в Киеве, но приезжал к бывшей жене и сыну, переписывался с ними — сохранилось несколько папиных детских писем и открыток отца к нему. Так что папа рос не совсем без отца.

В 1931 г. папа окончил 9 класс 32-ой Советской единой трудовой школы. Школа того времени отличалась советскими нововведениями — самоуправлением учеников, выбором предметов и учителей и т.п. Папа о своей школе отзывался хорошо.

В том же 1931 г. он поступил в Ленинградский Институт инженеров коммунального строительства на архитектурный факультет. В числе его педагогов был крупнейший историк архитектуры профессор И.Б. Михаловский. Папа увлекся историей архитектуры, стал учеником Михаловского, бывал у него дома. Его предназначение стало ему ясно уже тогда, он был намерен после окончания института поступать в аспирантуру к Михаловскому. Взять для диплома историко-архитектурную

Отец с родителями. 1925 г.

П.А. Паннопорт. 1940 г.

тему тогда было нельзя, и дипломный проект он делал на тему «Планировка г. Вышнего Волочка и проект Дома Культуры». Папа окончил ЛИИКС в феврале 1937 г. с дипломом первой степени.

На последнем курсе на него был написан донос, кажется, за заметку или рисунок в стенной газете, поэтому после окончания института он вместо поступления в аспирантуру уехал в Киев, и это его спасло. Я долго не понимал, почему донос не пошел за ним, ведь система работала четко. Наконец, я узнал, что его соученики по ЛИИКСу говорили по поводу этой истории, что «в парткоме оказались порядочные люди». Вот в чем дело — донос не вышел за стены института.

В Киеве папа пробыл до конца 1938 г., работал архитектором, переписывался с И.Б. Михаловским, писал книгу «Архитектурные формы и элементы архитектурной композиции» (книга не была издана). Первую половину 1939 г. папа работал преподавателем истории архитектуры и архитектурного рисования в Крымском филиале заочного отделения Московского Института инженеров коммунального строительства (МИИКС) в Симферополе, а в июле вернулся в Ленинград. Михаловского уже не было в живых, и в сентябре папа стал аспирантом Института истории материальной культуры АН СССР (впоследствии Института археологии, а теперь опять ИИМК), где и проработал всю жизнь.

Начало войны застало отца в экспедиции. Он сразу же вернулся в Ленинград и в начале июля 1941 г. ушел на фронт с народным ополчением. Он был командиром саперной роты, его батальон был почти полностью уничтожен в боях под Ропшей — Петергофом. 30 ноября 1941 г. под Усть-Тосно он был тяжело ранен.

До середины февраля 1942 г. он лежал в госпитале № 1014 в Ленинграде. После выписки его направили в резерв отдела кадров Ленинградского фронта, где он почти 10 месяцев — до полного выздоровления — преподавал фортификацию, потом занимался военно-полевым строительством. Наконец, в конце ноября папа был откомандирован в Москву в распоряжение отдела кадров инженерных войск.

П.А. Паннопорт. 1942 г.

Бабушка с сестрой оставались в блокадном Ленинграде. Лежа в госпитале и находясь в резерве, папа опасался, что его после излечения назначат на другой фронт, поэтому он заранее получил запрос на себя из вновь организованного инженерного отдела штаба Балтийского флота. Когда в Москве в отделе кадров инженерных войск его спросили, где он хочет воевать, он ответил, что в Ленинграде, и предъявил запрос. На него посмотрели, как на сумасшедшего — может выбирать, а просится в блокадный Ленинград, — и запрос удовлетворили.

Штаб Балтийского флота располагался в доме на Петровской набережной. Папе показали его рабочее место — письменный стол в инженерном отделе, — и где ночевать, когда он не в командировке, койку с чистыми простынями! После первого полугодия войны под огнем в окопах и на минных полях, после ранения, госпиталя и последующей службы в разных частях это все казалось неправдоподобным. Потом его отправили экипироваться. Предложили взять пистолет, но папа предпочел более надежный наган, к которому привык в пехоте. Тогда возникла проблема с кобурой, флотская кобура должна была быть черной, а для нагана такой не было. Ее долго искали и, наконец, нашли. Папе выдали также отрез черного сукна, и он отправился в ателье шить себе форму. Пока он ждал закройщика, какой-то офицер примерял форму и ругался, что плохо сидит. Папа был настолько возмущен, что ему хотелось убить его!

Он оставался сапером и на флоте, его должность называлась «Начальник части инженерной подготовки частей флота». Он ездил по береговым частям и островам Балтики, обучал моряков инженерному делу, главным образом, минированию и разминированию, писал и публиковал статьи по этой теме, занимался обеспечением деятельности береговой дальнобойной артиллерии. К концу войны из всех офицеров, служивших в инженерном отделе с самого начала, остались в живых только начальник отдела и папа. Он объездил все побережье, был в Порккала-Удд (рассказывал, что передвигался там верхом — пригодилось довоенное увлечение конным спортом) и закончил войну в Таллинне.

В конце января 1943 г. папа был в командировке в Кронштадте. Он уже собрался возвращаться, но случай задержал его. Сообщение между Ленинградом и Кронштадтом было по льду, немцы обстреливали методично, по расписанию, наши приспособились и ездили нагло среди бела дня. В тот день — 29 января — немцы открыли обстрел в неурочный час, и на переправе погиб вице-адмирал В.П. Дрозд. Поездки запретили до темноты, и папа, дожидаясь ночи, слушал радио. Он услышал обычную для блокадного Ленинграда передачу, в которой родственники обращались к тем, кто был на фронте и мог слышать их, ведь фронт был где в пригороде, а где и в городе. Из передачи папа узнал, что семья его дальних родственников Шейниных не эвакуировалась. А он был знаком с девушкой из этой семьи, с Женей, Евгенией Григорьевной Шейниной.

Их познакомили родственники еще до войны, питая матримониальные надежды. Но они друг другу не понравились, во всяком случае, папа маме. Мама говорила, что пришел красивенький напыщенный молодой человек с папкой подмышкой, который повторял, что он очень спешит к профессору Михаловскому. Кажется, они встречались еще, но с тем же результатом.

Мама была на восемь лет младше папы, она родилась в Петрограде 17 июня 1921 г. Ее отец Григорий Абрамович Шейнин был юристом, мать Эсфирь Савельевна — учителем и библиотекарем. К началу войны она уже отучилась два года в Ленинградском индустриальном институте (впоследствии Политехническом институте им. Калинина) на энергомашиностроительном факультете, а с сентября 1941 г. работала медсестрой в Ленинградской гарнизонной поликлинике. Вся ее семья оставалась в блокаду в Ленинграде.

И вот весной 1943 г. папа пошел их навестить, а 2 мая они пришли в ЗАГС на Староневском — под конвоем, потому что здание было военным объектом, — и

Папа с мамой. 1945 г.

поженились. Рассказывая об их встрече, мама шутливо оправдывалась, что влюбилась не в красивого морячка, а в пехотинца — к тому моменту морская форма еще не была готова.

С крыши здания штаба папа видел во время воздушных тревог, как обстреливали и бомбили Пески; однажды ему показалось, что бомба попала в наш дом, но это оказался дом наискосок от нашего. Потом он звонил маме домой из штаба — каким-то чудом телефон на 3-ей Советской работал всю войну. Не думаю, что родители намеренно сразу завели ребенка — все-таки они были в блокадном Ленинграде. Как бы то ни было, я родился 8 января 1944 г., за 20 дней до снятия блокады.

К концу войны папа был инженер-капитаном на подполковничьей должности и имел прекрасные служебные перспективы. Однако он демобилизовался при первой возможности, это произошло только в феврале 1946 г. Разбирая его научную библиотеку, я нашел книги, купленные в Ленинграде в блокаду и в Таллине в конце войны, — он не сомневался, что вернется к истории архитектуры. В октябре 1945 г. он писал своей матери, что набрал массу материала, пишет и не может остановиться. Это был обзор истории эстонской средневековой архитектуры — рукопись сохранилась.

После демобилизации папа и мама попробовали жить с его матерью на Лермонтовском. Но для бабушки Зины не могла существовать женщина, достойная ее сына, и они очень скоро навсегда переехали к маминой семье на 3-ю Советскую. Мамины родители полюбили папу и относились к нему с огромным уважением; его научная деятельность была в семье приоритетом, ничто не должно было ей мешать.

Я думаю, что их встреча в 1943 г. была главным событием в жизни каждого из них. Мама с юности обладала женской мудростью, а папа — незаметной, глубоко спрятанной внутренней силой. Любовь окончательно сформировала их и продолжалась всю жизнь. Ни папины научные интересы, ни мамина работа, ни единственный сын не значили столько, сколько они сами друг для друга. Они никогда не ссорились; за всю жизнь я только один раз (!) заметил след прошедшего конфликта. Они были идеальной парой, подобных им я не встречал. При этом сказать, что они были замечательными родителями, — значит не сказать ничего. То же и относительно их работы.

В сентябре 1944 г. по инициативе папы мама перевелась в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина на факультет теории и истории искусств. Еще до окончания института она начала работать в Эрмитаже. Приказ о ее зачислении в штат должен был подписать директор Эрмитажа, которым тогда был И.А. Орбели, и мама волновалась по этому поводу. Иосиф Абгарович, большой ценитель женской красоты, зашел в комнату, где работала мама, увидел ее, и вопрос был решен. С 1948 г. мама стала заниматься реставрацией настенной

живописи под руководством П.И. Кострова, а в 1967 г. возглавила лабораторию реставрации монументальной живописи, которой и заведовала до самой смерти. С 1949 г. мама ездила в археологические экспедиции в Среднюю Азию — в Пенджикент и в Варакш. Позднее, в 60–70-х гг. добавились экспедиции в Смоленск и Псков.

Родители работали оба на Дворцовой набережной, но режимы работы у них были разные, и они ездили на работу и с работы почти всегда врозь. Но папа по роду деятельности часто бывал в Эрмитаже — у него был постоянный пропуск, и при всякой возможности он заходил к маме в мастерскую. Круги их общения по работе во многом совпадали, и при всей отдельности представлений о каждом из них, как о специалисте в своей области деятельности, постепенно сложилось еще и единое представление о них, как о неразъединимом целом. В ИИМЖе, в Эрмитаже, да и повсюду, где их знали, когда говорили о П.А., подразумевали и Е.Г., и наоборот.

Сроки экспедиций у родителей тоже не совпадали, поэтому они разъезжались практически на все лето. Только дважды, в 1962 и 1963 гг., им посчастливилось: в экспедиции отца в Смоленске при раскопках собора на Протоке были открыты фресковые росписи, и мама ездила их закреплять и снимать. А в 1964 г. после какой-то конференции папа заехал в Пенджикент на несколько дней. Несколько раз они ездили вместе на конференции в разные города.

Для папы война не стала главным событием в жизни, как это случилось со многими ее участниками, хотя он всегда помнил о ней. Он никогда не участвовал в парадах и шествиях ветеранов, но ежегодно 9 мая ездил в Разбегаево к обелиску памяти своего 277-го батальона встречаться с несколькими выжившими. В последние годы жизни перестал туда ездить: встречаться стало не с кем.

Хотя его послевоенная биография внешне не отмечена ничем значительным, он жил напряженной и интенсивной научной жизнью. Папа работал всегда, — я говорю не о работе в институте, в архивах, в экспедициях — он жил в этом состоянии. Стиль его работы дома был таков: он или читал, или лежал на диване, глядя в потолок (это делало его превосходным натурщиком для моих рисунков). Потом он садился за свой стол и писал статью практически начисто. С годами этот стиль менялся в одном направлении — лежал он все меньше, а писал все больше; объем написанного за год увеличивался, и так всю жизнь.

Подробная научная биография папы, написанная мамой и его учеником О.М. Иоаннисяном, есть в предисловии к книге «Древнерусская архитектура», вышедшей в 1993 г.

Папа с мамой. 1959 г.

Папа с Н.Н.Вороныным в Смоленске. 1958 г.

го Н.Н. Вороныным вел раскопки в Смоленске. Только в последние пятнадцать лет жизни история древнерусской архитектуры стала его единственной темой.

Отец провел не меньше тридцати пяти полевых сезонов, во многих не по одной экспедиции. Он так проводил подготовку к ним, что почти всегда точно знал, что найдет. В те годы, что я ездил с ним, он исследовал остатки крепостей — городища. Экспедиции проводились на грузовике, за месяц обследовалось два десятка древних оборонительных сооружений. Когда мы приезжали к городищу, работа выглядела так: мы — школьники, потом студенты — делали съемку и нивелировку, копали шурфы в поисках керамики для датировки (без папиного участия — мы были хорошо выдрессированы), а папа расхаживал по городищу, сидел подолгу на валах, думал, записывал что-то, — это и была главная работа. Чутье у него было поразительное. Помню, на одном городище, находившемся посреди распаханного поля, мы никак не могли найти керамику ни в шурфах, ни, на худой конец, просто на поле. Пора уезжать, мы к нему: датировки нет. Он: «Да? Ну, ладно...» Спускается на поле, идет по нему куда-то, не глядя под ноги, pina-

В экспедиции. 1961 г.

ет подвернувшийся ком земли — тот разваливается, а в нем полгоршка с венчиком!

В последние годы экспедиция состояла уже из нескольких отрядов, руководимых его учениками, и отец, пока здоровье позволяло, приезжал на раскопки к их окончанию.

Тридцать пять лет папа читал курсы лекций по истории средневековой архитектуры на архитектурном факультете Академии художеств. Читал он их не как лектор-преподаватель, а как ученый. Это

выражалось прежде всего в том, что он давал не набор фактов, а стройную систему знаний о формировании и развитии архитектурных стилей и типов зданий, самую современную на момент чтения курса. С годами, по мере того, как он развивался как ученый, менялись и его лекции. После окончания чтения каждого курса, перед сессиями, он всегда читал двухчасовую обзорную лекцию, за которую фактически повторял весь курс. На его экзаменах было позволено пользоваться литературой, потому что он ценил умение быстро найти в книгах информацию и правильно ей воспользоваться и всегда видел, знает ли студент суть предмета или прямо здесь что-то прочитал. Студенты любили его лекции, охотно ездили в экспедиции, становились его учениками — археологами, историками архитектуры, реставраторами.

1961г.

При этом западноевропейскую средневековую архитектуру воочию папа не видел. Он по два раза был в Югославии, Польше и Чехословакии (так называемый научный туризм — поездки за свой счет на научные конгрессы) и один раз в Финляндии (читал лекции по приглашению). Больше возможностей ему не представилось. Его приглашали на раскопки и консультации в Германию, во Францию, но тогда это было невыполнимо. В конце семидесятых годов он должен был участвовать в научно-туристской поездке в Англию, даже поехал в Москву, откуда группа выезжала, но его не пустили (кстати, вместе с В.Л. Яниным).

У папы был широкий круг научных и научно-дружеских контактов. Почти каждый день к нам кто-нибудь приходил — коллеги, особенно приезжие, сослуживцы, аспиранты, и на большом столе в родительской комнате по ходу беседы раскладывались книги, карты, планы, рукописи. Сверху обычно лежала кошка, которую не прогоняли, а вытаскивали из-под нее нужные предметы.

Он вел обширную научную переписку, в том числе с иностранными учеными, причем тематикой была вся европейская средневековая архитектура,

В экспедиции. 1963 г.

а не только древнерусская. В этом плане выделялась переписка и обмен оттисками с английскими учеными, в том числе с профессором Дагласом Симпсоном. Разбирая папину библиотеку, я поразился тому, сколько в ней оказалось книг и брошюр по замкам Европы, особенно Англии и Шотландии. Именно тогда я понял: вот чем отец мечтал заниматься!

Отец был очень методичным в работе, причем методы себе он изобретал сам. Стала уже легендой его записная книжка, в которую он записывал и зарисовывал данные о памятниках древнерусской архитектуры. На самом деле таких книг вначале было две — большого формата и малого; записи в них дублировались. Большой предназначалась роль базового хранилища, а малую он брал с собой, куда бы ни ехал. Потом он понял, что малой книги вполне достаточно при его мелком почерке и абсолютной дисциплине заполнения, и перестал вести большую.

1967г.

Всю фотофиксацию раскопок отец вел сам, он хорошо фотографировал с юности. Он очень много снимал древнюю архитектуру, из всех своих многочисленных экспедиций и поездок на конгрессы, конференции он привозил массу негативов, а позднее слайдов. В первые годы чтения лекций в Академии художеств он еще пользовался ее диатекой, но постепенно все больше переходил на собственную. Курс истории древнерусской архитектуры он много лет читал уже только с собственными слайдами. До последних лет он пополнял диатеку сам и с помощью друзей и коллег, которых просил сде-

лать снимки, которых у него не было. Семейных фотографий он делал немного. Кстати, сам он был довольно фотогеничен, но когда позировал, получался плохо — мрачным и напряженным, не так, как на бытовых снимках. А вот мама при всем ее очаровании была абсолютно не фотогенична.

Лучше других иностранных языков отец знал английский, он изучал его в школе и в институте, читал, писал и говорил на нем. Для кандидатского минимума он специально назначил себе французский, которого не знал. Когда он учил немецкий, я не знаю, но, как и по-французски, он мог сказать на нем пару слов, а главное, разбирал научные тексты. С помощью этих языков и чутья он понимал проблематику статей на большинстве смежных языков.

Литературного дара у папы не было. Свои труды он писал сухим языком, при этом очень простым. Не пользовался иностранными словами, если были соответствующие русские понятия. Часто, прочитав текст его предстоящего доклада об очередном открытии, мы с мамой говорили ему: здесь все так логично и ясно, почти элементарно, что и открытия не видно. Он соглашался, но ничего не менял.

В середине 70-х отец завел себе классический дореволюционный «Ундервуд», и с тех пор стук машинки стал привычным домашним звуком. Если надо было

переработать написанный текст, папа делал это так, как сейчас делают на компьютере: резал его на куски, фразы, абзацы, что-то выбрасывал, остальное наклеивал в нужном порядке на чистый лист, вписывал между ними текст от руки, пока не был удовлетворен результатом. Тогда он перепечатывал текст окончательно. Больше, как правило, не было необходимости; он в основном писал в уме. Как бы подошла ему возможность писать и редактировать текст на компьютере! Он освоил бы его без труда, он был восприимчив ко всему новому.

Блиzkих друзей у папы было немного, и почти все они умерли раньше него. Александр Михайлович Шапиро (Шура), дальний родственник — флотский полковник-строитель, блестящий рассказчик, весельчак, меломан — умер в 1976 г. Николай Николаевич Векшин (Кока), друг детства — умер тоже в конце 70-х. Анатолий Леопольдович Якобсон, доктор исторических наук, папин сослуживец, умер в 1984 г. Илона Борисовна Бентович, еще одна коллега по ИИМКу и ближайшая мамина подруга, умерла в 1977 г. Марианна Владимировна Малевская, тоже археолог из ИИМКа, умерла в 2011 г.

Удивительно, но семьи родителей не пострадали от репрессий и почти уцелели в блокаду. О политике, о положении в стране в семье говорили мало, хотя родители, думаю, имели об этом вполне определенное мнение. Хорошо помню их радостную реакцию

Папа и мама. 1972г.

на известие о смерти Сталина. В семье разговаривали о работе, об ИИМКе и Эрмитаже; о друзьях и родственниках, об архитектуре и живописи, о выставках, концертах, вообще об искусстве. Все много читали, всегда были абонементы в филармонию, много пластинок дома. Не было ни дачи, ни автомобиля.

Жизнь отца не была безоблачной: ему приходилось сталкиваться и с антисемитизмом, и с произволом начальства, и с завистью, и с подлостью. Как бы тяжело он ни переживал, это не сказывалось на семейной жизни. Здесь он всегда был счастлив, и это давало ему силы переносить невзгоды. Ему не нужны были ни должности, ни почести, да и грязь к нему не приставала, и это тоже помогало переживать несправедливости. Он никогда не бывал озлоблен, ни о ком не говорил плохо. Мне кажется, что в целом судьба обошлась с ним достаточно милостиво, ведь у многих ученых жизнь была переломана.

Папа никогда не рассказывал о войне, да и о молодости своей тоже почти не говорил. Эти темы не были запрещены; если я спрашивал, он отвечал, но всегда скуп. При всей доброжелательности и контактности он был довольно закрытым человеком. Об этом же мне писал С.Д. Сухенко, последний оставшийся в живых из его однокурсников. Он дружил с папой, был принят в доме и обласкан его

мамой, но все время ощущал, что папа держит дистанцию и в свой внутренний мир не пускает.

В определенном смысле папа остался для меня загадкой. В жизни он был мягким, осторожным, почти робким человеком, и это не вяжется с его военной биографией сапера, прошедшего через бои. Считанное число раз приоткрывались другие стороны его натуры. Как-то в 50-х гг. один из коллег подвергся разному на партсобрании. После собрания к нему никто не подошел, все боялись, а папа демонстративно пожал ему руку — просто чтобы поддержать (я, конечно, знаю об этом с чьих-то слов). Еще случай: в 1962 г. в экспедиции мы обследовали крепость Тустань вблизи села Урыч в предгорьях Карпат. Крепость стояла на крутой скале, и когда мы лезли туда, у нас, студентов, поджилки дрожали. А папа лез спокойно, без видимых эмоций — его волновала лишь цель, крепость.

В отце странно сочетались широкая культура и определенная ограниченность. Видимо, на подсознательном уровне он не допускал появления в своей интеллектуальной жизни сколько-нибудь серьезных интересов, чтобы не мешать основному — науке. Немного интересовался поэзией, из современных предпочитал поэтов военного поколения — Слуцкого, Друнину; с детства любил Киплинга. Из музыки предпочитал программную — Римского-Корсакова, Берлиоза, Сен-Санса и вообще французскую — Бизе, Дюка, Равеля (а мама любила старинную музыку). Хорошо помню, как мы в 1963 г. ездили к кому-то домой слушать магнитофонную запись 13-й симфонии Шостаковича, исполненной один раз и снятой с репертуара. При этом родители с удовольствием слушали и рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда», правда, это было уже в начале 70-х. Папа много читал, в основном то, что как-то соотносилось с его научными интересами или с биографией. Не любил Достоевского, хорошо знал Библию (хотя был абсолютно не религиозен), не прочь был иногда почитать Агату Кристи по-английски.

Папа был очень домашним человеком, приветливым, мягким, контактным. С удовольствием возился с внучками и был ими очень любим. Правда, его максимальная нагрузка как деда состояла в том, чтобы позаниматься с ними, пойти погулять или в театр, в гости. Нам с женой никогда не приходило в голову обременять родителей серьезными заботами о детях, скажем, попросить их пожить с ними на даче. Вот когда они отдыхали летом в Доме архитектора в Зеленогорске, какая-нибудь из внучек иногда приезжала к ним на пару дней.

Отец легко находил общий язык с моими друзьями. Наша компания обычно сидела на кухне, и на приглашение съесть или выпить что-нибудь с нами папа всегда отвечал: «Я уже, но за компанию не откажусь». Он выходил в прихожую встречать любого, кто бы ни пришел.

Почти всю жизнь у папы было хорошее здоровье, несмотря на ранение и на автокатастрофу с тяжелыми переломами, в которую он попал в 1946 г. в своей первой послевоенной экспедиции. Но в 1982 г. у него произошел первый сердечный приступ, и с тех пор ИБС неуклонно прогрессировала. Он вынужден был все больше ограничивать свою деятельность. Перестал ездить в экспедиции, читал лекции только в Академии художеств. Но работал все продуктивнее, писал все больше.

16 августа 1988 г. родители поехали в подмосковный санаторий «Поречье», и там через день у папы произошел инфаркт и клиническая смерть. Врач,

оказавшийся по счастью недалеко, сделал прямой укол в сердце, массаж — и папа вернулся. Он лежал в местной больнице в Звенигороде, там даже кардиологического отделения не было, а перевозить его было нельзя. Врачи делали все, что могли, и папе постепенно стало лучше, он даже начал вставать. Мы сказали ему, что он потерял сознание в результате приступа, но он, видимо, не очень поверил. Он вспоминал мелкие подробности из экспедиций, в которых я с ним был в юности, и спрашивал меня, помню ли я их — проверял свою память.

В это время в «Стройиздате» готовили к изданию его книгу «Древнерусская архитектура». Из издательства сообщили, что увеличивают объем книги на полтора печатных листа и попросили написать дополнительную главу. Папа сел к столу посередине большой палаты на шесть или восемь коек и за несколько дней написал эту главу, не имея ничего, кроме пачки чистой бумаги. Без черновиков, как всегда, и со всем научным аппаратом, ссылками и примечаниями — потом пришлось только уточнить номера страниц.

В первых числах сентября папу перевезли в Москву, в больницу Академии наук. Я сопровождал его, мы ехали долго и говорили, что надо записать бесчисленные истории, которые он рассказывал вечерами в экспедициях; вот вернется он домой, и запишем на магнитофон, а потом расшифруем. Казалось, в Москве ему стало лучше, да и дежурить ночами в этой больнице не позволяли, и я уехал, а мама, конечно, осталась. Я прощался с ними, а они сидели в палате, откровенно счастливые тем, что они вместе.

А 11 сентября мама позвонила и сказала, что пришла утром в больницу и не нашла папу в палате. Ночью у него опять произошел инфаркт, и его увезли в реанимацию. Я добрался к маме в Москву во второй половине дня, и она рассказала, что минувшей ночью ей почудилось, что папа позвал ее так, как звал всегда: «Жека!..» В этот же день папы не стало.

Урну с его прахом мы привезли в Ленинград и после панихиды в Институте археологии похоронили на Еврейском кладбище в могиле бабушки. Через семь лет в эту же могилу легла урна с прахом мамы.

Любое жизнеописание заканчивается кладбищем. Но... «все наши предки в нас: кто вправе чувствовать себя одиноким?» (Беер-Гофман, 1898).

1980 г.

Использованные источники:

Еврейская Энциклопедия Брокгауза — Ефрона, 1908–1913 г.г.
Jewish Encyclopedia, 1901–1906. <http://www.jewishencyclopedia.com/>
Михаил Мазель. Вперед в XVII в. <http://gentree.mikhailmazel.com/>
Семейный альбом М.В. Хазановой.
Домашний архив семьи Раппопорт.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронологическая таблица развития древнерусского зодчества

Эта таблица, как уже отмечалось во вступительной статье к данному сборнику, не была подготовлена П.А. Раппопортом к печати. Автор работал над ней в последние годы жизни и считал, что до публикации необходимо провести еще ряд исследований, в том числе археологических, для уточнения датировок. Новые датировки вместе со вновь найденными памятниками повлияли бы на положение памятников и их групп на временной шкале. Они могли бы привести к заполнению и выявлению новых лакун, к изменению картины передвижений строительных артелей и взаимодействий архитектурных школ и, в целом, к корректировке нашего представления о развитии древнерусской архитектуры.

Обуславливая публикацию таблицы достижением определенного уровня знаний, Павел Александрович, безусловно, предполагал, что и после опубликования ее надо будет время от времени корректировать по мере накопления новых данных. Возьму на себя смелость предположить, что именно такой инструмент исследования, не зависящий от своего автора, он и стремился создать.

Таблица в том виде, в каком ее оставил Павел Александрович, была впервые опубликована в 1993 г. в книге «Древнерусская архитектура» (Стройиздат, СПб). В этом издании была сделана попытка прокомментировать и обосновать авторские датировки. Однако за двадцать прошедших лет накопилось такое количество новых данных о ранее известных и о вновь открытых памятниках, что вносить их в таблицу в настоящем издании в виде комментариев, обоснований и поправок не представляется возможным. Видимо, пришло время переработки таблицы, но уже вне рамок данного издания.

Таблица публикуется здесь в новой графике и вместе с подлинником. Она заново выверена и полностью ему соответствует в той мере, в какой подлинник, выполненный цветными фломастерами и шариковой ручкой на миллиметровой бумаге, это позволяет.

Памятники сведены в хронологическую систему, графически изображенную в виде горизонтальных шкал вверху и внизу схемы. Цена одного малого деления шкалы — 1 год, большого деления — 10 лет. Нумерация памятников на схеме и в списке памятников соответствует нумерации, принятой в каталоге «Русская архитектура X–XIII вв.», опубликованном П.А. Раппопортом в 1982 г. (Л.: Наука).

Уже после выхода в свет каталога был открыт ряд новых, не известных до того памятников. П.А. Раппопорт включил их в схему, применив добавочную буквенную индексацию к уже использованным в своде номерам. В список памятников, публикуемый в настоящем издании, они так и включены под номерами с буквенной индексацией, однако в дальнейшем при переработке таблицы с учетом вновь открытых памятников, более целесообразным будет, видимо, продолжение нумерации.

Начало строительной традиции в каждом из строительных центров обозначается цветным кружком, а памятник — цветным же прямоугольником. Длина каждого прямоугольника соответствует времени возведения памятника. Ряд таких прямоугольников показывает развитие одной строительной традиции. Если в одном и том же центре существовала не одна, а две строительные артели, они показываются параллельными рядами. Если какая-либо строительная традиция прекращалась в одном центре, но получала (в связи с переходом артели мастеров) свое продолжение и развитие в другом, то это отражено в схеме, во-первых, прекращением ряда памятников, во-вторых — вертикальной стрелкой, указывающей перемещение этой традиции в другой центр.

В некоторых из рядов важно заметить, что они прерываются, и их линия развития не перемещается в другой центр. Если при этом она не возобновляется в прежнем ряду, то это значит, что строительство в данном центре прекратилось. Если же линия строительной традиции продолжается в том же ряду после перерыва в несколько лет, это указывает на то, что не заполненные в ряду места принадлежат памятникам, которые нам еще неизвестны и со временем могут быть открыты. Именно так были предсказаны П.А. Раппопортом церковь в Юрьеве (современная Белая Церковь, №43а), церковь на Северянской улице в Чернигове (№63а) и церковь на Садовой улице во Владимире Волынском (№183а), открытые еще при его жизни, но уже после того, как вышел в свет составленный им каталог. Другие предсказанные им и открытые уже после его смерти памятники перечислены во ввводной статье.

Особо следует оговорить вопрос о датах, под которыми памятники размещены на схеме. Точные летописные сведения о времени закладки и завершения строительства храмов и других монументальных построек имеются далеко не для всех известных к настоящему времени памятников древнерусского зодчества X—XIII вв. Открытая и разработанная П.А. Раппопортом методика датировки зданий по формату кирпича-плинфы позволила определить довольно точные (в пределах 10—15 лет) даты построек, ранее имевших очень широкие (в лучшем случае в пределах полувека) датировки.

Введение памятников в широкий контекст развития строительной деятельности в том или ином городе или княжестве, культурной и политической обстановки в нем, комплексный анализ строительно-технических и архитектурно-художественных особенностей памятников, данные письменных источников (там, где они существуют) позволили П.А. Раппопорту еще более точно (с точностью до 1 года) определить их датировки. Под этими датами они и нанесены на схему. Определяя длину прямоугольника, обозначающего памятник, там, где даты начала и окончания строительства здания не оговариваются в письменных источниках или же в них приводится только одна из них, П.А. Раппопорт исходил из того, что средняя продолжительность строительства в то время занимала два или три (для здания большого объема) строительных сезона (в Новгороде в конце XII — 1-й половине XIII в. — один сезон). Некоторая условность датировок все же остается, несмотря на то, что во многом они корректируются летописными датами других стоящих в том же ряду построек, датировками по формату кирпича, а также общими хронологическими рамками строительной деятельности в том или ином центре. Поэтому во многих случаях их следует воспринимать как сугубо авторские датировки П.А. Раппопорта, которые при дальнейших исследованиях могут быть скорректированы.

О.М. Иоаннисян, А.П. Раппопорт

№	Строительный центр	Город	Сооружение
1	Киев	Киев	Церковь Богородицы (Десятинная)
2	«	«	Здание на территории древнего городища (т. н. дворец княгини Ольги)
3	«	«	Здание к северо-востоку от Десятинной церкви (дворец)
4	«	«	Здание к юго-западу от Десятинной церкви (дворец)
5	«	«	Здание к юго-востоку от Десятинной церкви (дворец)
6	«	«	Ротонда
7	«	«	Церковь Василия (Трехсвятительская)
8	«	«	Церковь Федоровского монастыря
9	«	«	Ворота города Владимира (Софийские)
10	«	«	Софийский собор
11	«	«	Стена митрополичьего двора
12	«	«	Постройка на территории Софийского заповедника (баня)
13	«	«	Церковь на территории митрополичьей усадьбы (церковь Ирины?)
14	«	«	Церковь Георгия
15	«	«	Церковь на Владимирской ул.
16	«	«	Здание на Ирининской ул.
17	«	«	Золотые ворота
18	«	«	Церковь Архангела Михаила
19	«	«	Собор Дмитриевского монастыря
20	«	«	Церковь на Вознесенском спуске
21	«	«	Церковь в Нестеровском пер.
22	«	«	Церковь в усадьбе Художественного института
23	«	«	Церковь в Кияновском пер.
24	«	«	Здание на Киселевке
25	«	«	Церковь Успения на Подоле (Пирогоща)

26	«	«	Здание на Волошской ул.
26а	«	«	Здание на углу улиц Нижний Вал и Волошской
27	«	«	Здание на Борисоглебской ул. (Турова божница)
28	«	«	Церковь на Щекавице
29	«	«	Церковь Николая Иорданского
30	«	«	Кирилловская церковь
31	«	«	Церковь Богородицы в Кловском монастыре
32	«	«	Церковь Спаса на Берестове
33	«	«	Успенский собор Печерского монастыря
34	«	«	Надвратная Троицкая церковь Печерского монастыря
35	«	«	Церковь Михаила в Выдубицком монастыре
36	«	«	Церковь Гнилецкого монастыря
37	«	Вышгород	Церковь Бориса и Глеба
38	«	Белгород (соврем. с. Белгородка Киевской обл.)	Церковь Апостолов
39	«	«	Малый храм
40	«	Овруч	Церковь Василия
41	«	Зарубинцы	Большой храм Зарубского монастыря
42	«	«	Малый храм Зарубского монастыря
43	«	Канев	Церковь Георгия
44	«	Юрьев (соврем. Белая церковь)	Храм
45	Переяслав	Переяслав (соврем. Переяславль-Хмельницкий)	Церковь Михаила
46	«	«	Епископские ворота
47	«	«	Церковь Андрея
48	«	«	Гражданская постройка (баня)
49	«	«	Церковь на Советской ул.

50	«	«	Бесстолпный храм под Успенской церковью
51	«	«	Церковь на пл. Воссоединения
52	«	«	Спасская церковь
53	«	Борисполь	Церковь Бориса и Глеба
54	«	Остерский городок (соврем. с. Старгородка)	Церковь Архангела Михаила
55	Чернигов	Чернигов	Спасский собор
56	«	«	Ворота
57	«	«	Гражданская постройка (терем)
58	«	«	Борисоглебский собор
59	«	«	Михайловская церковь
60	«	«	Благовещенская церковь
60a	«	«	Храм-усыпальница
61	«	«	Постройка близ Екатерининской церкви
62	«	«	Пятницкая церковь
63	«	«	Успенский собор Елецкого монастыря
63a	«	«	Церковь на Северянской ул.
64	«	«	Ильинская церковь
65	«	Путивль	Церковь в детинце
66	«	Новгород-Северский	Собор Спасского монастыря
67	«	Трубчевск	Церковь
68	«	Вщиж	Церковь
69	«	Старая Рязань	Успенский собор
70	«	«	Борисоглебский собор
71	Смоленск	Старая Рязань	Спасский собор
72	«	Новый Ольгов городок (соврем. д. Никитино близ Старой Рязани)	Церковь
73	?	Пронск	Неизвестная постройка

74	Владими́ро-Суздальская земля	Владимир	Успенский собор Обстройка галереями
75	«	«	Детинец и его ворота
76	«	«	Дмитриевский собор
77	«	«	Собор Рождественского монастыря
78	«	«	Успенский собор Княгинина монастыря
79	«	«	Церковь Георгия
80	Киев, Владими́ро-Суздальская земля	«	Церковь Спаса
81	Владими́ро-Суздальская земля	«	Золотые ворота
82	«	Боголюбово	Дворцовый ансамбль
83	«	«	Церковь Покрова на Нерли
84	Киев, Владими́ро-Суздальская земля	Суздаль	Собор Рождества Богородицы
85	Владими́ро-Суздальская земля	Кидекша	Церковь Бориса и Глеба
86	«	Муром	Собор Рождества Богородицы
87	«	Нижний Новгород	Церковь Спаса
88	«	«	Церковь Архангела Михаила
89	«	Ярославль	Успенский собор
90	«	«	Ансамбль Спасского собора и церкви Входа в Иерусалим
91	«	Ростов	Успенский собор
92	«	«	Церковь Бориса и Глеба
93	«	«	Церковь Константина и Елены
94	«	Переяславль-Залесский	Спасо-Преображенский собор
95	«	Юрьев-Польский	Георгиевский собор
96	«	Дмитров	Неизвестная постройка

97	Киев, Новгород	Новгород	Софийский собор
98	Новгород	«	Церковь Бориса и Глеба в детинце
99	«	«	Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне
100	«	«	Церковь Рождества Богородицы в Антониевом монастыре
101	«	«	Церковь Федора Стратилата на Ручью
102	«	«	Церковь Иоанна на Опоках
103	«	«	Пятницкая церковь
104	«	«	Церковь Успения на Торгу
105	«	«	Никольский собор на Ярославовом дворище
106	«	«	Церковь Ильи на Славне
107	«	«	Церковь Воскресения
108	«	«	Церковь Варвары
109	«	«	Церковь Петра и Павла а Синичьей горе
110	«	«	Церковь Успения в Аркажском монастыре
111	«	«	Церковь Благовещения на Мячине
112	«	«	Церковь Пантелеймона
113	«	«	Георгиевский собор Юрьева монастыря
114	«	«	Церковь Благовещения на Городище
115	«	«	Церковь Спаса на Нередице
116	«	«	Церковь Кирилла
117	«	«	Церковь Рождества Богородицы на Пeryни
118	«	«	Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря
119	«	Старая Русса	Церковь Спаса
120	«	Ладога (соврем. с. Старая Ладога)	Успенская церковь
121	«	«	Спасская церковь
122	«	«	Церковь на реке Ладожке
123	«	«	Крепость

124	«	«	Церковь Георгия
125	«	«	Церковь Климента
126	«	«	Собор Никольского монастыря
127	«	Псков	Троицкий собор
128	«	«	Церковь Дмитрия Солунского
129	«	«	Собор Ивановского монастыря
130	«	«	Спасский собор Мирожского монастыря
131	«	Изборск	Крепость (соврем. Старый Изборск)
132	Смоленск	Смоленск	Собор Троицкого монастыря на Кловке
133	«	«	Борисоглебский собор Смядынского монастыря
134	«	«	Церковь Василия на Смядыни
135	«	«	Постройка в районе Смядынского монастыря
136	«	«	Спасский монастырь у деревни Чернушки
137	«	«	Церковь Архангела Михаила
138	«	«	Церковь на Большой Краснофлотской ул.
139	«	«	Церковь у устья реки Чуриловки
140	«	«	Церковь Петра и Павла
141	«	«	Церковь Иоанна Богослова
142	«	«	Немецкая божница (ротонда)
143	«	«	Храм близ церкви Иоанна Богослова
144	«	«	Постройка к северо-востоку от церкви Иоанна Богослова
145	«	«	Здание на набережной Днепра
146	«	«	Пятницкая церковь
147	«	«	Церковь на Воскресенской горе
148	«	«	Руины на ул. Войкова
149	«	«	Успенский собор
150	«	«	Бесстолпная церковь в детинце
151	«	«	Терем

152	«	«	Руины близ Духовской церкви
153	«	«	Церковь в Перекопном пер.
154	«	«	Церковь на Малой Рачевке
155	«	«	Собор на Протоке
156	«	Дорогобуж	Руины неизвестной постройки
158	«	Вязьма	Руины неизвестной постройки
159	«	Рославль	Благовещенская церковь
160	«	Мстиславль	Руины неизвестной постройки
161	Киев	Полоцк	Софийский собор
162	Полоцк	«	Церковь в детинце
163	«	«	Терем
164	«	«	Церковь на Нижнем замке
165	«	«	Церковь на рву
166	«	«	Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре
167	«	«	Спасская церковь Евфросиньева монастыря
168	«	«	Большой собор Бельчицкого монастыря
169	«	«	Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря
170	«	«	Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря
171	«	«	Храм с боковыми апсидами в Бельчицком монастыре
172	Витебск	Витебск	Церковь Благовещения
173	Минск	Минск	Церковь
174	Витебск	Новогрудок	Церковь Бориса и Глеба
175	Гродно	Гродно	Нижняя церковь
176	«	«	Терем
177	«	«	Постройка на мысу детинца
178	«	«	Пречистенская церковь
179	«	«	Борисоглебская церковь на Коложе

180	«	Волковыск	Церковь
181	Туров	Туров	Церковь
182	Вольнь	Дорогобуж	Успенская церковь
182а	«	Луцк	Башня (под Стыровой башней Луцкого замка)
182б	«	«	Церковь
183	«	Владимир-Волынский	Успенский собор (Мстиславов храм)
183а	«	«	Церковь на Садовой ул.
184	«	«	Храм близ Васильевской церкви (церковь Дмитрия)
185	«	«	«Старая кафедра» (собор Федоровского монастыря)
186	Галич	Холм (соврем. Хелм, Польша)	Ансамбль детинца
187	«	Галич (соврем. с. Крылос)	Успенский собор
188	«	«	Ильинская церковь
189	«	Галич	Постройка в урочище «Воскресенское»
190	«	«	Благовещенская церковь
191	«	Галич (соврем. с. Залуква)	Церковь в урочище «Цментаржиска» («Кладбище»)
192	«	Галич (соврем. с. Шевченково)	Церковь Пантелеймона
193	«	«	Церковь Спаса
194	«	Галич (между с. Залуква и с. Шевченково)	Ротонда-квадрифолий (т. н. Полигон)
195	«	«	Церковь «над Борщовом» (Кирилловская)
196	«	с.Побережье (Галицкий р-н Ивано-Франковской обл.)	Ротонда-квадрифолий
197	«	Василёв (соврем. с. Василёв Заставнянского р-на Черновицкой обл.)	Каменный храм

198	«	Звенигород (ныне с. Звенигород Пустомыстовского р-на Львовской обл.)	Церковь
199	«	Звенигород	Дворец (?)
200	«	Львов	Детинец
201	«	Перемышль (ныне г. Пшемысл, Польша)	Церковь Иоанна
202	?	«	Дворец (?)
203	?	Киев	Терем (возможно отождествление с №2)
204	Киев	«	Церковь Андреевского Янчина монастыря
205	«	«	Трапезная Печерского монастыря
206	«	«	Церковь Иоанна в Копыревом конце
207	«	«	Турова божница (см. т.ж. №27)
208	?	«	Новгородская божница
209	?	«	Монастырь Симеона
210	Киев, Смоленск	Киев	Церковь Василия (то же, что и №20)
211	?	Киев	Церковь Воздвижения
212	?	Лучин	Церковь Михаила
213	?	Переяслав	Церковь Богородицы (возможно, то же что и №50)
214	?	Переяслав	Монастырь Иоанна
215	?	Путивль	Церковь Вознесения
216	?	Новгород-Северский	Николаевская церковь
217	Владимир	Владимир	Серебряные ворота
218	«	«	Церковь Воздвижения креста на Торгу
219	?	Владимир (?)	Церковь Благовещения
220	?	Новгород	Церковь Иоакима и Анны
221	Новгород	«	Трапезная в Антониевом монастыре
222	«	«	Церковь Николы на Яковлевой ул.
223	«	«	Церковь Саввы

224	«	«	Надвратная церковь в Юрьевом монастыре
225	«	«	Церковь Якова на Яковлевой ул.
226	«	«	Надвратная церковь Благовещенского монастыря
227	«	«	Церковь Ипатия на Рогатице
228	«	«	Церковь Вознесения на Прусской ул.
229	?	«	Немецкая церковь
230	Новгород	«	Надвратная церковь в детинце
231	«	«	Церковь 40 мучеников
232	«	«	Церковь Рождества Богородицы
233	«	«	Надвратная церковь в Аркажском монастыре
234	«	«	Церковь Антония
235	Смоленск	«	Церковь Михаила на Прусской ул.
236	«	«	Церковь Павла
237	«	«	Надвратная церковь Федора
238	?	Полоцк	Церковь Рождества Богородицы
239	Волынь (?)	Владимир-Волынский	Церковь
240	?	Мельник	Церковь Богородицы
241	?	Дрогичин	Церковь Богородицы
242	Волынь (?)	Владимир-Волынский	Церковь Дмитрия
243	?	Владимир-Волынский (?)	Церковь Николая
244	?	Угровск	Церковь
245	?	Грубешов (ныне Грубешув, Польша)	Церковь Николая
246	Галич	Галич	Дворцовая церковь Спаса (возможно, то же что и №193)
247	«	«	Церковь Иоанна
248	?	Тмутаракань (ныне Таманское городище в Краснодарском крае)	Церковь Богородицы

Список работ П.А. Раппопорта

1. В Секторе теории и истории архитектуры ЛОССА // Архитектура и строительство. — Ленинград. 1947. Октябрь. — С. 44–46: ил.
2. Годуновская церковь в Борисове городке // КСИИМК. — 1947. Вып. 18. — С. 66–69: ил.
3. Борисов городок // Вокруг света. — 1948. № 6. — С. 64.
4. Очерк хронологии русского шатрового зодчества // КСИИМК. — 1949. Вып. 30. — С. 82–92: ил.
5. Русское шатровое зодчество конца XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук // КСИИМК. — 1949. Вып. 25. — С. 139–142.
6. Русское шатровое зодчество конца XVI в. // МИА — 1949. № 12. — С. 238–301: ил.
7. «Борисов городок» — неизвестный замок Бориса Годунова: Автореф. докл. // Изв. ВГО. 1950. Т. 82. № 1. — С. 96.
8. Оборонительные сооружения на городище в селе Старые Безрадичи // КСИИМК. — 1951. Вып. 11. — С. 114–118: ил.
9. Вольнские башни // МИА — 1952. № 31. — С. 202–223: ил.
10. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья // КСИИМК. — 1952. Вып. 48. — С. 107–115: ил.
11. Из истории военно-инженерного искусства Древней Руси: (Старая Ладога, Порхов, Изборск, Остров) // МИА — 1952. № 31. — С. 133–201: ил.
12. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г. // Археология. — 1952. № 7. — С. 142–149: ил. / На укр. яз. Рез. рус.
13. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовых кладки // КСИИМК. — 1953. Вып. 52. — С. 17–24: ил.
14. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. // КСИИМК. — 1951. Вып. 51. — С. 180–186: ил.
15. Гродненская крепость в XIII–XIV вв. // Воронин Н.Н. Древнее Гродно. — М., 1954. — Гл. 7, § 5. — С. 183–195: ил. (МИА; № 41). / Совместно с Н.Н. Ворониным.
16. К вопросу о системе обороны Киевской земли: По материалам разведочно-маршрутного отряда экспедиции «Большой Киев» // КСИИМК. — 1954. Вып. 3. — С. 21–26: карты.
17. Холм // СА — 1954. Т. XXX. — С. 313–323: ил.
18. Борисов городок: Материалы к истории строительства Бориса Годунова // МИА — 1955. № 44. — С. 59–76: ил.
19. Города Болоховской земли // КСИИМК. — 1955. Вып. 57. — С. 52–59: ил.
20. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества // КСИИМК. — 1955. Вып. 59. — С. 22–28. / Совместно с В.В. Косточкиным.
21. Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X–XIII вв. // КСИИМК. — 1955. Вып. 4. — С. 21, 22.
22. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 184 с.: ил. (МИА № 52).
23. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. — 1956. Вып. 62. — С. 118–128: ил.
24. Перспективы изучения древнерусского зодчества // КСИИМК. — 1956. Вып. 62. — С. 56–58.
25. Новые данные по истории древнерусского крепостного зодчества // Докл. XV науч. конф. ЛИСИ. — Л., 1957. — С. 203–205.
26. Укрепления раннемосковских городищ // КСИИМК. — 1958. Вып. 71. — С. 12–17: ил.
27. Хабаров городок // СА — 1958. № 3. — С. 225–228: ил.
28. Рец.: Той S. A History of fortification from 3000 B.C. to A.D. 1700. London, 1955 // СА — 1958. № 3. — С. 253.
29. Изучение крепостей, проведенное отрядом среднерусской археологической экспедиции 1956 г. // КСИИМК. — 1959. Вып. 74. — С. 87, 88: ил.

30. Крепостные сооружения Саркела // МИА — 1959. № 75. — С. 9–39: ил.
31. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси // СА — 1959. № 1. — С. 115–123: ил.
32. Оборонительные сооружения Галича Мерьского // КСИИМК. — 1959. Вып. 77. — С. 3–9: ил.
33. Группа славяно-русской археологии ЛОИИМК [в 1958 г.] // КСИА. — 1960. Вып. 81. — С. 130–132.
34. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества // С А. — 1960. № 2. — С. 56–62: ил.
35. Работы Среднерусской экспедиции в 1957 г.: Отряд по изучению крепостей // КСИИМК. — 1960. Вып. 79. — С. 91, 92.
36. Среднерусская экспедиция: Отряд по изучению крепостей // КСИА. — 1960. Вып. 81. — С. 90–92: ил.
37. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. — М.; Л: Изд-во АН СССР, 1961. — 242 с.: ил., карты. (МИА; № 105).
38. Памятка по обмерам архитектурных сооружений при археологических раскопках. — Л., 1961. — 12 с.
39. Новые данные об укреплениях Новгородского острога // Памятники культуры: Исследование и реставрация. — М., 1961. — Т. 3. — С. 68–76: ил. / Совместно с В.В. Косточкиным, С.Н. Орловым.
40. Оборонительные сооружения Торопца // КСИА. — 1961. Вып. 86. — С. 11–20: ил.
41. Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII вв. // СА — 1962. № 2. — С. 61–80: ил.
42. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1959 г. // КСИА — 1962. Вып. 87. — С. 123, 124.
43. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1960 г. // КСИА. — 1962. Вып. 87. — С. 125, 126; Вып. 90. — С. 10–11.
44. Мстибатов городок // КСИА — 1962. Вып. 87. — С. 105–107: ил.
45. Оборонительные сооружения Западной Волыни XIII–XIV вв. // Swiatowit. 1962. T. 24. — S. 619–627: il.
46. Археологические и архитектурные заметки: (Из работ отряда по изучению крепостей, 1959–1961 гг.) // КСИА — 1963. Вып. 96. — С. 32–36: ил.
47. Археологическое изучение древнерусского города // КСИА — 1963. Вып. 96. — С. 3–17. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
48. Группа славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР в 1961 г. // КСИА — 1963. Вып. 96. — С. 124–126.
49. Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза: (Итоги работ 1962 г.) // Acta archaeologica Carpathica. — 1963. T. 5. F. 1/2. — P. 61–76: il. Рез. пол., фр.
50. Раскопки в Волковыске в 1959 г. // СА — 1963. № 1. — С. 237–240: ил.
51. Рец.: Шноре Э.Д. Асотское городище. Рига, 1961 // СА. — 1963. № 4. — С. 282, 283. / Совместно с Ф.Д. Гуревич.
52. Военное зодчество Древней Руси: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Л.: ИА АН СССР, 1964. — 20 с.
53. Новые данные по исторической географии Волыни // КСИА — 1964. Вып. 99. — С. 54–58.
54. Древние русские крепости. — М.: Наука, 1965. — 87 с.: ил. Библиогр.: с. 86. (Сер. «Из истории мировой культуры»).
55. Закарпатские средневековые замки // Archaeológiai Értesítő. — T. 92. N1. — P. 61–65: il. Рез. рус.
56. Зодчий Бориса Годунова // Вопросы теории, истории и практики архитектуры и градостроительства. — Л., 1965. — С. 33, 34.
57. К вопросу о Плеснеске // СА — 1965. № 4. — С. 92–103: ил.
58. О терминологическом словаре древнерусского строительного дела // Acta Baltico-Slavica. — 1965. № 2. — P. 297–301.

59. Планировка западнорусских городищ X–XI вв. // Тез. докл. сов. делегации на I Междунар. конгр. слав. археологии. — М., 1965. — С. 52, 53.
60. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера // Ледовое побоище 1242 г. — М.; Л.: Наука, 1966. — С. 33–59: ил. / Совместно с Я.В. Станкевич, И.К. Годуновой.
61. Зодчий Бориса Годунова // Культура Древней Руси. — М.: Наука, 1966. — С. 215–221: ил.
62. Из истории Южной Руси XI–XII вв. // История СССР. — 1966. № 5. — С. 113–116.
63. Изучение древнерусских жилищ // АО — 1965. — М., 1966. — С. 169, 170.
64. О типологии городищ Галицкой Руси // Acta archaeologica Carpathica. 1966. — Т. 8, F. 1/2. — S. 213–217: il.
65. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества // Докл. и сообщ. археологов СССР на 7-м Междунар. конгр. доисториков и протоисториков. — М., 1966. — С. 225–234.
66. Рец.: Рабинович М.Г. О древней Москве. — М., 1964. // СА 1966. № 2. — С. 340, 341.
67. Рец. Петров В.П. Исторична топографія Києва (Історичні джерела та їх використання. Вип. 1. Київ, 1964) // СА — 1966. № 4. — С. 227–229. / Совместно с Г.Ф. Корзухиной.
68. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. — Л.: Наука, 1967. — 241 с.: ил. (МИА № 140).
69. Новые материалы о Борисове городке // Культура и искусство Древней Руси. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. — С. 131–137.
70. О типологии древнерусских поселений // КСИА— 1967. Вып. 110. — С. 3–9.
71. Смоленский детинец и его памятники // СА — 1967. № 3. — С. 287–302: ил. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
72. Die altrussischen Burgwälle // Ztschr. für Archäologie. — 1967. Bd 1. — S. 61–87: il.
73. Зодчий Бориса Годунова // Нева. 1968. № 6. — С. 144–147.
74. К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы // Славяне и Русь. — М.: Наука, 1968. — С. 459–462.
75. Некоторые вопросы методики изучения памятников древнерусского зодчества при археологических раскопках // Состояние и задачи изучения древнерусского искусства: Тез. докл. науч. конф. — М., 1968. — С. 23, 24.
76. Планировка западнорусских городищ X–XI вв. // I Miedzynar. kongr. archeol. slowian.: Komunikaty. — Warszawa, 1968. Т. 4. — S. 47–54.
77. Раскопки Ленковецкого поселения // АО — 1967 г. М., 1968. — С. 242. / Совместно с М.В. Малевской, Б.А. Тимощуком.
78. Город Рай // Acta Baltico-Slavica. 1969. № 6. — S. 175–179.
79. Про розвиток планової структури древньоруських жител лісостепової смуги // Слав'яноруські старожитності. — Київ: Наукова думка, 1969. — С. 104–107.
80. Раскопки в Данилове // АО — 1968 г. М., 1969. — С. 337. / Совместно с К.В. Павловой, М.И. Островским.
81. Раскопки в Смоленске в 1966 г. // СА — 1969. № 2. — С. 200–216: ил. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
82. Ю.П. Спегальский: [Некролог] // СА. — 1969. № 4. — С. 318. / Совместно с О.В. Овсянниковым.
83. Russian Medieval Military architecture // Gladius. — 1969. Т. 8. — S. 39–62: il.
84. Древнерусская архитектура. — М.: Наука, 1970. — 144 с./ ил. библиогр.: С. 137–141.
85. Городище Осовик // АО — 1969 г. М., 1970. — С. 72, 73. / Совместно с К.В. Павловой.
86. Некоторые вопросы истории русской архитектуры конца XII — первой половины XIII в. // Старинар. — 1970. Кн. 20. — С. 339–345: ил.
87. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в. // Тр. Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. — 1970. Вып. 3. — С. 3–25. (Сер. Архитектура).
88. Оборонительные сооружения Древней Руси // ВИ. — 1970. № 11. — С. 56–64.
89. Основные итоги изучения восточнославянских жилищ лесостепной зоны // Тез. докл. сов. делегации на II Междунар. конгр. слав. археологии в Берлине. — М., 1970. — С. 39–42.

90. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. // СА. — 1970. № 4. — С. 112–127: ил. / Совместно с М.В. Малевской, Б.А. Тимошуком.
91. Страна городов // Наука и жизнь. — 1970. № 6. — С. 61–64: ил. / Совместно А.Н. Кирпичниковым.
92. Рец.: Историко-этнографический атлас «Русские». — М., 1967 // СЭ. 1970. № 1. — С. 181–182.
93. Данилов // КСИА. — 1971. Вып. 125. — С. 82–86: ил.
94. Картографирование типов древнерусского жилища по археологическим данным // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тез. докл. семинара. — Л., 1971. — С. 17, 18.
95. Монументальная живопись древнего Смоленска: [Буклет]. — Л., 1971. — 8 с.: ил.
96. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества // Actes du 7-me Congr. Intern. des Sciences Prehist. et Protohist. — Prague, 1971. — Т. 2. — С. 1135–1137.
97. Раскопки в Смоленске в 1967 г. // СА. — 1971. № 2. — С. 179–195: ил. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
98. Раскопки на городище Старая Рязань // АО — 1970. — М., 1971. — С. 81–85: ил. / Совместно с В.П. Даркевичем, Т.А. Кравченко, А.Л. Монгайтом.
99. Церковь скандинавского типа в древнем Смоленске // Тез. докл. V Всесоюз. конф. по изуч. Сканд. стран и Финляндии. — М., 1971. Ч. 1. — С. 24–25.
100. Археологические исследования памятников архитектуры древнего Смоленска // Тез. докл. на сессии и пленумах, посвящ. итогам полевых исслед. в 1971 г. — М., 1972. — С. 53–55.
101. Вступительная статья // Спегальский Ю.П. Псков. 2-е изд. — Л.: Лениздат, 1972.
102. «Латинская церковь» в древнем Смоленске // Новое в археологии. — М., 1972. — С. 283–289: ил.
103. О местоположении смоленского города Заруба // КСИА — 1972. Вып. 129. — С. 21–23.
104. Раскопки в Трубчевске // АО — 1971. — М., 1972. — С. 105, 106. / Совместно с В.А. Падиным, Е.В. Шолоховой.
105. Церковь Василия в Овруче // СА. — 1972. № 1. — С. 82–97: ил. Рез. фр.
106. Die ostslawischen Wohnbauten des 6.–13. Jh. in der Waldsteppenzone // Ztschr. für Archäologie. 1972. — Bd 6, Hf. 2. — S. 228–239: il.
107. Городище Осовик // СА — 1973. № 1. — С. 200–216: ил. Рез. фр. / Совместно с К.В. Павловой.
108. О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества // КСИА. — 1973. Вып. 135. — С. 17–22.
109. Ориентация древнерусских церквей // Тез. докл. сес., посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. — Ташкент, 1973. — С. 264.
110. Развитие типов древнерусского жилища на территории Белоруссии // Этногенез белорусов: Тез. докл. науч. конф. — Минск, 1973. — С. 175–177.
111. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО — 1972. — М., 1973. — С. 84.
112. Трубчевск // СА. — 1973. № 4. — С. 205–217: ил. Рез. фр.
113. Картографирование типов древнерусских жилищ // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. — JL, 1974. — С. 221–227: карты.
114. Новые материалы о жилищах Старой Рязани // Археология Рязанской земли. — М., 1974. — С. 72–75: ил.
115. Ориентация древнерусских церквей // КСИА. — 1974. Вып. 139. — С. 43–48.
116. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО — 1973. — М., 1974. — С. 75, 76.
117. Церковь Нового Ольгова городка // Культура средневековой Руси. — Л.: Наука, 1974. — С. 163–169. / Совместно с А.Л. Монгайтом, М.Б. Чернышевым.
118. Древнерусское жилище // САИ. — 1975. Вып. Е1-32. — 179 с.: ил.
119. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1975. — С. 104–155: ил.

120. Метод датирования памятников древнерусского зодчества по формату их кирпича // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. — Киев, 1975. — С. 87, 88.
121. Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске // КСИА. — 1975. Вып. 144. — С. 75–80: ил. / Совместно с Е.В. Шолоховой.
122. Русская архитектура рубежа XII–XIII вв. // Тез. докл. сов. делегации на III Междунар. конгр. слав. археологии. — М., 1975. — С. 77–79.
123. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция // АО — 1974. — М., 1975. — С. 74. / Совместно с Г.А. Усовой, Е.В. Шолоховой.
124. Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске // СА. — 1975. № 4. — С. 235–248: ил. Рез. фр.
125. Архитектурные достопримечательности Смоленска. — М.: Моск. рабочий, 1976. — 96 с.: ил. / Совместно с А.Т. Смирновой.
126. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА. — 1976. № 2. — С. 83–93: ил. Рез. фр.
127. Раскопки в Рославле // АО — 1975. — М., 1976. — С. 83, 84. / Совместно с Е.В. Шолоховой.
128. Раскопки церкви на Большой Краснофлотской улице в Смоленске // Средневековая Русь. — М.: Наука, 1976. — С. 216–221: ил.
129. Раскопки церкви «Старая кафедра» во Владимире-Волыньском // АО — 1975. — М., 1976. — С. 384, 385.
130. Знаки на плинфе // КСИА. — 1977. Вып. 150. — С. 28–33: ил.
131. Мстиславов храм во Владимире-Волыньском // Зограф. — 1977. № 7. — С. 17–22: ил. Рез. фр.
132. Основы периодизации истории средневекового русского зодчества // 3-я респ. науч. конф. по проблемам культуры и искусства Армении: Тез. докл. — Ереван, 1977. — С. 152–154.
133. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке // АО — 1976. — М., 1977. — С. 400, 401. / Совместно с В.А. Булкиным, Г.М. Штендером.
134. Русская архитектура на рубеже XII–XIII веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. — М.: Наука, 1977. — С. 12–29: ил.
135. Архитектура (X–XVII вв.) // История русского искусства. — М., 1978. — Т. 1. — С. 7–14, 21–34, 43–49, 63–67, 83–98: ил. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
136. Вступительная статья // Спегальский Ю.П. Псков. 2-е изд., доп. — Л.: Искусство, 1978. — С. 5–14.
137. Декоративные керамические плитки древнего Галича // Slovenskà archeológia. — 1978. R. 26. s. 1. — S. 87–98: ил. Рез. нем.
138. Зодчие и строители древнего Смоленска // Древняя Русь и славяне. — М.: Наука, 1978. — С. 402–407.
139. Изучение древнесмоленских строительных растворов // КСИА. — 1978. Вып. 155. — С. 44–56 / Совместно с Е.Ю. Медниковой, Н.Б. Селивановой.
140. Письмо в редакцию (по поводу информации о докладе П.Н. Аркатова) // КСИА. — 1978. Вып. 155. — С. 104, 105.
141. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке // АО — 1977. — М., 1978. — С. 410, 411. / Совместно с В.А. Булкиным, Е.В. Шолоховой.
142. Собор Духова монастыря в Смоленске — памятник зодчества XVI века // Проблемы советской археологии. — М.: Наука, 1978. — С. 230–235: ил.
143. Рец.: Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева А.С. Кронштадт: Архит. очерк. Л., 1977 // Строительство и архитектура Ленинграда. — 1978. № 5. — С. 45.
144. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. — Л.: Наука, 1979. — 414 с.: ил. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
145. Архитектура городов Древней Руси рубежа XII–XIII вв. // Советская археология в 10-й пятилетке: Тез. докл. Всесоюз. конф. — Л., 1979. — С. 44–47.
146. Архитектурные раскопки в Новгороде // АО — 1978. — М., 1979. — С. 32, 33. / Совместно с А.А. Песковой.

147. Древний Смоленск // СА — 1979. № 1. — С. 73–88: ил. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
148. Искусство X — начала XII века. Архитектура // История русского искусства. — М.: Изобр. искусство, 1979. — Т. 1. — С. 7–14. / Совместно с Н.Н. Ворониным.
149. Русская архитектура рубежа XII–XIII веков // Rapp. du 3e CIAS. — Bratislava, 1979. — Т. 1. — С. 643–646.
150. Церковь Михаила в Переяславле // Зограф. — 1979. № 10. — С. 30–39. / Совместно с М.В. Малевской.
151. Рец.: Джандиери М.И., Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. — М., 1976. // Изв. АН ГССР. Сер. ист., археол., этногр. и ист. искусства. — 1979. № 4. — С. 201,202.
152. Полоцкое зодчество XII века // СА. — 1980. № 3. — С. 142–161: ил.
153. Раскопки церквей в Новгороде и Старой Ладогe // АО — 1979. — М., 1980. — С. 28, 29.
154. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // ПКНО — 1979. — М., 1980. — С. 459–468: ил. / Совместно с Г.М. Штендером.
155. Дворец в Полоцке // КСИА. — 1981. Вып. 164. — С. 91–99: ил. / Совместно с Е.В. Шолоховой.
156. Роль памятников архитектуры в изучении истории древнерусских городов // Gesellschaft und Kultur Russlands im Frühen Mittelalter. — Halle, 1981. — S. 196–201.
157. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников // САИ. — 1982. Вып. E1-47. — 136 с.: ил.
158. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. — 1982. Вып. 1(11). — С. 189–202: ил.
159. Архитектура Древней Руси и археология // КСИА — 1982. Вып. 172. — С. 3–9: ил.
160. Из истории строительного производства в Древней Руси // Зограф. — 1982. № 13. — С. 49–52: ил.
161. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА — 1982. № 3. — С. 35–46: ил. Рез. англ. / Совместно с А.А. Песковой, Г.М. Штендером.
162. Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. — 1982. Вып. 172. — С. 79–82: ил.
163. Древнерусские строительные растворы // СА — 1983. — С. 152–161. Рез. англ. / Совместно с Е.Ю. Медниковой, Н.Б. Селивановой.
164. Зодчество XII в. на территории Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. — Минск: Наука и техника, 1983. — С. 116–118: ил.
165. Обмер архитектурных сооружений при археологических раскопках: Инструкция // Методика полевых археологических исследований. — М., 1983. — С. 72–77: ил.
166. Еще раз о галереях церкви Покрова на Нерли // Архитектура СССР. — 1984. № 1. — С. 106.
167. Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА — 1984. Вып. 179. — С. 59–63.
168. О некоторых нерешенных вопросах истории древнего киевского зодчества // Древнерусский город. — Киев: Наукова думка, 1984. — С. 105,106.
169. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Визант. временник. — 1984. Вып. 45. — С. 185–191.
170. Рец.: Булкин В.Л., Овсянников О.В. Ученый, зодчий, каменщик. — Л., 1983 // Лен. панорама. 1984. № 12. — С. 30.
171. Жилище: Архитектура // Древняя Русь: Город, замок, село. — М.: Наука, 1985. — С. 136–169: ил. (Сер. «Археология СССР»). / Совместно с В.А. Колчиным, А.В. Кузой.
172. Золотые ворота в Киеве // Архитектура СССР. — 1985. № 3. — С. 105–107: ил. / Совместно с В.В. Косточкиным, А.Н. Кирпичниковым, А.А. Тиц.
173. О датировке памятников киево-черниговского зодчества XII–XIII вв. // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.»: Тез. докл. — Чернигов, 1985. — С. 11–14.
174. О некоторых теоретических вопросах истории архитектуры // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. — 1985. Вып. 19. — С. 3–15.
175. Памяти Анатолия Леопольдовича Якобсона // СА — 1985. № 3. — С. 317, 318.

176. Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // Новое в археологии Северо-Запада СССР. — Л.: Наука, 1985. — С. 111–116: ил. / Совместно с Л.Н. Большаковым.
177. Строительное производство Древней Руси // Тез. докл. сов. делегации на 5-м Междунар. конгр. слав. археологии. — М., 1985. — С. 163,164.
178. Строительные артели Древней Руси и их заказчики // СА — 1985. № 4. — С. 80–89.
179. Зодчество Древней Руси. — Л.: Наука, 1986. — 160 с.: ил., карты. Библиогр.: С. 157–159. (Сер. «Из истории мировой культуры»).
180. Неизвестный памятник Волынского зодчества XII в. // ПКНО — 1986. — М., 1987. — С. 541–546: ил. / Совместно с А.А. Песковой.
181. Петр Милонег — гродненский архитектор XII в. // Памятники истории и культуры Белоруссии. — 1987. № 4. — С. 21, 22. На белорус, яз. Рез. рус., англ.
182. Строительное производство Древней Руси // Тр. 5-го Междунар. конгр. слав. археологии. — М., 1987. — Т. 3. Вып. 26. — С. 76–84.
183. Строительное производство Древней Руси // *Russia mediaevalis*. München, 1987. Т. 6(1). — 90–134.
184. Церковь Благовещения в Витебске // ПКНО — 1985. — М., 1987. — С. 522–528: ил.
185. Памятники древнерусской архитектуры в Чернигово-Северской земле // Зограф. — 1987. № 18. — С. 5–11. / Совместно с В.П. Коваленко.
186. К вопросу о строительстве Софийского собора // Строительство и архитектура. — 1988. № 3. — С. 25, 26.
187. Киевское зодчество рубежа XII–XIII вв. // Литература и искусство в системе культуры. — М.: Наука, 1988. — С. 272–281: ил.
188. Основные проблемы и итоги изучения зодчества Древней Руси // Древнерусское искусство: Художественная культура X – первой половины XIII вв. — М.: Наука, 1988. — С. 7–12: ил.
189. Новые данные об архитектуре древнего Гродно // Древнерусское искусство. — М.: Наука, 1988. — С. 64–72: ил.
190. О методике изучения древнерусского зодчества // СА. — 1988. № 3. — С. 118–129. Рез. англ. Библиогр.: С. 128, 129.
191. Памятники древнерусского зодчества в Гродненском детинце // ПКНО — 1987 — М., 1988. — С. 461–467. / Совместно с Л.Н. Большаковым, О.А. Трусовым, МА Ткачевым.
192. Плинфотворители Древней Руси // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» Тез. докл. — Чернигов, 1988. — С. 13–15.
193. О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Сборник радова: Студеница и византийска уметност око 1200 године: (Научни скупови Српске академие наука и уметности. Књ. X. Оделенье ист. наука. Књ. II). — Београд, 1988. — С. 287–294. / Совместно с О.М. Иоаннисяном.
194. О времени появления брускового кирпича на Руси // СА. — 1989. № 4. — С. 207–211.
195. Кирпич Древней Руси // Памятники науки и техники (1987–1988). — М., 1989. — С. 133–164.
196. Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры // Византия и Русь. — М., 1989. — С. 139–145.
197. Новые данные о памятниках древнего зодчества Чернигова и Новгорода-Северского // КСИА — 1989. Вып. 195. — С. 51–57. / Совместно с Л.Н. Большаковым и В.П. Коваленко.
198. Неизвестный памятник зодчества на Руси // Визант. временник. — 1991. Вып. 51. — С. 201–204. / Совместно с В.П. Коваленко.
199. Строительные растворы древнего Новгорода // СА — 1991. № 4. — С. 102–107. / Совместно с Е.Ю. Медниковой.
200. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце // Южная Русь и Византия: Сб. науч. тр. XVIII конгр. византинистов. — Киев, 1991. — С. 142–157. / Совместно с В.П. Коваленко.

201. Зодчие Древней Руси // *La cultura spirituale russa. Università di Trento, Dipartimento di Storia della Civiltà Europea, Testi y reherché*, n. 11. — Trento, 1992. — С. 233–245. (Русская духовная культура. Университет Тренто. Департамент истории европейской цивилизации. Тексты и исследования. №11. — Тренто, 1992. — С.233–245).
202. Этапы развития древнерусской архитектуры Чернигово-Северской земли // *Russia Mediaevalis T.VII*, 1. — München, 1992. — С. 39–59. / Совместно с В.П.Коваленко.
203. Древнерусская архитектура. — СПб.: Стройиздат, 1993. — 286 с.: ил.
204. Храм-усыпальница в Чернигове // *Древнерусское искусство: Проблемы, атрибуции.* — М. — С. 36–53.
205. О датах закладки и сроках строительства древнерусских храмов // *Палестинский сборник.* — СПб., 1993. Вып. 32 (95). — С. 37–42.
206. Города Смоленской, Полоцкой и Гродненской земель // *Древнерусское градостроительство X–XV вв.* — М.: Стройиздат, 1994. — С. 136–141.
207. Города Рязанской земли // *Древнерусское градостроительство X–XV вв.* — М.: Стройиздат. — С. 122, 123.
208. Строительное производство Древней Руси. — СПб.: Наука, 1994. — 159 с.: ил. Рез. англ.
209. Деятельность архитектурно-археологической экспедиции // *Гос. Эрмитаж. Архитектурные тетради.* Вып.1 — СПб., 1994. — С.272– 290. / Совместно с О.М. Иоаннисяном.
210. О деятельности византийских зодчих на Руси // *Памятники средневековой культуры. Открытия. Версии — Псков. Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого.* — СПб.: ART-CONTACT, 1994. — С. 197–205.
211. *Building the Churches of Kievan Russia.* — Great Britain, Variorum, 1995. — 230 p.
212. Раздел «Архитектура» // сборник «Художественно – эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века» (Кн. I. XI–XVII вв.) /Под ред. В.В. Бычкова. — М.: Научно-изд. Центр «Ладомир», 1996. —С. 140–194.
213. Княжеские знаки в памятниках Древнерусского зодчества (материалы к статье; подготовлены к печати С.В. Белецким и О.М. Иоаннисяном) // *Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Гос. Эрмитаж. 1999.* — С. 5–8, ил.

Неопубликованные рукописи П.А. Раппопорта

1. Обзор средневековой эстонской архитектуры (3 авт.л.) +130 ил. (1945 г. — первая научная работа; к изданию не предназначалась).
2. Исчезнувшие города (из записок археолога) 66 стр. (3 авт.л.).
3. Архитектура Смоленска (совм. с А.Т.Смирновой): 133 стр. (6,5 авт.л. + 32 ил.) (планировалась для «белой» серии городов изд-ва «Искусство»).
4. Архитектура XI –XVI в.в (ПАР) — 110 стр (5 авт.л.). + 20 ил.
5. Архитектура XVII–XIX в.в (АТС) — 33 стр. (1,5 авт.л.). + 12 ил.
6. Русская архитектура X–XVII в.в. (Russian Architecture of X–XVII cc.) 220 стр. (10 авт.л.) + 280 ил. (планировалась для изд-ва «Аврора» в русском и английском вариантах).

Материалы П.А. Раппопорта в рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН*¹

Personalia

Личное дело П.А. Раппопорта (РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 438).

Кандидатская диссертация П.А. Раппопорта «Русское шатровое зодчество XVI в.». Текст, альбом (РА. Ф. 35. Оп. 2. Д. 25-27).

Дело по защите кандидатской диссертации П.А. Раппопорта (1939–1947) (РА. Ф. 35. Оп. 3. Д. 74).

Материалы полевых исследований

1939

План и обмеры здания **Эски-Сарая** (по дороге из Симферополя в Алушту) монетного двора, михрабы (РА. Ф. Р-1. Д. 1308. Лл. 1-5).

1941

Обследование памятников в **Московской и Ярославской обл.** Отчет о поездке (РА. Ф. 35. 1941 г. Д. 4).

1949

Материалы работ в составе Киевской экспедиции (нач. М.К. Каргер):

Раскопки **храма на «Церковщине» возле с. Зарубинцы и храма Михаила в Переяславле-Хмельницком.** Полевые дневники, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1949 г. Д. 110–112, 116–117).

Раскопки **Михайловского Златоверхого монастыря** и у **Десятинной церкви в Киеве** Полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1949 г. Д. 113, 118).

1950

Обследование городищ в Киевской обл.: **Безрадичи, Будаевка, Вигуровщина, Витачев, Плисецкое, Почтовая вета, Старые, Девичь-гора.** Отчет о командировке, планы городищ (РА. Ф. 35. 1950 г. Д. 144, 145).

1951

Материалы работ разведочно-маршрутного отряда экспедиции «Большой Киев»: обследование городищ в Киевской и Житомирской обл. у **с. Тростянец, Грубское, Яроповичи, Заречье, Белгородка, у г. Переяславля-Хмельницкого** (краткий отчет, полевой дневник, опись находок, планы городищ (РА. Ф. 35. 1951 г. Д. 124–127).

1952

Раскопки в **с. Вышгород** Киевской обл. и городища у **с. Маковцы** Лубенского района Полтавской обл. Краткий отчет, полевой дневник, опись находок (РА. Ф. 35. 1950 г. Д. 45–47).

Раскопки **Михайловского монастыря в Переяславле-Хмельницком.** Отчет, полевой дневник (РА. Ф. 35. 1952 г. Д. 97–98).

* Составитель Д.Д. Ёлшин.

1953

Материалы работ разведочно-маршрутного отряда экспедиции «Большой Киев»: Дневник обследований памятников за 1950–1953 гг., опись находок из раскопок городищ у **с. Кудинка**, **Вел. Деревичи**, **с. Рубин**, переданные в ИА АН УССР (РА. Ф. 35. 1953 г. Д. 72–73).

Раскопки валов **Окольного города** и **детинца г. Переяславля-Хмельницкого** и исследования городищ **с. Мацковцы** Лубенского района Полтавской обл., **с. Кудинка** Летичевского района, **с. Губина** Остропольского района Каменец-Подольской обл., **с. Великие Деревичи** Житомирской обл., **с. Вышгород** и **с. Городище** Киевской обл. Отчет, планы городищ и валов (РА. Ф. 35. 1953 г. Д. 120, 125).

Раскопки на территории **Михайловского монастыря**, **Спасской** и **Воскресенской церквей в Переяславле-Хмельницком**. Полевые дневники, полевые чертежи, опись находок (РА. Ф. 35. 1953 г. Д. 121–124, 126–128).

Обследование **Ивановского вала в г. Владимире**. Отчет, опись находок, фотографии раскопок, план раскопа (РА. Ф. 35. 1953 г. Д. 65).

1955

Материалы работ в составе Галицко-Волинской экспедиции (нач. М.К. Каргер):

Раскопки в **с. Крылос** Галицкого района и в **урочище Михайловище во Владимире-Волинском**. Полевые дневники (РА. Ф. 35. 1955 г. Д. 47, 50).

Материалы работ Отряда по изучению древнерусских крепостей Среднерусской экспедиции (1954–1963)

1954

Исследование оборонительных сооружений Владимиро-Суздальской Руси (городища в **с. Боголюбово** и у **Сингиревского оврага**). Отчет, иллюстрации, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1954 г. Д. 111–112).

Обследование городищ в Московской обл.: **городок на р. Моче** (древний Перемышль) Подольского района, городища у **с. Хатунь** Михневского района, в **с. Городок** Загорского района, **с. Ильинского** Дмитровского района, **с. Вышегород** Верейского района, **с. Старая Руза** Рузского района, **с. Борщево** Бронницкого района. Отчет о разведке, иллюстрации, планы городищ, описи находок (РА. Ф. 35. 1954 г. Д. 113–115).

Косточкин В.В., Раппопорт П.А. Заключение по остаткам каменной проезжей башни в валу **Окольного города Новгорода**. Приложение: рукопись П.А.Раппопорта «Ворота Новгородского острога» (РА. Ф. 35. 1954 г. Д. 180).

1955

Материалы работ Юрьево-Польского отряда Владимирской экспедиции:

Исследование оборонительных сооружений **г. Юрьево-Польского**, городищ в селах **Городище** и **Сима**. Отчет, опись находок, фотографии чертежей (РА. Ф. 35. 1955 г. Д. 33).

Материалы работ Подмосковского отряда Среднерусской экспедиции:

Обследование городищ в **г. Юрьев-Польской** Владимирской обл., **г. Малоярославец**, **с. Панское**, **Воротынск**, **Кременское**, **Большое** и **Малое Любутское**, **Лужное**, **Оболенское**, **Хабарово**, **Числовского городища (древний Мстиславль)** Калужской обл. Отчет, опись находок, планы и фотографии планов городищ, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1955 г. Д. 138–139).

1956

Обследование **Симеонова городища в г. Калуге** Калужской области, городищ в г. **Холме**, г. **Торопце**, с. **Красногородском** Великолукской области; с. **Велье** Пушкиногорского района, городища **Коложе** Опочецкого района Псковской области; у пос. **Городище близ д. Кайболово** Кингисеппского района Ленинградской области. Отчет, описи находок, полевой дневник, планы и разрезы, фотографии раскопок, акты передачи материалов (РА. Ф. 35. 1956 г. Д. 94, 96–98).

Обследование городищ Московской области: **древнего Перемышля на р. Моче** Подольского района, у с. **Хатунь** Михневского района, в с. **Городок** Загорского района, «**Баран-гора**» у с. **Ильинского** Дмитровского района, у с. **Вышегород** Верейского района, с. **Старая Руза** Рузского района, в с. **Борщево** Бронницкого района; Калужской области: в г. **Калуге**, **Малоярославце**, в сс. **Кременское**, **Оболенское**, **Воротынк**, **Спас на Угре**, **Троицком**, **Калужке**; в г. **Кашине** Тверской области. Полевой дневник 1954-1956 гг. (РА. Ф. 35. 1956 г. Д. 95).

1957

Обследование городищ в г. **Тутаеве** Ярославской обл., г. **Плесе** Ивановской обл., с. **Судиславль** и г. **Галиче** Костромской обл., с. **Молвоптицы**, с. **Демянск**, с. **Пески** и г. **Старая Русса** Новгородской обл., г. **Осташкове**, г. **Старица**, с. **Городок** Старицкого района, с. **Бежицы** Бежицкого района Калининской обл. Отчет, полевой дневник, опись находок, фотографии за 1957 г. (РА. Ф. 35. 1957 г. Д. 13).

1958

Обследование городищ в Псковской обл.: дер. **Городищи** у г. **Остров**, городища **Вороноч** у с. **Тригорское** Пушкиногорского района, с. **Выбор**, «**Дубковская гора**» у дер. **Османово** Новоржевского района, **городище в дер. Котельно**, с. **Врев** Сошихинского района, «**Городок**» у дер. **Подгородье** Порховского района, «**Полякова мыза**» в г. Порхове, дер. **Городок** и **городище в пос. Дедовичи**, с. **Опоки** Павского района, «**Городачек**» у дер. **Захново**, «**Городачек**» у дер. **Митковичи**, «**Городок**» в дер. **Городище** Печорского района, дер. **Алексино** при бывш. **Чернецком погосте** Опочецкого района, с. **Вышгородок** Пыталовского района, с. **Кобылье городище**, **остров Городецкий** в Чудском озере, **городище близ дер. Сторожинец**, дер. **Мтеж**, дер. **Подгородье** Гдовского района. Отчет, полевые дневники, чертежи (РА. Ф. 35. 1958 г. Д. 21); чистовые планы и разрезы городищ (РА. Ф. Р-1. Д. 1486).

1959

Обследование вала **Острога в Новгороде**. Обследование возможных мест Ледового побоища (**Гдовский район** Псковской обл.). Обследование городищ в Гродненской и Брестской обл.: в **Новоградке**, у дер. **Радогоща**, **Пурневичи**, в ус. **Меречевщина**, «**Турецкая гора**», в с. **Высоцк**, дер. **Санюки**, дер. **Збочно**, дер. **Индур**, с. **Мстибово**, **Волковьске**. Отчет с фотографиями, полевые дневники, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1959 г. Д. 32, 36–38).

1960

Обследование городищ Брестской обл. БССР, Волынской и Ровенской обл. УССР: дер. **Здитово**, г. **Каменец-Литовск**, пос. **Ратно**, г. **Камень-Каширский**, с. **Ветлы**, с. **Мельница**, с. **Любче**, дер. **Усичи**, с. **Шепель**, с. **Белосток**, с. **Затурцы**, с. **Торчин**, с. **Горзвин**, г. **Коршев**, **городище Чаруковское**, с. **Крупа**, с. **Перемиль**, с. **Городок Маневичский**, с. **Старый Чарторыйск**, с. **Одерады**, с. **Острожец**, дер. **Муравичи**, с. **Ярославичи**, с. **Тарговица**, с. **Посников**, **Пересопница** (с. **Белев**), с. **Глинск**, с. **Басов Кут**, с. **Дорогобуж**, с. **Гоща**, с. **Сапожин**, с. **Столпин**, г. **Корец**. Отчет с фотографиями, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1960 г. Д. 21, 28–29).

1961

Обследование городищ Тернопольской, Волынской и Ровенской обл. УССР: с. **Грицев**, с. **Михнов**, **городище Тихомль**, с. **Шумск**, с. **Сураж**, с. **Васьковцы**, с. **Даниловка**, с. **Стожок**,

с. Мирогоца, с. Листвин, с. Княгинин, с. Волица Стубольская, с. Дермань, с. Будераж, с. Малая Мощаница, с. Ивановичи, с. Городище, с. Пересопница, с. Старый Чарторыйск, пос. Степань, с. Крычильск, городище «Замок» у с. Городец, пос. Владимирец, с. Залужье, г. Дубровица, с. Высоцк; Гомельской, Брестской и Гродненской обл. БССР: городище «Окоп» (дер. Белоуша), городище «Бесова гора» близ с. Городец, городище «Замковая гора» в г. Давид-Городок, городище «Замковая гора» в г. Турове, городище «Городец» у дер. Бечи, с. Здитов, г. Новогрудок. Отчет с фотографиями, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1961 г. Д. 11, 27–28).

1962

Обследование городищ Львовской, Закарпатской, Станиславской и Волынской обл. УССР: г. Броды, г. Лопатин, с. Оплицко, г. Буск, с. Есиповка, Плесненское городище близ с. Подгорцы, с. Гологоры, с. Комарно, с. Лопушна, с. Ступница, с. Кульчицы, с. Городище, городище «Быч», с. Второе Городище, с. Урыч, с. Спас, с. Туровка Нижняя, с. Невижко, с. Среднее, с. Шелестово, с. Гораздивка, с. Квасово, с. Вары, с. Олешков, с. Городница, с. Нижний Струтин, с. Тысманица, с. Хотимир, г. Галич, с. Шевченково, с. Крылос, с. Подгородье, с. Выспа, с. Жидичин, с. Яревище. Отчет с фотографиями, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1962 г. Д. 2, 13–14).

1963

Обследование городищ Волынской и Галицкой земель (Тернопольская обл., Ивано-Франковская обл., Волынская обл., Винницкая обл., Львовская обл., Хмельницкая обл., Черновицкая обл. УССР): г. Турийск, с. Новые Кошары, с. Смидин, с. Гуца, г. Любомль, г. Владимир-Волынский, г. Устилуг, г. Старгород, г. Белз, с. Потелич, с. Звенигород, с. Крылос, с. Городище Тербовлянского р-на, с. Зеленче, с. Капустинцы, с. Лановцы, с. Мушкатовка, с. Приворотье, с. Соколец, с. Гринчук, с. Бакота, с. Хребтнев, с. Калос, с. Пилипы Хребтневские, с. Гута Райгородская, с. Юрковцы, с. Червоне, ж/д ст. Разино. Отчет, опись находок, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1963 г. Д. 16, 17, 19).

Материалы работ Отряда по изучению жилищ (1965, 1967–1971)

1965

Обследование городищ Черновицкой и Хмельницкой обл. УССР: с. Бабино, с. Василев, с. Верхние Шеровцы, с. Горбова, Ленковцы (г. Черновцы), с. Карапчев, с. Великая Слобода. Раскопки жилищ в с. Острожец. Отчет, опись находок, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1965 г. Д. 1–2).

1967

Раскопки **Ленковецкого городища** на окраине г. Черновцы. Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1967 г. Д. 94–96)

1968

Раскопки **горы Троица (древнерусский город Данилов)** в Шумском районе Тернопольской обл. Отчет, полевой дневник, полевые чертежи, опись находок (РА. Ф. 35. 1967 г. Д. 59–62).

1969

Раскопки на **городище Осовик** Брянской обл. Отчет, альбом иллюстраций, полевой дневник, полевые чертежи, опись находок (РА. Ф. 35. 1969 г. Д. 62–66).

1970

Раскопки городища у д. **Никитино (Новый Ольгов городок)** и ст. **Старая Рязань** Рязанской обл. Отчет, полевой дневник, полевые чертежи, опись находок (РА. Ф. 35. 1970 г. Д. 73–76).

1971

Раскопки на **городище Соборная гора в г. Трубчевске**. Отчет, альбом иллюстраций, полевой дневник, генплан городища, полевые чертежи, опись находок (РА. Ф. 35. 1971 г. Д. 64–68)

Материалы работ Смоленской архитектурно-археологической экспедиции (1964–1967, 1972–1974)

1964

Раскопки церкви XII в. на **Соборной горе**. Отчет (РА. Ф. 35. 1964 г. Д. 106).
Обмерные чертежи **собора Спаса в Чернушках** и **Воскресенской церкви** (РА. Ф. 35. 1964 г. Д. 152).

1965

Раскопки церкви XII в. и гражданской постройки на **Соборной горе**, разведки Мономахова собора. Отчет, полевой дневник за 1965–1966 гг. (РА. Ф. 35. 1965 г. Д. 133–134).

1966

Раскопки **церкви на Рачевке**. Отчет (РА. Ф. 35. 1966 г. Д. 134).

1967

Раскопки **церкви на Окопном кладбище**. Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1967 г. Д. 143–145).

1972

Раскопки **Троицкого монастыря на Кловке**, **церкви у устья р. Чуриловки**, на **Смядьни**, разведки (**ул. Пушкина**, **Б. Краснофлотская ул.**). Отчет, полевой дневник, полевые чертежи, описи находок (РА. Ф. 35. 1972 г. Д. 94–98).

1973

Раскопки на **Кловке**, **Чуриловке**, **Б.Краснофлотской ул.**, **ул. Пушкина (плинфообжигательная печь)**, разведки в **Духовом монастыре** и в **Рославле**. Отчет (с приложением отчета о геофизических исследованиях), полевой дневник, полевые чертежи, описи находок (РА. Ф. 35. 1973 г. Д. 95–98, 152).

1974

Раскопки в **Духовом монастыре**, раскопки **Борисоглебской** и **Васильевской церквей на Смядьни**. Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1974 г. Д. 119–121), передаточные описи находок строительных материалов (РА. Ф. 35. 1975 г. Д. 170.).

Материалы работ Архитектурно-археологической экспедиции (1975–1986)

1975

Раскопки церкви в урочище **«Старая кафедра»**, на **детинце** и у **Успенского собора во Владимире-Волынском**. Отчет Волынского отряда (РА. Ф. 35. 1975 г. Д. 2).
Раскопки в г. **Рославле**. Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1975 г. Д. 3–5).
Раскопки в г. **Полоцке**. Отчет П.А. Раппопорта и В.А. Булкина (РА. Ф. 35. 1975 г. Д. 10).

1976

Раскопки в г. **Полоцке: Софийского собора** (нач. В.А. Булкин), на **ул. Горького («церковь на рву»)**, в **Больничном переулке («терем»)**, **Спасской церкви** и **церкви-усыпальницы**

Евфросиньевского монастыря, Большого храма Бельчицкого монастыря. Отчет, полевой дневник, полевые чертежи, опись находок (РА. Ф. 35. 1976 г. Д. 2–5)

1977

Раскопки в г. Полоцке: **Софийского собора** (нач. В.А. Булкин), на ул. **Горького («церковь на рву»)**, в **Больничном переулке («терем»)**, в **Бельчицком монастыре, церковь на Нижнем замке.** Отчет (с приложением отчета о геофизических исследованиях в г. Полоцке), полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1977 г. Д. 2–6), передаточные описи (РА. Ф. 35. 1977 г. Д. 156, л. 1–19, 22).

1978

Материалы работ Новгородского отряда Архитектурно-археологической экспедиции: Исследование **Пантелеймоновской церкви** (нач. раскопа А.А. Пескова), разведки в Благовещенском монастыре на Мячине (нач. раскопа Л.А. Большаков). Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1978 г. Д. 1–4).

1979

Раскопки **церкви Климента в Старой Ладогe** и **церкви Иоанна на Опоках в Новгороде.** Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1979 г. Д. 1–5).

1980

Переписка с Полоцким историко-архитектурным заповедником о передаче фрагмента древней живописи из раскопок на территории бывшего **Бельчицкого монастыря** в 1977 г. (РА. Ф. 35. 1980 г. Д. 185. Л. 2)

1981

Материалы работ Гродненской группы Архитектурно-археологической экспедиции: раскопки **терема, стены на мысу детинца, Борисоглебской церкви на Коложе.** Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1981 г. Д. 4–6).

1982

Материалы работ Новгород-Северского отряда Архитектурно-археологической экспедиции: раскопки **Спасского собора.** Отчет, полевой дневник, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1982 г. Д. 15–17)

Материалы работ Витебской группы Архитектурно-археологической экспедиции: раскопки у **церкви Благовещения.** Отчет, полевые чертежи (РА. Ф. 35. 1982 г. Д. 3–4).

1983

Акт передачи в историко-краеведческий музей г. Владимира-Волынского материалов из раскопок **Успенского собора и урочища Онуфриевщина,** с описью (РА. Ф. 35. 1983 г. Д. 182. Л. 47–52).

1986

Раскопки **храма-усыпальницы в Чернигове.** Краткий отчет, краткие сведения с ксерокопиями полевых чертежей (РА. Ф. 35. 1986 г. Д. 2–3).

Разное

1987

Переписка ЛОИА АН СССР и Государственного Эрмитажа о передаче материалов из раскопок Отряда по изучению жилищ, Смоленской экспедиции и Архитектурно-археологической экспедиции (РА. Ф. 35. 1987 г. Д. 186, л. 20).

Материалы П.А. Раппопорта в фотоотделе Научного Архива ИИМК РАН*²

Personalia

Портрет П.А. Раппопорта в группе с работниками Ярославского музея в 1940 г. Альбом О.2511/23.

Портрет младшего научного сотрудника ЛО ИИМК П.А. Раппопорта, 1949 г. Негатив I 65737.

Портрет П.А. Раппопорта в период Великой Отечественной войны. Негатив II 80559.

Портрет П.А. Раппопорта, служившего на флоте во время войны. 1941–1945 гг. Альбом О.3030/16.

П.А. Раппопорт и Н.Н. Воронин на раскопках церкви в Боголюбове в 1954 г. Альбом О.3377/121.

Портрет П.А. Раппопорта в 1960 г. Негативы Л 1959, к 1819/6-8.

П.А. Раппопорт, Д.В. Авдусин с сыном и Н.Н. Воронин в Гнездово, 1967 г. Альбом О.2697/122.

Портрет доктора исторических наук, старшего научного сотрудника ЛО ИА П.А. Раппопорта, 1980-е гг. Негативы I 101611-101612.

Портрет П.А. Раппопорта вместе с А.Н. Рогачевым, 1980-е гг. Негатив I 101615.

Материалы полевых исследований в Белоруссии

1959

Обследования **городищ Волковыска и Каменец-Литовска** и материалы обследования конструкции **вала Московского Кремля**. Полевая работа. Сн. П.А. Раппопорта, 1959 г. Альбом О.2146/64-83.

Материалы раскопок и обследований валов городищ и крепостей **Брестской и Гродненской областей**. Полевая работа. Сн. отряда по изучению крепостей, 1959 г. Альбом О.2224/1-106.

Материалы обследований в **Новогрудке. Борисоглебская церковь** – детали наружного вида и чертежи (план и разрез). Сн. отряда по изучению крепостей, 1959 г. Альбом О.2224/106-108.

1975

Материалы работ архитектурно-археологической экспедиции во **Владимире-Волынском, Полоцке и Рославле**, 1975 г. Чертежи и находки. Альбом О.3075/63-84.

1976

Материалы работ архитектурно-археологической экспедиции, 1976 г. Исследование архитектурных памятников в **Полоцке (храм-усыпальница, Спасский собор Евфросиньева**

* Составитель М.В. Медведева.

монастыря, Большой собор Бельчицкого монастыря) и в **Витебске (церковь Благовещения)**. Полевая работа, чертежи и находки. Альбом О.3176/1-98.

1977

Материалы работ Полоцкой архитектурно-археологической экспедиции, 1977 г. Раскопки в **Полоцке (Софийский собор, участок у школы, Большой собор Бельчицкого монастыря)**. Полевая работа. Сн. П.А. Раппопорта. Альбом О.3221/1-60.

Материалы полевых исследований на Украине

1950

Материалы исследований и раскопок **киевских городищ**, 1950 г. Полевая работа, находки, чертежи. Альбомы О.2091/1-76, О.1587/58-64.

1951

Материалы исследований киевских городищ в 1951 г. Планы городищ – **с. Вышгород, с. Тростянец, с. Григоровка, с. Яроповичи, с. Грубское**. Альбом О.1587/76-81.

Материалы исследований и раскопок **городищ Житомирской и Киевской областей**. Полевая работа, план и карта. Альбом О.2092/1-79.

1952

Материалы исследований крепостных сооружений **Киевской и Полтавской областей**. Полевая работа. Альбом О.2115/1-93.

1953

Материалы исследований и раскопок городищ и валов во **Владимире, Губине, Переяславле-Хмельницком, д. Кудинке, с. Большие Деревичи** и др. Полевая работа. Альбом О.1950/22-118.

1960

Материалы раскопок и обследований городищ **Волынской и Ровенской областей**. Полевая работа, карты, планы, находки. Сн. отряда по изучению крепостей, 1960 г. Альбом О.2252, О.2253. 213 отпечатков.

1961

Материалы исследований **городищ Хмельницкой, Тернопольской, Ровенской, Волынской и Брестской областей**. Полевая работа. Карта маршрута, планы, разрезы и находки. Сн. отряда по изучению крепостей, 1961 г. Альбомы О.2294/1-109, О.2339/1-37.

1962

Материалы обследований и раскопок **городищ Прикарпатья и Закарпатья**. Полевая работа, чертежи и находки. Сн. отряда по изучению крепостей, 1962 г. Альбомы О.2410, О.2411. 183 отпечатка.

1963

Материалы обследований и раскопок на территории **Волынской, Винницкой, Житомирской, Иваново-Франковской, Хмельницкой и Черновицкой областей**. Полевая работа и чертежи. Альбом О.2443/1-91.

1965

Материалы раскопок русского поселения XI в. у **с. Острожец Млыновского района Ровенской области**. Полевая работа и чертежи. Сн. П.А. Раппопорта, 1965 г. Альбом О.2596/1-27.

1967

Материалы раскопок древнерусских поселений в с. **Ленковцы, с. Задубровка и Василево близ г. Черновцы**. Полевая работа, находки и чертежи. Сн. П.А. Раппопорта, 1967 г. Альбом О.2700/1-54.

1968

Материалы раскопок **древнего города Данилова у горы Троицы Шумского района Тернопольской области**. Полевая работа, чертежи и находки. Сн. П.А. Раппопорта, 1968 г. Альбом О.2752/1-52, негатив I 68243.

Материалы полевых исследований в России

1947

Материалы по обмерам архитектурных памятников. Церкви в с. **Городище и Пруссы Псковской обл.** Альбом О.1587/35-59.

1953

Материалы раскопок во **Владимире**, 1953 г. Чертежи вала, схемы и зарисовки профилей керамики. Альбом О.1950/1-7.

1954

Материалы обследования **городищ и валов Московской обл.** Полевая работа. Сн. П.А. Раппопорта. Альбом О.2146/30-35.

Материалы разведки в **Московской и Владимирской областях**. Разрезы, планы и профили валов городищ. Альбом О.1950/8-21.

1955

Материалы обследований и раскопок городищ **Калужской и Владимирской областей**. Полевая работа, планы городищ и керамика. Сн. П.А. Раппопорта и Подмосковного отряда Среднерусской экспедиции, 1955 г. Альбом О.2074/1-100.

1956

Материалы раскопок городищ у гг. **Торопца, Холма, Опочки, Калуги, Кашина и в сс. Калужка и Красногородское**. Полевая работа, чертежи, находки. Сн. Среднерусской экспедиции, 1956 г. Альбом О.2047/1-108.

1957

Материалы раскопок и исследований городищ **Калининской, Костромской, Ивановской, Псковской, Новгородской и Ярославской областей**. Полевая работа, чертежи. Сн. Среднерусской экспедиции, 1957 г. Альбом О.2085/1-114.

1958

Материалы раскопок городищ, крепостных сооружений и валов в **Псковской и Владимирской областях**. Полевая работа, планы и рисунки. Сн. отряда по изучению крепостей, 1958 г. Альбомы О.2146/1-29, О.2127/1-100.

1964–1965

Материалы Смоленской экспедиции под руководством Н.Н. Воронина, переданные в Архив ЛОИА П.А. Раппопортом. Раскопки **храма на Соборной горе в Смоленске**. Планы и реконструкции. Альбом О.2289/79-82.

1966

Материалы Смоленской экспедиции под руководством Н.Н. Воронина, переданные в Архив ЛОИА П.А. Раппопортом. Раскопки **церкви «на Рачевке»**. Планы и чертежи. Альбом О.2708.

1967

Материалы исследований П.А. Раппопорта в Смоленске. Раскопки **«Окопного» кладбища** в Смоленске. Чертежи и рисунки. Альбом О.1536/85-93.

1969

Материалы раскопок древнерусского городища XII–XIII в. в с. **Осовик Дубровского района Брянской области**. Процесс раскопок, чертежи и находки. Сн. П.А. Раппопорта, 1969 г. Альбом О.2772/1-110.

1970

Материалы раскопок церкви XII–XIII в. у д. **Никитино (Новый Ольгов городок) и жилищ XII–XIII в. в Старой Рязани, Спасского района Рязанской области**. Процесс раскопок, чертежи и находки. Сн. П.А. Раппопорта. Альбом О.2806/1-65.

1971

Материалы раскопок древнего храма у **Троицкой церкви XVIII в. и на городище в Трубчевске Брянской обл.** Полевая работа, чертежи и находки. Сн. П.А. Раппопорта. Альбом О.2861/1-70.

1972

Материалы раскопок храмов XII–XIII в. в **устье реки Чуриловки и в Троицком монастыре в Смоленске**. Виды раскопок, чертежи и находки. Сн. П.А. Раппопорта. Альбом О.2914.1-81.

Материалы Смоленской архитектурно-археологической экспедиции. План северо-восточного угла и фасад северной стены **Троицкого монастыря на Кловке**. Альбом О.116-117.

Материалы к исследованиям П.А. Раппопорта в **Смоленске**. План города 1781 г. Сн. Лаборатории ЛОИА. Альбом О.2708/74.

1973

Материалы раскопок в **Смоленске**. Процесс исследований **церквей XII в., церкви Петра и Павла, собора Троицкого монастыря, печи для обжига кирпича**. Чертежи, находки. Сн. П.А. Раппопорта. Альбом О. 2974. 1-90.

1974

Материалы Смоленской архитектурно-археологической экспедиции. Раскопки **церквей и соборов XII–XVI вв. в г. Смоленске**. Полевая работа, чертежи, находки. Альбом О.3025/1-35, 58-67.

1975

Материалы раскопок архитектурных памятников во **Владимире-Волынском, Рославле и Смоленске**. Альбом О.3075/1-62.

1978

Материалы архитектурно-археологической экспедиции в **Новгороде**. Раскопки **церквей Пантелеймона и Благовещения на Мячине**. Полевая работа, чертежи. Сн. П.А. Раппопорта. Альбом О.3286/1-43.

Материалы к печатным работам

Иллюстрации к статье **«Архитектура древнего Гродно»**. О.3229/80-83. Сн. лаб. ЛОИА, 1983 г.

Материалы к работам П.А. Раппопорта в связи с исследованиями военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси. Виды крепостей, городищ, планы, разрезы, карты, рисунки-реконструкции и др. Сн. 1957–1964 гг. Альбомы О.2066, О.2289, О.2708/б. 206 негативов.

Иллюстрации к статье **«Декоративные керамические плитки древнего Галича»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1978 г. Альбом О.3097/83-87.

Материалы к работе **«Древнерусское жилище»**. Чертежи, их реконструкции и карты лесостепной Восточной Европы. Сн. лаб. ЛОИА, 1966–1970, 1972 гг. Альбом О.2708/7, 31–63, 75–81, 136–138.

Иллюстрации к работе **«Древнее смоленское зодчество»**. Альбом О.2708/139-153.

Иллюстрации к статье **«Знаки на древнерусских кирпичях»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1978 г. Альбом О.3229/20-28.

Материалы к работе **«Зодчество древнего Смоленска»**. Планы церквей в устье реки Чуриловки, Воскресенской церкви, фрески церкви «на Протоке» в Смоленске и церкви Спаса в Старой Рязани. Сн. лаб. ЛОИА, 1972 г. Альбом О.2708/82-86.

Иллюстрации к работе **«Древнее смоленское зодчество»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1974 г. Альбом О.2708/87-134.

Иллюстрации к монографии П.А. Раппопорта и Н.Н. Воронина **«Зодчество Смоленска XII-XIII вв.»** Сн. П.А. Раппопорта и Н.Н. Воронина и др. Альбомы О.3097/1-57, 64-82, О.3229/29-37.

Материалы к статье **«Зодчий Бориса Годунова»**. Реконструкции церкви Бориса и Глеба в Борисовом городке Можайского района Московской обл. Сн. лаб. ЛОИА, 1966 г. Альбом О.2289/83-84.

Материалы к работе **«Из истории военно-инженерного искусства древней Руси»**. Чертежи Изборской крепости В.Н. Талеперовского. Сн. лаб. ЛОИА, 1951 г. Альбом О.1678/73-82.

Иллюстрации к статье **«Изучение древнего новгородского зодчества»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1983 г. Альбом О.3229/77-79.

Иллюстрации к статье **«История русского зодчества X-XIII вв.»** Сн. лаб. ЛОИА, 1983-84 гг. Альбом О.3229/76, 119-129.

Иллюстрации к статье **«История русской архитектуры домонгольского периода»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1984 г. Альбом О.3229/91-97.

Материалы к статье **«Город Рай»**. Карта маршрутов князя Владимира Васильковича. Сн. лаб. ЛОИА, 1960 г. Альбом О.2289/85-86.

Иллюстрации к монографии **«Русская архитектура X-XIII вв.»** Сн. лаб. ЛОИА, 1977–1978, 1984 гг. Альбомы О.3229/64-70, 98-117; О.3097/58-63.

Материалы к работе **«Русские оборонительные сооружения X-XIII вв.»** Разрезы валов городищ детинцев Люблинской губ. и Киевской обл. Сн. лаб. ИИМК, 1952 г. О.1587/67-75

Материалы к диссертации **«Русское шатровое зодчество конца XVI в.»** Церкви Ярославской, Московской, Костромской, Горьковской и Смоленской областей. Сн. лаб. ЛОИА, 1947 г. Альбом О.1587, негативы II 48374-75, III 14796. 38 негативов, 35 отпечатков.

Иллюстрации к статье **«Церковь Благовещения в Витебске»**. Обмеры П.Д. Барановского и др. Сн. лаб. ЛОИА. Альбом О.3229/84-88, 130-133.

Иллюстрация к статье **«Церковь Климента в Старой Ладог»**. Сн. лаб. ЛОИА. Альбом О.3229/134.

Иллюстрация к статье **«Спасская церковь Ефросиньева монастыря в Полоцке»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1984 г. Альбом О.3229/118.

Иллюстрации к статье **«Строительное производство Древней Руси»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1984 г. Альбом О.3229/89-90.

Материалы к работе **«Церковь Василия в Овруче»** Волынской губ., Украина. Чертежи фасадов по обмерам П.П. Покрышкина на 1907 г. и реконструкции. Сн. лаб. ЛОИА, 1970 г. Альбом О.2708/64-72.

Материалы к докладу **«Церковь скандинавского типа в древнем Смоленске»**. Планы церквей в Швеции и Смоленске. Сн. лаб. ЛОИА, 1970 г. Альбом О.2708/73.

Материалы к статье **«Смоленский детинец»**. Планы раскопок, церкви, фасады и реконструкция церкви на Соборной горе в Смоленске (по данным раскопок 1964–1965 гг.) Сн. лаб. ЛОИА, 1960-х гг. О.2289/79-82.

Материалы к работе **«Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г.»** (по материалам раскопок П.А. Раппопорта). Основные типы керамики – рисунки. Сн. лаб. ЛОИА, 1968 г. Альбом О.2321/116-117.

Иллюстрации к статье **«Дворец в Полоцке»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1978 г. Альбом О.3229/38-62.

Иллюстрации к статье **«Полоцкое зодчество XII в.»** Сн. лаб. ЛОИА, 1978 г. Альбом О.3229/1-19.

Иллюстрации к статье **«Церковь Михаила в Переяславле»**. Сн. лаб. ЛОИА, 1978 г. Альбом О.3229/63, 71-75.

Материалы по архитектуре, исполненные по заказу П.А. Раппопорта к различным его работам. Планы-реконструкции церквей Украины и Белоруссии. Сн. лаб. ЛОИА, 1960-1961 гг. Альбом О.2289/38-43, 94.

Материалы к исследованиям П.А. Раппопорта по русскому крепостному зодчеству. Чертежи **«Борисова городка»** у с. Борисова Можайского района Московской обл., исполненные П.А. Раппопортом. Сн. лаб. ЛОИА, 1950 г. Альбом О.1587/65-66.

Материалы к докладу П.А. Раппопорта на симпозиуме по Карпатской археологии в 1965 г. (Польша). Археологическая карта древнерусских городищ Прикарпатья. Сн. лаб. ЛОИА, 1960-х гг. Альбом О.2289/78.

Материалы к исследованиям П.А. Раппопорта по русскому крепостному и церковному зодчеству. Планы и чертежи. Лаб. ИИМК, 1949 г. Альбом О.1587/41-87, негатив П 49569.

Материалы по архитектуре, переданные П.А. Раппопортом в архив в 1956 и 1960 гг. Церковь Юдиттен в Калининграде, ворота Михайловского монастыря в Киеве и декоративные эскизы Гонзаго. Сн. 1930, 1935 гг. Альбом О.692/5, I 43028-43034.

Негативы, полученные в дар от П.А. Раппопорта в 1957 г. Архитектурные памятники Киева и Чернигова (церковное зодчество). I 37683-37686.

Съемка памятников архитектуры РСФСР, БССР, УССР, Крыма, Абхазии. Сн. П.А. Раппопорта 1939–1970 гг. и И. Иодковского 1932-33 гг. Альбомы О.3377 – О.3388. 1381 отпечаток.

¹ Данные приводятся согласно каталогу Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН. Списки объектов уточнены по отчетам.

² Данные приводятся согласно каталогу Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН

Хронология жизни и деятельности П.А. Раппопорта

1913

16 (29) июня в Петрограде родился Павел Александрович Раппопорт.

1931

Июнь — окончил 9 класс 32-ой Советской единой трудовой школы.

Сентябрь — поступил в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ЛИИКС) на архитектурный факультет.

1937

17 февраля — защитил диплом в ЛИИКС'е.

1937–1939

Работал архитектором в Киеве, преподавателем истории архитектуры и архитектурного рисования в Крымском филиале заочного отделения Московского Института инженеров коммунального строительства (МИИКС) в Симферополе.

1939

Сентябрь — поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры АН.

1940

9 апреля — умер Александр Борисович Раппопорт, отец П.А.

1941

5 июля ушел добровольцем с народным ополчением; назначен начальником инженерной службы 277 отдельного пулеметно-артиллерийского батальона.

Октябрь — после боев в районе Ропша — Петергоф остатки 277 ОАПБ расформированы; П.А. назначен командиром саперной роты, а затем командиром блок-группы 141 стрелкового полка 85 стрелковой дивизии

Октябрь–ноябрь — бои в районе Северной ж.д. при Усть-Тосно.

30 ноября получил тяжелое осколочное ранение при блокировании немецкой ДЗОТ под Усть-Тосно.

2 декабря доставлен в госпиталь ВГ 1014.

1942

10 февраля выписан из госпиталя.

Февраль–ноябрь — находился в резерве Отдела кадров Ленинградского фронта и служил в различных частях Л.Ф.

Конец ноября — откомандирован в Москву в распоряжение ГВИУ КА, откуда направлен в Инженерный отдел КБФ.

1943

Февраль — назначен начальником части инженерной подготовки частей флота.

2 мая — женился на Е.Г. Шейниной.

1944

Январь — рождение сына.

1946

февраль — демобилизован в звании инженер-капитана.

10 августа в археологической экспедиции под Москвой — автокатастрофа с тяжелыми переломами.

1947

Декабрь — защита кандидатской диссертации.

1943

Выход статьи «Русское шатровое зодчество конца XVI в.» (МИА № 12).

1953

Начал читать лекции в Академии художеств.

1954

19 октября — умерла З.И. Раппопорт, мать П.А.

1955

Выход книги «Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв.» (МИА № 52).

1957

Апрель — утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника.

1961

Выход книги «Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв.» (МИА; № 105).

1965

Май — защита докторской диссертации.

1967

Выход книги «Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв.» (МИА № 140).

1975

Выход книги «Древнерусское жилище» (САИ. Вып. Е1-32).

1979

Выход книги «Зодчество Смоленска XII–XIII вв.» (совместно с Н.Н. Воро-ниным).

1982

Выход книги «Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников» (САИ. Вып. Е1-47).

1988

18 августа — инфаркт и клиническая смерть в подмосковном санатории «Поречье».
11 сентября — умер в больнице Академии наук в Москве.

1990

Январь — «Раппопортовские чтения».

1993

Выход книги «Древнерусская архитектура» (Стройиздат, СПб отд.)

1995

Октябрь — выход книги «Building the Churches of Kievan Russia» (Variorum, GB).

1999

18–21 января — Вторые «Раппопортовские чтения».

Список сокращений

ГАИМК – Государственная Академия Истории материальной культуры

ИАК – Известия Археологической комиссии. Спб., Пгр.

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Ленинград

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

СА – Советская археология. Москва

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских

JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien

СОДЕРЖАНИЕ

О.М. Иоаннисян. П.А. Раппопорт: жизнь и творческое кредо ученого 3

I. Проблемы и методы изучения

П.А. Раппопорт. О некоторых теоретических вопросах истории архитектуры ... 36

П.А. Раппопорт. О методике изучения древнерусского зодчества 47

П.А. Раппопорт. Основные итоги и проблемы изучения зодчества
Древней Руси 61

П.А. Раппопорт. Внешние влияния и их роль в истории
древнерусской архитектуры 70

П.А. Раппопорт. О методике археологических раскопок памятников
древнерусского зодчества 76

П.А. Раппопорт. Архитектура древней Руси и археология 83

II. Истоки, школы, артели, мастера

П.А. Раппопорт. О деятельности византийских зодчих на Руси в XI в. 88

П.А. Раппопорт. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в. 95

П.А. Раппопорт. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. 110

П.А. Раппопорт. Строительные артели Древней Руси и их заказчики 130

П.А. Раппопорт, О.М. Иоаннисян. О взаимосвязи русских архитектурных
школ на рубеже XII и XIII вв. 142

О.М. Иоаннисян, П.А. Раппопорт. Архитектурные школы Древней Руси 152

Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт. О терминологическом словаре
древнерусского строительного дела 164

П.А. Раппопорт. Ориентация древнерусских церквей 168

П.А. Раппопорт. Метод датирования памятников древнего смоленского
зодчества по формату кирпича 175

П.А. Раппопорт. Знаки на плинфе 187

П.А. Раппопорт. О времени появления брускового кирпича на Руси 194

П.А. Раппопорт. О датах закладки и сроках строительства
древнерусских храмов 200

III. Шатровые храмы XVI – начала XVII вв.

<i>П.А. Раппопорт.</i> Очерк хронологии русского шатрового зодчества	210
<i>П.А. Раппопорт.</i> Зодчий Бориса Годунова	221

IV. In memoriam

<i>М.И. Мильчик.</i> Жизнь ученого в условиях несвободы	228
<i>О.М. Иоаннисян.</i> Наследие П.А. Раппопорта и проблемы наших дней	233
<i>В.А. Булкин.</i> Заново перебирая в памяти... ..	252
<i>Архимандрит Александр (Федоров).</i> Несколько слов о Павле Александровиче	257
<i>Протоиерей Лев (Большаков).</i> Встреча с учителем	263
<i>М.Н. Микишатъев.</i> Вспоминая Павла Александровича	265
<i>А.П. Раппопорт.</i> История моей семьи	273

Приложения

<i>О.М. Иоаннисян, А.П. Раппопорт.</i> Хронологическая таблица развития древнерусского зодчества	290
Список работ П.А. Раппопорта	302
Неопубликованные рукописи П.А.Раппопорта	309
Материалы П.А. Раппопорта в рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН	310
Материалы П.А. Раппопорта в фотоотделе Научного Архива ИИМК РАН	316
Хронология жизни и деятельности П.А. Раппопорта	323
Список сокращений	325

Архитектура средневековой Руси

П.А. Раннопорт

Информационно-издательская фирма «Лики России»
190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 17/8
Тел. (812) 312-11-21, факс (812) 320-87-88
www.liki-rossii.ru

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 2013. ФОРМАТ.
БУМАГА ОФСЕТНАЯ. ГАРНИТУРА PETERSBURGС.
ПЕЧ. Л.. ТИРАЖ

ОТПЕЧАТАНО В